

Правительство Пензенской области  
Законодательное Собрание Пензенской области  
Министерство образования Пензенской области  
Управление культуры и архива Пензенской области  
Администрация г. Пензы  
Пензенская городская Дума  
Отделение Российского исторического общества в Пензе  
Пензенский государственный университет  
Пензенский институт развития образования  
Историко-филологический факультет  
ПИ им. В. Г. Белинского ПГУ  
Пензенский государственный краеведческий музей  
НП «Содружество пензенских землячеств»  
Операционный офис «Пензенский» филиала № 6318 ВТБ 24 (ЗАО)  
Кафедра новейшей истории России и краеведения ПГУ



г. Пенза  
24-25 мая 2013 г.

Правительство Пензенской области  
Законодательное Собрание Пензенской области  
Министерство образования Пензенской области  
Управление культуры и архива Пензенской области  
Администрация г. Пензы  
Пензенская городская Дума  
Отделение Российского исторического общества в Пензе  
Пензенский государственный университет  
Пензенский институт развития образования  
Историко-филологический факультет  
ПИ им. В. Г. Белинского ПГУ  
Пензенский государственный краеведческий музей  
НП «Содружество пензенских землячеств»  
Операционный офис «Пензенский» филиала  
№ 6318 ВТБ 24 (ЗАО)  
Кафедра новейшей истории России и краеведения ПГУ

## **ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

**МАТЕРИАЛЫ**  
**Всероссийской**  
**научно-практической конференции,**  
**посвященной 350-летию**  
**основания города Пензы**

**Пенза**  
**24-25 мая 2013 г.**

Печатается по решению редакционно-издательского совета историко-филологического факультета Пензенского государственного университета

УДК 94(47)  
ББК 63.3 (2Р354–4П)  
Г-70

**Городское пространство в исторической ретроспективе:** Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 350-летию основания города Пензы: / Под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза: ГУМНИЦ ПГУ, 2013. – 200 с.

***Редакционная коллегия:***

О. А. Сухова, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей истории России и краеведения ПГУ;

О. В. Ягов, доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета ПГУ;

С. В. Белоусов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии ПГУ;

В. И. Первушкин, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России и краеведения ПГУ.

Данное издание включает в себя материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 350-летию основания г. Пензы: «Городское пространство в исторической ретроспективе». В сборник включено 52 доклада из 8 регионов России. Публикуемые статьи отображают весь спектр проблем современной урбанистики. Итогом конференции стал обмен мнениями по различным аспектам истории российских городов, развития физкультуры и спорта в формировании общего представления об организации городского пространства. Участникам конференции удалось вскрыть иерархию его элементов, реконструировать систему взаимосвязей, а также спроецировать способы решения проблем городского сообщества на современную ситуацию.

Учитывая неопределимый вклад С. О. Шмидта в пензенское краеведение, было предложено – ежегодно проводить в нашем городе краеведческие конференции его памяти.

Сборник адресован преподавателям вузов, учреждений начального и среднего профессионального образования, дополнительного образования, студентам и всем, кто не равнодушен к истории своей Родины.

Материалы публикуются в авторской редакции

© Гуманитарный учебно-методический и научно-издательский центр ПГУ, 2013

© Пензенский государственный университет, 2013

© Коллектив авторов, 2013

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Первушкин В. И.</i> С. О. Шмидт – памяти ученого.....	6
<i>Аверкин С. В.</i> Экономические и культурные связи Пензы и Парижа.....	8
<i>Белоусов С. В.</i> «Портной из Пензы». Франц-Антон Эгетмайер: мифы и реальность....	11
<i>Беркутов А. А.</i> Пензенский всесословный клуб (Соединенное собрание) в социокультурном пространстве губернского города.....	16
<i>Вьюнова Н. А., Козлова М. В.</i> Аграрная реформа П. А. Столыпина в Пензенской губернии.....	19
<i>Гарбуз Г. В.</i> Губернская администрация и органы местного самоуправления в Пензе в начале XX в.....	22
<i>Гацунаев К. Н.</i> Международный аспект формирования городского пространства России в первой трети XX века.....	25
<i>Горланов Г. Е.</i> История Пензенской писательской организации.....	27
<i>Демкина Н. Г., Мастерова Е. В., Rogov A. A.</i> Особенности обучения бегу на длинные дистанции пензенских школьников.....	31
<i>Евневич Т. А.</i> Торговые обороты ярмарок г. Пензы конца XVIII – начала XX веков. (По документам ГБУ «Государственный архив Пензенской области»).....	32
<i>Жаринова Е. Е.</i> К вопросу истории масонства в Пензенской губернии в конце XVIII – начале XIX века: по материалам фондов ПГКМ.....	35
<i>Захаров В. М.</i> Краевед из Кузнецка.....	39
<i>Канакина Г. И.</i> Регионально-культурный компонент в подготовке учителя-словесника.....	43
<i>Кашаев П. В.</i> Пенза: от пролетки до троллейбуса.....	46
<i>Кезина С. В.</i> Русская изба в XVIII веке (по роману А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»).....	48
<i>Кирюшина Т. А.</i> «Квартирный вопрос» и его решение в городе Пензе в 1930-е гг.....	51
<i>Кобозева З. М.</i> «Диалоги» с властью в паспортной повседневности мещан города.....	54
<i>Кондалова Н. А.</i> Охрана общественного порядка в губернском городе Пензе в первой половине XIX века.....	58
<i>Кондрашин В. В.</i> Люди во времени: Л. Б. Ермин и его команда.....	62
<i>Кошелева А. И.</i> Епархиальная периодическая печать в информационной среде провинциального города во второй половине XIX в. (на примере г. Пензы и «Пензенских епархиальных ведомостей»).....	65
<i>Кошина О. В.</i> Некоторые особенности развития городского образования в контексте эволюции социокультурного пространства провинциального города во второй половине XIX – начале XX века.....	68
<i>Кротков А. А.</i> Александр Августинович Кротков (1866-1945?) – краевед, археолог, историк – архив и документы.....	71
<i>Кудряшев А. В.</i> Общественная инициатива по созданию детских площадок в городе 1920-х гг.....	84
<i>Лебедева Л. В.</i> Исследователь и знаток Пензенского края.....	86
<i>Мастерова Е. В., Демкина Н. Г., Rogov A. A.</i> Значение физической культуры для сохранения и укрепления здоровья молодежи г. Пензы.....	91
<i>Мельничук Г. А., Степанова Н. В.</i> Пензенский край в конволютах М. Д. Хмырова (по материалам государственной публичной исторической библиотеки России).....	93
<i>Митрофанов В. П.</i> Медиевистика в Пензе: люди, наука, образование.....	120
<i>Мурашов Д. Ю.</i> Пенза и ее обыватели в произведениях писателя-беллетриста Валерияна Волжина.....	124
<i>Мурылев И. В.</i> Гражданские военнопленные на территории Пензенской губернии в 1914-1918 гг.....	126
<i>Паршина В. Н.</i> Женщина в городе: гендерные аспекты истории повседневности начала XX века (по воспоминаниям о Н. И. Спрыгиной).....	127
<i>Пашин А. А.</i> Мотивы здорового образа жизни студентов ПГУ.....	134
<i>Первушкин А. В.</i> Семья и семейные отношения в русском провинциальном городе на рубеже XIX – XX вв.....	135

<b>Первушкин В. И.</b> Город Пенза в трудах историков и краеведов.....	139
<b>Першин С. В.</b> «Вот как сие делалось между дворянами!»: нарушения избирательного законодательства в ходе баллотировок пензенского губернского общества в первой половине XIX века.....	142
<b>Петрина С. В.</b> Экологические проблемы старой Пензы.....	145
<b>Петрунина С. В., Хабарова С. М., Кирюхина И. А., Боков Г. В.,</b> Некоторые аспекты использования туристических прогулок в двигательной реабилитации людей, имеющих ограниченные возможности, в г. Пензе.....	147
<b>Петрунина С. В., Хабарова С. М., Кирюхина И. А., Боков Г. В.</b> Перспективы использования акватических беговых тренировок для различных категорий людей с ограниченными возможностями в г. Пензе.....	149
<b>Полубояров М. С.</b> Город Пенза в системе Украинско-Волжской оборонительной линии	151
<b>Понаморов В. И.</b> Пензенский полицейский сыск в начале XX в.....	155
<b>Родионова И. Г.</b> Фронтовые письма пензенцев – участников Великой Отечественной войны: особенности структуры и содержания.....	157
<b>Слепенко А. Е.</b> Сызрань купеческая.....	161
<b>Сморчкова К. В.</b> Ангел и демон: два цветочных портрета в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим».....	164
<b>Соколов А. С.</b> Губернский город в период НЭПа (на примере г. Рязани).....	167
<b>Спиридонова Л. М.</b> Пензенская квартирная комиссия в 1812 г.....	170
<b>Стась И. Н.</b> История проектирования и строительства города нефтяников – Южный Балык.....	173
<b>Сухов В. А.</b> Пенза – родина имажинизма.....	176
<b>Сухова О. А.</b> Структуры городской повседневности: история и современность.....	178
<b>Табаченков В. В.</b> Экономическое сотрудничество Пензенской области со странами Европы в конце XX – начале XXI вв.....	183
<b>Филиппов Ю. В.</b> Историко-культурный анализ и информационно-коммуникативное проектирование общественных пространств города: школьные территории.....	186
<b>Чернецов В. Н., Васильева А. М.</b> Современное состояние организации физкультурно-оздоровительной работы в г. Пензе среди детей школьного возраста.....	189
<b>Юрина Т. В.</b> Из истории семейных отношений в 1920 – 1930-е: традиции и новации (по материалам г. Пензы).....	192
<b>Ягов О. В.</b> Развитие кооперативного движения в городах Поволжья в 1920-е гг.....	194

**СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА**  
**Всероссийской научно-практической конференции**  
**«Городское пространство в исторической ретроспективе»,**  
**посвященной 350-летию основания города Пензы**  
(г. Пенза, 24-25 мая 2013 г.)

1. **Гуляков Александр Дмитриевич**, к.ю.н., ректор Пензенского государственного университета – председатель оргкомитета конференции;
2. **Волчихин Владимир Иванович**, д.т.н., профессор, президент Пензенского государственного университета – сопредседатель оргкомитета конференции;
3. **Ягов Олег Васильевич**, д.и.н., профессор, декан историко-филологического факультета Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета – сопредседатель оргкомитета конференции;
4. **Сухова Ольга Александровна**, д.и.н., профессор, руководитель направления «История и правовое образование» историко-филологического факультета Педагогического института им. В. Г. Белинского, заведующий кафедрой новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного университета – сопредседатель оргкомитета конференции;
5. **Первушкин Владимир Иванович**, д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного университета – ответственный секретарь оргкомитета конференции;
6. **Шилов Евгений Андреевич**, начальник Управления культуры и архива Пензенской области;
7. **Алпатов Юрий Петрович**, Глава города Пензы;
8. **Гуляев Руслан Александрович**, к.и.н., заместитель Министра образования Пензенской области;
9. **Симонов Сергей Иванович**, заместитель главы администрации г. Пензы (по экономике, промышленности, развитию предпринимательства и сферы услуг);
10. **Рябихина Лариса Юрьевна**, заместитель главы администрации г. Пензы (по образованию, культуре и социальной политике);
11. **Воронков Александр Геннадьевич**, к.п.н., заместитель начальника Управления внутренней политики Правительства Пензенской области;
12. **Фейгина Вера Александровна**, начальник Управления культуры г. Пензы;
13. **Озерова Наталья Владимировна**, начальник отдела по молодежной политике Комитета по физической культуре, спорту и молодежной политике г. Пензы;
14. **Артемов Игорь Иосифович**, д.т.н., профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности Пензенского государственного университета;
15. **Белорыбкин Геннадий Николаевич**, д.и.н., профессор, ректор Пензенского института развития образования;
16. **Белоусов Сергей Владиславович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного университета;
17. **Кондрашин Виктор Викторович**, д.и.н., профессор, депутат Законодательного Собрания Пензенской области, заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного университета;
18. **Кабытов Петр Серафимович**, заслуженный деятель науки РФ, д.и.н., заведующий кафедрой Российской истории Самарского государственного университета;
19. **Зименков Владимир Николаевич**, директор Пензенского государственного краеведческого музея;
20. **Некрасов Сергей Александрович**, начальник отдела по подготовке празднования 350-летия основания города Пензы и других общегородских мероприятий МКУ «РСП»;
21. **Касимов Анатолий Сергеевич**, д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного университета;
22. **Юрина Татьяна Владимировна**, к.и.н., заместитель декана историко-филологического факультета по учебно-воспитательной работе, доцент кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного университета;
23. **Первушкин Александр Владимирович**, к.и.н., доцент кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного университета;
24. **Комплеев Антон Вячеславович**, к.и.н., заместитель декана историко-филологического факультета по научной работе и инновационной деятельности, доцент кафедры всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного университета;
25. **Кузенькина Мария Алексеевна**, исполнительный директор НП «Содружество пензенских землячеств»;
26. **Чугуева Екатерина Александровна**, начальник отдела прямых продаж операционного офиса «Пензенский» филиала №6318 ВТБ 24 (ЗАО).



**В. И. Первушкин,**  
д.и.н., г. Пенза

**С. О. ШМИДТ – ПАМЯТИ УЧЕНОГО**  
(21 мая 2013 г. ушел из жизни выдающийся  
российский историк, подвижник  
краеведческого движения С. О. Шмидт)

Как любое значимое дело, краеведческое движение всегда зависело от личностей, которые могли придать ему импульс и обозначить вектор его дальнейшего развития. В пензенском краеведении к таким личностям мы относим: В. Х. Хохрякова, Н. В. Прозина, А. Ф. Селиванова (XIX в.), А. Л. Хвощева, И. И. Спрыгина, М. Р. Полесских, В. И. Лебедева, О. М. Савина, В. С. Година, Г. В. Мясникова (XX в.) и др.

Особое место в этой замечательной плеяде занимает С. О. Шмидт. Лишь ученый такого масштаба смог привлечь в пензенское краеведение профессиональных историков. Благодаря его подвижнической деятельности – заниматься краеведением стало престижным, краеведение вышло за рамки любительского.

Сигурд Оттович возглавлял четыре авторитетнейших научных форума, проходивших в нашем городе – 1989 год II Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению, 1991 год – I Всесоюзные научные чтения, посвященные наследию В. О. Ключевского, 1995 год – III Всероссийская научная конференция по проблемам российской провинции, 1996 год – Всероссийская научная конференция «Ключевский и его время».

Выбор Пензы не был случайным. «Местом второй Всесоюзной конференции по историческому краеведению, посвященной преимущественно изучению истории городов и сел, избрали город Пензу, – писал в 1993 году С. О. Шмидт. – Пенза – не только одно из славных культурных гнезд России, здесь особенно заметно стало возрождаться в последние десятилетия историческое краеведение. Издано много книг, созданы новые музеи (и в самой Пензе, и в Пензенской области)»<sup>1</sup>. Это было первое знакомство ученого с пензенским краем. В дальнейшем он дает более основательное обоснование проведения конференций в Пензе: «В Пензенском крае многое напоминает и о значительных лицах в истории и культуре России, и о традициях массовых народных волнений XVII и XVIII вв., о славных именах литературы, искусства, науки... Здесь организуются новые музеи и обновляются прежние музейные экспозиции, организуются постоянно научные конференции, в том числе и всесоюзного и всероссийского масштаба, уделяют серьезное внимание изучению и распространению краеведческих традиций и в педагогическом университете, и в средних школах. Здесь привлекающие внимание далеко за пределами края периодические издания «Пензенский временник любителей старины», «Земство», «Сура». Издается разнообразная литература культурологической и краеведческой тематики и налажена постоянная работа одного из самых высококвалифицированных российских книгоиздательств. И, пожалуй, особо важное – здесь много высокого класса специалистов из местных вузов (профессора К. Д. Вишневецкий, Н. М. Инюшкин, В. И. Лебедев и другие) и хранилищ памятников истории и культуры, разрабатывающих и общетеоретические проблемы, и проблемы местного значения, но во взаимосвязи с более широким спектром знаний, и имеется крепкая традиция просветительской деятельности и взаимосвязи деятелей науки и культуры с широкой общественностью. В краеведческую деятельность вовлечены не только студенты, но даже школьники – особенно показателен музей в селе близ Пензы, на родине

<sup>1</sup> Шмидт С. О. От редактора // Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 5.

Ключевского, инициатор создания которого – руководитель местного совхоза А. Н. Гуськов, ныне педагог-краевед. Многосторонние культурные взаимосвязи Пензы и Москвы закрепились как традиционные, заслужили признательность деятелей культуры и науки (что отмечается не только в пензенской газете «Доброе утро», но и в столичной периодике). И, конечно же, особенно существенно то, что этим начинаниям благоприятствуют руководители администрации области и города. Таковы реалии культурной жизни сегодняшней Пензы. Все это и предопределило желание руководителей программы «Культура российской провинции» обеспечить возможность собраться именно в Пензе, где и многому можно научиться, и приятная атмосфера для совместной творческой деятельности»<sup>1</sup>.

«В Пензенском крае богатые, достойные подражания, традиции научно-просветительской деятельности и приобщения к ней студенческой молодежи и широких кругов общественности...»<sup>2</sup>.

На форумах, проводимых в Пензе, Сигурд Оттович впервые дал целостное определение краеведения. В частности, он говорил: «Краеведение – это и наука, и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо «края» (местности). Это – и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей.

Краеведное знание убеждает в каждодневной необходимости обращения к опыту прошлого (и позитивному и негативному)... Тем самым краеведение становится школой воспитания, уважения к опыту старших, к истокам нашим. Истинное краеведение – всегда краелюбие»<sup>3</sup>.

Важные теоретические выводы были сделаны ученым на конференции «Российская провинция XVIII – XX веков», проходившей в Пензе 25 – 29 июня 1995 года. Здесь он впервые обнародовал свое видение понятия «провинциальная культура»: «Под «культурой» понимаем не только создаваемые человеком материальные и духовные ценности или совокупность их, но и уровень развития творческих сил и знаний, а также взаимоотношений людей, – это следует подчеркнуть и потому, что в наши дни повсеместно – и в России, и за рубежом – понятие «культура» отодвинуто понятием «цивилизации» (или «цивилизованности»), которое подразумевает не столько общую образованность, сколько овладение современной технологией в производственной деятельности и в быту.

А под «провинциальным» подразумеваем не оценочную характеристику (даже в сравнении со «столичным»), а то, что относится не к столицам. В то же время вряд ли допустимо слово «провинциальный» считать тождественным слову «региональный». Понятие «региональный» распространяется и на столицы («Московский» и «Петербургский» регионы) и обычно имеет первенствующим признаком собственно географический (или государственно-политический), а не социокультурный. Помимо того выявление особенностей «провинциальной культуры» предусматривает изучение не только региональных особенностей (понимая под регионом часть территории, отличающуюся от других совокупностью относительно устойчивых черт), но и локальных (т.е. свойственных данной местности, но не выходящих за ее пределы)»<sup>4</sup>.

Как крупнейший исследователь, Сигурд Оттович просто не мог не использовать пензенский краеведческий материал в своих работах. Рассуждая о влиянии «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина на провинциальную культуру, в качестве примера он берет Пензенский край: «Социокультурная ситуация Пензенского края – особенно до реформ 1860-х гг. – типична для срединной европейской России. Это – край с развитыми традициями усадебной дворянской культуры, взаимосвязей местных городов (прежде всего губернского) и сельских усадеб, даже как бы «сезонного» образа жизни. В то же время тесными были взаимосвязи

---

<sup>1</sup> Шмидт С. О. Вступительное слово // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 23-24.

<sup>2</sup> Шмидт С. О. О Пензе // Доброе утро. 1997. № 21. 30 мая – 1 июня.

<sup>3</sup> Шмидт С. О. О краеведении // Доброе утро. 1997. № 21. 30 мая – 1 июня.

<sup>4</sup> Шмидт С. О. Вступительное слово // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 11.



высшего местного чиновничества и местных богатых помещиков с обеими столицами... Пенза – губернский город, хотя и не университетский, но с устойчивыми традициями среднего образования в светских и духовно-учебных заведениях и постоянной взаимосвязи и с университетами: выпускники их оседали в губернии, а аборигены пополняли ряды студентов, а нередко и профессоров.

Это – и край крепостничества, и массовых народных волнений (что не могло не отразиться и в фольклоре, и в тематике литературного творчества возросших здесь писателей: напомним о наиболее известном примере – неоконченном романе юного Лермонтова «Вадим». В то же время край типологически характерного образа жизни местных помещиков и чиновников-взяточников (о чем, с упоминанием имен, узнаем и из «Записных книжек» П. А. Вяземского периода его пребывания в Пензенской губернии), купцов, мещан, духовенства, да и приезжих лиц. Подтверждения – в произведениях классиков художественной литературы, напомним слова Хлестакова в гоголевском «Ревизоре»: «Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег поехать домой» и сатирические характеристики нравов уже пореформенной Пензенской губернии в сочинениях Н. Щедрина (М. Е. Салтыков в 1865 – 1866 гг. занимал должность председателя Пензенской казенной палаты)»<sup>1</sup>.

В нашем городе Сигурд Оттович показал себя и как блестящий популяризатор исторических знаний. По приезде в Пензу он обязательно выступал с лекциями перед студентами пензенских вузов. Благодаря его личному участию в Пензе был создан мемориальный музей выдающегося российского историка В. О. Ключевского. Среди экспонатов музея можно увидеть редкие книги из личной библиотеки С. О. Шмидта, подаренные им музею.

Благодаря его непосредственной подвижнической научной деятельности история и культура России, краеведение стали дороже и ближе миллионам людей.

Неизменно служил этому и его исключительный организаторский талант, по праву поставивший С. О. Шмидта во главе многих научных конференций, ставшими столь важными для возрождения и возвышения исторического самосознания народа.

*С. В. Аверкин,  
ученик 9 класса МБОУ СОШ № 47  
г. Пенза*

## **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПЕНЗЫ И ПАРИЖА**

1663 год – дата возникновения нашего города. К этому времени Париж известен во всем мире архитектурными сооружениями, театрами, университетом, живописью, литературой. В 1687 году французский путешественник Филипп д'Авриль, совершая поездку по России с миссионерскими целями, сделал запись, что он достиг «Пензы – маленького городка, находящегося в нескольких лье от этой большой неводеланной равнины, которую нам необходимо было проехать»<sup>2</sup>.

Мы поставили перед собой задачу: найти и собрать документально подтвержденные факты о культурных и экономических связях Пензы и Парижа, городов разных по своей структуре и путям исторического развития. Для решения этой задачи использовали сведения научно-краеведческой литературы, периодической печати, интернета.

Культурное пространство любого города составляют театры, выставки, библиотеки, культурно-просветительские организации и творчество горожан. Пензенцы по праву гордятся именами своих славных земляков, чьи творческие достижения и дела стали известны во Франции. Подтверждением этого служит статья в словаре *Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré* (2001 г., С. 1279) о М. Ю. Лермонтове. Имя поэта упоминалось в книге

---

<sup>1</sup> Шмидт С. О. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в культуре российской провинции // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 430-431.

<sup>2</sup> Савин О. М. Страницы дружбы и братства. Саратов, 1988. С. 5.

А. де Кюстина «Россия в 1839 году»<sup>1</sup>. Э. Дюшен опубликовал в Париже в 1910 году исследование «Лермонтов, его жизнь и творчество»<sup>2</sup>, а Ксавье Мармье перевел стихи М. Ю. Лермонтова на французский язык<sup>3</sup>. Важную роль в деле культурного сотрудничества двух городов играла деятельность переводчиков, нацеленная на популяризацию «другой» культуры. Уроженцы Пензы делали переводы с французского языка. А. Н. Радищев переводил сочинения французского публициста Бонно де Мабли «Размышления о греческой истории или О причинах благоденствия и несчастья греков». А. С. Размадзе, сын грузинского поэта, сосланного в наш город, занимался переводами произведений Ги Мопассана. Г. И. Мешков, живший в губернском городе, переводил романы А. Дюма. В. О. Станевич-Анисимова, родившаяся в Пензе, сделала достоянием русских читателей произведения О. Бальзака<sup>4</sup>.

В конце XIX века в Пензе создавалась публичная библиотека. Известные французские писатели такие как Э. Золя, Ж. Леметр подарили библиотеке свои книги. Пригласил их к пожертвованиям ветеринарный врач П. И. Никольский, который в это время находился у Л. Пастера «... с целью изучить способ прививки сибирской язвы»<sup>5</sup>.

Взаимное проникновение культур Пензы и Парижа носит поистине разнообразный характер. Уроженец Пензы А. И. Медведкин, режиссер и сценарист, народный артист СССР, оказал заметное влияние на документальное кино за рубежом, создав «киностудию на колесах». Французский режиссер Крис Маркер основал рабочую киногруппу, которая называлась «Группа Медведкин». Группа работала по принципу «сегодня снимаем – завтра показываем»<sup>6</sup>.

Надо сказать, что и сейчас культурное взаимодействие между двумя городами продолжает развиваться. В нашем городе созданы культурно-просветительские учреждения: центры искусства, музеи, театры, студии. Число творческих коллективов в нашем городе, представляющих свое творчество в Париже, настолько велико, что можно было бы составить огромный гала-концерт.

Парижского зрителя покорила студия современной хореографии «Пространные танцы», которая удостоена Гран-при на международном фестивале «Я люблю тебя, Париж» (2009 г.)<sup>7</sup>. Также участники студии «Класс» на конкурсе «Русские сезоны в Париже» выиграли Гран-при.<sup>8</sup> Певец Сергей Пенкин, выпускник нашей школы, во Франции стал «Мистером Экстравагантность».<sup>9</sup> Многие выпускники музыкальной школы № 1 добились высокого признания во Франции: Тереза Афанасьева, Э. Борбей<sup>10</sup>. В 2012 году по приглашению Французской ассоциации культуры и традиционного творчества муниципальный хореографический ансамбль «Зоренька» города Пензы по рекомендации Всероссийского Дома народного творчества был удостоен чести представлять Российскую Федерацию на 39-м Международном фестивале «Культуры мира»<sup>11</sup>. А в ноябре 2005г. наш Театр кукол принимал участие в фестивале-турне во Франции со спектаклем В. Бирюкова «Зимняя сказка»<sup>12</sup>.

Строительство в нашем родном городе филармонии, открытие нового современного театра, спортивных комплексов, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию культурной жизни пензенцев и укреплению сотрудничества с жителями Парижа.

Об экономическом развитии Пензы говорится в словаре Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré (2001 г., С. 1420), что город находится в России, на Суре – притоке Волги, и является центром текстильной, механической, химической, бумажной промышленности. В XVIII-XIX веках Пенза считалась купеческим городом, в котором были развиты полукустарные мастерские, именуемые заводами. Результаты участия во Всемирных выставках

<sup>1</sup> <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lermontov/708/%D0%9A%D1%8E%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD>.

<sup>2</sup> [http://www.rusbibliophile.ru/Book/Dyushen\\_E\\_Poeziya\\_M\\_Yu\\_Lermontova](http://www.rusbibliophile.ru/Book/Dyushen_E_Poeziya_M_Yu_Lermontova).

<sup>3</sup> Савин О. М. Указ. соч. С. 51.

<sup>4</sup> Там же. С. 49.

<sup>5</sup> Там же. С. 51.

<sup>6</sup> Пензенская энциклопедия. Москва, 2001. С. 327.

<sup>7</sup> [http://www.penzainform.ru/news/culture/2012/11/12/zarechenskie\\_tantcori\\_](http://www.penzainform.ru/news/culture/2012/11/12/zarechenskie_tantcori_).

<sup>8</sup> <http://vpenze.ru/news/2/59766.html>.

<sup>9</sup> [http://bilet.ru/penkin\\_serгей\\_bilet\\_na\\_koncert](http://bilet.ru/penkin_serгей_bilet_na_koncert).

<sup>10</sup> <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

<sup>11</sup> <http://zorenka-penza.ru/news/21/>.

<sup>12</sup> <http://penzakukla.ru/istoriya-penzenskogo-kukolnogo-teatra>.

того времени в столице Франции свидетельствовали об определенном авторитете пензенской продукции на мировом рынке. Многие образцы продукции бахметьевских заводов уже тогда закупали музеи.

В 1900 году на Всемирной выставке в Париже Никольский хрусталь удостоился Большой Золотой Медали. Бумага фабрики купца Сергеева была отмечена золотой медалью (1900, 1908 гг.). В 1909 году Золотую медаль Гран-при получили изделия гильзового заведения Волосова<sup>1</sup>. Парижане принимали участие в развитии судоходства по Суре. Среди пассажирских известны такие пароходы, как «Ошибка» (1868 год выпуска, завод Дюпенна), «Неожиданный» (1876 год выпуска, завод Гакса)<sup>2</sup>.

История Пензы складывалась под счастливым созвездием блистательных имен, прославивших малую родину в науке и экономике. Париж стал городом, где наш земляк П. Н. Яблочков получил патент за № 112024 на конструкцию электрической свечи. В 1877 году свечи Яблочкова вспыхнули перед зданием оперного театра и парижского ипподрома, на Авеню де л'Опера. Это было начало светотехнической промышленности и привело к широкому применению электрического освещения во всем мире<sup>3</sup>. В XX веке визитной карточкой нашего города была продукция часового завода. Руководители завода проходили стажировку в цехах французской фирмы Lir. Пензенские часы соответствовали высоким стандартам качества. Об этом говорит сертификат качества продукции, выданный институтом Сетеор (Франция)<sup>4</sup>.

Пензенский дизельный завод поставлял свою продукцию более чем в 60 стран, в том числе и во Францию. Продукция ОАО «Пензтяжпромарматура» получила награды международных форумов. Крупногабаритные задвижки этого завода экспонировались во Франции<sup>5</sup>. Виктор Ефимович Таушев – генеральный директор ООО «Пензарегиионгаз», генеральный директор ОАО «Пензагазификация» награжден почетной французской наградой – «Золотой медалью SPI» Ассоциации содействия промышленности за «заслуги в области стратегического менеджмента» (2001г.)<sup>6</sup>.

Пенза и Париж совершенствуют механизм экономического партнерства. В настоящее время важным фактором развития экономики города является приток инвестиций из-за рубежа. Презентация инвестиционного потенциала Пензенской области состоялась в Париже в 2010 году. На сегодняшний день основной интерес для инвесторов представляет сфера строительства торгово-развлекательных и гостиничных комплексов, офисных и жилых зданий в Пензе. Мэры Пензы и Масси, города спутника Парижа с самой развитой в плане инфраструктуры во Франции, обсудили возможные варианты сотрудничества в сфере строительства<sup>7</sup>. Организованы переговоры руководителей ведущих промышленных и сельскохозяйственных компаний Пензенской области и Франции. От этих встреч мы ожидаем, что пензенские и французские бизнесмены предметно обсудят возможные совместные проекты, а также наметят перспективы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества в целях развития социокультурного пространства городов Пензы и Парижа.

Собранный нами материал позволяет сделать вывод о наличии связей Пензы и Парижа на протяжении почти трех столетий, несмотря на особенности исторического развития. Оба города уникальны по своим национальным традициям и экономическому развитию. Сотрудничество жителей Пензы и Парижа позволяет им познакомиться с культурой другой страны, сохранить историческую преемственность поколений, способствует развитию национальной культуры. Оба города заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве в культуре и экономике.

---

<sup>1</sup> <http://penzaneews.ru/region/encyclopedia/9583-2009>.

<sup>2</sup> Пензенская энциклопедия... С. 327.

<sup>3</sup> <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

<sup>4</sup> <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

<sup>5</sup> <http://www.penza-trv.ru/go/region/megvist>.

<sup>6</sup> <http://apnews.ru/doc-9.html>.

<sup>7</sup> [http://www.skmg.ru/news/detail.php?nid=392&binn\\_rubrik\\_pl\\_news=121](http://www.skmg.ru/news/detail.php?nid=392&binn_rubrik_pl_news=121).

**С. В. Белоусов,**  
*д.и.н., зав. кафедрой всеобщей истории,  
историографии и археологии  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **«ПОРТНОЙ ИЗ ПЕНЗЫ». ФРАНЦ-АНТОН ЭГЕТМАЙЕР: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Имя «портного из Пензы» Франца-Антон Эгетмайера, благодаря его готовности помочь немецким военнопленным Великой армии, получило широкую известность, как в Германии, так и в России, после окончания наполеоновских войн. История о нем впервые была записана И.-П. Хебелем и в 1815 г. опубликована в книге «Rheinischen Hausfreunde» («Рейнский домашний друг»), ежегодно издаваемой в начале XIX в. в пользу мещан и крестьян. В 1816 г. баденские офицеры, бывшие в плену в Пензе, поместили статью о нем в газете «Morgenblatt»<sup>1</sup>. В том же году эта статья была переведена на русский язык и опубликована на страницах журнала «Сын Отечества», издаваемого Н. И. Гречем<sup>2</sup>. О Ф.-А.Эгетмайере в своих мемуарах позднее сообщали и некоторые военнопленные армии Наполеона (вюртембергские офицеры Х.-Л. Йелин и Ф. Ю. Зоден, баварский обер-лейтенант Ф. фон Фуртенбах, сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона Людвиг Флек), размещенные на жительство в Пензенской губернии в 1813 г.<sup>3</sup>

Кто же такой этот «портной из Пензы»?

Франц-Антон Эгетмайер (в русских архивных документах Эгетмейер, Эгетмегер, Эгитменер) родился 6 октября 1760 г. в г. Бреттен близ Карлсруэ в Бадене. Здесь он провел детские годы и выучился портняжному мастерству. Для того чтобы расширить познания в ремесле и больше узнать об обычаях и нравах людей из других мест, достигнув совершеннолетия, он уезжает из родного города. Некоторое время он провел в Мангейме и Нюрнберге, а затем отправился далее на восток.

В XVIII в. российское правительство проводило политику привлечения иностранных специалистов. Тысячи искусных ремесленников, колонистов, военных, а зачастую и просто авантюристов, из различных европейских государств, главным образом из Германии, появляются на бескрайних просторах европейской части России. Процесс переселения иностранцев особенно усилился при Екатерине II. Получая различные льготы от правительства, они успешно интегрируются в российское общество. Во второй половине XVIII – начале XIX в. во многих городах Российской империи немецкие ремесленники играли заметную роль в сфере производства предметов роскоши (ювелиры, часовщики и т.д.) и предметов первой необходимости (портные, сапожники, каретники, булочники и т.д.).

В 1785 г. Ф.-А.Эгетмайер, увлеченный общим порывом, переезжает на жительство в Россию. Первоначально он останавливается в С.-Петербурге, где поступает на службу полковым портным в один из кавалерийских полков. Однако вскоре он уезжает из столицы и обос-

---

<sup>1</sup> Morgenblatt. 1816. №133-136.

<sup>2</sup> Сын Отечества. 1816. № 13.

<sup>3</sup> Merkwuerdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Offiziers. Stuttgart, 1817; Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Regensburg, 1832. Bd.2; Furtenbach F. Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nuernberg-Leipzig. 1912; Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildensheim, 1845. S.62-63; Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildensheim, 1845. S.62-63; Зоден Ф. Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии С. В. Белоусова. Пенза, 2006; Фуртенбах Ф., фон. Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг. / Подготовка публикации, предисловие и комментарии С. В. Белоусова и С. Н. Хомченко; перевод с нем. А. А. Кузнецова. Пенза, 2008; Йелин Х.-Л. Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии С. В. Белоусова. Пенза, 2009.

новывается в Пензе. Здесь Эгетмайер становится одним из лучших городских портных, шьет по заказам пензенского дворянства, купцов и именитых горожан, берет подряды на выполнение различных видов работ. Так, в 1809 г. при проведении 79-го рекрутского набора он подрядился для шитья мундиров в г. Краснослободске<sup>1</sup>. Нередко Эгетмайер нанимал для работы других ремесленников, численность которых иногда достигала 20-25 человек. Занимаясь портняжным делом, он сумел достичь определенного благосостояния и пользовался большим уважением среди жителей города. В Пензе Эгетмайер создает семью, в центре города, недалеко от губернаторского дома, строит деревянный дом, обзаводится хозяйством.

В Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии» за 1812 г. удалось обнаружить следующие сведения о Франце-Антоне Эгетмайере: «Франц Антонов сын Егетмегер; немецкой нации; записан в пензенские цехи, занимается портным мастерством; имеет в городе деревянный дом; в России с 1785 года; присягал в 1796 г., паспорт имеет от Фильцбуерского посланника барона фон Ванхенбурга»<sup>2</sup>.

Сведения о семье Эгетмайера отрывочны и весьма противоречивы. Известно, что его жену звали Марией-Маргаритой. Немецкие источники говорят о двух его сыновьях, которые в начале XIX в. якобы находились на военной службе: один офицером, другой аудитором. Однако обнаруженное недавно в ГАПО прошение Эгетмайера о выдаче его сыну паспорта для свободного проживания в России заставляет усомниться в этом. Прощение было подано им в Пензенское губернское правление в августе 1816 г. В нем отмечалось, что «назад тому лет 10-ть» Эгетмайер получил от пензенского губернатора для своего сына Франца паспорт, с которым тот и отправился в Москву для поступления в аптекарские ученики. «А как Москва превращена была французами в пламень, в таковую революцию не успев ничего с собою взять ни паспорта, ни одеяния, спас только себя». Почему Эгетмайер и просил губернское правление выдать сыну новый паспорт взамен утерянного<sup>3</sup>.

1812 год стал судьбоносным в жизни пензенского портного Франца-Антоня Эгетмайера. Наполеон вторгся в пределы России. В составе Великой армии находились представители многих европейских народов. Великий герцог Баденский в силу своих союзнических обязательств также должен был выставить воинский контингент численностью около 13,5 тыс. человек. Из них, испытав все тяготы русского похода, горечь поражений, голод и жестокие русские морозы при отступлении, лишь 1,5 тыс. солдат и офицеров смогли вернуться на свою родину. Многие баденцы попали в плен.

Весной 1813 г. пленные наполеоновской армии в массовом порядке стали перемещаться из западных губерний Российской империи вглубь страны. Это было связано, как с временными неудачами союзников в Саксонии, так и с увеличением концентрации российских войск у западных границ. Пензенская губерния, среди прочих, была выбрана местом временного пребывания военнопленных. Сюда, начиная с июня 1813 г., прибыло на жительство 6 крупных партий общей численностью 648 человек (14 штаб-, 165 обер-офицеров и приравненных к ним военных чиновников, 451 нижний чин, 12 женщин и 2 ребенка). Среди пленных насчитывалось 115 человек из различных немецких государств (38 баденцев, 26 вюртембергцев, 25 вестфальцев, 19 баварцев, 5 бергцев, франкфуртец и гессенец), большая часть из которых являлись офицерами. Все прибывшие должны были размещаться в Пензе и уездных городах по домам городских обывателей<sup>4</sup>.

Когда 17 июня 1813 г. в Пензу прибыла первая партия военнопленных армии Наполеона, Эгетмайер поинтересовался у некоторых офицеров об их происхождении и был потрясен, узнав, что среди них есть его бывшие соотечественники из Мангейма, Гейдельберга, Швецингена, Книттлингена и других известных ему населенных пунктов Бадена, Вюртемберга, Баварии. Отныне помощь этим людям и забота о них стали главным смыслом его жизни.

<sup>1</sup> Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 347. Л. 39-39об.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 421. Л. 12об-13.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 488. Л. 321-321об.

<sup>4</sup> Белоусов С. В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии // «Моя малая Родина». Материалы международной научно-практической конференции (Пенза, 10 ноября 2004 г.). Пенза, 2005. Вып. 2. С. 201-215.

Эгетмайер лично ходатайствовал перед пензенским губернатором князем Г. С. Голицыным о том, чтобы он не отсылал пленных баденских офицеров в уездные города, а оставил их на жительство в Пензе. Без колебаний снабжал он пленных необходимой одеждой и питанием. Эгетмайер принял в своем доме двух баденских офицеров (командира баденской пешей артиллерии, шефа батальона Л. Фишера, бывшего сыном баденского министра, и командира гренадерской роты баденского 1-го лейб-полка Великого герцога, капитана К. фон Цаха, являвшегося сыном баденского генерала) и заботился о них, как «отец заботится о своих сыновьях». Остальных баденских офицеров и солдат, оставшихся в Пензе, он помог разместить в домах у своих друзей и хороших знакомых<sup>1</sup>.

Каждый вечер военнопленные собирались в небольшом садике, украшенном «беседками и дерновыми скамьями», который находился рядом с деревянным домиком Эгетмайера, и, пока позволяла погода, проводили вечера в дружеских беседах о жизни и о «великих событиях настоящего времени». Эгетмайер охотно присоединялся к этим беседам, слушал рассказы пленных о далекой родине, говорил о собственных приключениях.

Баденские офицеры отмечали, что Эгетмайер имел «отличный ум, читал большую часть старинных книг и извлекал из них понятия, необыкновенные в его звании. При том руководствовался он всегда наставлениями религии, и нередко, при сомнительных случаях, решал дело воспоминанием изречений Евангелия». Эгетмайер являлся для пленных хорошим советником. Они прислушивались к его мнению и все свои просьбы губернатору передавали через него. Эгетмайер помогал пленным в доставлении им почтовой корреспонденции. Несколько раз из ближайшей немецкой колонии на Волге он приглашал пастора, который отправлял службу «в особенной зале»<sup>2</sup>.

Однажды, это было уже в октябре 1813 г., тяжело заболел один из военнопленных, хирург баденского 3-го пехотного полка Валентин Бурхарт, проживавший в Саранске. «В том городе не было аптеки, и г. губернатор позволил привезти его в Пензу. В самом сомнительном состоянии и с признаками скорой смерти, привезли его в город и хотели поместить в доме одного мещанина, который, однако, не соглашался принять его, боясь заразы. Пленный солдат, привезший больного, не знал, куда деваться с ним, и вдруг вспомнил о портном, которого слава дошла и до уездных городов, в коих жили пленные. Он отыскал его дом и остановился у ворот с телегою, на которой лежал больной. «Должно помочь ему как-нибудь», – сказал Эгетмайер, подумав немного, и потеснился с женою, двумя нашими товарищами и пятнадцатью работниками, чтобы поместить страждущего. Постлали для него постелю, ходили за ним с усердием и любовью. Ночью при нем сидели, но он не дожид до утра. С таким усердием старался он и о погребении. Русский священник отпел в его доме покойника и проводил до кладбища по всем обрядам греческой церкви. Все пленные и живущие в городе немцы шли за гробом. Солдаты несли его. Все сие установлено было благодетельным портным»<sup>3</sup>.

9 декабря 1813 г. в Пензе было получено известие об освобождении военнопленных целого ряда немецких государств, в т.ч. и Великого герцогства Баден<sup>4</sup>. Баденские офицеры и солдаты, наконец, получили возможность возвратиться на родину. Дата отъезда была назначена на 8 января 1814 г. По предписанию Главнокомандующего в С.-Петербурге С. К. Вязмитинова военнопленным офицерам, нуждавшимся в теплой одежде, должны были выдать по 100 руб. для ее приобретения. Многие пленные считали это подарком императора Александра I, в связи с чем возникали многочисленные недоразумения. В частности, пензенский губернатор князь Г. С. Голицын распорядился вместо выдачи денег закупать одежду для военнопленных. Естественно, что ни о каких дополнительных 100 руб. для выдачи офицерам уже не было и речи, чем последние остались недовольны.

Однако приобретение теплой одежды для пленных, которым предстояла долгая дорога домой, являлось вполне обдуманым шагом правительства. В конце декабря 1813 г. в Пензен-

<sup>1</sup> Franz Anton Egetmayer – der Schneider von Penza // König W., Hörner R. Süße Vielfalt im Kraichgau-Stromberg. Glenze: Edition Limosa CmbH, 2011. S. 113.

<sup>2</sup> Сын Отечества. 1816. № 13. С. 239, 242.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 107, 122; Сын Отечества. 1816. № 13. С. 241.

<sup>4</sup> Белоусов С. В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 214.

ской губернии стояли сильные морозы, и без нее пленные бы просто замерзли в пути. Обер-лейтенант вюртембергской службы Ф. Ю. Зоден позднее вспоминал, что «мороз был так суров, что почти невозможно было выглянуть на улицу без риска отморозить нос и уши»<sup>1</sup>.

В этой ситуации Эгетмайер вновь доказал свое желание помочь соотечественникам. Так как военнопленным не хватало средств, чтобы снарядить себя в дорогу всем необходимым, он решил продать собственный дом, перейти на жительство в съемную квартиру, а все вырученные от продажи дома деньги отдать им. Пленные с большим трудом отговорили его от этого намерения. Тогда Эгетмайер решился на следующий шаг. «У него была редкая медвежья шуба ценою в несколько сот рублей, – вспоминали позднее баденские офицеры. – Мы не могли воспрепятствовать ему завещать ее нам. Он отдал ее с условием: если на дороге с кем-нибудь из нас случится несчастье, продать ее и вырученными деньгами помочь страждущему. Он так убедительно, так кротко просил нас принять сей подарок, что мы не могли отказать»<sup>2</sup>.

В мае 1814 г. баденцы, освобожденные из плена, прибыли домой. В своих семьях, своим близким и знакомым они рассказывали о своем благодетеле, «портном из Пензы». Чтобы воздать ему по заслугам, они донесли о его благородстве и бескорыстном желании помочь им Великому герцогу Баденскому, который по своему собственному усмотрению наградил Эгетмайера баденской золотой медалью «За гражданские заслуги». Эту награду в Бадене имели немногие. В своем рескрипте Великий герцог Баденский писал: «Благородному Францу Антону Эгетмайеру за совершенно бескорыстное и человеколюбивое служение ради моих баденских офицеров вручаю я золотую медаль «За заслуги» с тем, чтобы вы смогли носить ее как память от меня и признательной Родины».

Эгетмайер получил эту награду лишь 3 января 1816 г., спустя полтора года после награждения<sup>3</sup>. Вот как описывал он это событие в своем письме из Пензы баденским офицерам: «3-е число января было для меня счастливым днем в жизни. Вечером в 7 часов князь Голицын приказал позвать меня к себе. Я был в гостях и лишь только пришел домой; взял ножницы и мерку, и пошел, но не знаю, что-то у меня было на сердце. Я пришел к князю. «Кто велел позвать вас? – спросил он строгим голосом. «Князь, губернатор наш», – отвечал я. Он поглядел на меня с минуту, и переменял суровый вид на ласковый, сказал: «Подойдите сюда, любезный Франц! Узнайте, каково тому, кого любит Бог и добрые люди. Послушайте, что Всемиловейший наш государь вам посылает». При сих словах поднял он вверх медаль на оранжевой ленте и сказал: «Этот знак отличия посылает вам ваш Великий герцог, а наш император позволяет вам носить ее в честь вашего государя и благодарного Отечества!» Тогда он надел на меня медаль. Я поцеловал ее и руку губернатора, который говорил со мною именем Великого герцога. При том были многие дворяне. Они все поздравляли меня, говоря, что я заслужил сие отличие, и что баденские офицеры в самом деле благородные люди и умеют награждать. Вообразите мое изумление. Колени подо мною подогнулись. Я мог выговорить одно слово: «Князь!» Я побежал домой в упоении радости и нашел дома у себя свояченицу. Мы поздоровались с нею. Я все еще дрожал. «Что с вами случилось?» – спросила она. «Ничего!» – сказал я и скинул шубу. Она увидела на мне медаль и громко закричала: «Ах! Медаль! Медаль!» Она и жена моя плакали с радости...

На другой день, что свет, первые явились меня поздравить пять почтальонов и семь драгун. Потом пришли священники, отслужили молебен, целовали медаль и меня. Потом приходили полицейские офицеры и магистратские с поздравлениями. Хорошо, что я был тогда при деньгах. Я позвал гостей: аптекаря, школьного учителя, доктора, двоих офицеров здешнего батальона, первых купцов и других. Вообразите, как мы попиروвали...

Подумайте, какое впечатление сделал этот случай между дворянством и купечеством. Я один имею счастье носить этот неоцененный знак отличия. Дворяне целовали медаль, гово-

<sup>1</sup> Зоден Ф. Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии... С. 32.

<sup>2</sup> Сын Отечества. 1816. № 13. С. 242-243.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 582. Л. 9об-10.

ря: «Ваш государь и добрые ваши земляки наградили вас сверх заслуг». Бог да заплатит им это. Дети! Старый отец ваш в Пензе целует вас с благодарным сердцем и слезами!»<sup>1</sup>.

В своих мемуарах об Эгетмайере писали также бывшие военнопленные из Вюртемберга, Баварии и Вестфалии. Причем их сведения об этом человеке весьма разнятся. Так, обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах, размещенный на жительство в Краснослободске, позднее характеризовал его следующим образом: «Среди других живет здесь [в Пензе] и портной по имени Энгертмайер из Бреттена в Бадене, отличившийся и ставший знаменитым благодаря самоотверженности, с которой он пытался помочь своим землякам и всем немецким офицерам. Этот порядочный, зажиточный человек жил в прекрасном доме напротив губернаторской резиденции, был нанимателем 20-24 подмастерьев и шил на всю губернию; каждый офицер одевался и питался у него за его счет, а баденцы еще и получали от него значительные денежные суммы. Я также несколько раз обедал у него и восхищался хорошо воспитанной и образованной семьей и действительно прекрасной обстановкой. Его жена, русская, хорошо говорит по-немецки и вообще достаточно образована»<sup>2</sup>.

Обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Ф. Ю. Зоден, очевидно, был знаком с публикациями об Эгетмайере в немецких периодических изданиях, так как его воспоминания о нем фактически представляют собой их краткое изложение. Он писал: «Во время нашего короткого пребывания в Пензе мы завязали знакомство с одним портным. Звали его Франц-Антон Эгитменер. Он был родом из местечка Бреттен, которое находилось в Великом герцогстве Баденском. Эгитменер уже долгое время жил в Пензе. Два его сына находились офицерами на русской службе. Он пользовался у русских большим уважением и имел вес у самого губернатора. У него было много друзей. С радостью Эгитменер использовал любой повод, чтобы поддержать своих соотечественников. Каждый пленный, находившийся тогда в Пензе, всегда вспоминал его с большой благодарностью. Через много лет наш правитель отметил этого портного знаком отличия в качестве общественного признания за его благородное и бескорыстное отношение к немецким и, особенно к баденским, офицерам»<sup>3</sup>.

В своих воспоминаниях, которые грешат многими неточностями и содержат массу фактических ошибок, сержант егерско-карабинерного батальона Л. Флек сообщает, что помощь военнопленным оказывал портной по имени Альсдорф, который «позднее за свои благодеяния, сделанные нам, был с избытком вознагражден. По инициативе баденских офицеров император Александр наградил его орденом за заслуги, возвысил в дворянское состояние и подарил ему поместье с 500 крепостными. Так может быть! Если кто-нибудь и заслужил такое отличие, так это «портной из Пензы в Азии»<sup>4</sup>.

В мемуарах же обер-лейтенанта вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Х.-Л. Йелина сведения об Эгетмайере имеют негативный оттенок. Он пишет, что в Пензе «проживало несколько немецких ремесленников и, среди прочих, один портной из Бадена, о котором много лестного было напечатано в официальной немецкой прессе. Для установления истины я не могу не сказать несколько слов против того, о чем писалось. Те, кто издавал хвалебную историю портного, возвышенную до небес, его сами не видели, и те, кто рассказывал об этом человеке, даже не вспомнили его облик. Он не был маленьким, сутулым человечком, как об этом писали в газетах, а был обычным мужчиной среднего роста. Он жил во флигеле губернатора князя Голицына и одновременно употреблялся в качестве смотрителя в его доме. Так как князь знал немецкий язык, то он часто беседовал с ним, что давало ему повод иногда ходатайствовать за своих соотечественников. Возможно, он помогал некоторым из них деньгами, которые впоследствии, когда те получали помощь с родины, конечно, возвращались обратно. Все же, он не заслуживает той чрезмерной похвалы, которую ему воздают, поскольку так поступил бы каждый по отношению к своим соотечественникам.

<sup>1</sup> Сын Отечества. 1816. № 13. С. 245-247.

<sup>2</sup> Фуртенбах Ф., фон. Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг. ... С. 7-8.

<sup>3</sup> Зоден Ф. Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии... С. 13.

<sup>4</sup> Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildensheim, 1845. S. 62-63.



Его зять, прекрасный человек, тоже портной, не занимался, однако, своим ремеслом, а снабжал казино прохладительными напитками и имел также в своем доме винный и водочный погребок, который мы часто посещали; и иные рюмочки превосходили в цене содержимое наших кошельков.

Так же преувеличено, что в мастерской этого портного трудилось 30 подмастерьев. Я несколько раз был в его квартире и беседовал с ним о разном. Причем, он мне сам говорил при других, что обычно имеет 3-х, иногда 5-6 работников.

Впрочем, я должен упомянуть здесь о поступке, который не очень его красит: один мой друг заказал у этого портного подшить подкладку у подбитого мехом пальто. Так как он считал его честным человеком, то предоставил самому приобрести материал. Пальто было готово, и мой друг должен был за него очень дорого заплатить. Но после того как мы уехали из Пензы и осмотрели уже немного изношенное пальто, то нашли, что этот хваленый портной сделал подкладку из недоброкачественного материала<sup>1</sup>.

О последних годах жизни Ф.-А. Эгетмайера известно немного. В январе 1817 г. Канцелярия пензенского губернатора приняла решение об отводе ему участка земли «для устройства сафьянного завода и для разведения вайды»<sup>2</sup>. Однако, очевидно, обустроить этот завод он так и не успел. В 1818 г. Ф.-А. Эгетмайер скончался в Пензе.

*А. А. Беркутов,  
старший преподаватель кафедры  
истории Отечества, государства и права  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ПЕНЗЕНСКИЙ ВСЕСОСЛОВНЫЙ КЛУБ (СОЕДИНЕННОЕ СОБРАНИЕ) В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА**

Российская культура XIX в. представляла собой сложнейшее сочетание субкультур различных социальных слоев и даже в конце столетия оставалась еще в известной степени сословной, хотя Великие реформы 1860-х – 1870-х годов создавали условия для преодоления замкнутости духовного развития сословий. Важнейшими социокультурными сферами, в которых существовала и функционировала культура, были город, деревня и усадьба, составлявшие в сложном и противоречивом взаимодействии культурное пространство. Наиболее интенсивно складывание культурной среды как определенной сферы существования и взаимодействия культурных новаций и традиций шло в пореформенное время. В этот процесс был вовлечен и провинциальный город. Русский город в пореформенную эпоху был многофункциональным центром, в котором происходила модернизация общества. При этом на возможность развития многообразных форм культурной жизни серьезное влияние оказывал административный статус города. Культурные функции в провинции выполнял прежде всего и в значительной степени губернский город<sup>3</sup>.

Тенденция к демократизации культуры достаточно отчетливо проявляется в деятельности общественных организаций, которые в пореформенный период существуют как постоянный социокультурный фактор жизнедеятельности общества и приобретают корпоративный и сословный характер. Однако не следует преувеличивать степень и глубину этого культурного движения. В России к началу XX в. зрелое буржуазное общество с присущей ему степенью демократизации общественной жизни и культуры еще не сложилось. Это проявляется и в деятельности таких общественных организаций, как сословные клубы, в том числе и Пензенского Соединенного собрания.

<sup>1</sup> Йелин Х.-Л. Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера... С. 14-15.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 622. Л. 106об.

<sup>3</sup> См.: Очерки русской культуры XIX века. Т.1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 12-72, 125-202.

В России многочисленные клубы были одной из распространенных форм объединения людей сходного социального положения. Первые российские клубы были созданы еще во второй половине XVIII в. по инициативе иностранцев – петербургский Английский клуб и Шустер – клуб (1770 г.). Эти клубы носили закрытый сословный характер. При характеристике московского Английского клуба Ю. М. Лотман отмечает, что членство в нем являлось знаком принадлежности «к коренной барской элите» и, несмотря на высокий взнос (100 руб.), «добиться избрания было вопросом не денег, а признания в мире дворянской Москвы»<sup>1</sup>. В пореформенную эпоху свидетельством размыwania сословно-культурных перегородок стало возникновение всесословных клубов, преимущественно в губернских городах. И в Пензе в 1863 – 1917 гг. существовал городской всесословный клуб – Соединенное собрание. В условиях бюрократической самодержавной монархии создание всех легальных общественных организаций допускалось лишь в строго регламентированных рамках и до 1906г. носило разрешительный характер. Уставы этих организаций, в том числе клубов, являлись предметом сепаратного законодательства, и утверждение уставов осуществлялось министром внутренних дел, а личности основателей проверялись на благонадежность. Например, когда в апреле 1911 г. утверждался устав Каменского Соединенного собрания (Нижнеомовский уезд), то полицмейстеру и в жандармское управление был послан запрос на одного из инициаторов создания клуба помощника присяжного поверенного С. Д. Лобанова, который с 1906 г. являлся членом Конституционно-демократической партии. По сведениям жандармов С. Д. Лобанов как член партии кадетов «активности не проявлял»<sup>2</sup>. Устав Пензенского соединенного собрания был утвержден министром внутренних дел 9 августа 1870 г., хотя фактическая деятельность была разрешена с 1863 г. Клуб находился в арендованном здании на пересечении улиц Дворянской и Никольской, (ныне улица Красная, 60/8). Уставная цель Соединенного собрания – «доставить возможность к сближению сословий и способствовать развитию удобства общежития»<sup>3</sup>. Количество членов клуба не должно было превышать 300 человек. Клуб содержался на ежегодные членские взносы (10 руб.), плату за игры (карты и бильярд) и вход приглашенных гостей. Каждый член имел право приглашать на танцевальные и семейные вечера семейство, а также ввести в Собрание гостя с уплатой каждый раз 75 коп. серебром. Клуб был открыт с 7 часов вечера до 2 часов с четвертью пополуночи. Оставшиеся позже платили штраф за каждые 15 мин. по нарастающей с 25 коп. до 2-х рублей. Но в 5 часов утра Собрание закрывалось окончательно. Азартные игры были запрещены, допускались лишь коммерческие, разрешенные правительством. За каждую игру карт (две колоды) плата от двух рублей (атласные) до 1 руб.50 коп.(3-го разбора). Игранные карты оставались в Собрании. Денежные средства клуба хранились на текущем счете в местном отделении Государственного банка. Клубом управлял Совет старшин из 7 человек, избираемый ежегодно. Губернатор, предводитель дворянства и городской голова являлись постоянными почетными старшинами<sup>4</sup>.

В клубе проводились танцевальные и семейные вечера, ставились любительские спектакли, приглашались с гастрольными концертами известные исполнители. Например, в 1894 г. в помещении Собрания давали концерты скрипач Р. Бриндис и певец Д. А. Славянский с капеллой. Проводились ежегодные новогодние Рождественские елки для детей не только в помещении клуба, но и в различных пензенских школах. В клубе с 1865 г. имелась библиотека с выдачей на дом книг, журналов и газет<sup>5</sup>. Собрание занималось постоянной благотворительной деятельностью, оказывая помощь голодающим, инвалидам войны, сиротам, учащимся. Так, в 1874 г. собрание пожертвовало 700 руб. в помощь голодающим самарским крестьянам.

Соединенное собрание являлось коммуникативным центром и формой общения государственных служащих, предпринимателей, местной интеллигенции, то есть социального слоя с высоким имущественным и образовательным цензом. Об этом можно в определенной степени судить по составу старшин клуба в 1900 г. Ими являлись: член губернского присутствия по квартирному налогу при Казенной палате и член городской управы И. В. Сивохин, нотари-

<sup>1</sup> Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. Л., 1983. С. 331.

<sup>2</sup> Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 108. Л. 5.

<sup>3</sup> Устав Пензенского Соединенного собрания. Пенза, 1912. С. 1

<sup>4</sup> Там же. С. 1-7.

<sup>5</sup> Горланов Г. Е. Очерки истории культуры Пензенского края. Пенза, 1994. С. 124.

ус дворянской опеки Пензенского уезда Б. К. Гуль, губернский архитектор А. С. Федотов, управляющий пензенским отделением Государственного банка М. Н. Рудзевич, член – оценщик Дворянского земельного банка М. И. Чеботкевич, врач А. А. Андреев, управляющий Контрольной палатой действительный статский советник Д. А. Столыпинский<sup>1</sup>.

Достаточно раннее возникновение и длительная успешная деятельность Пензенского всесословного клуба стала возможной при наличии в губернском центре основных культурно-просветительских институтов и учреждений, связанных с развитием профессиональной культуры, а также сформированной культурно-информационной системы. Вероятно, именно их отсутствие обусловило трудности и перерывы в деятельности подобного Собрания в г. Инсаре. Его устав был утвержден МВД в декабре 1873 г., а деятельность разрешена с 1 января 1874 г. «Просуществовав несколько лет, – отмечал в своем рапорте губернатору от 1 декабря 1879 г. инсарский уездный исправник, – собрание само собой прекратилось»<sup>2</sup>. И далее информировал губернатора, что инсарское общество желает возобновить это собрание по уже утвержденному уставу. Губернатор 3 декабря 1879 г. отписал, что «препятствий к возобновлению нет»<sup>3</sup>. Однако деятельность инсарского общества в дальнейшем в периодике и по архивным материалам не прослеживается. О сложностях в деятельности клубов на уездном уровне свидетельствует и позднее основание, в 1911 г., Соединенного собрания в с. Каменка Нижне-ломовского уезда.

За все время существования Пензенского Соединенного собрания в его деятельности никогда не наблюдалось проявлений оппозиционности, тем более подобной той, что отмечалась в истории всесословного клуба Нижнего Новгорода. Нижегородский всесословный клуб, учрежденный в 1866 г. купцами-предпринимателями и финансовыми дельцами и долгое время славившийся ежедневными пьяными кутежами, в начале XX в. оказался под руководством деятелей с революционными взглядами. Даже заведующим библиотекой был член Нижегородского комитета РСДРП. А в 1905 г. клуб был закрыт в связи с революционной деятельностью в его стенах: в нем заседал общегородской стачечный комитет во главе с большевиками, и открылся лишь в 1906 г. В отличие от Нижегородского всесословного клуба Пензенское Соединенное собрание если и сталкивалось с государством и находилось под угрозой закрытия, то лишь в связи с допущением в деятельности своих членов проявлений старого общественного порока – азартных игр. В сентябре 1911 г. канцелярия пензенского губернатора предупредила Совет старшин, что за допущение в помещении клуба азартной карточной игры губернские власти при повторении могут закрыть клуб<sup>4</sup>. Подобный же эпизод произошел уже в условиях Первой мировой войны в 1915 г. И, наконец, 23 июля 1916 г. за факт «ежедневной азартной игры в карты с участием военных» и с учетом того, что в 1915 г. уже подобное было и Совет старшин обещал не допускать больше подобных нарушений, губернатор А. Евреинов постановил «Пензенское Соединенное собрание закрыть с 25 июля 1916 г. впредь до окончания войны»<sup>5</sup>. Однако, вероятно, по ходатайству влиятельных членов клуба 29 июля 1916 г. решение свое отменил. Последнее предупреждение губернатора о возможном закрытии клуба в случае повторении азартной карточной игры последовало за месяц до Февральской революции 26 января 1917 г.<sup>6</sup>

В целом Пензенское Соединенное собрание как элемент социокультурного пространства выполняло рекреационные функции культуры, которые не менее важны в жизнедеятельности общества, чем функции культуры креативной, созидательной. К Пензенскому Соединенному собранию вполне применима общая оценка клубов, в том числе профессиональных и по увлечениям, данная Д. И. Раскиным: «Зачастую, независимо от названия и официально провозглашенной цели клуба, главное содержание его деятельности заключалось в организации балов и карточных игр. Обладая всеми внешними признаками организации (устав, правление, выборы и т. д.), клубы служили одновременно местом развлечения, более или менее открытым

<sup>1</sup> Памятная книжка Пензенской губернии на 1900 г. Пенза, 1900. С. 185.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5059. Л. 9.

<sup>3</sup> Там же. Л. 10.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.

<sup>5</sup> Там же. Л. 6.

<sup>6</sup> Там же. Л. 7.

для посторонней публики»<sup>1</sup>. Несомненно, что главным в деятельности пензенского городского всесословного клуба, при наличии культурно-просветительской и благотворительной составляющей, была организация отдыха и развлечения своих членов.

*Н. А. Вьюнова, М. В. Козлова,  
студенты Пензенского государственного  
технологического университета  
Научный руководитель – Т. Ю. Новинская,  
г. Пенза*

## **АГРАРНАЯ РЕФОРМА П. А. СТОЛЫПИНА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Современная эпоха характеризуется бурным ростом интереса к историческому прошлому нашей страны, особенно в XXI в., в новейший период ее истории. Содержательным и полезным в практическом плане для нас представляется изучение опыта столыпинской крестьянской реформы. Эта тема вызывает в последнее время много споров. В данной работе мы постараемся раскрыть содержание столыпинской аграрной реформы на материалах Пензенской области.

Требовалось резко поднять производительность сельского хозяйства, которым было занято более 85 % населения, чтобы получить из села средства для развития и рабочую силу. Столыпин ясно видел эти основные причины столь бедственного положения России, а главное, сумел предложить и во многом осуществить грандиозные планы ее преобразования, обеспечивающее всестороннее и стремительное развитие страны. Столыпин увидел главную причину застоя сельского хозяйства России в общинном землепользовании и, следовательно, малоземелье крестьян-общинников. Все это и побудило меня яснее разобраться в реформаторской деятельности П. А. Столыпина, непосредственно относящееся к Пензенской губернии. Суть и методы реформы лучше всего изложить словами самого П. А. Столыпина. Ее цель состоит в том, утверждал он, чтобы сделать «...крестьянина богатым, достаточным, так как, где достаток, там просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность свободному, трудолюбивому крестьянину, то есть самой земле русской, освободиться от тисков, в которых он настоящее время находится. Надо дать ему собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворной там, где община уже нежизненная, но пусть она будет крепка, пусть будет наследственная»<sup>2</sup>. Столыпин считал, что община сдерживает развитие сельского хозяйства: «Нельзя любить чужое наравне со своим, – писал он, – и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землею!»<sup>3</sup>. Именно поэтому реформа началась с выхода крестьян из общины и предоставления им земли в собственность. Создание в деревне крепких крестьянских хозяйств хуторского и отрубного типов – стало одной из основных задач Столыпинского землеустройства. По мнению правительства, «..хутора, давая владельцам возможность применять по своему выбору наиболее интенсивные приемы и способы обработки угодий, требуют, в виде общего правила, меньшего для получения благоприятных хозяйственных результатов количества земли, чем другие, менее совершенные, формы землепользования». Существовало два способа создания хуторов и отрубов. Во-первых, они образовывались на землях Крестьянского Поземельного банка из того фонда, который был составлен путем передачи банку казенных и удельных земель и покупки самим банком земель у помещиков. Вторым способом развития хуторов и отрубов было создание их на надельных землях, путем выхода крестьян из общины и сведения всех его земель к одному месту.

<sup>1</sup> Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX в. // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 2000. С. 824.

<sup>2</sup> Казарезов В. В. О Петре Аркадьевиче Столыпине. М., 1991.

<sup>3</sup> Володарский Э. Я. Столыпин: невыученные уроки: Жизнь и смерть великого реформатора, творившего историю России. Санкт-Петербург, 2006.

Подавляющая часть хуторов и отрубов в Пензенской губернии за 1906-1909 гг. была создана на участках, выделенных из общинной земли (79 % от общей площади всех созданных участковых хозяйств). Что касается хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка, то они занимали 19,1 % всей площади под участковым землепользованием<sup>1</sup>. Во всех губерниях, в том числе и в Пензенской, успех правительственной политики во многом зависел от степени взаимодействия подразделений Крестьянского банка и органов местного управления, без участия которых было невозможно осуществить какой-либо масштабный проект в российской провинции. Правительство стало уделять пристальное внимание вопросам крестьянского землеустройства только с весны 1906 года. После первой волны погромов помещичьих усадеб в конце 1905 года, разоренные хозяева стали в спешном порядке сбывать свои имения Крестьянскому поземельному банку. В результате за 1906 год в собственность Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка перешло 31 имение размером более 35 тысяч десятин. Правительство не могло не поддерживать разоряющихся помещиков, но содержание такого огромного земельного фонда ему было не по силам. Поэтому и встал вопрос о его скорейшей ликвидации путем продажи крестьянам. В решении этого вопроса большая роль отводилась землеустроительным комиссиям.

После организации первых землеустроительных комиссий Пензенская губернская администрация определила приоритетные направления их деятельности. Пензенский губернатор С. В. Александровский сформулировал задачи землеустроительных комиссий следующим образом: сбор сведений о земельной нужде крестьян в пределах уезда и определение возможной помощи со стороны правительства; сбор сведений о всех частновладельческих землях, поступивших в продажу через Крестьянский банк, определение возможного использования их удовлетворения земельной нужды крестьян<sup>2</sup>. К 1916 г. банком было продано крестьянам Пензенской губернии более 300 тысяч десятин. На этой земле возникло свыше 18 тысяч хуторов и отрубов.

Но, в это же время, процесс создания хуторов и отрубов в Пензенской губернии шел весьма сложно. С 1907 года по 1 ноября 1911 года на землях Пензенского отделения Крестьянского банка было образовано 7408 участковых хозяйств. Земля продавалась в единоличное владение отрубными участками разной величины от 11 до 17,2 десятин, частью на условиях обязательного выселения на образованные хутора или поселки, частью в виде отрубов без переселения. При этом на условиях обязательного переселения банком было продано 3368 участков, а без переселения 4040 отрубов. В действительности к 1 ноября 1909 года переселились на свои участки только 40 % домохозяев первой категории. Таким образом, общее число крестьян, фактически переселившихся на хутора, составляло 0,5 % от общего числа домохозяев, владеющих землей в Пензенской губернии, а их землевладение представляло величину менее 1 % к общей площади крестьянской надельной земли. Образованные хутора и поселки были распределены по уездам губернии крайне неравномерно: наименьшее их количество оказалось в Наровчатском уезде (1 хутор и 15 десятин), а наибольшее – в Чембарском уезде (301 хуторской и отрубной участок).

Уже к январю 1911 г. в Пензенской губернии было создано 6745 отрубов и хуторов. Подворная перепись 1910-11 гг. зафиксировала 438 отрубных поселков и хуторских гнезд.

По сути, каждый крестьянин мог стать единоличником, но, как показывает статистика, они не спешили с отделением, так как после выхода из общины крестьянин должен был во всем полагаться только на себя, на свои способности, смекалку, трудолюбие, поэтому единоличниками становились лишь самые трудолюбивые. Крестьяне боялись выходить из общины еще и потому, что до сих пор были технически слабо вооружены, обрабатывая землю деревянными сохами и косулями.

Но, с другой стороны, боязнь оказаться в худшей для себя ситуации, когда лучшие земли общины будут заняты, даже беднейшие хозяйства сел стали постепенно втягиваться в общий процесс выхода из общины.

После выдела общинной или покупки банковской земли наступала самая трудная и длительная фаза становления нового хозяйства. Главными проблемами становились не мало-

<sup>1</sup> Соловьев В. Спасение России продолжается // Пензенские вести. 1997. 7 июня.

<sup>2</sup> Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 45. Оп. 1. С. 61, 70, 74, 76.

земелье и чересполосица, а строительство новой усадьбы, пополнение инвентаря, приобретение рабочего скота, переход к новой агротехнике. Личной инициативы у крестьянина достаточно, но сам он без посторонней помощи осуществить переход к интенсивному типу хозяйства не мог, так как на это нужны деньги и умение. Это понимало и правительство. Поэтому сразу после выхода из общины единоличникам предоставлялся целый комплекс государственной помощи: ссуда и сельхозинвентарь на льготных условиях, квалифицированная агрономическая помощь.

Например, Пензенская Землеустроительная комиссия на территории Чембарского уезда создала четыре прокатные станции и выдавала сельхозинвентарь тем единоличникам, которые не могли его приобрести. Та же Землеустроительная комиссия помогала единоличникам рассаживать сады, приобретать семена для огородов, обсаживать овраги, создавать лесополосы и пруды для разведения рыбы, организовывать селективные пункты для улучшения поголовья скота, устраивать сельскохозяйственные выставки, где пропагандировалось все лучшее и передовое<sup>1</sup>. Статистика показывает рост жизненного уровня единоличников, увеличение количества скота и сельхозинвентаря, а главное – значительное увеличение урожая! Так, например, единоличник села Высокое (Чембарский уезд) в 1913 году получил с десятины 155 пудов ржи (24,8 центнера), между тем, как у крестьян его села, состоящих в общине, урожай был всего 11 центнеров. У другого единоличника Калганова, проживавшего в Завиваловке, урожай ржи был 27 центнеров, а у общины – 5 центнеров. Мы видим, что увеличение продуктивности сельского хозяйства у единоличников произошло за счет предоставления земли в собственность, применения передовой сельскохозяйственной техники. Как показывают материалы сельскохозяйственной поземельной переписи, проводившейся в Пензенской губернии в 1917 году, укрепление наделов и их выделение из общины все еще происходило по принуждению администрации. Бедные общинники продавали свои наделы богатым, а те, скупая, приводили их к одному месту, пользуясь законом о выходе на отруб. Об усилении социального расслоения села, как следствия аграрной реформы, говорит число безлошадных хозяйств, которых по Пензенской губернии насчитывалось 38,5 %<sup>2</sup>. Понятно, что без лошади крестьянин был не в состоянии обрабатывать свой надел. Выбор у такого «безлошадного» крестьянина был небольшой: или открывать свое ремесленное производство (сапожник, кузнец), или отправляться в город на заработки, что и делало большинство таких крестьян.

Например, в селе Веселовка из 362 дворов без крупного рогатого скота было 65 хозяйств, 102 хозяйства не имели коров, 112 хозяйств владели земельными участками от 3 до 4 десятин, что делало их труд на земле бессмысленным. Села, находившиеся вблизи города, имели возможность ускорить процесс пролетаризации села. Как было сказано выше, многие крестьяне, не имевшие средств для ведения сельскохозяйственного производства, уходят в город, пополняя растущие ряды пензенского пролетариата, причем, работали даже семьями, включая детей 12-15 лет. В городе, крестьяне занимались извозом (дрова, лес, камень), работали на кирпичных сараях, добывали строительный камень, были чернорабочими. Многие женщины, помогая мужьям решать проблему заработка, занимались продажей молока, работали кухарками и сиделками в земской больнице, прачками и даже чернорабочими в кирпичных сараях, где особенно был высок процент использования женского и детского труда. Таким образом, пролетариями становились целыми семьями.

Так же, составной частью Столыпинской аграрной реформы было переселение крестьян в восточные районы страны. Основную массу переселенцев составляли малоземельные и безземельные крестьяне Пензенской губернии. Для переселения отводились земли в Тобольской, Томской, Енисейской, Амурской, Приморской губерниях и Акмолинской области. С 1906 по 1914 годы за Урал переселились 34 тыс. крестьян. Из них более 26 тыс. закрепились на новых местах, около 8 тыс. вернулись обратно. Можно сказать о том, что переселенческая политика наглядно продемонстрировала методы и итоги столыпинской аграрной политики. Переселенцы предпочитали обосновываться в уже обжитых местах, таких как Урал, Западная Сибирь, нежели заниматься освоением безлюдных лесных зон. Между 1907 и 1914 годами 3,5

<sup>1</sup> Столыпинская реформа в Чембарском уезде // Пензенские вести. 1995. 24 июня.

<sup>2</sup> Подворная перепись крестьянского хозяйства / Вып. 7. Пензенский уезд. Пенза, 1913.

млн. человек со всей России выехали в Сибирь, около 1 млн. вернулись в европейскую часть России, но уже без денег и надежд, ибо прежнее хозяйство было продано.

Итак, каковы же были итоги столыпинского аграрного курса в целом по России? Удалась ли аграрная реформа по Столыпину? Историки в основном считают, что результаты были очень далеки от ожидаемых. По мнению В. Бондарева, реформирование аграрных отношений, наделение крестьян правом частной собственности на землю удалось лишь частично, при этом сохранилось антагонистическое противоречие между крестьянами и помещиками. Проведение землеустроительных работ, отделение крестьян от общины удалось в незначительной мере – около 10 % крестьян выделено из хутора; переселение крестьян в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток в какой-то степени удалось. Это – выводы, для объективной оценки необходимо обратиться к основным цифрам и фактам.

Примерно за десять лет только 2,5 млн. крестьянских хозяйств по всей России удалось освободиться от опеки общины. Движение за упразднение «мирского» правления на селе достигло наивысшей точки между 1908 и 1909 годами (около полумиллионов запросов ежегодно). Однако впоследствии это движение заметно сократилось. Случаи полного роспуска общины в целом были крайне редкими (около 130 тыс.). «Свободные» крестьянские землевладения составили лишь 15 % общей площади обрабатываемой земли. Едва ли половине работавших на этих землях крестьян (1,2 млн.) достались отруба и хутора, закрепленные за ними постоянно, в частную собственность. Собственниками смогли стать лишь 8 % общего числа тружеников, но они терялись в масштабах страны.

Землеустроительная политика не дала кардинальных результатов. Столыпинское землеустройство, перетасовав наделные земли, не изменило земельного строя, он остался прежним – приноровленным к кабале и отработкам, а не к новейшей агрокультуре указа 9 ноября. Деятельность крестьянского банка также не дала желаемых результатов. Всего за 1906-1915 годы банк приобрел для продажи крестьянам 4614 тыс. десятин земли, поднимая цены с 105 руб. в 1907 году до 136 руб. в 1914 году за десятину земли. Высокие цены и большие платежи, налагаемые банком на заемщиков, вели к разорению массы хуторян и отрубников. Все это подрывало доверие крестьян к банку, и число новых заемщиков пошло вниз.

Аграрная реформа, как в России, так и в Пензенской губернии, является уникальным историческим опытом, который будет полезен всем поколениям.

*Г. В. Гарбуз,  
к.и.н., доцент кафедры истории Отечества,  
государства и права  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕНЗЕ В НАЧАЛЕ XX В.**

Для системы государственного управления Российской империи в начале XX в. были характерны жесткая централизация и преобладание бюрократических методов. Сложившаяся в процессе Великих реформ система сословных органов местного самоуправления, строилась на принципах, отличавшихся от принятых в государственном аппарате, и вызывала беспокойство царской бюрократии некоторой независимостью своей деятельности. Поэтому главной задачей правительственной политики в области местного самоуправления было создание всеобъемлющей системы контроля над представительными учреждениями и максимальное использование их ресурсов для реализации государственных интересов.

В пензенском губернском аппарате основной контроль над деятельностью городского самоуправления осуществляли губернатор, губернское правление и губернское по земским и городским делам присутствие. Они регламентировали финансовую, административно-хозяйственную и общественно-политическую деятельность местного самоуправления, осуще-

ствляли контроль над выборами в городские представительные учреждения, следили за исполнением должностными лицами этих учреждений своих обязанностей<sup>1</sup>.

Особое внимание пензенская губернская администрация уделяла формированию лояльного ей состава городских представительных учреждений. Ключевую роль в этом вопросе играло губернское по земским и городским делам присутствие. Оно появилось в системе органов местного управления в 1870 г. после реформы городского самоуправления и своей деятельностью наглядно демонстрировало степень доверия царской бюрократии местным представительным учреждениям. Право контролировать выборы в органы местного самоуправления давало присутствию прекрасную возможность влиять на его кадровый состав. В присутствие после каждых выборов в обязательном порядке доставлялись для утверждения списки вновь избранных должностных лиц и материалы выборного производства. Если присутствие считало, что выборы проведены с нарушением закона, оно могло отменить выборы полностью, заменить неправильно избранного кандидата или назначить дополнительные выборы (если избрано не более 1/3 кандидатов)<sup>2</sup>. Когда не удавалось законным порядком избрать положенное число гласных, недостающее количество назначалось МВД из числа гласных прежнего созыва по рекомендации присутствия<sup>3</sup>. Этим правом местные власти активно пользовались для замены негодных кандидатов теми, чья лояльность уже была проверена. Иногда поводом для отмены выборов служили жалобы частных лиц, возможно инициированные самой администрацией.

Свою лепту в решение кадрового вопроса вносил губернатор. Он имел возможность отклонить по причинам политической неблагонадежности кандидатуру любого лица, поступавшего на службу в городские учреждения и право добиваться смещения любых должностных лиц городского самоуправления (кроме выборных) данным положением усиленной охраны, что позволяло начальнику губернии корректировать состав органов местного самоуправления.

Наиболее заметным было влияние пензенской губернской администрации на формирование сословных городских учреждений – купеческих, мещанских, ремесленных обществ. Их деятельность контролировало губернское присутствие. Второе отделение пензенского присутствия осуществляло взаимодействие с сословными органами, в том числе утверждало в должности лиц, избранных сословными обществами. В этот период в деятельности местной администрации наблюдается тенденция к усилению давления на сословные учреждения. Иногда лишь вмешательство правительства возвращало чиновников в рамки закона. В 1910 г. потребовалось разъяснение Сената, чтобы заставить губернатора И. Ф. Кошко прекратить открытое вмешательство в выборы в мещанских обществах г. Пензы<sup>4</sup>.

Контроль над финансовой деятельностью органов местного самоуправления был одной из основных обязанностей губернского по земским и городским делам присутствия. Городская дума должна была представлять сметные расписания и отчеты об их выполнении. В случае претензий со стороны администрации она вносила коррективы в свои финансовые документы. Присутствие регламентировало денежные сборы, вводившиеся местным самоуправлением. Любые займы в обязательном порядке санкционировались присутствием, даже если это были заимствования из собственного резервного капитала городского самоуправления. Присутствие наблюдало за тем, чтобы проектируемые думой мероприятия не выходили за пределы ее финансовых возможностей. Но в тех случаях, когда подобные мероприятия совпадали с общими тенденциями государственной политики, они находили безусловную поддержку у пензенской администрации, которая ходатайствовала перед правительством об оказании финансовой помощи.

В тоже время контроль над финансовой деятельностью использовался правительством как способ давления на органы городского самоуправления, если их интересы не совпадали с задачами государственной политики. Проводившее политику протекционизма, правительство

---

<sup>1</sup> Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 294.

<sup>2</sup> Свод Законов Российской империи Т. II. Ч. I. СПб., 1897. стб. 139. ст. 48-49.

<sup>3</sup> Нардова В. А. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX – начале XX в. // Власть или революция? Россия 1861 – 1917. СПб. 1992. С. 59.

<sup>4</sup> Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 7838. Лл. 215-215 об.



добивалось, чтобы городские учреждения приобретали аналогичные товары у российских производителей, а не у их иностранных конкурентов. Поскольку российская продукция не всегда была конкурентоспособной, органы местного самоуправления часто игнорировали правительственные рекомендации. Чтобы заставить пензенскую городскую управу действовать в русле правительственной политики, губернское присутствие разрешало ей выпускать облигации займов на городские нужды лишь с условием использования полученных средств на покупку продукции отечественных предприятий. Исключения допускались только с разрешения Министерства торговли и промышленности и МВД<sup>1</sup>.

Губернские власти особо следили за выполнением органами городского самоуправления тех административно-хозяйственных функций, которые по закону попадали в число обязательных. Все они, в той или иной степени, относились к обеспечению деятельности различных государственных органов. Пресекались любые попытки уклониться от обязанностей по содержанию местной администрации, одновременно городской думе приходилось отбивать попытки местных чиновников всеми правдами и неправдами увеличить свое содержание за счет городского бюджета<sup>2</sup>.

Острые споры возникали между губернской администрацией и городской думой по вопросу о содержании полиции. Правительство неохотно шло на расширение полицейских штатов, в тоже время всячески поощряло попытки местных властей увеличить состав органов охраны правопорядка за счет городского бюджета. Такая постановка вопроса ставила местную полицию в зависимость от городского самоуправления, взаимоотношения с которым у полицейских чиновников были сложными. У думы не хватало средств на содержание полиции, и она всячески старалась сократить эти расходы. К тому же, иногда добросовестное выполнение полицией своих функций, особенно санитарного надзора, прибавляло отцам города новых хлопот и уменьшало их симпатии к полицейским. Неумение пензенской администрации, в том числе и полицмейстера Д. Д. Кандаурова, найти общий язык с городским самоуправлением привело к тому, что в Пензе почти два года – 1905-1906 г.г. – шла борьба между городской думой и полицией по вопросу о кредите в 2280 руб. на расширение штатов. В условиях революционного подъема необходимость укрепления репрессивных органов была очевидна. Но дума хотела за свои деньги получить полицейское подразделение, которое будет действовать, в первую очередь, в ее интересах и приняла решение о выделении требуемой суммы на создание торгово-хозяйственной полиции под контролем местного самоуправления. Создание подобных учреждений разрешалось законом, однако губернская администрация использовала все возможные способы, чтобы не допустить создание неподконтрольного ей полицейского подразделения. Городское самоуправление упорно отказывалось платить за полицию, которой оно не сможет распоряжаться по своему усмотрению. В итоге правительство вынуждено было взять эти расходы на себя<sup>3</sup>.

Органы местного государственного управления выносили свои претензии к деятельности городских учреждений на суд губернского по земским и городским делам присутствия. Если присутствие находило их обоснованными, то его постановления имели обязательную силу для городского самоуправления. Иногда государственные коммерческие учреждения прибегали к содействию присутствия для того, чтобы с выгодой для себя решить споры с местным самоуправлением. В 1908 г. управление Сызрано-Вяземской железной дороги апеллировало к губернскому присутствию с целью добиться от Пензенской городской думы существенного снижения цены на отчуждаемую у города землю<sup>4</sup>.

Закон наделял губернские власти широкими полномочиями по преследованию должностных преступлений членов городского самоуправления. Дела подобного рода могли инициироваться губернским по земским и городским делам присутствием, выноситься на его рассмотрение другими государственными учреждениями, а также органами местного самоуправления. Присутствие могло ограничиться дисциплинарным взысканием или санкционировать судебное разбирательство. Решения о наказании членов сословного самоуправления выносились на основании ревизий проводившихся губернским правлением.

Государственная политика в сфере местного самоуправления носила патерналистический характер. Местная бюрократия вынуждена была терпеть самостоятельность городских

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1192. Л. 4 об.

<sup>2</sup> Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 13.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7806. Л. 4.

<sup>4</sup> ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1078. Л. 108.

представительных учреждений, которые освободили губернские власти от значительной части административно-хозяйственных функций. Однако она не оставляла попыток навязать пензенской городской думе присущие царской администрации методы управления и сориентировать ее на первоочередное обслуживание государственных интересов и лишь потом насущных нужд местного населения.

*К. Н. Гацунаев,  
к. ф. н., доцент кафедры истории и культурологии  
ФГБОУ ВПО «Московский государственный  
строительный университет»,  
г. Москва,*

## **МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

В силу ряда объективных и субъективных причин, советская архитектура с начала 1930-х и до начала 1990-х годов находилась в состоянии фактической самоизоляции. Между тем, на протяжении большей части своей истории русская архитектура находилась под воздействием тех или иных тенденций и явлений в мировом архитектурном процессе. Особенно отчетливо это воздействие начинает проявляться в петровскую эпоху. Было положено начало новому этапу развития отечественного зодчества, как части европейской архитектуры. Почти два столетия существования имперской архитектурной традиции ознаменовались не просто усвоением всего набора европейских технологических и художественных методов, но и творческим сотрудничеством русских и иностранных зодчих. В этих условиях целые династии европейских мастеров десятилетиями работали в России: Растрелли, Жилярди, Брюлловы, Бенуа и др. К началу XX в. значительная часть отечественной архитектуры была представлена творчеством «русских иностранцев» (Ф. О. Шехтель, Р. И. Клейн, Ф. И. Лидваль, А. А. Оль, В. Ф. Валькот, П. Ю. Сюзор, И. И. Рерберг и др.).

Вплоть до начала Первой мировой войны работа в России была обычным делом даже для маститых европейских архитекторов. Так, Петер Беренс (учитель и наставник Ле Корбюзье и Миса ван дер Роэ) только в 1913 г. закончил строительство в Петербурге спроектированного им здания нового германского посольства. Глобальный конфликт (1914-1918 гг.), а также последовавшая за ним череда революций и гражданских войн сильно изменили условия существования людей и требования к архитектуре.

В России после октября 1917 года пролетарский интернационализм провозглашается основой государственной политики. Надежды на скорую и неминуемую победу мировой революции побуждали власть поощрять расширение связей отечественных деятелей культуры с близкими по духу и политическим взглядам представителями зарубежных интеллектуалов и технических специалистов. В этом социальном слое в Европе имелось немало специалистов-строителей и архитекторов, симпатизировавших Советской России, и разделявших основные теоретические взгляды и подходы деятелей советского архитектурного авангарда. Так, для российского общества послереволюционной поры характерны выраженные уравнивательные принципы, сильно влиявшие на архитектурное творчество. Но и в Европе того времени были весьма популярны аналогичные идеи. Даже В. Гропиус отмечал: «Большинство людей имеет одинаковые потребности. Поэтому, вполне логично... попытаться удовлетворить такие одинаковые потребности одинаковыми средствами»<sup>1</sup>.

Еще более выраженный интерес к сотрудничеству с советскими коллегами проявил преемник Гропиуса на посту руководителя Баухауза швейцарский архитектор Ханнес Мейер. Он считал марксизм единственным мировоззрением, способным объяснить и разрешить существующие в обществе проблемы. Деятельность коммунистической парторганизации и чтение лекций по марксистской теории в Баухаузе стали при Мейере нормой. Когда в 1930 г. магист-

---

<sup>1</sup> Гропиус В. Последовательность подготовительных работ для рационального осуществления жилищного строительства // Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972. С. 334.

рат города Дессау изгоняет его из Баухауза, Мейер, вместе с единомышленниками из числа преподавателей и студентов создает архитектурную бригаду «Рот Фронт», и во главе ее едет работать в Советский Союз. Похожим образом в СССР оказывается группа инженеров и архитекторов, возглавляемая Эрнстом Маем. С 1925 г. Э. Май работал городским архитектором Франкфурта-на-Майне. Здесь, социал-демократы, находившиеся во главе городской администрации, с 1919 г. пытались практически реализовать масштабную программу жилищного строительства для рабочих. Активной строительной деятельности способствовали несколько обстоятельств, сближавших ситуацию в этом немецком городе с социальными реалиями в СССР. Например, свыше 90 % франкфуртских фирм принадлежали городу, он же был собственником почти половины всех городских земель. Сильные немецкие профсоюзы и социал-демократические кооперативы настаивали на социально ориентированном градостроительстве.

Не случайно, именно Франкфурт стал местом проведения второго конгресса CIAM (1929 г.), посвященного проблемам минимально необходимого жилища. В основном докладе на этом конгрессе В. Гропиус прямо увязывал принципы организации жилища с задачей освобождения семей (женщин, в первую очередь) от тяжелого физического труда по ведению домашнего хозяйства. В СССР официально провозглашалась точно такая же задача. Популярнейший лозунг двадцатых годов в нашей стране – «Вырвем женщину из домашнего рабства!». В строительстве фабрик-кухонь, государственных прачечных, механизированных хлебзаводов, домов-коммун и домов «переходного типа» виделся способ достижения этой цели. Еще в 1925 г. Моссовет объявил конкурс на проект «коммунального дома». В основу его задания был положен принцип полного освобождения домашней хозяйки от повседневной домашней работы.

Даже аскетизм формальных средств, применяемых архитекторами в обеих странах, абсолютно идентичен. Объяснялось это не только послевоенной бедностью, но и стремлением советских и немецких архитекторов того времени выразить таким образом принципиально новый характер классовой «пролетарской» морали в СССР, или коллективную дисциплину жителей франкфуртских кооперативных комплексов. Деятельность Э. Мая и его сотрудников по «Новому Франкфурту» привлекала пристальное внимание российских градостроителей. В течение двадцатых годов практиковались регулярные командировки советских специалистов в Германию с целью изучения немецкого опыта. Но этого показалось недостаточно.

В апреле 1929 г. на XVI партконференции принимается первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. На открытии конференции председатель Совнаркома А. И. Рыков сетовал на кадровый голод, на острейшую нехватку специалистов (особенно инженеров высшей квалификации и архитекторов-градостроителей). Глава советского правительства прямо отмечал: «... мы оказались тут слабы как дети. Сделать многое, опираясь только на наши наличные кадры, мы едва ли сможем. А за границей эта отрасль, несмотря на все помехи, которые связаны там с частнособственническим укладом хозяйственной жизни, развивается исключительно быстро». Далее, Рыков сделал логичный вывод: «Если мы теперь употребляем большие усилия для освоения западноевропейской и американской техники, то использование заграничного научно-технического опыта должно достигнуть... неизмеримо больших масштабов. Но, когда мы замыслием произвести переворот в нашей технике, такие меры, как приглашение одной-двух сотен иностранных специалистов, не могут разрешить вопроса»<sup>1</sup>.

Мировой экономический кризис 1929 г., сильно урезавший социально ориентированные градостроительные программы в Европе и начало реализации пятилетнего плана в СССР, стали дополнительными стимулами для приезда в нашу страну значительного числа заметных фигур из мира западной архитектуры. Часть из них ограничилась участием в многочисленных конкурсах архитектурных проектов. Даже в главном конкурсе такого рода – на разработку проекта Дворца Советов в Москве (1931 г.), в тройку победителей вошел американский архитектор Г. О. Гамильтон. Гораздо больше западных специалистов работало непосредственно в советских проектных организациях и на строящихся объектах. Ярким образцом такой работы по праву считается спроектированное Ле Корбюзье здание Центросоюза в Москве. Главный архитектор заводов Форда – Альберт Кан, в этот период также работал над советскими зака-

---

<sup>1</sup> XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 14-15.

зами. Эрнст Май со своими многочисленными учениками и сотрудниками должен был, по замыслу принимающей стороны, обучить советских специалистов ускоренной разработке архитектурных проектов. Ханнес Мейер также начинает преподавать во Всесоюзном архитектурно-строительном институте (с октября 1930 г.).

Географические рамки работы иностранных специалистов вышли далеко за пределы столицы. Особенно велика их концентрация на Урале и в Западной Сибири (Свердловск, Пермь, Орск, Мотовилиха, Закамск, Новосибирск, Сталинград, Новокузнецк и др.). Многообещающее начало совместной работы не получило столь же результативного продолжения. Уже к середине тридцатых годов большая часть немецких архитекторов покинула СССР. Те из них, кто подчеркивал свою аполитичность и исключительно материальную заинтересованность в работе над советскими заказами (зарплата Э. Мая, например, составляла 3000 рублей плюс 3000 долларов ежемесячно, что соответствовало его доходам во Франкфурте) хотя и с некоторыми неприятностями, но смогли вернуться на Запад. А вот принявшие советское гражданство, создавшие здесь семьи и активно участвовавшие в общественной жизни зарубежных специалисты попали под «каток» репрессий.

Причиной такого трагического финала была смена идейно-политической парадигмы развития СССР, шпиономания и разочарование советского руководства в архитектурном авангарде любых оттенков. Набирала силу тенденция на полное обособление отечественной архитектуры от западной. Своего апогея эта линия достигла на рубеже 1940-50-х гг. Однако, спустя полвека, теория и практика советского архитектурного авангарда становится объектом пристального внимания, цитирования, а иногда и прямого заимствования в западной архитектуре. В практике неомодернизма, деконструктивизма, постмодернизма и хай-тека в качестве источников отчетливо проявляются идеи и образы ранней советской архитектуры.

*Г. Е. Горланов,  
д.фил.н., заведующий кафедрой литературы  
и методики преподавания литературы  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ИСТОРИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

История Пензенской писательской организации начинается с заседания Правления Союза Советских писателей 21 января 1958 года, на котором с докладом-предложением о создании отделения Союза писателей в Пензе выступил известный столичный литератор Сергей Сартаков. Инициатива была поддержана, принято соответствующее решение. 15 февраля 1958 года состоялось организационное собрание пензенских писателей, внимательно выслушавших Ответственного секретаря оргкомитета СП РСФСР В. В. Архангельского. Именно этот день стал историческим в литературной и культурной жизни области.

Сразу же, не откладывая дела в долгий ящик, сформировали первое бюро писательской организации в составе Н. М. Почивалина, Н. И. Каткова, В. Л. Садовского, а на следующий день на заседании бюро был избран ответственным секретарем бывший фронтовик-артиллерист Николай Иванович Катков.

Такое важное событие, разумеется, свершилось с одобрения областных властей. С речью к собравшимся обратились тогдашний секретарь Пензенского обкома КПСС А. Г. Цветков, руководитель Куйбышевской организации писателей В. Г. Корнилов, от саратовских писателей – Г. Ф. Боровиков, редактор газеты «Пензенская правда» Ф. И. Самарин, начальник управления культуры Н. В. Христофоров.

Первоначально в Пензенскую областную писательскую организацию входило шесть человек: кроме названного состава бюро – А. П. Анисимова, А. И. Карасев, Г. Н. Федотов. В конце 1958 года в Союз писателей был принят В. И. Кирюшкин, окончивший Литературный институт им. А. М. Горького (заочно), поработавший редактором Колышлейской районной газеты «Социалистический путь», Тамалинской – «Организатор», Лопатинской – «Ленинец», Пензенской областной комсомольской газеты «Молодой ленинец».

Писательской организации нужно было помещение. Впервые решением исполкома Пензенского городского Совета депутатов трудящихся для работы бюро 11 ноября 1958 года выделены две комнаты в доме № 69 на улице Московской. Это было радостное событие, правда, выделенное место оказалось не постоянным, потом еще несколько раз писатели переходили с места на место. Длительное время, вплоть до «перестроечных» лет писательская организация находилась на втором этаже дома (рядом с пожарной частью), по улице Гладкова, 20, затем – в здании Центрального Дома искусств, областной филармонии (ул. Кирова, 51). Некоторое время помещение для писателей располагалось на первом этаже дома Музея И. Н. Ульянова на улице Красной. В настоящее время писательская организация размещается на ул. Белинского, 8, в редакции журнала «Сура».

1958 год был богат на события: 18 марта Бюро (Н. И. Катков, Н. М. Почивалин, В. Л. Садовский) избрало уполномоченным Литфонда В. Л. Садовского, занимавшегося материальным обеспечением писателей, а через месяц было принято решение о создании по территориальному принципу литературных групп. Такие группы появились в Кузнецке, Белинском, Каменке, Нижнем Ломове, Сердобске, Городище. Свой литактив организовался при самом Пензенском отделении СП РСФСР, литгруппы в Пензенском педагогическом институте, при газете «Молодой ленинец», была и заводская литгруппа. Для организационного управления и работы активистов-писателей вводилось писательское шефство – названные литературные группы курировали опытные писатели (Н. И. Катков – Нижний Ломов, В. Л. Садовский – Кузнецк, А. С. Васильев – Белинский, А. М. Петров – Каменка, кандидат филологических наук К. Д. Вишневский – Сердобске).

Для писателей главное – написание книг и их публикация. Важное значение для укрепления писательских рядов имело наличие своего печатного органа. В Пензе в конце 1950-х–начале 1960-х гг. было книжное издательство. В городе издавался литературно-художественный альманах «Земля родная», выходявший с 1947 года. Десять лет он радовал пензенских читателей, выходя в свет по два раза в год, а с 1957 года – по четыре раза, потом стал шестиразовым, правда, объем его несколько сократился. При этом альманах стал лучше расходиться, получив возможность оперативно откликаться на злобу дня.

Неплохой был и тираж – три–пять тысяч. В принципе, он удовлетворял любопытство любителей словесного искусства. Писатели уделяли этому печатному органу должное внимание, о чем свидетельствовали ежегодные заслушивания вопроса об издательском деле, проводились совещания с участием писательской организации, состава редколлегии, руководителей издательства, книготорга в Союзпечати. Конечно же, были и проблемы. Дело в том, что этот альманах фактически принадлежал двум творческим Союзам – журналистам и писателям. 14 октября 1959 года состоялось расширенное заседание бюро, на котором ставился вопрос об улучшении качества публикуемого материала, предлагались конкретные предложения о конкурентоспособности альманаха. В целях успешной (оперативной) работы этого печатного органа вынесли решение: сосредоточить его работу в одних руках. Эту идею неоднократно озвучивал Н. И. Катков, однако проблема так и не была разрешена.

7 и 8 марта 1959 года в Пензе проходил семинар детских писателей. В качестве руководителей сюда приезжали С. Баруздин и В. Баныкин из Москвы, В. Корнилов из Куйбышева, Г. Боровиков из Саратова. В работе семинара активное участие принимал Н. Катков. Гости, наряду с похвалами пензенских писателей, отмечали слабые стороны, в частности, критиковалась книга В. Канина «Мальчик на Кавказе» и повесть В. Кирюшкина «Белое озеро».

Работа Пензенского писательского бюро шла строго по намеченному плану. 5 марта 1960 года проходило отчетно-выборное собрание. Председательствующий Н. И. Катков дал развернутый анализ литературной жизни в области. Отмечались успехи Игоря Седова, Виктора Ракитина, Аполлона Петрова, Дины Злобиной, Серафима Давыдова, Александра Васильева, Михаила Вайнера, Матрены Смирновой. В прениях по докладу выступили К. Вишневский, П. Савельев, Ф. Самарин.

1 ноября 1960 года бюро рассмотрело вопрос об открытии при писательской организации консультативного пункта – консультантами назначены А. С. Васильев, И. Л. Миксон, И. П. Седов.

Событием для Пензы стал семинар литераторов 25-26 февраля 1961 года. Пензенские писатели говорили о творчестве молодых коллег. По этому случаю в областной центр при-

глашались лучшие литераторы из районов: С. Давыдов из Сердобска, С. Виноградов из Кузнецка, В. Попов из Каменского района, Б. Троянов из города Белинский, Б. Иванов из Шемейского района, Е. Самойлова из Соснобоборска, Г. Хвостов из Нижнего Ломова. До начала семинара писательское бюро проделало большую организационную работу. Предложено было подготовить выступления А. П. Анисимовой о М. П. Смирновой, А. И. Лядова о А. Ф. Смайкине и С. Н. Гастеве, Н. М. Почивалину о М. И. Вайнере и В. Н. Рубцове, Н. И. Каткову о И. П. Седове. Семинар прошел, судя по материалам газет, интересно, на высоком уровне.

Наличие книжного издательства и альманаха способствовало росту писательских рядов. В октябре 1959 года в члены Союза писателей был принят Андрей Иванович Лядов за публикации стихов в газетах и книгу стихов, вышедшую в Омске в 1953 году (род. в 1919 в г. Свердловске; автор книг: «Спасибо, день», 1961, «У нас в Заречном», 1962, «Талисман», 1963 и др.). Вскоре членами Союза писателей стали Давид Исаакович Штейнберг (Исай Давыдов, род. в 1927 году в Москве, автор книг: «Ребята с нашего двора», 1959, «На высоте», 1961, «Наташа», 1962 и др.), в 1961-м – Александр Сергеевич Васильев (род. в 1921 году в Пензе, автор книг: «Мамины картинки», 1960, «Мы не сдались», 1960, «Кино большое и малое», 1963 и др.) и Илья Львович Миксон (род. в 1923 году в селе Калининское Херсонской обл., участник Великой Отечественной войны, с 1960 по 1965 гг. жил в Пензе, автор книг: «Офицеры», 1958, «Дом у моста», 1963, «Сирень 316», 1964 и др.). Через год ряды писателей пополнились новыми членами: Игорь Павлович Седов и Дина Дмитриевна Злобина, в 1963-м – Александр Иванович Скорняков (род. в 1926 году в деревне Слудка Нолинского района Кировской обл., автор книг: «Рыжик», 1955, «Утро», 1955, «Приятели», 1956, «Слесарь-сборщик Станислав Фролов», 1956, «С такими не дружим», 1959 и др.), в 1964-м – Матрена Платоновна Смирнова, Михаил Исаакович Вайнер (род. в 1926 году в Виннице, «села, в котором я родился, – вспоминает писатель, – и улицы в Виннице, где я провел свое детство, больше нет – их уничтожили фашисты», автор книг: «Пусть ярость благородная», 1959, «Материнское сердце», 1961, «Во имя людей», 1962, «Солнце на лето», 1962). В 1965-м в члены Союза писателей СССР вступает Яков Гаврилович Танин (род. в 1923 году в Курске, участник Великой Отечественной войны, долгое время жил в Оренбурге, в Пензу переехал в 1961 году, автор книг вышедших в Пензе: «Радуга на веревке», 1963, «Рубиновый луч», 1964). Как видим, ряды писателей пополнялись ежегодно.

У А. Анисимовой, А. Васильева, Д. Злобиной, Н. Каткова, Н. Почивалина, В. Садовского, И. Седова, Г. Федотова были изданы книги в Пензе и Москве. Повесть Н. Почивалина «После зимы» переиздана в Венгрии, «Летят наши годы» – в Болгарии.

Пензенская писательская организация знала в своей истории взлеты и падения. Подъем творческой жизни писателей наблюдался в период, когда в Пензе работало, как я говорил, книжное издательство.

Неблагоприятным для писателей стал 1964-й год, когда специальными Указами столичных властей закрыто было Пензенское книжное издательство и почти одновременно – альманах «Земля родная». Протесты писателей не увенчались успехом. Постановление было до недалекости простым и наивным. Посчитали, что вновь созданного Приволжского книжного издательства будет достаточно для трех ближних областей: Саратова, Ульяновска и Пензы. К тому же в Саратове открывался новый журнал «Волга».

Наступали первые годы перестроечного периода. Суровые испытания постигли страну и творческие организации России в первые годы так называемой Перестройки. Господом коммунисты, пришедшие на смену товарищам-коммунистам, резко изменили политический климат общества и жизнь писательской организации на первом этапе в худшую сторону. Страна из самой читающей в мире превратилась в малочитающую: опустели почтовые ящики, некогда забытые газетами и журналами, книжные «развалы» заполнились «порнухой» и низкопробной литературой. Изменилась шкала духовности: продажность, насилие, секс, денежный беспредел стали символом нового времени «реформ» первоначального накопительства. Честь и совесть, долг перед Родиной, патриотизм остались не востребованными широкой частью общества. Столичный Союз писателей России разделился, по сути дела, на две организации: на меньшую, поддерживаемую идейно и материально новым правительством, и большую часть – писателей, сохранивших традиционные патриотические убеждения. Только небольшая

часть, далеко не лучших писателей, приспособились к новым условиям, большинство же до сей поры находятся в растерянности.

К счастью, в Пензенской писательской организации такого раскола не произошло: в основном пензенские литераторы работали и работают в традициях отечественной литературы, истоки которой – в классической русской литературе XIX столетия. Разумеется, события последнего десятилетия XX века наложили отпечаток на мировоззрение писателей, поставили перед ними новые цели и задачи. Жить и публиковаться стало труднее. Хотя демократизация общества смягчила цензурные препоны, а в некоторых случаях отказалась от нее вовсе. Появилась «цензура денег». Их наличие или отсутствие, базарный рынок стал определять издание книг. В сущности, пензенские литераторы ничем не отличались от своих «собратьев» других российских областей. Тем не менее, во многом непонятная перестройка таит в себе как минусы, так и плюсы.

Несмотря на выше названные трудности в конце 1990-х годов продолжался рост писательской организации. Писатели находили возможность издавать книги. В Союз писателей вошли единомышленники по стремлению сохранить и приумножить отечественную литературу. По списку, составленному ответственным секретарем правления Н. А. Куленко, на 1 января 2004 года в ней было 26 человек. На сегодняшний день насчитывается около сорока членов писателей. Почему «около»? Да потому, что жизнь не стоит на месте: одни писатели уходят из жизни, другие только вступают на писательскую дорогу.

Активность писателей во многом зависит от деятельности ответственного секретаря правления (последние восемь лет – председателя правления). Первым руководителем, как я уже писал, был Н. И. Катков – с момента организации и до мая 1984 года (освобожден по состоянию здоровья). С декабря того же года должность ответственного секретаря занял А. А. Сазонов, проработавший шесть лет. В 1990 году он был освобожден от секретарских забот также по состоянию здоровья. Новым ответственным секретарем писатели выбрали Н. А. Куленко. Он работал в этой должности до 2004 года. Именно при его руководстве пензенская писательская организация количественно выросла. С 2004 по 2007 гг. ей руководил Виктор Иванов, которого сменил Ю. А. Кузнецов. С 2011 года «бразды правления» писатели доверили Б. В. Шигину.

Писатели Пензы продолжают выпускать книги. Если сложить вместе только те, изданные в последние три-четыре года, то получится солидная книжная полка. Такая вот тяга к творчеству в литературном процессе конца XX – начала XXI столетия в Пензенской области. Сожалеть можно только о малых тиражах, да и качество отдельных книг, объективно говоря, не всегда удовлетворительное. Оно и понятно, большинство из них выходит в авторской редакции, в частных типографиях, не несущих ответственность за выпускаемую продукцию. В данном случае не имеются в виду члены Союза писателей России. Здесь можно только сетовать на сравнительно малый тираж. А с небольшими тиражами трудно выходить на всероссийскую арену, хотя, еще раз подчеркиваю: если говорить по большому счету, книги наших пензенских писателей достойны внимания всероссийского читателя.

В целом же я бы не назвал последние десять лет неудачными для Пензенской писательской организации. Добрых дел литераторов, выступающих на разных вечерах и конкурсах, иных юбилейных мероприятиях, немало. Достижения многих писателей отмечаются наградами.

Соблюдение традиций старшего поколения помогло избежать резких изменений в литературном процессе и в судьбах отдельных писателей. Остались традиционные праздники проведения Дня лермонтовской поэзии (в Пензе и в Тарханах), ежегодное празднование дней рождения В.Г. Белинского (в Пензе и в городе Белинский) и А. С. Пушкина в «Пушкинском сквере» (теперь он еще празднуется как день русского языка), «Купринских чтений» в Пензе и в Наровчат, «Малышкинских чтений» в Пензе и в Мокшане, юбилейные даты пензенских литераторов, поэтических вечеров и выступлений писателей в самых различных аудиториях, представлений новых книг в Литературном музее, областной Лермонтовской библиотеке. В последние годы утвердилось плановое обсуждение выпускаемых номеров журнала «Сура» (шесть раз в год после выхода каждого номера). Все это спланирует писателей, делает их коллективом единомышленников при естественной разнице характеров и мировоззренческих позиций.

Писательская организация вносила и вносит большой вклад в развитие культуры Пензенской губернии. Активность писательской организации возрастает. Не замечать этого было бы большой ошибкой. Государство без поэзии обречено на вымирание. Пока что правительственные чиновники этой истины не понимают. Пензенская областная писательская организация уверенно смотрит в будущее. Оправдывают такую уверенность творческие поиски самих писателей, появление новых молодых талантов. Более чем полувековой маршрут пройден литераторами достойно, хотя порой и не без трудностей. Творческая работа, вообще, немислима без трудностей – потому-то она и называется творческой. Главное же – есть перспективы на будущее, которые необходимо осуществлять для дальнейшего движения вперед во славу нашего Пензенского края.

*Н. Г. Демкина, Е. В. Мастерова, А. А. Рогов,  
ИФиС Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ БЕГУ НА ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ ПЕНЗЕНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Бег на длинные дистанции начинается с высокого старта. В беге на 5000 и 10000 м – общий старт на вираже. По сигналу спортсмен начинает бег, делая первые шаги в большом наклоне, который постепенно уменьшается. Длина шагов и скорость бега увеличиваются, и спортсмен переходит к свободному бегу.

Во время бега туловище бегуна слегка наклонено вперед или вертикально. Небольшой наклон позволяет лучше использовать отталкивание. При большом наклоне затрудняется вынос вперед согнутой ноги, от этого уменьшается длина шага, а, следовательно, и скорость бега. Кроме того, при большом наклоне постоянно напряжены мышцы, удерживающие туловище в положении наклона. Отсутствие же наклона ухудшает условие отталкивания, хотя улучшает возможность выноса вперед маховой ноги. При правильном положении туловища создается благоприятное условие для работы мышц и внутренних органов.

Во время бега наклон туловища изменяется в пределах 2-3 градусов: увеличивается к моменту отталкивания и уменьшается в момент приземления. Положение головы существенно влияет на положение туловища. Голова держится прямо, взгляд направлен вперед.

В технике бега самое важное – это движение ног. Нога, немного согнута, ставится на грунт упруго (эластично) передней частью стопы с последующим опусканием на всю стопу. Постановка ноги на переднюю часть стопы позволяет эффективнее использовать эластичные свойства мышц стопы и голени, активно участвующие в отталкивании, носки почти не разворачиваются в стороны.

Эффективное отталкивание характеризуется выпрямлением ноги во всех суставах. Угол отталкивания в беге равен примерно 50-55 градусов. Если у ведущих бегунов на средние дистанции высота подъема бедра маховой ноги доходит почти до горизонтали, то бегуны на длинные дистанции меньше поднимают бедро маховой ноги вверх. Мышцы ноги, закончившей отталкивание, расслабляются в полете, и нога, сгибаясь в коленном суставе, быстро выносится вперед. В момент вертикали или когда бедро маховой ноги выйдет несколько вперед по отношению к опорной ноге, маховая нога согнута больше всего. Согнутую ногу можно быстрее вынести вперед, однако это сгибание должно быть не принужденным при наибольшей раскрепощенности мышц-антагонистов. Большая скорость движения бедра вперед и умение расслаблять мышцы в момент маха влияют на величину угла сгибания маховой ноги в коленном суставе. У разных бегунов он колеблется в пределах 25-50 градусов.

Длина шага бегунов на длинные дистанции равна 160-200 см и непостоянна даже у одних и тех же спортсменов. Колебания зависят от наступившего утомления, неравномерности пробегания отдельных участков дистанции, качества беговой дорожки, силы и направления ветра, состояния спортсмена.



Повышение скорости бега за счет увеличения длины шага ограничено, так как слишком длинный шаг требует очень больших затрат сил. Поэтому скорость бега повышается за счет увеличения частоты шагов при сохранении их длины.

Амплитуда движения рук зависит от скорости бега. Кисти при движении вперед не пересекают средней линии тела и поднимаются примерно до уровня ключицы, при движении назад доходят до задней линии туловища (если смотреть на бег сбоку). Руки двигаются маятниковобразно, пальцы свободно сложены, предплечья не напряжены, плечи не поднимаются вверх. К концу дистанции вследствие утомления некоторые бегуны отклоняют туловище назад. Такое положение туловища не способствует эффективности бега, так как усилия при отталкивании направляются больше вверх.

При беге увеличивается потребность организма в кислороде; потребление его возрастает до 4-5 л. Возросшие потребности в кислороде удовлетворяются главным образом повышением частоты дыхания. Между частотой, глубиной дыхания и темпом бега устанавливаются определенные связи.

Ритм дыхания зависит от индивидуальных особенностей и скорости бега. При небольшой скорости бега одно дыхание выполняется на 6 шагов, с увеличением скорости бега – на 4 шага (2 шага – вдох, 2 шага – выдох), иногда – на 2 шага.

*Т. А. Евневич,  
директор ГБУ «Госархив Пензенской области»,  
г. Пенза*

**ТОРГОВЫЕ ОБОРОТЫ ЯРМАРОК Г. ПЕНЗЫ  
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ  
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ  
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»)**

Изданный в 1863 году обзор экономического состояния городских поселений Европейской России указывает, что в Пензе на тот период существовало 3 ярмарки: Петропавловская, Семиковская и Никольская. Если вполне определенно можно сказать, что Никольская ярмарка берет свое начало с 1862 года, то год организации первых двух ярмарок точно назвать затруднительно, известно только, что они существовали еще до образования Пензенской губернии. Наибольшее значение для Пензы имела Петропавловская ярмарка, начинавшаяся в день Святых Петра и Павла. Длилась она, как правило, с 24 июня по 3 июля. Вторая по значению – Семиковская возникла так же, как и Петропавловская, еще до создания Пензенской губернии, но несколько позднее Петропавловской. Проходила Семиковская ярмарка на седьмой неделе после Пасхи, отсюда и ее название. По размеру торговых оборотов эта ярмарка не шла ни в какое сравнение с Петропавловской, на ней продавалось товаров на сумму около 3 тысяч рублей, преобладающую роль на этой ярмарке имела торговля лошадьми. Для сопоставления размаха торговли на этих ярмарках приведем размеры сборов с лавок в 1872 году: Семиковская ярмарка – 657 руб. 3 коп., Петропавловская ярмарка – 4225 руб. 7 коп., Никольская – 30 руб.

Никольская ярмарка проходила в период с 1 по 15 декабря, товарооборот ярмарки был крайне незначителен. Торговлю на открывшейся 1 декабря 1862 года Никольской ярмарки вели 8 иногородних купцов и 2 пензенских, к концу XIX века «...за отсутствием торговцев практически не открывалась».

Все сведения, как о подготовке ярмарки, так и о ее проведении, количестве проданных товаров, в обязательном порядке поступали к губернатору, кроме этого, сведения о движении торговли на ярмарках публиковались в газете «Пензенские губернские ведомости». Эти документы, сохранившиеся в ГБУ «Госархив Пензенской области» и явились источниками для изучения товарооборота пензенских городских ярмарок.

Конец XVIII – начало XIX века характеризуется значительным ассортиментом товаров, продаваемых на ярмарках г. Пензы, а также количеством торгующих на них. География торгующих довольно обширна: кроме пензенских торговцев наблюдается значительное коли-

чество приезжающих со своим товаром из Москвы, Ельца, Тулы, Казани, Арзамаса, Серпухова и др. Купцы, из Нижнего Новгорода привозили изделия из железа, из Москвы и Костромы – игольный товар, из Самары и Кинешмы – полотняный товар и т.д. Товары на пензенских ярмарках продавались как местного производства, так и привозные, зачастую закупаемые на крупных оптовых ярмарках, например, таких, как Нижегородская.

К сожалению, проследить соотношение привезенного на продажу товара и проданного на ярмарках в полной мере не представляется возможным, однако, достаточно полно в документах отражены доходы, поступающие в доход городского бюджета от сдачи торговых лавок для ярмарочной торговли и организации на ярмарках различных питейных и увеселительных заведений. Так, в конце XVIII – первой половине XIX века поступления от ярмарочной торговли в городской бюджет составляли по подсчетам от 4,5 тыс. руб. в 1808 году до 16,1 тыс. руб. в 1827 году, что составляло от 45 до 65 % всех поступлений, правда, стоит отметить, что такой высокий % зависел не только от количества торгующих на ярмарках, но и от незначительного абсолютного количества других источников пополнения городского бюджета.

В дальнейшем составляющая часть пополнения городского бюджета от доходов от ярмарок значительно уменьшается, это связано как с сокращением количества торгующих на ярмарках, так и с увеличением других видов поступлений в городской бюджет. К началу XX века доход с мест, сдаваемых под торговлю на время ярмарок, составлял около 3 тыс. руб, что составляло менее 1 % всего дохода г. Пензы<sup>1</sup>.

Под товарооборотом понимается соотношение завезенного и проданного на ярмарке товара. Динамику товарооборота, например, самой крупной Петропавловской ярмарки можно представить таблицей:

Год	Привоз товара (руб)	Продажа товара (руб)	% реализации
1835	1467100	728890	49,7
1841	529500	195460	36,9
1862	500000	215000	43,0
1875	430000	90000	20,9
1878	209300	84590	40,4
1882	254200	145100	57,1
1884	204400	65010	31,8
1885	188300	53550	28,4
1887	223000	82600	37,0
1894	431130	307090	71,2
1903	426960	213235	49,9
1905	195040	69200	35,5
1910*	587000	440247	75,0
1913**	582250	396980	68,1
1915***	485040	272805	56,2

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 718.

Успешный ход торговли на ярмарке зависел не столько от объема привезенного на продажу товара, сколько от его востребованности, т.е. продажи. Объемы и ассортимент привозимого товара находились в прямой зависимости не только от реализации товаров на ярмарке предыдущего года, но и от различных политических событий внутри страны и на внешнеполитической арене. Изменение общей стоимости товарной массы не всегда было пропорционально изменению ее объема, т.к. имело место изменение стоимости единицы товара.

Анализ количества завезенного и проданного на ярмарке товара позволяет сделать вывод, что продавался лучше всего разный хлеб в зерне (до 100 % от завезенного), рыба (до 75 %), лошади (до 50 %), хлопчатобумажные ткани (до 50 %), ободья и колеса (до 85 %), хуже всего – шерстяные, полушерстяные и суконные ткани (до 10 %).

Изменение таможенных пошлин на ввозимые из-за рубежа товары отражалось не только на развитии производства отечественных товаров, но и на наличие товаров иностранного производства на ярмарках. Так, если в начале XIX века на ярмарках города Пензы наблюдался достаточный ассортимент товаров иностранного производства, в частности, тканей, то уже в отчете о ярмарке за 1835 г городская дума сообщала губернатору про товары иностранного производства: «В продаже сих товаров было меньше прошлого года по улучшению российских и сходных против оной цене»<sup>1</sup>.

Из иностранных товаров особым спросом пользовался чай, продажи которого достигали высокого процента, например, на Петропавловской ярмарке 1868 года иностранного товара, завезенного на сумму 55050 руб. было продано на 30150 рублей, из них только чая продано на 15 тыс. руб. (из другого товара продано больше только сахара – на 17200 руб.)<sup>2</sup>.

Определенное влияние на ход торговли на Пензенских ярмарках оказывали и войны. Так, с началом в 1904 г войны с Японией, произошло резкое уменьшение продаж всего ассортимента товара, за исключением лишь сарпинки (легкая хлопчатобумажная ткань). Доход от сбыта лошадей и крупнорогатого скота уменьшился на 74 тыс. руб. Сократившиеся против 1903 года обороты по торговле лошадьми можно объяснить, прежде всего, состоявшейся в начале июня поставкою лошадей в войска и затем отсутствием покупателей для вывоза лошадей за границу. Плохая торговля зависела от совпадения со временем мобилизации войск в Пензенской губернии. Многие обычные торговцы вообще не приезжали, полагая, что ярмарка не состоится, однако, было отмечено наличие торговцев из Саратовской, Симбирской, Казанской, Московской губерний, а также из Ташкента<sup>3</sup>.

В 1904 г. доход в городской бюджет от ярмарок по сравнению с предыдущим годом сократился на 1823 руб., т.е. почти в половину<sup>4</sup>.

К 1910 году торговля на ярмарках Пензы несколько оживилась, хотя суммы продаж в некоторой степени увеличились все же за счет стоимости единицы товара. Основными предметами торговли стали лошади и скот. Цены на них были достаточно высокими. Так средняя цена кровных и полукровных лошадей была 350 руб., простых лошадей 150 рублей, средняя цена за одну голову крупнорогатого скота составляла 100 рублей. Продано на ярмарках г. Пензы в 1910 г. кровных и полукровных лошадей 350 голов, простых – 300, крупнорогатого скота – 700 голов. Простой математический подсчет показывает, что более 50 % товарооборота приходилось на продажу лошадей и скота<sup>5</sup>.

К 1914 году объемы продаж лошадей и скота на ярмарках г. Пензы превышали 2 тыс. голов, продаваемость составляла лошадей в среднем 80 %, скота 65-70 %. Наблюдалась достаточно высокая продаваемость сарпинки (30 % от привоза), пряничного товара (76 %), игрушек (61 %)<sup>6</sup>.

Практически во всех отчетах начала XX века губернатору о ярмарках городская дума отмечала, что стечение народа и приезжих торговцев наблюдалось в первые три дня ярмарки,

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 274. Л. 28об.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 156. Л. 13об.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 659. Л. 410.

<sup>4</sup> Там же. Д. 680. Л. 14об.

<sup>5</sup> Там же. Д. 1149. Л. 15.

<sup>6</sup> Там же. Д. 1055. Л. 40.

в последующие дни оставались только местные торговцы)<sup>1</sup>.

К концу XIX века торговые обороты Пензенских ярмарок значительно уменьшились, меньше стало приезжать иногородних купцов, а местные купцы все чаще стали обращаться в городскую думу с просьбой о снижении арендной платы за лавки на Ярмарочной площади из-за плохих торговых оборотов.

В изданной в 1911 году книге В. И. Денисова «Ярмарки» приводятся сведения на конец XIX века о товарообороте ярмарок городов среднего земледельческого района, в который кроме Пензенской губернии входили Тульская, Орловская, Рязанская, Курская, Тамбовская, Саратовская, Симбирская и Воронежская губернии. Товарооборот ярмарок г. Пензы был наименьшим<sup>2</sup>.

Этот процесс был во многом вызван объективными причинами. Развитие промышленности и транспорта способствовало развитию новых форм торговли. Пенза по сравнению со многими губернскими городами находилась в менее выгодном географическом положении, что также не способствовало превращению ее в крупный торговый центр.

*Е. Е. Жаринова,  
методист ГАОУДОД «Пензенская областная  
станция юных туристов»,  
г. Пенза*

#### **К ВОПРОСУ ИСТОРИИ МАСОНСТВА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ПГКМ**

«Масонство, – записано в конституции «Великой ложи Франции», – есть всемирный союз, покоящийся на солидарности. Цель масонства – нравственное совершенствование человечества. Его девиз – Свобода, Равенство и Братство. В глазах масонов все последователи равноправны, невзирая на различия национальные, расовые, религиозные, на различия в состоянии, звании и положении...».

В Россию масонство пришло вместе с реформами Петра I. Сам царь масоном не был, но, скорее всего, испытал влияние масонских идей, будучи за границей, так как уже в планировку Петербурга заложена масонская символика.

К концу XVIII века весь цвет русского дворянства состоит в братстве. Представители таких знаменитых родов как Бутурлины, Голицыны, Разумовские, Долгорукие, фельдмаршал Репнин, генералиссимус Суворов, великий полководец Кутузов, Пушкин, Дельвиг, Вяземский были масонами. К тому же цели масонства были созвучны идеям века Просвещения.

Сведения о пензенских масонах конца XVIII – начала XIX века имеют отрывочный и разрозненный характер. Достоверно известно, что масонами высоких степеней посвящения были Александр Борисович Куракин и Всеволод Алексеевич Всеволожский. К тому же посредничество А. Б. Куракина позволило части русского масонства официально присоединиться к шведской системе строго наблюдения. К членам братства вольных каменщиков принадлежали известные в империи Александр Николаевич Радищев (но не долго) и Александр Алексеевич Панчулидзе. На рубеже веков масонские ложи существовали в ближайших к Пензе губернских городах. Так в Казани в 1776-1787 годах действовала ложа «Восходящее Солнце», в Симбирске с 1784 года существовала ложа «Златой венец», в которой состоял Карамзин, и «Ключа к добродетели» (с 1817), в Саратове (с 1815) ложа И. А. Фесслера. О существовании масонской ложи в Пензе нет даже косвенных свидетельств. Но в отделе фонда редкой книги в коллекции книг XVIII века есть масонские сочинения. Два из них «Иоанна Масона А. М. познание самого себя...» и «О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания» являлись для членов братства программными. Помимо книг в отделе фондов хранятся также деревянная кружка (вероятнее всего, так называемая, кружка вдовы, прибор для собирания пожертвований в пользу нуждающихся братьев и их се-

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 886. Л. 32об-33.

<sup>2</sup> Денисов В. И. Ярмарки, СПб, 1911.

мей), двусторонняя печать-гемма, картина маслом с масонской символикой. Книги, картина и печать, судя по записям в инвентарных книгах, поступили в Пензенский краеведческий музей в 20-е годы XX века. Кружка была передана в 1950-е годы из Сердобского музея. Вышеназванные предметы говорят о том, что братья вольные каменщики жили в своих поместьях в губернии и продолжали заниматься самосовершенствованием, т.е. «обтесывать дикий камень». Но к каким ложам могли они принадлежать, с кем поддерживали связи?

В «Воспоминаниях о пережитом и перечувствованном» Александра Петровича Беляева мы встречаем строки о тесной связи Петра Беляева с известнейшими московскими масонами: «[Отец] одно время был секретарем в ложе Лабзина и его другом. Между близкими ему масонами были: Поздеев, граф Разумовский, князь Гагарин, Зверев, Грабе.... Помню, что когда я был в отпуске в 1820 и 1821 годах, матушка получала письма от Лабзина из Пензы, куда он потом был переведен, высланный из Петербурга, кажется в Пермь...»<sup>1</sup>. Все вышеперечисленные братья принадлежали к московскому масонству, занимали высшие должности в так называемом теоретическом градусе и были соратниками Новикова и Шварца, которые способствовали тому, чтобы российское масонство получили определенную организацию и самостоятельность и широко развили просветительскую и благотворительную деятельность вольных каменщиков. Благодаря деятельности Шварца русское масонство было признано независимым от Швеции и получило организацию «теоретического градуса», по которой братья могли получать новые познания, а так же Россия признавалась независимой 8-ой самостоятельной франк-масонской провинцией. В 1784 году из созданного ими дружеского общества выделилась «Типографическая компания» исключительно для печатания книг. Душой этой компании был Н. И. Новиков. Дружеская компания и Типографическое общество выпустило множество книг, как общего, так и масонского содержания. Так «Древняя российская Вивлиофика» издавалась именно Типографической компанией.

От московских матерей-лож зависели ложи в других городах России. Так казанская ложа «Восходящего Солнца» примыкала вероятнее всего к Москве, к московской префектуре, так же как и ближайšie ко второй столице губернии. В опубликованных С. В. Ешевским документах мы встречаем учредительный акт Рязанской ложи Орфея от матери – ложи Трех Знамен, согласно которому «по прошению почтенных братьев-мастеров свободных каменщиков, совокупленных во единую ложу в рязанском полку для вящего приращения ордена и блага и пользы братий, вверенных нашему вождению, определили по силе, власти и мощи, каковыя мы имеем, основать и учредить сию святого Иоанна ложу, под названием дочери-ложи Орфея, дав ей печать с изображением двух гор, на которых на одной флейта, на другой книга, посреди кубический камень. Все же сие в гармонии с путешествующей звездой, купно с орудиями. Мы избрали и утвердили высокопочетного брата Поздеева великим мастером сея почтенная ложа, снабдя его всеми нужными актами, который в силу данной ему от нас полной власти, может делать принятие и производить работы в первых степенях свободного каменщичествова, следуя данным ему от нас уставам, обыкновениям и обрядам; також мы назначили и надзирателями сея почтенная дочери-ложи почтенных братьев: Дрешерна первым, а Беляева вторым...»<sup>2</sup>. Петр Беляев как раз служил в рязанском полку, был георгиевским кавалером, обладал высокими нравственными качествами и, не смотря на отсутствие состояния, но согласно принципу равенства в масонстве, достиг высоких должностей в братстве. Мы так же можем сделать вывод, что благодаря масонским связям он стал управляющим в имении графа Алексея Кирилловича Разумовского, который хорошо его знал именно по членству в братстве.

Алексей Петрович называет среди друзей – масонов своего отца еще одного очень известного в свое время человека Лабзина Александра Федоровича. Хорошо образованный, соратник Шварца, он обратил на себя внимание императора Павла переводом «Истории ордена Иоанна Иерусалимского», который сделал Лабзина историографом Ордена. Александром Федоровичем сделаны переводы как масонских сочинений, так и общих произведений, в частности «Женитьбы Фигаро» Бомарше. В 1816 году он получает от Александра I орден св. Владимира за издание книг на отечественном языке. В 1806-07, 1817 годах А. Ф. Лабзин издает ре-

<sup>1</sup> Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская старина. Т. 1880. XXIX. С. 4; С. 832 – 833.

<sup>2</sup> Два доноса в 1831 году // Русская старина. 1899. Т. 97. Январь. Февраль. Март. С. 67-87; С. 289-314.

лигиозно-нравственный журнал «Сионский вестник» в популяром тогда религиозно-мистическом духе. Но против мистиков в то время стояли уже многие. Цензурный надзор над журналом передается врагу мистиков ректору Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандриту Иннокентию. В свою очередь Лабзин не желает менять направление журнала и закрывает его. Князь А. Н. Голицын, министр народного просвещения и личный друг Лабзина способствует высылке Иннокентия из Санкт-Петербурга на пост епископа Пензенского и Саратовского. Через два года в ссылку отправляется А. Ф. Лабзин. Формально поводом для ссылки стал анекдотичный случай в академии художеств, где Лабзин занимал пост конференц-секретаря. Когда на собрании академии художеств зашла речь о принятии в почетные члены академии гр. Д. А. Гурьева (Беляев называет Аракчеева), Лабзин возразил против его кандидатуры, а на замечание о близости Гурьева к государю, предложил избрать еще более близкого человека к нему человека – кучера Илью. На А. Ф. Лабзина поступил донос, и он был выслан в Сингелей, откуда в 1823 году переведен в Симбирск. А. П. Беляев в «Воспоминаниях» далее пишет о Лабзине: «Так он сам вполне сознавал резкость и строптивость своего характера и как он был человек весьма религиозный, то говаривал: «если бы не вера и не благодать Господа, то я был бы подобен сатане». Отец, как мне передавали, имел на него сильное умеряющее влияние, по общему голосу того времени, это был мужественный поборник правды и добра»<sup>1</sup>.

Сам Александр Петрович в масонство так и не вступил. Приехав в Москву, молодой Беляев навестил людей, хорошо знавших его отца. «Помню, был я у Алексея Осиповича Поздеева, ...сына известного главы масонов, ...у Зверева, уже старца.... Приехав в Петербург и явившись к своему начальству, я поехал к Ланскому (Сергею Степановичу, впоследствии министру внутренних дел), ...который, зная моего отца, принял меня очень ласково, много говорил со мною в религиозном духе.... Затем, дав мне книгу Иоанна масона о самопознании, пригласил меня в воскресенье на собрание, на котором я с демократическим и христианским восторгом видел простых ремесленников, сидевших в зале со всеми, много высшими их лицами. По истечении срока, который полагался нужным для испытания, действительно ли постоянна и тверда решимость вступить в масонство, мне указан был день моего приема, но увы! к этому дню я уже был не тот; прекрасная высокая цель моей жизни отступила перед целью низшею, материальною, в которой материальная природа брала вверх над духовною и хотя не долго вращался в этом омуте, скоро отрезвился и мог бы еще возратить утраченное вступление в масоны, но это уже было поздно, потому что в 1822 году нас обязали подпиской не принадлежать к масонству и вступать ни в какое тайное общество...»<sup>2</sup>.

К ложам теоретического градуса соломонских наук, а данные ложи существовали для масонов высших степеней посвящения, принадлежал видимо, и Василий Михайлович Сабуров. В письме, датированном 6 дня 1784 года, читаем: «Предложенные вами братья, Третьяковский, князь Несвицкий, Сабуров, Бороздин и два брата Митусова, директорию к принятию в теоретической степени соломонских наук назначены...»<sup>3</sup>. С. В. Ешевский также отмечает, что находит упоминание в переписке в числе других петербургских масонов без особых подробностей и указаний фамилию Сабурова, а среди московских масонов называет Всеволода Алексеевича Всеволожского, члена провинциального капитула. Хотя в документах не упоминается имя Сабурова, мы можем предположить, что это именно Василий Михайлович, так он был примерно одного возраста с вышеперечисленными членами братства и состоял в родстве с М. М. Херасковым (сын был женат на племяннице поэта), который так же был масоном.

Из другого источника, а именно «Всепопданейшия письма М. Магницкаго императору Николаю об иллюминатах» в статье «Два доноса в 1831 году» мы узнаем о принадлежности к масонству Федора Петровича Лубяновского. В письме императору Магницкий пишет о масонах конца 18 века, которых называет иллюминатами или мартинистами. «Московские иллюминаты... учили на свой счет многих бедных студентов Московского университета, посылали их на своем иждивении в чужие края, выставляли большую благотворительность, раздавая тулупы отправляемым партиям рекрут и пр.... Многие профессора вступили в их общество и

<sup>1</sup> Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская старина. Т. 1880. XXIX. С. 4; С. 832-833.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Сочинения С. В. Ешевского. М., 1871. Ч. 3. С. 405-600.

два, славнейших того времени Страхов и Чеботарев; первый видел всю Москву на своих лекциях физики, а последний воспитывал на дому тех студентов, коих общество особо ему поручало (из них остались теперь, сколько мне известно, два, т.е. Корнеев, директор горного корпуса, и Лубяновский, бывший пензенским губернатором. Первый известен... переводом иллюминатской книги: «Христианская философия», а второй – такую же «Госка по отчизне», сочинением Штилинга, в которой есть многие намеки в виде иллюминатских надежд, довольно ясные, и на Россию и именно, сколько припомню, на Тобольск). Далее излагая историю об аресте Н. И. Новикова, Магницкий продолжает. «Дело мартинистов затихло, но не уничтожилось их общество. При князе Репнине оставался иллюминат Шварц, упомянутый а первой моей записке.... Один из оставшихся от времени репнинских мартинистов, генерал Инзов... Другой, Лубяновский, бывший при Репнине молодым офицером. Третий – князь Г.П. Гагарин.... Четвертый – Лопухин.... Пятый – Лабзин.... Шестой – Поздеев....Около 1807 года, явилось на горизонте петербургского иллюминатства новое светило: Грабянко (граф).... Открыл ложу, в которую ездили Нарышкина, Озеров с женою, Сперанский, служивший директором министерства внутренних дел, Лубяновский, бывший секретарем при графе Кочубее и многие другие...»<sup>1</sup>.

Для понимания идей масонства в России в конце XVIII – начале XIX века важно помнить, что, несмотря на девиз вольных каменщиков, братья при вступлении в орден должны были подписать и клятвенно обещать исполнять следующие правила:

1. Примерное упражнение в страхе Божиим и тщательное исполнение заповедей евангельских.

2. Непокоримая верность и покорность к своему государю, с особливою обязанностью охранять престол его, не только по долгу общей верноподданым присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства; и таким образом стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения против властей державных.

3. Рачительное и верное исполнение уставов и обрядов своей религии. NB. Из христианских токмо религий могут быть приняты в общество рыцарей, ищущих премудрости.

4. Совершенное повиновение учрежденным в правительстве начальствам и примерное наблюдение законов государственных.

5. Совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системе мнимая вольности равенства; и стараться искоренять ее всеми искусными средствами действий разума и всякими возможными путями добрыми.

6. Стараться вообще распространять благонравие и делами, и словами, и произведениями разума, по силам и способностям своим.

7. Если бы при всей благонамеренности учреждения рыцарей. Ищущих премудрости, верховной монаршей воле по каким-либо причинам заблагорассудиться запретить их собрания, то повиноваться оному повелению безропотно и без малейшего нарушения его<sup>2</sup>.

И в заключении еще один принцип российских масонов: познай самого себя, убегай зла, стремись к добру.

В 1822 году деятельность масонских лож в России была запрещена, в 1826 года запрет последовал вторично, хотя в провинции ложи продолжали существовать достаточно долго. В конце XIX – начале XX века последовало возрождение масонства, но уже совершенно другим был социальный состав братства, и иной была его практическая деятельность.

Таким образом, мы видим, что вышеперечисленные вольные каменщики, проживавшие в губернии в конце XIX – начале XX века, относились к столичным ложам, большинство принадлежало к московскому масонству, и было связано с теоретическим градусом, куда относился и Н. И. Новиков.

<sup>1</sup> Два доноса в 1831 году // Русская старина. 1899. Т. 97. Январь. Февраль. Март. С. 67-87; С. 289-314.

<sup>2</sup> Соколовская Т.О. Обрядность прежнего русского масонства // Русская старина. 1907. Ноябрь. С. 349-359.

**В. М. Захаров,**  
к.и.н., доцент Сердобского филиала  
Пензенского государственного университета,  
г. Сердобск

### КРАЕВЕД ИЗ КУЗНЕЦКА

Характеризуя растущий во второй половине XIX столетия интерес к историческому прошлому провинциальной России, А. Н. Пыпин отмечал большую значимость работ местных любителей и исследователей, которые «занимались собиранием этнографических данных, изучением местных экономических отношений, разработкой архивных материалов, и приобретали себе почетную известность в литературе о народном быте и старине»<sup>1</sup>. К числу таких местных исследователей принадлежал мировой судья Кузнецкого уезда Федор Федорович Чекалин.

Ф. Ф. Чекалин родился в 1844 г. в селе Арчада Пензенского уезда в семье крепостного, окончившего Московскую земледельческую школу и служившего управляющим у своего барина.

«Детство Федор Федорович провел в с. Арчада, – сообщил в 1927 году директору Кузнецкого краеведческого музея И. В. Клестову двоюродный брат краеведа П. А. Чекалин, – откуда был отдан учиться в Пензенскую гимназию. Затем отец его, Федор Николаевич, за несколько лет до освобождения откупился от помещика. Дальше Федор Федорович учился в Московском университете на юридическом факультете».<sup>2</sup> В формулярном списке Ф. Ф. Чекалина сказано, что он происходит из цеховых Пензенской губернии.<sup>3</sup>

В 1866 году Ф. Ф. Чекалин окончил университет и через три года поступил на службу в Саратовскую палату уголовного и гражданского суда, где, будучи кандидатом на должность судебного следователя, исполнял обязанности товарища губернского прокурора и судебного следователя<sup>4</sup>.

В сентябре 1870 года он получил назначение на должность следователя второго участка Кузнецкого уезда<sup>5</sup>. С этого времени вся дальнейшая жизнь краеведа связана с этим регионом. Здесь он служил секретарем окружного суда, участковым мировым судьей, представителем Кузнецкого съезда мировых судей<sup>6</sup>.

После женитьбы на воспитаннице местного помещика Галицкого Чекалин стал владельцем небольшого имения Полянки. Опираясь на свидетельства живших в 20-е годы в Кузнецком уезде родственников и знакомых краеведа, И. В. Клестов свидетельствовал: «Жил он скромно, просто, человек он был добрый, отзывчивый. К помещикам относился недоброжелательно, помнил свои крепостные тяжелые годы и вообще годы народного гнета. Будучи мировым судьей, он всегда при разборе дел между помещиком и крестьянином был на стороне последнего. Недаром крестьяне села Полянки до сих пор сохранили о нем самые светлые воспоминания. Хозяйством управляла жена, а Федор Федорович интересовался наукой и краеведением<sup>7</sup>. Этот интерес и способствовал активному участию Ф. Ф. Чекалина в различных научных и просветительских организациях. Он был членом Общества<sup>8</sup> истории, археологии и эт-

---

<sup>1</sup> Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. II. С. 310.

<sup>2</sup> Клестов И. В. Федор Федорович Чекалин. (Первый кузнецкий краевед) // Весь Кузнецк. Кузнецк, 1927. С. 41.

<sup>3</sup> Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 851. Л. 3.

<sup>4</sup> Там же. Л. 4. об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 5 об.

<sup>6</sup> Там же. Л. 6 об. -7.

<sup>7</sup> Клестов И. В. Указ. соч. С. 41.

<sup>8</sup> Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. V., Казань, 1884. С. 32.



нографии при Казанском университете, корреспондентом Саратовского<sup>1</sup> и Пензенского<sup>2</sup> губстаткомитетов, являлся членом-основателем Саратовской ученой архивной комиссии<sup>3</sup>.

Поселившись в Кузнецком уезде, Ф. Ф. Чекалин очень много времени отдает изучению его достопримечательностей. Главными направлениями его поисков были статистические исследования хозяйственной жизни региона и памятники прошлого, что соответствовало распространенным среди провинциальной интеллигенции представлениям о том, что при изучении какой-либо местности в равной степени важны история и статистика. «Обе они занимают почти одним и тем же предметом и должны быть основаны на точных и положительных данных»<sup>4</sup>.

«Как местный землевладелец и мировой судья, – говорил Ф. Ф. Чекалин об этих занятиях, – я мог приводимые сведения по уезду в своих ежедневных столкновениях с народом собрать от самих кустарей, лиц живущих между ними, заводчиков и фабрикантов»<sup>5</sup>. Результатом поисков стала работа «Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда», опубликованная в «Саратовском сборнике», вышедшем к 100-летию юбилею Саратовской губернии<sup>6</sup>.

Среди памятников старины Ф. Ф. Чекалина заинтересовали «остатки крепостей или «городков», сторожевых валов или по местному «маров»<sup>7</sup>. Обнаружив к 1880 году следы четырех укреплений, исследователь отнес их к Сызранско-Пензенской сторожевой черте, построенной в 80-х годах XVII столетия для охраны юго-восточных территорий Московского государства (заметим, что эта точка зрения признается и в современной историко-краеведческой литературе<sup>8</sup>). Позднее он сообщит в археологический институт, что обнаружил на территории уезда остатки пятнадцати городков подобного рода<sup>9</sup>.

По мнению Ф. Ф. Чекалина, городки представляли собой небольшие укрепления для постоянного и временного размещения военных гарнизонов<sup>10</sup>. Сторожевые городки, по словам краеведа, располагались на сторожевой черте, которая начиналась от с. Неклюдовки на границе Петровского уезда и проходила в северо-западном направлении около сел Армиева и Нескафтыма, пересекала р. Суру ниже села Сучкина, через территорию Городищенского уезда направлялась к Пензе. «О ее направлении, – замечает Ф. Ф. Чекалин, – свидетельствуют лишь остатки вала, проходящего со многими перерывами через обширные лиственные леса»<sup>11</sup>. Укрепления эти, полагал исследователь, «фактически потеряли свое значение во второй половине XVIII века с покорением Крыма и со вступлением крымских и ногайских татар в подданство России»<sup>12</sup>.

Рассматривал Ф. Ф. Чекалин и вопрос о заселении территории Кузнецкого уезда. Краевед полагал, что стабильное население в этом регионе появляется в последнее десятилетие XVII столетия. Первопоселенцами становились мордва и татары, ранее проживавшие в Симбирском уезде. Активное заселение Кузнецкого края происходит во второй половине XVIII века «значительными массами русских поселенцев из помещичьих и казенных крестьян их разных и часто отдаленных мест жительства»<sup>13</sup>.

<sup>1</sup> Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губстаткомитета в 1885 г. Саратов, 1886. С. 4-5.

<sup>2</sup> Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 605. Л. 43 об.

<sup>3</sup> Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 39.

<sup>4</sup> Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза, 1864. С. 62.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 851. Л. 11.

<sup>6</sup> Чекалин Ф. Ф. Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. I. Саратов, 1881.

<sup>7</sup> Чекалин Ф. Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Т. II. Саратов, 1881. С. 352.

<sup>8</sup> См., например, Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1984. С. 130-131.

<sup>9</sup> ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851.

<sup>10</sup> Чекалин Ф. Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Т. II. Саратов, 1881. С. 357 – 358.

<sup>11</sup> Там же. С. 359.

<sup>12</sup> Там же. С. 358.

<sup>13</sup> Чекалин Ф. Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Т. II. Саратов, 1881. С. 235.

Весьма аргументированными были выступления Ф. Ф. Чекалина в ходе дискуссии пензенских краеведов о времени основания г. Пензы. Священник И. П. Бурлацкий, ссылаясь на утверждения сторожила И. М. Каргополова, утверждал на страницах «Пензенских губернских ведомостей», что возникновение г. Пензы связано с завоеванием Казани в 1552 году Иваном Грозным. Иван IV, по словам И. П. Бурлацкого, во время Казанского похода в густых лесах и в устье реки Пензы основал укрепление (Старо-Черкасская слобода) с церковью, которой на обратном пути подарил икону Всемилового Спаса<sup>1</sup>. Ф. Ф. Чекалин поставил под сомнение факт пребывания Московского царя на месте будущей Пензы. «Все сохранившиеся письменные источники, – говорит он, – свидетельствуют нам..., что путь Ивана Грозного из Муром на Казань в 1552 году лежал севернее не только нынешнего города Пензы, но и Пензенской губернии»<sup>2</sup>. Исследователь также отрицал и возможность того, что московские войска могли заблудиться в лесных массивах Пензенского края: «Город Пенза при самом его основании возник среди дикого поля ковыля»<sup>3</sup>.

Критически отнесся Ф. Ф. Чекалин к версии священника Ф. П. Островидова о том, что строительство Пензы началось в 1636 году<sup>4</sup>. Он исходил из того, что Симбирская сторожевая черта была построена к 1654 году, а строить город впереди укрепленной линии было бессмысленно<sup>5</sup>. Опираясь на материалы Московского епархиального министерства юстиции, Ф. Ф. Чекалин высказал предположение, что первое упоминание о Пензе в официальных документах относится к февралю 1666 года. К этому времени, по мнению исследователя, строительство города уже было завершено.

Относительно существования на месте Пензы Старо-Черкасской слободы Ф. Ф. Чекалин высказал следующую мысль. Старо-Черкасскую слободу, позднее вошедшую в состав Пензы, населяли украинские казаки, называемые в XVI – начале XVIII веков зачастую черкассами. «Это поселение, – говорит исследователь, – возникло не ранее 1651 года, в котором, по свидетельству всех малороссийских летописей, малороссийские казаки двинулись к переселению в Россию целыми массами и населили в ней множество слобод»<sup>6</sup>. Заметим, что в современной исторической литературе дается более уточненная дата основания этой слободы (Черкасского острога) – апрель – май 1666 года<sup>7</sup>.

В декабре 1886 года Ф. Ф. Чекалин становится одним из членов-основателей Саратовской ученой архивной комиссии. С этого времени он существенно расширил исследовательские интересы.

Во-первых, Ф. Ф. Чекалин занимается изучением прошлого Поволжья до вхождения региона в состав Московского государства. Наиболее значительным периодом этой эпохи, по мнению исследователя, было время существования Золотой Орды. «В этой пустыне, – говорит он, – возникло могущественное и сравнительно благоустроенное Золотоордынское или Кипчакское царство, которое приняв вскоре ислам и войдя в сношение с арабами, насадило здесь мусульманскую цивилизацию, построило города, в коих Сарай, например, мог соперничать по своей величине, богатству и ремесленному значению со многими древними городами Востока»<sup>8</sup>.

Целый ряд находок кладов золотоордынских монет (в 1855 г. у слободы Слань Аткарского уезда и села Воскресенского Вольского уезда, в 1886 г. у сел Средняя Елюзань и Чедая Кузнецкого уезда, в 1887 г. близ села Низовка Нижнеломовского уезда) позволили

<sup>1</sup> Бурлацкий И. П. Предание об иконах в городе Пензе чтимых: Спасителя, что в Черкасской Воскресенской церкви и Казанской Божьей матери в кафедральном соборе // Пензенские губернские ведомости. 1892. № 82.

<sup>2</sup> Чекалин Ф. Ф. Был ли Иван Грозный в своем походе на Казань в пределах нынешней Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1892. № 82.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Пензенские епархиальные ведомости. 1886. № 5.

<sup>5</sup> Чекалин Ф. Ф. Когда и кем был основан г. Пенза // Пензенские губернские ведомости. 1892. № 52.

<sup>6</sup> Чекалин Ф. Ф. Первоначальное поселение на месте города Пензы // Пензенские губернские ведомости. 1892. № 100.

<sup>7</sup> Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1984. С. 40-41.

<sup>8</sup> Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Т. II. Вып. 1. С. 15.

Ф. Ф. Чекалину сделать вывод о том, «что наш край был заселен в эпоху монгольского владычества более или менее повсеместно»<sup>1</sup>.

Внимание исследователя привлекли в этой связи западноевропейские средневековые карты Поволжья. Ф. Ф. Чекалин использовал три карты, опубликованные в 1873 году профессором Новороссийского университета Бруном. Первая из них была составлена в 1367 году жителями Венеции Франциском и Домиником Пицигани, которую Брун обнаружил в анонимном каталонском атласе, а третью подготовил венецианский географ XV столетия Фра-Мауро.

Данные карт, на которых от устья Камы до Астрахани и на правом, и на левом берегах Волги было зафиксировано по десять населенных пунктов, позволили Ф. Ф. Чекалину согласиться с мнением профессора Саратовской духовной семинарии Г. С. Саблукова, оспариваемого академиком Григорьевым, о том, что в Золотой Орде существовало два Сарая, поочередно являвшихся столицами татарского государства<sup>2</sup>.

В 1888 году Ф. Ф. Чекалин вместе с группой членов саратовской ученой архивной комиссии обследовал развалины золотоордынского городища, расположенного в 2 верстах к северу от посада Дубовки. Сопоставление находок с данными карт позволили Ф. Ф. Чекалину сделать убедительный вывод о том, что золотоордынские развалины являются остатками татарского города, который на западноевропейских картах назван Берсиман, а арабские географы именовали Бельджамином<sup>3</sup>.

Во-вторых, в рамках Саратовской ученой архивной комиссии Ф. Ф. Чекалин много времени уделял изучению проблемы места и времени основания Саратова, заселения Поволжья после присоединения региона к Московскому государству. В 1890 году он выступил на VIII археологическом съезде с докладом «Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег».

Историк утверждал, что Саратов первоначально был основан на левом берегу Волги, где существовал татарский поселок Сары-тау, давший название русскому городу. Поселение на левом берегу Волги, полагал Ф. Ф. Чекалин, соответствовало становищу Батыя, обнаруженному в 1253 году монахом Рубруком.

Кроме того, исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что в 1367 году братья Пицигани, а в 1459 году Фра-Мауро на своих картах отмечали поселение на левом берегу Волги напротив Увека<sup>4</sup>.

Сохранившиеся в 80-е годы XIX столетия следы русского военного поселения в устье реки Саратовки краевед считал остатками и Сары-тау, и непосредственно самого Саратова. Временным основанием русского Саратова Ф. Ф. Чекалин произвольно называл период с 1582 по 1586 гг., когда московское правительство занялось организацией Волжского торгового пути. Название «Сары-тау» он традиционно переводил как «Желтая гора»<sup>5</sup>.

Через три десятилетия точку зрения Ф. Ф. Чекалина довольно убедительно подверг сомнению профессор саратовского госуниверситета А. А. Гераклитов. Он усомнился в возможной преемственности татарского Сары-тау и русского Саратова. А. А. Гераклитов заметил, что, если такое поселение и существовало, то уже к середине XV столетия было оставлено жителями. Европейские путешественники по волге Контарини (1476 г.) и Борро (1579 г.) ничего не говорят о существовании этого поселка. Ссылки на средневековые карты А. А. Гераклитов не признал убедительными, отмечая, что и братья Пицигани, и Фра-Мауро по Волге не путешествовали и пользовались непроверенными данными<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Т. II. Вып. 1. С. 22.

<sup>2</sup> Там же. С. 20.

<sup>3</sup> Чекалин Ф. Ф. Какому из древних городов принадлежит каменное городище на Волге близ посада Дубовки? // Труды СУАК. Т. I. Вып. 4. С. 391 – 394.

<sup>4</sup> Чекалин Ф. Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег // Труды VIII археологического съезда в Москве. Т. III. М., 1897. С. 57-59.

<sup>5</sup> Чекалин Ф. Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег // Труды VIII археологического съезда в Москве. Т. III. М., 1897. С. 63.

<sup>6</sup> Гераклитов А. А. История Саратовского края. Саратов, 1923. С. 57-59.

В 1894 году Ф. Ф. Чекалин умер<sup>1</sup>. Он принадлежал к числу выдающихся исследователей Пензенско-саратовского региона, который сумел перейти от описания отдельных местностей к постановке научных проблем и их разрешению с использованием широкого круга источников.

*Г. И. Канакина,  
к.пед.н., заведующий кафедрой русского языка и  
методики преподавания русского языка  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **РЕГИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА**

Одним из принципов государственной политики на современном этапе становится защита и развитие национальных культур, региональных культурных традиций. В последнее время все настойчивее звучит мысль о необходимости активного включения в учебный процесс общеобразовательных школ регионально-культурного компонента. Это позволяет говорить о культууроформирующей функции современного образования, прежде всего гуманитарного. Мысль о важности решения вопроса интеграции образования и культуры высказал еще в 90-е гг. XX в. известный общественный деятель Х. Перес де Куэльяр. Говоря об основных условиях развития человеческой цивилизации, он отмечал, что «развитие может наполняться культурой только в том случае, если ее сначала впитает в себя образование и если, в свою очередь, образование будет эффективно содействовать становлению личности и ее собственной культуры, а не только социальному и профессиональному отбору, который весьма часто и во многих образах ведет к утечке умов» (ЮНЕСКО, 1994).

Культурно значимая информация закрепляется в языке и распространяется прежде всего с помощью слова. Человек, изучая язык, становится носителем общечеловеческой и национальной культуры.

В основу образовательного стандарта по русскому языку положено формирование у учащихся, наряду с языковедческой и коммуникативной, культуроведческой компетенции, которая предполагает усвоение родного языка как сокровищницы национальной культуры. Во ФГОС второго поколения (декабрь 2011 г.) особое внимание уделяется реализации в процессе обучения личностных целей – формированию средствами учебных предметов самосознания, самоидентификации, воспитанию гражданина России.

На занятиях русским языком особое место следует отвести лингвокраеведческому дидактическому материалу. Знакомство с историей, культурой, духовными ценностями «малой родины» как части России играет важную роль в освоении опыта предшествующих поколений, формировании национальной самоидентичности. Пензенский край имеет богатые традиции, связанные с изучением исторического и литературоведческого наследия. При этом, по нашему мнению, незаслуженно остается без внимания лингвистическое краеведение.

Чтобы воспитывать у школьников интерес к истории своего народа, его культуре, уважение к традициям, бережное отношение к духовным ценностям, необходимо уже на этапе подготовки учителя-словесника включить в содержание гуманитарных знаний, подлежащих усвоению студентами, не только общекультурной информации, но и регионально-культурного компонента.

Одним из направлений своей деятельности кафедра русского языка и методики преподавания русского языка педагогического института им. В. Г. Белинского определила приобщение будущих учителей к культуре Сурского края, изучению языковой специфики региона. С этой целью преподавателями кафедры разработаны курсы по выбору «Лингвисты Пензен-

---

<sup>1</sup> Хованский Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов СУАК за 25 лет ее существования // Соколов В. П. 25-летие СУАК. Саратов, 1911. С. 43.

ского края» и «Лингвистическое краеведение» и ведется спецсеминар по лингвистическому краеведению.

Американский ученый Д. Сартон справедливо заметил: «Основной долг истории – оживить персоналии, а не перечислять их научные достижения. Открытия могут быть важными, но персоналии бесконечно важнее». По мнению В. К. Харченко, необходимо исследовать богатство родного языка, обращаясь к изучению наследия конкретной языковой личности: «Масса уникальных фактов, ценных наблюдений, поучительных и даже романтических биографий таится невдалеке от нас, и этот материал тоже имеет право на обобщение»<sup>1</sup>.

Предложен курс по выбору «Лингвисты Пензенского края». Усвоение содержания данного курса позволит восполнить существующий в отечественном языкознании и культурологии пробел в изучении жизнедеятельности и лингвистического наследия ученых, судьба которых связана с Пензенским краем, а следовательно, будет способствовать совершенствованию культурологической компетенции будущих учителей-словесников. «Живое слово земляков и о земляках на уроках русского языка воспитывает интерес к тому, что называется малой родиной, рассказывает о ее истории и сегодняшнем дне, что в конечном счете способствует гуманизации школьного образования»<sup>2</sup>. Кроме того, материал курса приблизит нас к решению важнейшей социальной проблемы современности – воспитания молодежи в духе патриотизма и формированию у нее национального самосознания.

Пензенский край дал России и миру многих выдающихся деятелей науки и искусства. Не случайно П. А. Вяземский в своем письме к А. И. Тургеневу в 1829 году отмечал, что в городе на Суре ресурсов «интеллектуальных немногим менее, чем в Москве»<sup>3</sup>.

С Пензенской землей связано имя выдающегося филолога XIX в., представителя логико-грамматического направления в языкознании, одного из основоположников исторического изучения русского языка, памятников древнерусской литературы и народной словесности Федора Ивановича Буслаева.

На Пензенской земле, в уездном городе Чембар, прошли детские годы Виссариона Григорьевича Белинского. В. Г. Белинский известен широкой общественности как литературовед, однако мало кто знает, что многие его работы напрямую связаны с языкознанием и даже методикой обучения языку. Лингвистические взгляды В. Г. Белинского отражены, например, в рецензии на «Граматику русского языка» И. Ф. Калайдовича.

В Пензенской губернии, в селе Сивинский Завод Краснослободского уезда (ныне Республика Мордовия) родился выдающийся ученый Александр Николаевич Гвоздев, чьи научные интересы необычайно широки: исследование пензенских говоров, изучение детской речи, наблюдения над усвоением школьниками орфографии и, наконец, изучение стилистики русского языка.

В Пензенской области жила, училась и работала племянница А.Н. Гвоздева – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации Елена Сергеевна Скобликова, ныне профессор Самарского государственного университета.

С Пензенской землей связано имя российского и татарского языковеда, специалиста в области сравнительно-исторической грамматики и истории тюркских языков Эдгема Рахимовича Тенишева.

Список ученых-лингвистов, чья жизнь и деятельность изучается будущими учителями-словесниками, включает и другие известные в науке имена.

Осваивая курс «Лингвисты Пензенского края», студенты обращаются к различным аспектам жизнедеятельности известных земляков: изучение их биографии, исследование основных направлений научной деятельности, анализ работ ученых, определение влияния наследия языковедов на современную лингвистику и методику преподавания русского языка, составление языковых портретов ученых-земляков. Система заданий культурологического характера способствует не только осознанию исторической и культурной ценности наследия великих

<sup>1</sup> Харченко В. К. Как заниматься наукой. Белгород, 1996. С. 7.

<sup>2</sup> Благова Н. Г., Коренева Л. А., Родченко О. Д. О концепции обучения русскому языку с учетом регионального компонента // Русский язык в школе. 1993. № 4. С. 16-19.

<sup>3</sup> Тюстин А. В. Пенза литературная // Губернский город Пенза на рубеже XIX-XX веков / Автор-составитель С. А. Щукин. Пенза, 2001. С. 87.

земляков, но и формированию у будущих учителей исследовательских навыков. Так, для самостоятельного исследования студентам предлагаются следующие темы: «Керенск и Пенза на страницах книги Ф. И. Буслаева «Мои воспоминания»; «Вклад В. Г. Белинского в формирование публицистического и официально-делового стилей»; «Исследование А. Н. Гвоздевым пензенских говоров»; «Общественная деятельность Э. Р. Тенишева в Пензе»; «Проблемы синтаксиса в работах Е. С. Скобликовой»; «Ономастическая проблематика – область научного поиска В. Д. Бондалетова» и др. По выбранным темам студенты готовят сообщения в форме докладов, сопровождающихся слайд-презентацией, а также участвуют в оппонировании и рецензировании выступлений своих товарищей. Кроме того, студенты ведут переписку с ныне здравствующими учеными-земляками.

Курс «Лингвистическое краеведение» также обращает студентов к региональному материалу. Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, формах общественного сознания, в поведенческих стереотипах, в предметах материальной культуры. Наиболее зримо явления, происходящие в современном обществе, ощущаются в языковом пространстве конкретных городов. Город – общественный организм, он интересен не только как социально-территориальное образование, но и как коммуникативный феномен. Внимание к языку города было обращено еще в 20-е годы прошлого века. Достаточно вспомнить классические труды Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского, Л. В. Щербы.

Язык провинциального города все чаще привлекает к себе внимание и современных исследователей. См., например, книгу В. В. Колесова «Язык города», где предметом изучения является язык Санкт-Петербурга – Петербурга – Петрограда – Ленинграда на протяжении трех столетий; работы О. Б. Сиротининой и ее коллег о разновидностях устной речи современного города и др. Однако до сих пор не потеряли своей актуальности слова выдающегося советского лингвиста Б. А. Ларина из его доклада 1926 г.: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически...»<sup>1</sup>.

Язык провинциального города представляет собой довольно сложную картину как в силу жанрово-стилевого разнообразия, так и в силу неоднородного национального и социального состава его носителей, их миропонимания и языковых предпочтений.

Основная цель курса «Лингвистическое краеведение» – изучение функционирования языка современного провинциального города Пензы в его речевых разновидностях. Ключевым подходом, который реализован в рамках данного курса, является выявление закономерностей организации социокультурной среды провинциального города, его лингвистического пространства и языковых традиций. Изучение языка города важно во многих отношениях. Этот язык является основой литературного языка – высшей формы национального языка. Не зная специфики городского языка, трудно понять возникновение и стилистическое распределение тех или иных особенностей литературного языка. Не зная речи города, трудно оценить конкретный вклад каждой социальной группы в развитие современного языка, современной культуры, а через них – ментальности жителей, населяющих территорию России.

Лингвистическая концепция города понимается нами как единый замысел исследования «городского текста», включающего пять основных направлений:

- Лингвистическое пространство города: урбонимы и их разновидности.
- Язык региональных СМИ.
- Речевой портрет жителя провинциального города.
- Современный городской фольклор.

Для проведения самостоятельного научного исследования по курсу студентам предлагаются следующие темы: «Годонимия города Пензы»; «Языковая специфика коммерческой эргономики»; «Прагмонимы как способ репрезентации состояния экономики в Пензенском регионе»; «Имя собственное в семейных родословных пензенцев»; «Особенности языка творческой интеллигенции»; «Речевое поведение актеров»; «Функционально-речевая грамотность горожан»; «Провинциальный журналист как языковая личность»; «Фольклорные традиции в стихах пензенских поэтов»; «Языковые особенности текстов провинциальной рекламы» и др.

---

<sup>1</sup> Цит. по: Колесов В. В. Язык города. СПб., 1991. С. 4.

Программы вышеописанных курсов имеют хорошее дидактическое обеспечение. Преподавателями кафедры подготовлены монография «Язык современного провинциального города»<sup>1</sup>, хрестоматия-практикум «Лингвисты Пензенского края»<sup>6</sup>, соответствующее пособие к спецсеминару<sup>7</sup>.

Обращение к личности и научному наследию выдающихся лингвистов, чья жизнь связана с Пензенским краем, освоение лингвокультурологического пространства современного провинциального города позволяет студентам продолжить исследовательские изыскания в работе над курсовыми и дипломными проектами, что, в свою очередь, способствует совершенствованию общей профессиональной компетентности будущих учителей и их культурологической компетенции, в частности.

*П. В. Кашаев,  
заместитель директора по основной деятельности  
ГБУ «Госархив Пензенской области»,  
г. Пенза*

### **ПЕНЗА: ОТ ПРОЛЕТКИ ДО ТРОЛЛЕЙБУСА**

Каждый день на городские маршруты выходит множество автобусов – муниципальных и частных, рядом с которыми бегают вездесущие юркие «газели», «форды» и «рено», обгоняющие неповоротливые троллейбусы. Мы привыкли быстро добираться из одного конца города в другой и часто ворчим, если приходится долго стоять на остановке. Можно представить, как трудно приходилось нашим предкам, лишенных благ нынешней цивилизации.

В книге известного в прошлом писателя и журналиста Владимира Гиляровского «Мои скитания» автор писал о транспорте Пензы 1870-х гг.: «...И вот я в Пензе. С вокзала в театр (говорится о театре Горсткина, в котором Гиляровский отыграл два сезона) я приехал на «удобке». Это специально пензенский экипаж вроде извозчичьей пролетки без рессор, с продольным толстым брусом, отделявшим ноги одного пассажира от другого. На пензенских грязных и гористых улицах всякий другой экипаж поломался бы, – но почему его называли «удобка» – не знаю. Разве потому, что на брус садился, скорчившись в три погибели, третий пассажир?..».

Кроме «удобок» в Пензе были же, конечно, и «лихачи», возившие своих пассажиров в удобных подрессоренных экипажах – колясках. Однако нанять извозчика-«лихача» было довольно дорого, поэтому их услугами пользовались немногие, большинство же горожан обходилось «удобками» или шли пешком.

В 1880-х гг. в Пензе попытались организовать движение общественных экипажей – омнибусов, похожих на обычную по тем временам «конку», но, в отличие от нее, передвигавшихся на колесах, а не по рельсам. В декабре 1883 г. в «Пензенских губернских ведомостях» некто Рагозинский опубликовал рекламную заметку о том, что им «выставлены два омнибуса» для движения по городу с 7 часов утра до 9 часов вечера. Маршрут следования был от церкви Спасителя (ныне ДК имени Дзержинского) по Московской улице до конца Средне-Пешей (ныне ул. Богданова) с шестью остановками для посадки и высадки пассажиров. Этот новый вид транспорта просуществовал непродолжительное время и был вытеснен с улиц Пензы многочисленными извозчиками, которых в начале прошлого века насчитывалось более 500.

С появлением автомобилей было предпринято еще несколько попыток составить конкуренцию гужевому транспорту. Так, в 1913 г. два предприимчивых пензенских автолюбителя – художник Новохацкий и стоматолог Файнштейн на своих «фордах» попытались перевозить

---

<sup>1</sup> Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале г. Пензы): монография / Под ред. Г. И. Канакиной. Пенза, 2011. 240 с.

<sup>6</sup> Лингвисты Пензенского края: Хрестоматия-практикум / Авт.-сост. Г. И. Канакина, Л. Б. Гурьянова, И. Г. Родионова; Под ред. Г. И. Канакиной. Пенза, 2008. 278 с.

<sup>7</sup> Родионова И. Г. Лингвисты Пензенского края: Учебно-методическое пособие к спецсеминару для студентов факультета русского языка и литературы / Под ред. Г. И. Канакиной. Пенза, 2006. 40 с.

пассажиров, но их предприятие потерпело неудачу. Главной причиной являлась слишком большая стоимость проезда на автомобилях по сравнению с извозчиками. К тому же, состояние дорог в Пензе было таким, что рессоры автомобилей не выдерживали рытвин и ухабов. Вот что говорилось по этому поводу в главной губернской газете: «Если вы хотите оценить вполне всю прелесть наших мостовых, мы вам можем посоветовать прокатиться по некоторым улицам на мужицкой телеге... Не мостовая, а черт знает, что такое!.. Никакого сравнения для нее не подберешь. Не даром мужики, едущие с базара, помянув на мостовой всех родителей, когда попадают, наконец, за городом на мягкую проселочную дорогу, крикают от удовольствия и ложатся спать. На избитой нашей мостовой не заснешь. Одно только и остается развлечение – ругаться и бранить городские порядки».

К началу XX века в Пензе проживало уже свыше 60 тысяч человек. Именно в это время городские власти стали думать о транспорте, который смог бы удовлетворять требованиям большинства горожан. Таким транспортом в то время мог стать только трамвай. Тем более что одновременно с трамваем предполагалось ввести в эксплуатацию электростанцию, в которой также крайне нуждался город. В июне 1897 г. был объявлен конкурс «на устройство в Пензе концессионным способом городских железных дорог». Концессия определялась сроком на 50 лет, что, по мнению Пензенской городской думы, должно было привлечь многих предпринимателей. В результате конкурса поступивших проектов дума отобрала сначала два из них – от бельгийца Эдуарда Дени и от предпринимателя Бродского из Киева. Однако обсуждение этих двух проектов было продолжено и, наконец, дума остановила свой выбор на проекте Дени, который и утвердили в сентябре 1902 г., о чем поставили в известность бельгийца. Но прошло два с лишним года, а Дени в Пензе так и не появился, поэтому в мае 1905 г. городская дума единогласно постановила разорвать с ним договор.

В дальнейшем власти города предприняли еще несколько безрезультатных попыток договориться с предпринимателями об устройстве в Пензе трамвайного сообщения. Только в июне 1911 г. городской думе удалось решить вопрос о возможности поручить разработку проекта пензенского трамвая и электростанции известному московскому инженеру Михаилу Константиновичу Поливанову, который возглавлял трамвайную сеть в Москве. На это было отпущено из городской казны 3000 рублей. Не откладывая дела в долгий ящик, Поливанов направил в Пензу своего помощника инженера А. М. Авенариуса «для ознакомления с расположением города и нанесения на план линии трамвая». Уже к середине декабря 1911 г. на стол городского головы Владимира Ипполитовича Потулова лег эскизный проект с пояснительной запиской, к ним были приложены и запросные листы для фирм, поставивших необходимое оборудование.

Предполагаемый маршрут движения трамвая в Пензе, предложенный инженером Авенариусом, практически совпадал с маршрутом движения омнибусов Рагозинского середины 1880-х гг. Отличие состояло лишь в том, что трамвайный путь предполагал более удлиненное «кольцо» в верхней части города. Так, выехав с улицы Московской и проехав через Соборную площадь, трамвай должен был направляться на улицу Верхне-Покровскую (ныне Калинина), по которой следовал до поворота на Ишееву горку (Красная горка) и далее по Тамбовской улице. После, трамвай поворачивал на улицу Дворянскую (Красную), затем на Поперечно-Покровскую (Чкалова) и следовал до земской больницы (ныне областной). От больницы трамвай должен был идти по Садовой (Лермонтова), далее опять поворачивать на Дворянскую, а с нее на Никольскую (К. Маркса) и, замыкая «кольцо», снова на Московскую.

Но не суждено было пензенцам покататься на новом для них виде транспорта. Началась Первая мировая война, а за ней революционные события 1917 г.

Вновь к идее строительства трамвайного сообщения вернулись в начале 1930-х гг. В ноябре 1930 г. был заключен договор на составление проекта между Пензенским горрайисполкомом и Всесоюзным электрическим объединением. Но, как и в «проклятое царское время», дальше эскизного проекта дело не пошло. Денег у города не хватало, а центральная власть дать средства на обустройство трамвая в районном городе, каким была тогда Пенза, не считала нужным. Так завершилась пензенская «трамвайная эпопея», хотя варианты пуска в городе скоростного трамвая из района Арбеково до центра еще обсуждались в 1970-80-х годах XX века.



После того как Пенза стала областным центром, вопрос обеспечения города полноценным общественным транспортом сдвинулся с мертвой точки. Несмотря на то, что по пензенским улицам уже с 1926 г. ходили автобусы, нужен был еще один вид транспорта и сравнительно дешевый. Однако к трамваю решили не возвращаться и обратились к троллейбусу, как больше подходящему для Пензы с ее гористым рельефом и узкими улицами, тем более что строительство троллейбусной линии обходилось намного дешевле трамвайной.

6 февраля 1944 г., несмотря на военное время, Совнарком СССР принял Постановление № 124 «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства в городах Пензе и Кузнецке», предусматривающее, в частности, пуск в Пензе троллейбуса. На строительство первой очереди троллейбусной линии было выделено из бюджета 15 миллионов рублей. Первый троллейбус принял своих пассажиров 4 ноября 1948 г.

Перелистывая страницы прошлого, нельзя забывать о будущем. Если муниципалитет не будет уделять внимание нашему городскому транспорту, не будет обновлять парк автобусов и троллейбусов, то, несмотря на нынешний автобус, приведший к пробкам на городских дорогах, большинству горожан предначертана перспектива, как и в стародавние времена, передвигаться по родному городу на «своих двоих».

**С. В. Кезина,**  
*д.фил.н., доцент кафедры русского языка и  
методики преподавания русского языка  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **РУССКАЯ ИЗБА В XVIII ВЕКЕ (ПО РОМАНУ А. Н. РАДИЩЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»)**

С пензенской землей связаны имена многих поистине великих людей. Одним из них был Александр Николаевич Радищев (1749 – 1802), писатель и гражданин, подвиг которого состоял в смелости облечь в слова то, что волновало прогрессивное дворянство XVIII века. Выход в свет романа «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и последствия этого события оставили неизгладимый след в истории русской прогрессивной мысли и вызвали очень противоречивые оценки. Всем известна статья А.С. Пушкина «Александр Радищев», датированная «3 апр. 1836. Спб.», в которой дан весьма нелестный отзыв о книге и ее авторе: «Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а *Путешествие* в Москву весьма посредственною книгою»<sup>1</sup>. Не все современники разделяли пушкинское мнение. В 1858 г. в лондонской типографии, где печатался «Колокол», увидела свет книга, включающая два произведения: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. «На фоне скептической, полной глубокого разочарования в разумных основах мира рукописи кн. Щербатова невозможно было не заметить устремленность автора «Путешествия» в будущее, тайную надежду Радищева на дальний и трудный, но венчающийся победой светлого начала исторический путь России. Именно на это качество «Путешествия ...» и стремился обратить внимание читателей автор предисловия – публицист Искандер. Под этим псевдонимом в печати выступал не кто иной, как Герцен»<sup>2</sup>.

На вопрос Пушкина, «Какую цель имел Радищев? Чего именно желал он?»<sup>3</sup>, писатель отвечает в посвящении Алексею Михайловичу Кутузову – своему близкому другу: «Я почув-

<sup>1</sup> Пушкин А. С. Александр Радищев // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поэзия. М., 2000. С. 421.

<sup>2</sup> Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поэзия. М., 2000. С. 424.

<sup>3</sup> Пушкин А. С. Александр Радищев // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поэзия. М., 2000. С. 423.

ствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных. – Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь»<sup>1</sup>.

Роман, в котором, по словам А. И. Герцена, Радищев «пожалел черную Русь»<sup>2</sup>, запечатлел эту «черную Русь» в художественных картинах. В этом смысле «Путешествие», написанное более 200 лет тому назад, имеет огромное историко-культурное значение. По тексту романа можно восстановить жизнь и быт русских людей конца XVIII века.

В главе «Пешки» описывается крестьянская изба. Это описание русской избы Пушкин находил замечательным.

В крестьянской избе, где путешественник обедает, хозяйка месит *квашню* (от кваша «бродило, закваска, дрожжи», образованного в свою очередь от квас)<sup>3</sup> – «кислое тесто»<sup>4</sup>; «кислое тесто для выпечки хлеба»<sup>5</sup>. *Хлеб* «состоял из трех четвертей мякины и одной части несеяной муки». *Мякина* (исконно русское, от мягкий) – «полова, пелева, плевелы, избитый цепом хлебный колос, от которого отвеяно зерно»<sup>6</sup>; «ботва (морковная мякина)»<sup>7</sup>; «отходы, получаемые при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков и некоторых других культур»<sup>8</sup>.

После беседы с хозяйкой автор обозревает «в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы». Лексема *утварь* в словаре В.И. Даля отражена в двух значениях: «украшение, убранство, наряды; драгоценности» и «все движимое в доме, в жилище, особенно мебель»<sup>9</sup>. Огромный интерес представляет слово *изба*. Этимологи считают праслав. \*jъstьba заимствованием или из герм. \*stuba (д.-в.-н. stuba «теплое помещение, баня»; др.-исл. stofa, stufa «баня с печью») или из ром. \*extūfa (фр. étuve, ит. stufa «баня»). Учitando, что протетический j развивался перед начальным ь в славянских языках, а праславянские ь и ь по происхождению из \*j и \*jъ, можно предполагать исконно русское происхождение слова (праславянское \*jъstьba могло быть образовано в общеславянский период из индоевропейского \*jstūba). *Изба* – «деревянный (обычно крестьянский) дом»<sup>10</sup>; «крестьянский дом, хата; жилой деревянный дом; жилая горница, комната, чистая (не стряпная) половина; людская или кухня, жилье для прислуги в барском дворе; стар. внутренний покой в деревянном дворце царском; стар. палата, приказ, присутственное место»<sup>11</sup>.

Радищев дает описание самого простого крестьянского жилища со всей утварью. Выразительность описания достигается его лаконизмом. «Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на *вершок* по крайней мере поросший грязью; *печь без трубы*, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; *окончины*, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; *горшка* два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые *штли*!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который *скоблят* скребком по праздникам. *Корыто* кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. *Посконная рубаха*, обувь, данная природою, *онучки с лаптями для выхода*».

Отметим прежде всего, что в тексте лишь несколько заимствованных слов: *праздник* (старосл.), *кадка*, *уксус*, *кружка* (из греч.), *тарелка* (из нем.), *баня* (из лат.), *туман* (из тюркск.). Остальная лексика, использованная в бытовой зарисовке, исконно русская.

<sup>1</sup> Здесь и далее текст романа приводится по кн.: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Петрозаводск, 1971.

<sup>2</sup> Герцен А. И. Император Александр I и В. Н. Карамзин // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поэзия. М., 2000. С. 427.

<sup>3</sup> Здесь и далее происхождение слов определяется по «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера.

<sup>4</sup> Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002. Вып. 7. С. 107.

<sup>5</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>6</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 373.

<sup>7</sup> Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002. Вып. 9. С. 342.

<sup>8</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>9</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 4. С. 519.

<sup>10</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>11</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 10.

Мы выделили в тексте устаревшие или забытые слова. Проанализируем их. «Пол в щелях, на *вершок* по крайней мере поросший грязью». *Вершок* (от верх) – «мера длины, 1/16 аршина»<sup>1</sup>; «верхняя фаланга указательного пальца»<sup>2</sup>; «верх перста»<sup>3</sup>. *Печь без трубы* – значит, чит, изба черная, или курная. Черная изба противопоставлялась белой и красной. «Белая изба, или изба по-белому, в которой печь с трубою и потому нет копоти. Красная изба, с красным, т.е. большим или переплетным окном, не с одними волоковыми (т.е. маленькими, задвижными, в которые также выволакивает дым в курных избах)»<sup>4</sup>. *Окóнчины* – здесь «оконницы, рамы, переплеты оконные, на которые натягивается пузырь»<sup>5</sup>, смеркающийся в полдень и едва пропускающий свет.

«*Горшка* два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые *шти!*). *Горшок* (от \*гъгпъ, горн, горне □ ц «горшок») – «сосуд глиняный или металлический для варки пищи, хранения съестных и других запасов»<sup>6</sup>; «округлый, облый глиняный сосуд различного вида, выжженный на огне!»<sup>7</sup>. *Щи* (связывают с \*съть, мн. съти, др.-русс. съто «пропитание»; с щавель, др.-русс. щавьнь, т.е. из \*съчь: сок и т.д.) – «похлебка, мясная или постная, из рубленой или квашеной капусты; иногда капусту заменяет щавель, свекольник (свекольная ботва) и проч.»<sup>8</sup>. Стол скоблят по праздникам. *Скоблить* (родственно лит. skõbti, skabiù «скрести, срывать») – «скрести, драть или царапать»<sup>9</sup>. *Корыто* (родственно словам кора, корень) – «половинка расколотого бревешка, обделанная и выдолбленная с плоской стороны. Корыта бывают ветловые, липовые, осиновые; в них стирают, месят хлеба и из них кормят скот и птицу»<sup>10</sup>; «корыто, или лахань, в чем платье моют»<sup>11</sup>.

Здесь же одежда и обувь крестьянина (автор подчеркивает) для выхода. Слово *выход* в тексте употребляется в значении «торжества, шествия»<sup>12</sup>. Крестьяне выходили в праздники на гулянье, выходили в церковь. *Поско□нная рубаха* – рубаха «из посконного холста, лучшего, крестьянского, рубашечного. От *поскóнье* – мужская (пыльниковая, бесплодная) конопля; в ней волокно покрепче и почаше, чем в конопле семенной (матери□нке); в крестьянском хозяйстве она считается со□бью (добром, богатством) баб, хозяек, которые дергают ее заранее и топчут остальную»<sup>13</sup>. К посконной рубахе обувь – онучки с лаптями. Слово *ону□чки* образовано от *ону□ча* (прасл. \*onutja наряду с \*obutja связаны родством с изуть, обувь, обувь) – «часть обуви, обертка на ногу вместо чулков, под сапоги и лапти; портянки, подвертки»<sup>14</sup>. *Лапоть* – «плетеная, обычно из лыка, обувь, охватывающая ступню ноги»<sup>15</sup>; «короткая плетеная обувь на ножную лапу по щиколотки из лыка, мочалы, реже из коры ракиты, ивы, тала, вяза, березы, дуба, из тонких корней, из драни молодого дуба, из пеньковых оческов, разбитых ветхих веревок, из конских грив и хвостов, наконец из соломы»<sup>16</sup>.

Радищев показывает, насколько убога домашняя утварь, окружающая крепостного крестьянина. Однако, несмотря на неустройство быта, тяготы крепостничества, русское крестьянство сохраняло высшие духовные качества, которыми восхищался Пушкин: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничтожения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и лов-

<sup>1</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>2</sup> Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. /Перевод и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1. С. 302.

<sup>3</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 184.

<sup>4</sup> Там же. Т. 2. С. 10.

<sup>5</sup> Там же. Т. 2. С. 664.

<sup>6</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>7</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 382.

<sup>8</sup> Там же. Т. 4. С. 657.

<sup>9</sup> Там же. Т. 4. С. 200.

<sup>10</sup> Там же. Т. 2. С. 171.

<sup>11</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>12</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 324.

<sup>13</sup> Там же. Т. 3. С. 333.

<sup>14</sup> Там же. Т. 2. С. 673.

<sup>15</sup> Словарь русского языка XVIII века /http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

<sup>16</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 237.

кость удивительны. ... Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества»<sup>1</sup>. А.Н. Радищев прекрасно понимал, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов», что «бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Подвиг Радищева в том, что он «ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению ... и соучастником быть во благодетельности себе подобных». Несмотря на то, что он видел «окрест» себя, продолжал искренне верить в духовное начало бытия. Эту глубоко философскую мысль опальный писатель выразил в главе «Бронницы»: «И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто вовеки живо».

*Кирюшина Т. А.,*

*к.и.н., библиотекарь Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» И ЕГО РЕШЕНИЕ В ГОРОДЕ ПЕНЗЕ В 1930-Е ГГ.**

Жилищные условия всегда являлись важнейшим показателем уровня и качества жизни населения. В настоящее время государство, пытаясь решить жилищные проблемы, к сожалению, не обращается к прошлому опыту. Данный вопрос не является новым для России. Очень актуален он был в 30-е годы XX века, когда в связи с индустриализацией наблюдался резкий рост городов и рабочих поселков. Это обстоятельство требовало от государства больших капиталовложений в жилищное строительство.

В начале 1930-х гг. были намечены конкретные мероприятия по жилищному строительству, к которым относились переход к индустриальным методам возведения жилья, улучшение проектного дела, осуществление круглогодичного строительства. В ответ на это Средне-Волжский краевой комитет ВКП (б) принял 28 августа 1932 г. специальное постановление «О мерах по реконструкции и развитию жилищного строительства края», в котором была дана развернутая программа по укреплению и развитию городского хозяйства. Намечалось построить в городах и рабочих поселках более 1 млн. 3 тыс. м<sup>2</sup> жилья<sup>2</sup>. В целом по краю по максимальному варианту на жилищное строительство выделялось 70 млн. руб., в том числе на новое строительство отпускалось 10 млн. руб.<sup>3</sup> В 1932 г. крайком партии и крайисполком решили довести жилищную норму для рабочего населения до 5,1 м<sup>2</sup>, для чего построить в городах, рабочих поселках к 1932 году 1 млн. м<sup>2</sup>, в том числе в г. Пензе – 183 тыс. м<sup>24</sup>.

Вместе с тем в условиях широкого промышленного строительства, нехватки техники и стройматериалов, стремительного роста численности городского населения размеры жилищного строительства отставали от потребностей в жилье. В 30-е годы удалось добиться таких масштабов жилищного строительства, которые могли удовлетворить неотложную нужду в жилье только вновь вовлекаемых в производство рабочих. Многие семьи испытывали серьезные жилищные трудности. Так, если в целом по РСФСР в это время на одного человека приходилось 6 м<sup>2</sup> жилой площади, то в Средне-Волжском крае эта цифра составляла 5 м<sup>2</sup> (в Самаре – 4,37 м<sup>2</sup>, в Пензе – 4,3 м<sup>2</sup>, в Чапаевске – до 3 м<sup>2</sup>)<sup>5</sup>.

За годы второй пятилетки в жилищное строительство края было вложено еще 60,8 млн. руб. и построено 2428 новых жилых домов<sup>6</sup>. Общие затраты на строительство жилья в первую

<sup>1</sup> Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поэзия. М., 2000. С. 416–417.

<sup>2</sup> Центральный Государственный Архив Самарской Области (далее – ЦГАСО). Ф.Р-779. Оп. 2. Д. 76. С. 130-140.

<sup>3</sup> СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 320. Л. 16.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 1326. Л. 36, 39.

<sup>5</sup> Средняя Волга: социально-экономический справочник. М-Самара, 1934. С. 20, 36, 49, 97, 116.

<sup>6</sup> СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 478. Л. 104.

вую и вторую пятилетки составили 126,8 млн. руб. За эти же годы значительно было расширено энергоснабжение городов, проведена большая работа по их благоустройству.

К концу 1930-х гг. ситуация кардинально не изменилась. Жилая площадь по г. Пензе к началу 1939 года составляла 621,2 тыс. м<sup>2</sup>. В городе, по данным переписи, в это же время проживало 157,2 тыс. человек. Следовательно, на душу населения приходилось 4 м<sup>2</sup>. Мы наблюдаем резкое сокращение этого показателя по сравнению с 1937 г. на 2 м<sup>2</sup> (33,3 %).

Принадлежность жилой площади города к фондам местных советов, промышленности, транспорта, кооперации и личной собственности характеризуется следующими показателями. Фонд местных советов на 1 января 1939 г. составлял 265,0 тыс. м<sup>2</sup>, а на 1 января 1940 г. – 267,3 тыс. м<sup>2</sup>; фонд государственной промышленности – 49,7 и 50,7 тыс. м<sup>2</sup> соответственно; фонд транспорта – 12,2 и 12,2 тыс. м<sup>2</sup>; фонд кооперации – 5,6 и 5,6 тыс. м<sup>2</sup>; фонд личной собственности – 266,6 и 271,4 тыс. м<sup>2</sup>; прочее – 22,1 и 21,9 тыс. м<sup>2</sup>. Приведенные данные свидетельствуют об относительно небольшом приросте жилой площади, за год увеличившейся только на 1,3 %. Это было совершенно недостаточно для областного центра, население которого выросло на 8 %. Рост города в основном вызывается развитием промышленности, а в 1939 году он усилился благодаря образованию Пензенской области<sup>2</sup>. В частности, в течение 1939 года в эксплуатацию было сдано 2 новых дома: на 12 и 8 квартир, ряд нежилых помещений был переоборудован под жилые, в результате чего жилой фонд повысился на 3,1 тыс. кв. м<sup>3</sup>. Однако промышленность вела жилищное строительство недостаточными темпами. Совершенно не осуществляли никакого строительства железнодорожный транспорт и кооперативные общественные организации. В основном прирост жилой площади происходил за счет индивидуально-го сектора (4,8 тыс. м<sup>2</sup>), жилой фонд которого за год вырос на 2,2 %.

К началу 1940 года население Пензы увеличилось до 170,9 тыс. человек, а жилой фонд составлял 629,1 тыс. м<sup>2</sup>, увеличившись за предыдущий год на 7,9 тыс. м<sup>2</sup> (1,3 %). Ориентировочно, по занятиям население города делилось следующим образом: рабочие, служащие, ИТР – 65,0 тыс. чел.; кустари – 3,0; учащиеся – 34,5; инвалиды и пенсионеры – 4,0; прочее несамостоятельное население – 63,9 тыс. чел.<sup>4</sup> Следовательно, норма жилья на душу населения составляла 3,7 м<sup>2</sup>. Таким образом, даже по сравнению с 1939 г., жилищная норма сократилась.

Внутренние ресурсы города по рабочей силе в существующих условиях были почти исчерпаны, а для привлекаемых из-за пределов города рабочих была необходима жилая площадь, которой большинство предприятий города не располагало. Вследствие этого многие предприятия города уже испытывали сильные затруднения с укомплектованием рабочей силой своих производств.

Исходя из низкой обеспеченности населения города жилой площадью, испытываемых рядом предприятий затруднений с укомплектованием рабочей силой своих производств, и принимая во внимание дальнейший рост города почти исключительно за счет роста существующей промышленности и за счет строительства ряда новых промышленных предприятий союзного и республиканского значения, горисполком считал, что каждая новостройка должна была обеспечивать жилой площадью хотя бы 50 % требующейся ей рабочей силы<sup>5</sup>.

Гордостью г. Пензы являлся выросший за годы предвоенных пятилеток рабочий городок, расположенный на бывшей окраине близ завода им. Фрунзе. Вместо кривых, темных и грязных переулков, в которых раньше прозябало трудовое население Пензы, здесь выросли целые кварталы многоэтажных, чистых, светлых и благоустроенных домов. Городок расширялся и благоустраивался с каждым годом. Здесь имелась фабрика-кухня, благоустроенная баня, хорошо оборудованная роскошная гостиница с рестораном, оснащенная по последнему слову медицины больница, замечательный парк культуры и отдыха, стадион, школа ФЗУ, механический техникум, две крупнейшие в городе школы, Дом культуры и Дом техники<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. Р-2377. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 9-10.

<sup>2</sup> 4 февраля 1939 года была образована Пензенская область // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 23 февраля. № 4 (27). С. 1.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. Р-2002. Оп. 2. Д. 13. Л. 18 об.

<sup>4</sup> Там же. Ф. Р-2377. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 6.

<sup>5</sup> Там же. Л. 10.

<sup>6</sup> Пензенская область. Сб. материалов. Пенза, 1939. С. 222.

В предвоенный период в г. Пензе проводилась напряженная работа по улучшению жилищного и коммунального хозяйства, осуществлялось благоустройство городов (сооружение водопроводов, канализации, дорожное строительство). Указанные проблемы постоянно рассматривались на заседаниях различных органов. Возрастали капитальные вложения в жилищно-коммунальную сферу, расширялось индивидуальное строительство жилья. Так, в отчетном докладе секретаря горкома ВКП (б) Г. К. Баталина сообщалось, что в 1938 г. в коммунальное хозяйство вложено 4177,8 тыс. руб., в т. ч. в энергетическое – 320 тыс., жилищное – 545 и капитальный ремонт жилья – 2267,7 тыс.<sup>1</sup> Средства направлялись на реконструкцию электросети, расширение электрификации за счет достройки корпуса и получения нового дизеля, прокладку водопроводных труб на улицах Подгорной и Пешей, строительство резервуара для воды, ремонт мостов, тротуаров по ул. Луначарского, Кирова, Горького, Нагорной, осуществлялся мелкочащечный ремонт дорог. Намечалось в том числе завершить строительство дома горсовета и дома № 2 на ул. Московской, на что отпускалось 250 тыс. руб.<sup>2</sup>

В 1939 г. продолжилась работа по улучшению жилищных и бытовых условий работников промышленности и транспорта. Важным направлением в решении жилищной проблемы являлось расширение строительства не только по линии исполкомов, горсоветов, различных ведомств, но и индивидуального, для чего правительством отпускались денежные средства, выдавались ссуды. В январе 1939 г. с отчетом о состоянии и мерах по улучшению жилищного и коммунального хозяйства Пензы на пленуме горкома партии выступил председатель горсовета Любимов. Отметив некоторые улучшения в отрасли, пленум признал работу городского Совета неудовлетворительной и рекомендовал освободить его председателя от должности. Пленум считал необходимым провести в феврале 1939 г. городской слет передовиков производства коммунальных предприятий с обсуждением отчета заведующего горкомхозотделом о руководстве жилищно-коммунальным строительством в 1938 г. и перспективах его развития на 1939 г. Руководству группы предприятий (механического завода, ст. Пенза III, фабрик «Маяк революции», бисквитной и др.) было особо указано на необходимость поставить перед наркоматами и главками вопрос о расширении возведения жилых домов. Заместитель заведующего горсовета Борисов отметил, что жилой фонд Пензы изношен на 50 %, а поэтому нужно принять меры по его ремонту.<sup>3</sup>

Положительное влияние на развитие жилищно-коммунального строительства имело решение ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 18 октября 1939 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах». В соответствии с этим решением в городах и рабочих поселках создавались жилуправления и домоуправления. С их организацией значительно улучшилось руководство жилищным хозяйством: налаживался учет, улучшилось обслуживание жильцов. Из обзора развития жилищно-коммунального хозяйства Пензенской области мы видим рост жилой площади: в 1938 г. она составляла 335,9 тыс. м<sup>2</sup>, в 1939 г. – 342 и в 1940 – 346 тыс. (план), нежилой фонд – 159,3 м<sup>2</sup> (торговые, складские и другие помещения). Ремонт жилья полноценно начался в 1939 г. До этого времени ремонтные работы проводились бессистемно, бесконтрольно. В 1939 г. на капитальный ремонт было выделено 2491 тыс. руб., на текущий – 452,6 тыс. (всего 2943,6 тыс.), в 1940 г. намечалось вложить соответственно 3457,6 и 967,7 тыс. (4425,3 тыс.) руб.<sup>4</sup> Но, несмотря на все капиталовложения жилищное строительство по-прежнему, как и в начале 1930-х гг., не успевало за ростом городского населения, следствием чего было нарастание жилищного кризиса.

Таким образом, в 1930-е гг. «квартирный вопрос» в г. Пензе стоял достаточно остро. Увеличение численности городского населения опережало прирост жилой площади в несколько раз. Норма жилья на душу населения снижалась, несмотря на предпринимаемые государством меры. Следствием нехватки жилья была текучесть кадров, что сказывалась на работе промышленных предприятий.

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. П.-37. Оп. 1. Д. 665. Л. 67.

<sup>2</sup> Морозкина Е. А. Деятельность городских советов по развитию жилищного хозяйства. 1933–июнь 1941 гг. (по материалам Самарского и Пензенского горсоветов) // Актуальные проблемы исторической науки. Вып. 1. Пенза, 2003. С. 133–134.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. П.-37. Оп. 1. Д. 688. Л. 109-110; Д. 709. Л. 4, 15.

<sup>4</sup> Там же. Ф. Р.2038. Оп. 1. Д. 147а. Л. 54-56

**З. М. Кобозева,**  
*к.и.н., доцент кафедры Российской истории  
Самарского государственного университета,  
г. Самара*

## **«ДИАЛОГИ» С ВЛАСТЬЮ В ПАСПОРТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ МЕЩАН ГОРОДА**

Огромные территории Российской империи предполагали такую форму дисциплинарного контроля над населением как «распределение индивидов в пространстве»<sup>1</sup>. Социальное пространство, выделенное для каждого сословия, представляло собой в определенной степени «отгороженное место дисциплинарной монотонности»<sup>2</sup>. Каждому индивиду в этом пространстве отводилось свое место: «дисциплинарное пространство имеет тенденцию делиться на столько клеточек, сколько есть тел или элементов, подлежащих распределению»<sup>3</sup>. «Требуется вести учет наличия и отсутствия, знать, где и как найти того или иного индивида, устанавливать полезные связи, разрывать все другие, иметь возможность ежеминутного надзора за поведением каждого, быть в состоянии оценивать его, подвергать наказанию, измерять его качества и заслуги»<sup>4</sup> – приблизительно так выглядела методика управления «послушными телами» мещанства с помощью паспортной системы.

Несмотря на то, что обязанность платить подати была укоренена в сознании мещан, тем не менее, экономическое положение большинства представителей данного сословия вызывало затруднения в своевременной уплате денежной повинности. Образовывался своего рода «порочный круг»: без уплаты податей – не выдавался паспорт, а без паспорта – невозможно было найти работу. Подушная подать с мещан была отменена в 1863 г., но одновременно был введен общий для всех городских обывателей налог с недвижимых имуществ. Вместо подушной подати с ревизской души мещане стали уплачивать в казну «окладные сборы» с каждого семейства<sup>5</sup>. Выдачей паспортов занимался мещанский староста. Именно к нему обращались мещане с просьбой войти в их положение и помочь с выдачей паспорта. «Общение лицом к лицу является главной составляющей всех форм социального взаимодействия вне зависимости от масштабности контекста»<sup>6</sup>, при таком взаимодействии на микроуровне, особое значение приобретает язык письменных обращений «во власть» как средство передачи смыслов, который индивид берет из своей повседневной рутины. При всей важности подобного источника, его достаточно трудно интерпретировать, так как «любой пустячный разговор ... труден для понимания»<sup>7</sup>. Главу «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь» в своем учебнике по социологии Э. Гидденс, говоря о современном мире, заканчивает разделом под заглавием «Заключение: непреодолимое стремление к близости», в котором автор пишет об испытываемой людьми потребности в близости или соприсутствии, так как «в современной обществе, резко отличающемся от традиционного, мы постоянно находимся во взаимодействии с людьми, которых можно ни разу не видеть или не встретить»<sup>8</sup>. В дореволюционном провинциальном городе ситуация повседневного взаимодействия предполагала совершенно иные границы пространства личного и общественного: мещанский староста был связан с мещанами города многочисленными нитями интеракций, которые официально не были отражены в законодательном плане. В пространстве империи мещанский староста – маленькая бюрократическая фигура, в пространстве личных и общественных связей провинциального города – это большой человек, от которого зависит судьба мещанской семьи: паспорт, подати, рекрутство. При анализе социальных структур Российской империи Э. Виртшафтер отмечала, что

<sup>1</sup> Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 206.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 208.

<sup>4</sup> Там же. С. 209.

<sup>5</sup> Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 205.

<sup>6</sup> Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 81.

<sup>7</sup> Там же. С. 84.

<sup>8</sup> Там же. С. 96-97.

необходимо «отличать правовые определения от реальных общественных явлений»<sup>1</sup>. Это доказывает стиль писем мещан к мещанскому старосте, носящих в середине и практически до конца XIX в. во многом личный характер. Так, например, самарский мещанин Алексей Соловьев писал старосте в 1856 году (сохранена орфография источника<sup>2</sup>): *«Милостивый Государь! Никанор Семенович/ Пришла пора немедлинности на пересылку государственных податей, да и правда ныне так долго промедлил, в продчем была тому причина у нас по дому в семействе неблагополучно к большому прискорбию/ Почтенная наша маминька покинула нас и оставила навечно, отойдя в Будущий мир 25 декабря Но сколько ни грусти невозвратим этот путь для каждого/ итак Милостивый Государь Никанор Семенович всепокорнейшею просьбою обращаюсь к вам на взнос податей при сем посылаю денег с серноводским полицейским солдатом Петром Емельяновым 10 руб. серебром За сей текущий год, а недоимка 7 руб....А теперь потрудитесь выправить два паспорта мне и сыну Сашеньке Зделайте милость ради Бога потрудитесь об этом похлопотать чем премного обяжите/ наше истинное Почитание Вам и милостивой Государыне Глафире Александровне От всей Души желаю Вам быть Здоровым Равно и деткам Вашим/ При истинном Почитании навсегда пребываю с исключительно Уважением / Милостивый Государь Ваш Алексей Соловьев»*<sup>3</sup>. Другим почерком на этом письме была сделана приписка: *« Милостивый государь Никанор Семенович и Глафира Александровна! Все ли вы здоровы – я свою схоронил. А Вам дни Господни желаю быть здоровым 20 апреля ради Господа заплатить подати 1855 года и паспорт править чем премного обязан Е.Соловьев»*<sup>4</sup>. Можно предположить, что это дописал отец А. Соловьева. Мещанские обращения «во власть», как мы видим из вышеприведенного источника, отличается достаточно сильный эмоциональный фон, в котором преобладают эмоции страха, граничащего с отчаянием, и своего рода «крик» о помощи. В наступающий век индивидуализма, когда в городском пространстве уже пошатнулись традиционные основы общества – религия и микросообщество (семья, община)<sup>5</sup> – мещанское письмо отражает нарастающую тревожность и упование на традицию, выраженную как в патриархальном доверии к общинным лидерам, так и в религиозном сознании, имплицитно присутствующем в тексте письма. Аналогичные письма приходили на имя старосты и от других самарских мещан. Так, например, Александр Соколов в 1853 г. писал Никанору Семеновичу, что годовой паспорт он благополучно получил, *«о чем и имею честь уведомить»*, а оставшиеся от уплаты за паспорт деньги Соколов просит мещанского старосту *«употребить на рекрутскую квитанцию»*, далее следует подпись: *«С чувством моего к Вам почтения и непреложною преданностью имею честь быть ваш покорнейший слуга Александр Соколов Самарский мещанин»*<sup>6</sup>. С одной стороны, в данном отрывке мы, безусловно, сталкиваемся в первую очередь с общеупотребимой формулой вежливости, которую в свое время очень точно охарактеризовал А. С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург»: *«мы всякий день подписываемся покорнейшими слугами, и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры»*<sup>7</sup>.

Другая проблема, которая вытекает из анализа мещанского эпистолярного наследия, связанного с необходимостью получения паспорта, связана с восприятием образа чиновника в

<sup>1</sup> Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 14.

<sup>2</sup> И. В. Нарский в разделе «Технические замечания», предваряющем его монографию «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.» замечает, что «при обилии развернутого цитирования, оправданного неизвестностью большинства документов и жанром самого исследования, описки, опечатки, грамматические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок...» (Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 8). Мы же сознательно сохраняем орфографию источника, в частности, того эпистолярного наследия мещанства, которое оказалось сохраненным в составе делопроизводственной документации, так как практически нет другого пути уловить вербальные особенности мещанской речи.

<sup>3</sup> Государственное учреждение Самарской области Центральный Государственный Архив Самарской области (ГУСО ЦГАСО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 4(а)-4(б) об.

<sup>4</sup> ГУСО ЦГАСО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 4(б) об.

<sup>5</sup> Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 16.

<sup>6</sup> ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 128.

<sup>7</sup> Цит. по: Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1999. С. 122.



мещанской среде. Что касается российского образованного общества, в частности, дворянства, Ю. М. Лотман в своих исследованиях отмечал «низкий общественный престиж» чиновника, который в общественном сознании «ассоциировался с крючкотвором и взяточником»<sup>1</sup>. Гоголевский Поприщин в «Записках сумасшедшего» рисует следующий портрет чиновника «в губернском правлении, гражданских и казенных палатах»: «Там, смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нем гадкой, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не носи к нему: «это», говорит, «докторский подарок»; а ему давай пару рысаков, или дрожки, или бобер рублей в триста. С виду такой тихенькой, говорит так деликатно: «Одолжите ножичка починить перышко», а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе»<sup>2</sup>. Ю. М. Лотман делает вывод относительно чиновничьего мира Российской империи: «русская бюрократия, являясь важным фактором государственной жизни, почти не оставила следа в духовной жизни России»<sup>3</sup>. Одним из последних примеров исследовательского поиска причин негативного образа чиновничества в российской саморефлексии, является статья В. П. Богданова «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия»<sup>4</sup>. На основании анализа образов чиновничества в дореволюционной художественной литературе, автор приходит к выводу, что положительных примеров там найти невозможно, так как «русское чиновничество – органическая часть русского социума», следовательно «в онтологическом плане русский народ из своей среды постоянно выделяет тех, у кого можно найти и обличить собственные недостатки»<sup>5</sup>. Нам все же кажется более правдоподобным вывод Б. Н. Миронова о том, что писатели «намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии по той причине, что их цель, ... состояла в том, чтобы опорочить ее и косвенно дискредитировать верховную власть»<sup>6</sup>. Кроме того, следуя логике стихотворных строк о противоположности взглядов на одно и то же явление (в одно окно глядели двое: / Один увидел пыль и грязь; / Другой – листья зеленой вязь, / Траву и небо голубое...), восприятие чиновника в России зависело от ментального «неприятия мира, в котором индивидуализм с сопровождающими его жестокостью, аморализмом и жадной собственностью»<sup>7</sup> проявлялся и в образах бюрократии, кроме того, сыграла роль и ментальная склонность к тому, чтобы и «в самых веселых звуках» улавливать «жалобные стоны», как писал В. О. Ключевский о русской песне: «Все жалоба, все стон, и нигде нет светлого мотива, веселого игрового чувства»<sup>8</sup>. О российской бюрократии и, в частности, об отличиях российского чиновника от идеального чиновника, пишет Б. Н. Миронов во втором томе «Социальной истории России»<sup>9</sup>. Автор делает акцент на другой «породе» российского чиновничества, чем интересующая нас социальная среда мещанских старост, городских голов и их ближайшего окружения. Б. Н. Миронов пишет о зарождении нового поколения просвещенных русских чиновников, благодаря которому русское управление эволюционировало в сторону идеального типа формально-рационального управления<sup>10</sup>. Автор солидаризируется с мнением С. Ю. Витте, «которому никак нельзя отказать в знании русского чиновника», в том, что «российская бюрократия в силу просвещенности и аристократизма может с пользой служить обществу и лучше управлять страной, чем органы общественного самоуправления»<sup>11</sup>. Б. Н. Миронов рассматривает модель российской государственности в данном

<sup>1</sup> Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) СПб., 1997. С. 26.

<sup>2</sup> Цит. по: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 27.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Богданов В. П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 37. М., 2011. С. 101-126.

<sup>5</sup> Там же. С. 123-124.

<sup>6</sup> Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 173.

<sup>7</sup> Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 168.

<sup>8</sup> Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 56.

<sup>9</sup> Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 162-175, 196-208.

<sup>10</sup> Там же. С. 174-175.

<sup>11</sup> Там же. С. 175.

эпизоде «сверху», отмечая, что «роль права в регулировании социальных отношений систематически повышалась, напротив, роль насилия – снижалась»<sup>1</sup>. Признавая с одной стороны правомерность данных суждений, хотелось бы заметить, что в России на протяжении всей ее истории, «внизу» сформировалась своя «защитная» от давления власти среда, которую выполняли «доступные» и «понятные» для большинства населения «свои» чиновники. «Взятка» в такой среде не несла однозначно негативных коннотаций, обладая значением подарка. «Связи» играли роль родственных связей того локуса, в котором обитал определенный чиновник. Такой тип чиновника начинает в дореволюционный период постепенно исчезать с введением положений 1870 г. Всесословный принцип городского управления привел в город «чужаков», которые в свое время, после екатерининского законодательства, «побрезговали» вместе с мещанством и купечеством участвовать в делах города: дворянство и интеллигенцию. Оба социальных слоя были неизбежно одинаково чужими как крестьянству, так и мещанству с купечеством. И сколько бы представители интеллигенции и русского дворянства не пытались действовать во имя социального большинства, они были латентно отторгаемы на основании древнейшей оппозиции «свой-чужой». Б. Н. Миронов же объединяет эти ментально разные персонажи в более общую категорию «общественного самоуправления», противопоставляя его «коронному управлению»<sup>2</sup>. Трагедия России, на наш взгляд, а вместе с тем и ее особенность, заключалась в том, что дворянство и интеллигенция не могли составить единое «общество» с основным населением России (крестьянством, мещанством, купечеством) и не могут до сих пор.

Анализ взаимодействия мещан со своими сословными чиновниками заставляет предположить, что в их взаимоотношениях присутствовала некая патриархальность, выражающаяся в интонациях искренней просьбы о помощи, содействии, вера в порядок в границах своего социального пространства, носителем которого (порядка) являлся мещанский староста или городской голова. В определенной степени тому подтверждением служит обращение самарской мещанки Феодосии Жароковой к городскому голове Василию Ефимовичу Бурееву: *«Ваше степенство милостивые государи Василий Ефимович и всех властей вообще Богом премудростию определенных над нами подчиненными прошу я все покорнейше всегдашняя ваша слуга...»*<sup>3</sup>. Несмотря на то, что данное обращение во власть не связано с проблемой выдачи чи паспорта, имеет смысл привести его в полном объеме как пример бесхитростного упования простых людей к власти: *«...Федосья Жарокова малолетними детьми моими буде мне отцом защитителем покровителем явите божискую милость не сравните одних людей с другими мы живем в г. Самаре 30 лет внесены отзмалова в списки неповержены никаким жалобам ничем никого неоклеветали а ныне живем в самом жалком бедности и с малолетними детьми не стоят за нами казенные подати неверьте ответу Уланова у которого находились в житии своем в острогах и в отроках добра немного он занимается глупостями разными у Морычевых окошки перебил и калитку снял...пожар сделал...забор изломал...если мне не поверите то спросите вышеупомянутых всех а у нас до трех раз забор ломали перва рас днем хотя я сама не видала...(сосед) сказал что Уланов Другой рас я видела сама – разбуянился в соседях выбежал от них и наши забор ломает ломаными досками начал с другими парнями драться и в то время я была на дворе идет мимо пьяный, постучит в забор и кричит денег на гвозди нет одна с малолетними детьми боюсь сказать у меня две девушки кабы насмешку не сделал не вымазал бы ворота или нас не побил»*<sup>4</sup>. В данном эмоциональном документе мы сталкиваемся с таким видом социальной эмоции как негодование, связанное с нарушением общественных норм, страх за близких и опять-таки упование на власть в лице наиболее приближенного к людям данной социальной среды представителя власти – городского голове. «Сложная эмоция негодования может быть связана со страхом. Изменение статуса, социальное унижение, ощущение, что некий индивид или группа незаслуженно обрели превосходство над тобой или твоей группой, могут основываться на желании сохранить чувство собственно-

<sup>1</sup> Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 182.

<sup>2</sup> Там же. С. 528.

<sup>3</sup> ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 12. Л. 60.

<sup>4</sup> Там же. Л. 60-60 об.

го достоинства или на опасении потерять статус, стать уязвимым»<sup>1</sup>. В качестве адресата данной эмоциональной реакции выступает власть как гарант порядка, заслуженного социальным послушанием («за нами казенные подати не стоят»). «Через дисциплины проявляется власть Нормы»<sup>2</sup> – дисциплинированные граждане просят от власти добиться всеобщей нормы в поведении индивидов.

Таким образом, язык повседневности конструировал синкретическую социальную практику, совмещающую в себе как дискурс власти, так и «интерпретативные репертуары» местной публики. «Я» провинциального мещанина конструировалось неизбежно путем «интернационализации социальных диалогов»<sup>3</sup>. Власть же, функционируя «посредством позиционирования человека относительно различных дискурсивных категорий»<sup>4</sup>, не всегда успевала обнаружить это ускользающее социальное «Я», заключить его в свой дискурс, обозначить место в пространстве.

*Н. А. Кондалова,  
аспирант кафедры всеобщей истории,  
историографии и археологии  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ ПЕНЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Среди провинциальных городов Российской империи проблема охраны общественного порядка довольно остро стояла в губернских городах. Это было связано с их сложной социальной структурой, высокой концентрацией населения и его торговой активностью, размещением разветвленной системы государственных структур и органов власти.

Особое внимание к охране общественного порядка в Пензе в первой половине XIX в. обусловлено восстановлением Пензенской губернии в 1801 г. Возвращение Пензе статуса губернского города способствовало усложнению общественной жизни горожан и, следовательно, требовало от власти и городских обывателей пристального внимания к проблемам безопасности.

Согласно законодательству, наиболее опасными считались преступления против веры, императорской особы, членов императорского дома, бунт и государственная измена. В структуре городской преступности они если и занимали, то совсем ничтожную долю, и рассматривались как факт вопиющего нарушения социальных норм. Это обуславливалось, с одной стороны, религиозностью провинциального населения, достаточно однородным конфессиональным (православным) составом Пензы, и с другой стороны, удаленностью города от столиц и окраин империи, медленным и редким проникновением в городскую среду «вредных слухов».

Напротив, в связи с размещением присутственных мест нередкими событиями в губернском центре являлись преступления против правительства и чиновников по службе, прежде всего, лихоимство и так называемые противозаконные поступки чиновников (при заключении подрядов и поставок, оформлении документации и пр.).

Основной криминальный фон города составляли преступления против жизни и здоровья, законного удовлетворения «плотских страстей», прав общественного состояния лиц, семейных и имущественных прав, уставов о повинностях. Примечательно, что динамика преступлений во многом зависела от периодических событий, случавшихся в губернском центре: рекрутских наборов, расквартирования войск, пожаров, проведения ярмарок<sup>5</sup>. В этой связи

<sup>1</sup> Суни Р. Г. Аффективные сообщества: структура государства и нации в российской империи // Российская империя чувств. С. 84.

<sup>2</sup> Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 269.

<sup>3</sup> Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс – анализ. Теория и метод. Харьков. 2008. С. 200.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 132. Оп. 2. Д. 51. Л. 1-2; Д. 98. Л. 4-5об.

охрана общественного порядка предусматривала как регулярные, так и экстренные мероприятия по организации правомерного поведения населения.

Главные распорядительные и контрольно-надзорные функции при осуществлении указанных мер возлагались на губернатора. С формально-юридической точки зрения, это обуславливалось статусом губернатора как непосредственного начальника губернии, а в фактическом отношении определялось местом его резиденции и осуществлением основных административно-полицейских полномочий именно в Пензе.

В правоохранительной деятельности особенно важен субъективный, человеческий фактор, его значимость отчетливо прослеживается на примере работы губернаторов. Так, с приходом на пост начальника губернии М. М. Сперанского, выдающегося государственного деятеля, снискавшего уважение в самых широких кругах пензенского общества, был установлен надлежащий порядок в делопроизводстве, хозяйстве и полицейских учреждениях города (1816-1819 гг.). Этому способствовали деловые и личные качества М. М. Сперанского, благожелательное отношение к нему местного дворянства.

Отметим сложности в сотрудничестве губернатора с таким должностным лицом, как губернский прокурор, который был выведен из непосредственного подчинения губернскому начальству и назначался Сенатом по представлению министра юстиции. Губернский прокурор имел широкие полномочия, но что особенно важно для рассматриваемой нами проблемы, играл роль «своего рода внутренней полиции для местного чиновничества»<sup>1</sup>. Его независимый статус, с одной стороны, и законная возможность контролировать чиновничество, с другой, приводили к столкновению его интересов с интересами губернатора и нередко осложняли осуществление правоохранительных полномочий обоих должностных лиц. Так, в 1807 г. в столицу пришло письмо от Ф. Л. Вигеля, занимавшего должность пензенского губернатора, где он просил по слабости здоровья освободить его от государственной службы. В ходе расследования выяснилось, что письмо было сфабриковано группой отставных и действительных чиновников, находившихся под влиятельным покровительством губернского прокурора. Не исключалось, что один из фигурантов дела, коллежский регистратор Тезиков, служа ранее в канцелярии губернатора, тайно выносил печать и передавал ее прокурору, который должен был пользоваться печатью губернского правления за неимением собственной. В связи с этим случаем примечательна жалоба Ф. Л. Вигеля в Министерство внутренних дел, где он указывал, что губернский прокурор «делал мне всегда неудовольствия и обратился по сему особенно делу на противоположность»<sup>2</sup>. По-видимому, разногласия в верхних эшелонах власти были нередким явлением и сказывались на системе организационных и правоохранительных мер в сфере обеспечения общественного порядка.

Основная текущая работа по охране общественного порядка возлагалась на городскую полицию. Оперативное осуществление полномочий по предотвращению преступлений и преследованию преступников происходило на уровне городских частей и кварталов, поэтому эффективность работы полиции зависела от ее оптимального территориального устройства.

В начале XIX в. была предпринята первая попытка разделить Пензу на три части: именно такое административно-полицейское деление наилучшим образом способствовало осуществлению правоохранительных функций. Однако она оказалась unsuccessful, т.к. полиция находилась на исключительно скромном городском довольствии. Вследствие этого количество частей установилось на уровне двух, а расходы на их содержание к 1805 г. уменьшились втрое – с запланированных 5,5 тыс. до 1,7 тыс. руб. в год<sup>3</sup>.

Открытие третьей части состоялось в 1822 г. по приказу губернатора Ф. П. Лубяновского, т.к. в Пензу на квартирование вошли войска и перед полицией была поставлена задача содействовать квартирной комиссии в размещении нижних чинов и офицеров и предупреждать недовольства, вызванные раскладкой постоянной повинности<sup>4</sup>. Части четко очерчивались на плане городскими улицами и, как правило, именовались по названию наиболее крупных пра-

<sup>1</sup> Ломизова Н. И. Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1801-1825 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Пенза, 2003. С. 113.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 43.

<sup>3</sup> Там же. Д. 11. Л. 6-103.

<sup>4</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 749. Л. 1.

вославных храмов, расположенных в их пределах. Так, первая часть охватила 675 домов, вторая (Архангельская) – 582, третья (Петропавловская) – 855. Согласно законодательству, в каждой из них устанавливалась «съезжая» (здание полиции) и при ней частный пристав, два квартальных надзирателя, а также «дежурный офицер». Последняя должность взята в кавычки потому, что она не предполагала обязательного офицерского чина<sup>1</sup>.

Закономерен вопрос, насколько успешно такое количество частей позволяло осуществлять городской полиции правоохранительные функции? «Устав благочиния, или полицейский», регламентировавший устройство городской полиции, предусматривал, исходя из местоположения и обширности города, выделять в каждую его часть примерно от 200 до 700 домов<sup>2</sup>. Представляется, что в 1820-х гг. административно-полицейское деление Пензы соответствовало законодательным установлениям, однако в последующие десятилетия стало от них отставать и сохранялось на прежнем уровне трех частей. Причины такой стагнации, нам видятся, в двух основных факторах. Во-первых, в традиционном характере дореформенного общества, где большое значение имел не только государственный, но и общественный контроль. В Пензе он был представлен как в корпоративной, так и в общинной форме, поскольку около половины городского населения составляли крестьяне. Во-вторых, местная власть руководствовалась не столько нормой закона, предусматривавшей административно-полицейское деление города исходя из его размеров, сколько финансовыми соображениями. А они были таковы, что открытие новых частей требовало привлечения дополнительных денежных средств на содержание полиции либо путем сокращения уже существующих расходов, либо посредством увеличения налогового бремени горожан. Отсутствие соответствующей финансовой поддержки из столицы заметно сказывалось на состоянии провинциальной городской полиции и нередко усугублялось своеволием местных должностных лиц, перетасовывавших в своих интересах статьи городского бюджета.

Наиболее заметным структурно-функциональным изменением в полицейской сфере в исследуемый период следует назвать открытие в 1836 г. местного отделения политической полиции – жандармской команды в числе 34 чинов. Примечательно, что политический сыск занимал главное, но не основное место в ее деятельности. Это объясняется небольшой численностью и невысокой социальной опасностью лиц, состоящих под надзором. Так, из десяти человек, находившихся в Пензе под надзором в 1843 г., семь демонстрировали хорошее поведение, а оставшиеся трое вели нетрезвый образ жизни, но правонарушений не совершали. Поэтому компетенция жандармской команды дублировала многие функции общей полиции.

Обеспечение правопорядка непосредственно в общественных местах поручалось будочникам. О качественном уровне их работы сохранились довольно краткие, но показательные сведения. Известно, что по итогам ревизии сенатора И. С. Горголи, проходившей в 1828 г., выяснилось, что город обслуживало 11 будок и 28 полицейских будочников, «из коих у будок часовых 12, на колончах 2, у съезжих домов 3, для посылок в полицию и частях унтер-офицеров 1 и рядовых 9 и в откомандировке с чиновником 1»<sup>3</sup>. По замечанию сенатора, «как сия команда составляет стражу городскую, то и должна быть употребляема для наблюдения за порядком и тишиною в городе, следовательно, всякое другое употребление, тем более командировки в уезды с чиновниками, не должны и не могут быть допускаемы»<sup>4</sup>. Следовательно, полицейские кадры использовались руководством произвольно, не только по прямому назначению. При устроенных полицейских будках находилось по одному служителю, которые не имели себе смены в течение дня и исполняли свои обязанности посредственно<sup>5</sup>. По этой причине городское общество нанимало либо предоставляло натурой ночных сторожей, которые осуществляли охрану общественного порядка в наиболее небезопасное, темное, время суток. Горожане также организовывали ночное освещение Пензы. Почетный гражданин Кононов, например, в 1858 г. пожертвовал для фонарей 600 ведер спирта на сумму 3000 руб.<sup>6</sup>

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 749. Л. 14-23об.

<sup>2</sup> Полное собрание законов Российской империи (I). СПб., 1830. Т. XXI. № 15379.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1389. Л. 203-203об.

<sup>4</sup> Там же. Л. 203об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 203-203об.

<sup>6</sup> Пензенские губернские ведомости. 1858. № 21.

Активная патрульно-постовая служба осуществлялась также внутренней стражей, представленной в начале XIX в. губернской ротой. В марте 1811 г. произошло ее преобразование в Пензенский внутренний гарнизонный батальон, к которому вскоре была прибавлена инвалидная команда. Помимо обеспечения правопорядка на городских улицах, нижние чины внутренней стражи составляли охрану пенитенциарных учреждений. Отметим, что места изоляции правонарушителей нередко выступали дополнительным источником опасности в городе. Ветхость и необустроенность арестантских зданий и помещений облегчала побег. Так, устройство перегородок и железных решеток на окнах в полиции состоялось только в 1808 г., возведение каменной трехэтажной тюрьмы завершилось в 1830-е гг.<sup>1</sup>

Компетенция выборных лиц и органов местного самоуправления в губернском городе охватывала небольшой объем полномочий по охране общественного порядка. Еще Екатерина II «Уставом благочиния» ввела ратманов в полицейское управление, но их деятельность на практике носила номинальный характер и попадала под влияние полицмейстера. Основная правоохранительная работа городских сословных учреждений должна была сосредотачиваться, по мнению власти, только в привычной для них сфере контроля за исполнением уставов о повинностях и торгово-промышленного надзора. Выборные органы власти обязывались «возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя, однако же, относящееся к части полицейской исполнять местам и людям, для того установленным»<sup>2</sup>.

Итак, одним из важнейших условий, обеспечивающим существование и развитие городского общества, является охрана общественного порядка. Особо пристальное внимание к этой проблеме в губернском городе обуславливалось его многофункциональным назначением, связывающим губернию в экономическом, социокультурном и общественно-политическом отношении.

Как показал пример Пензы, профессиональная охрана общественного порядка организовывалась и осуществлялась государственными административно-полицейскими структурами. Главные распорядительные и контрольно-надзорные полномочия возлагались на губернатора. Основную текущую работу по пресечению преступлений и преследованию преступников выполняла полиция. Ее участие в обеспечении правопорядка в общественных местах ограничивалось установлением будок и наймом будочников, поэтому основная деятельность в этой сфере осуществлялась внутренней стражей и горожанами. Вспомогательные функции по пресечению, прежде всего, экономических преступлений выполнили выборные органы власти. Они должны были выявлять факты нарушения законодательства и сообщать о них в полицию.

Что касается проблем организации и осуществления охраны общественного порядка, то среди них следует выделить недостаточное материальное обеспечение правоохранительных структур, влияние субъективного фактора, а также отсутствие выборных административно-полицейских органов власти, которые бы несли ответственность перед населением за проделанную работу.

Из позитивного значения рассматриваемого нами периода отметим завершение оформления института губернаторства и городской полиции как основных административно-полицейских структур; первые попытки создания специализированной полиции; формирование Пензенского внутреннего гарнизонного батальона, составившего основу внутренних войск губернии; привлечение частных лиц к охране общественного порядка.

---

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 108. Оп.1. Д. 107. Л. 7; Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Самара, 2006. С. 98-99.

<sup>2</sup> Тюстин А. В. Пензенское купечество в органах местного самоуправления // Земство. Пенза, 1994. № 4. С. 63.

**В. В. Кондрашин,**  
*д.и.н., зав. кафедрой отечественной истории  
и методики преподавания истории  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ЛЮДИ ВО ВРЕМЕНИ: Л. Б. ЕРМИН И ЕГО КОМАНДА**

В пензенском краеведении фактически выпала из поля зрения тема руководителей Пензенской области в советский период истории края. Этот факт особенно очевиден на фоне активного интереса краеведов к дореволюционному периоду. Уже немало написано о пензенских губернаторах, визитах в губернию царей, дворянских предводителях и т.д.<sup>1</sup> Но мы ничего не найдем на эту тему применительно к послереволюционному периоду, кроме журналистских очерков и мемуаров ряда знаковых лиц<sup>2</sup>. Из научной литературы можно выделить несколько диссертационных работ, где о партийных и советских руководителях Пензенской области говорится, но в критическом ключе в духе модной в последние десятилетия «критики» советской истории России<sup>3</sup>.

В начале 2000-х гг. нам пришлось участвовать в международном проекте по послевоенной истории России, организованном английским профессором Йорамом Горлицким и его коллегой, выдающимся исследователем проблемы сталинизма О. В. Хлевнюком<sup>4</sup>. Благодаря этому нами собран богатый фактический материал о партийных и советских руководителях Пензенской области послевоенного времени. Особенно интересным, на наш взгляд, являются факты о первом секретаре Пензенского обкома КПСС Л. Б. Ермине и его команде, при которых область вышла на ведущие позиции по уровню социально-экономического развития не только в регионе, но и на фоне всей страны. В центре нашего внимания оказались люди, управлявшие Россией на региональном уровне в так называемый «брежневский, застойный период» советской истории.

На примере одной из типичных провинций Российской Федерации – Пензенской области попытаемся высказать свое мнение о региональном руководстве и их деятельности в послевоенный, «брежневский», период. Оно основано на изученной источниковой базе и не претендует на бесспорность. Мы попытаемся проанализировать властную элиту региона, входившую в состав таких структур государственного управления, как КПСС и Советы, показать их взаимодействие, взаимоотношения с Центром и руководителями местных промышленных предприятий.

Чтобы получить представление о социальном облике правящей элиты региона в рассматриваемый период нами было изучено в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) 116 личных дел партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников, занимавших главные номенклатурные должности в регионе в период с 1944 по 1971 гг. Их число определилось в результате анализа многочисленных архивных и опубликованных источников, содержащих конкретно-историческую информацию о ситуации в органах власти Пензенской области в указанные годы.

<sup>1</sup> См. напр.: Дружинина Т. А. М. М. Сперанский – пензенский губернатор: дополнение к биографии великого русского реформатора XX в. Учебное пособие. Пенза: ГУМНИЦ, 2008. – 100 с.; Кузичкин С. Н. Они управляли Пензенской губернией. Пенза, 2002. 64 с.; Савин О. М. Императоры и губернаторы / Страницы истории пензенского края. Пенза, 2006. 432 с.; Тюстин А.В. Пензенское дворянство. К 200-летию восстановления губернии. Пенза, 2011. 71 с.; Он же. Пензенские губернские предводители дворянства. Библиографический справочник. Пенза, 2001. 37 с. и др.

<sup>2</sup> См. напр.: Георг Мясников. Странички из дневника. / Под редакцией М. Г. Мясникова и М. С. Полубаярова. М., 2008. 775 с.

<sup>3</sup> См. напр.: Мельниченко О. В. Кризис системы управления КПСС 1985 – 1991 годов в Пензенской области // Автореф. дисс. к.и.н. Пенза, 2006; Шаронов А. А. Проблемы функционирования системы управления сельским хозяйством накануне и в годы восьмой пятилетки (1964-1970 годы): на материалах Пензенской области // Автореф. дисс. к.и.н. Пенза, 2005 и др.

<sup>4</sup> О проекте см.: Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953 – 1964 гг. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2009. 774 с.

Хронологические рамки выбраны не случайно. На наш взгляд, они позволяют увидеть проблему в динамике, сравнить качественный состав номенклатурных работников в первые послевоенные десятилетия с последующим периодом. Кроме того, нами были изучены другие документы фондов ГАПО, характеризующие историю Пензенской областной организации КПСС, многие из которых (например, документы особого сектора обкома партии) впервые вводятся в научный оборот. Значительное место в статье занимают воспоминания представителей «брежневской номенклатуры», управлявшие областью в 1960-е–1970-е гг.

На наш взгляд, содержание указанных источников позволяет получить достаточно полное представление о социальном облике пензенской номенклатуры, составить своего рода собирательный портрет среднестатистического управленца 1960-х – начала 1970-х гг.

В начале 1960-х гг. в Пензенской области приходит к власти команда нового первого секретаря ОК КПСС Льва Борисовича Ермина, который в течение почти 20 лет возглавляет регион. Она значительно отличается по своему качественному составу от предшественников. В какой-то степени речь идет о «номенклатурной революции», замене старой элиты новой.

Приведем факты, подтверждающие данное заключение. Из изученных нами документов видно, что «команда Ермина» была значительно моложе, в сравнении с номенклатурными работниками конца 1940-х – первой половины 1950-х гг. Ее средний возраст равнялся 37 годам, по сравнению с 57-ю годами «номенклатуры до Ермина»<sup>1</sup>. С 1961 г. областью управляли люди в основной массе своей моложе или чуть старше 40 лет (первый секретарь ОК Л. Б. Ермин – 38, второй секретарь ОК Г. В. Мясников – 35, секретари ОК Ю. А. Акимов – 42, Ю. А. Виноградов – 35, Огарев В. Ф. – 37, Селиванов П. Д. – 40, председатели облисполкома В. К. Дорошенко – 33, Н. П. Мальшаков – 37, председатель горисполкома А. Е. Щербаков – 37. Семьдесят процентов членов команды Ермина родилось в 1920-е гг.

Вторым качественным отличием номенклатуры Ермина является факт преобладания в ней уроженцев Пензенской области. Их стало сорок 44 %, по сравнению с 15 % в 1940–1950-е гг., то есть почти в три раза больше. Еще одним изменением было увеличение в руководящих органах выходцев из служащих и рабочих (соответственно 21 % и 30 %, по сравнению с 28 % и 15 %).

Но самое большое изменение произошло в образовательном уровне правящей элиты. В командах предшественников Л. Б. Ермина первых секретарей К. А. Морщанина, И. К. Лебедева и С. М. Бутузова только 32 процента работников имели специальное высшее профессиональное образование (в данном случае речь не идет о многочисленных партийных курсах. – В.К.). При Ермине ситуация выглядела принципиально иной. Высшее образование получило 86 процентов работников. Причем совершенно новым явлением было получение ближайшим окружением Льва Борисовича научных степеней. По сути дела все основные помощники первого секретаря, включая и его самого, «остепенились» (Л. Б. Ермин – кандидат экономических наук, секретарь ОК по сельскому хозяйству В. Ф. Огарев – кандидат сельскохозяйственных наук, секретарь ОК по пропаганде и агитации П. Д. Селиванов – кандидат философских наук, зав. сектором химического машиностроения, зав. отделом легкой и пищевой промышленности ОК А. С. Глущенко – кандидат экономических наук, зав. отделом строительства ОК Д. К. Перминов – кандидат технических наук, зав. отделами пропаганды и агитации ОК Ю. А. Милехин – кандидат философских наук, И. Д. Троценко – кандидат экономических и юридических наук, зав. отделом науки и учебных заведений ОК Л. И. Крутова – кандидат экономических наук).

---

<sup>1</sup> См.: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-148. Оп. 2о/к. Д. 61-8724; Сталинское знамя. 1946. 8 февраля; 1950. 22 февраля; 1954. 12 февраля; Пензенская правда. 1959. 8 февраля; 1966. 17 мая; 18 июля; 1967. 22 января; 1971. 26 мая; 1972. 25 ноября; 1980. 26 января; Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 164, 165, 177, 280-281, 320; 367, 368, 683; 732, 735, 736, Живые памятники эпохи. Воспоминания знаменитых пензяков, записанные Леонидом Темновым. Пенза, 2001. С.5-10, 25-31, 44-48, 60-65; Лакодин Д. Специальное конструкторское бюро турбоагнетателей и 40 лет в дизелестроении. Пенза, 2004; Евневич Т., История пензенских профсоюзов (к 100-летию создания). Пенза, 2004; Лакодин В. Финансы – это главный рычаг стабилизации общества. Из истории финансовых органов Пензенской области. Пенза, 2002; Пензенский автотранспорт: история, события, люди. Исторический очерк. Пенза, 1996; Щербаков А. «Это мой взгляд...». О друзьях и товарищах. Пенза, 2003.



Члены команды Ермина отличались от своих предшественников и такими показателями, как служба в вооруженных силах и участие в Великой Отечественной войне. В аппарате первых секретарей обкома Морщанина, Лебедева и Бутузова 60 процентов работников не служили в армии, и лишь 15 процентов воевало на фронтах Великой Отечественной войны.

У Л. Б. Ермина было по-другому. В его команде работало 30 процентов фронтовиков. Так, например, участниками Великой Отечественной войны, наряду с самим первым секретарем, являлись секретари ОК КПСС В. Ф. Огарев и П. Д. Селиванов, председатель облисполкома Н. П. Мальшаков, секретарь облисполкома М. Т. Белозубов, зам. завотделом строительства и завсектором учета руководящих кадров ОК В. П. Коронатов, зав. отделом организационно-партийной работы ОК Ф. М. Куликов, редактор областной партийной газеты «Пензенская правда» В. И. Лысов, председатель Пензенского городского народного контроля А. В. Мартынов, зав. финансово-хозяйственным отделом ОК В. В. Шушканов.

Члены команды Ермина, по сравнению с предшественниками, в подавляющей массе своей стали коммунистами в военное лихолетье и в последующее десятилетие, причем половина участников войны вступило в партию на фронте, в том числе Л. Б. Ермин, В. Ф. Огарев, Н. П. Мальшаков, В. П. Коронатов, Ф. М. Куликов, М. Т. Белозубов и другие.

Еще одним отличием номенклатуры Ермина был комсомольский опыт работы 44 процентов руководителей. До Ермина лишь 25 процентов работников аппарата областной партийной организации и советских органов прошли «школу комсомола».

В то же время были и общие показатели послевоенной региональной номенклатуры. В рассматриваемый период, несмотря на многонациональный состав Пензенской области, подавляющее большинство партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников составляли русские. Также общим был опыт практической работы на производстве, в учреждениях образования, здравоохранения и культуры. До Ермина трудовой стаж имели 89 процентов руководящих кадров, при Ермине – 88 %.

Исходя из вышеизложенного, можно следующим образом охарактеризовать социальный облик Пензенской региональной номенклатуры, взявшей в свои руки управление регионом в начале 1960-х гг. В большинстве своем это были уроженцы Пензенской области, люди 30-40 лет, выходцы из рабоче-крестьянской среды, с высшим, как правило, техническим, образованием, тяжелой военной молодостью, примерно одна треть – участники Великой Отечественной войны, около половины – бывшие комсомольские работники. По своему качественному составу и потенциалу они явно превосходили своих предшественников. Это были молодые, образованные, энергичные люди. Они приходили на смену первому поколению советских людей эпохи революции, гражданской войны, сталинских преобразований и заменяли сформировавшуюся в это время номенклатуру.

На наш взгляд, подобная ситуация для Пензенской области была вполне закономерной. Она была обусловлена активной политикой индустриализации региона в 1950-е гг., превращением его из отсталого сельскохозяйственного в один из центров военно-промышленного комплекса СССР.

В 1952–1961 гг. во главе области находился Сергей Михайлович Бутузов – первый секретарь ОК КПСС. Именно его усилиями к началу 1960-х годов был сформирован костяк команды Ермина, состоявший из «технарей», практиков, молодых партийных работников с высшим образованием. Свой первый опыт управленческой деятельности они получили на строившихся и вводимых тогда в строй пензенских заводах, в лабораториях закрытых НИИ, где они работали в качестве специалистов, комсомольских или партийных работников.

К концу 1950-х гг. в Пензе располагалось 87 промышленных предприятий, три научно-исследовательских института, крупный железнодорожный узел, включающий пять станций, два паровозных и два вагонных депо. В городе продолжалось строительство целого ряда крупных промышленных объектов: компрессорного, арматурного № 2, счетно-аналитических машин, химического машиностроения, дизельного заводов, радиозавода, завода медицинских препаратов.

О том, какое наследство досталось Л. Б. Ермину от С. М. Бутузова, можно судить по его письму в ЦК КПСС от 7 апреля 1962 г. В нем Л. Б. Ермин писал, что за три года Пенза превратилась в крупный промышленный центр, где производились дизеля, компрессора, оборудование для текстильной и химической промышленности, появились новые отрасли про-

мышленности – биохимическая и радиотехническая (заводы медпрепаратов, «ТЭМ», «Электропроигрыватель»), было создано 12 научно-исследовательских институтов, тресты «Жилстрой», «Спецстрой», построен завод ячеистого бетона. Он указывал, что за последние три года население Пензы выросло на 40 тысяч человек и составило 290 тысяч. Количество рабочих и служащих увеличилось более чем на 50 тысяч человек<sup>1</sup>.

Таким образом, к моменту прихода к власти в области Л. Б. Ермина в регионе шло бурное индустриальное развитие, требовавшее соответствующих управленческих кадров.

В тот же время, как следует из документов, сельское хозяйство Пензенской области в период Бутузова оказалось на втором плане. Налицо был очевидный перекокс в сторону промышленного развития региона. И это обстоятельство сыграло роковую роль для первого секретаря. В августе 1961 г. он был освобожден от занимаемой должности «как не обеспечивший руководство сельским хозяйством»<sup>2</sup>. Направленный в Пензу Хрущевым Л. Б. Ермин и утвержденный там первым секретарем обкома КПСС 18 августа 1961 г., должен был изменить сложившуюся ситуацию в сельском хозяйстве и, одновременно, сохранить и наращивать промышленное производство, особенно военного назначения. Это была не простая задача, с которой новый руководитель региона, как свидетельствуют документы, справился с честью. В августе 1961 г. в Пензенской области началась «эпоха Ермина», которая продолжалась до 29 апреля 1979 г., момента перевода его в Москву на должность первого заместителя председателя Совета министров РСФСР.

*А. И. Кошелева,  
доцент кафедры Истории Отечества,  
государства и права  
Пензенский государственный университет,  
г. Пенза*

**ЕПАРХИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ  
В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.  
(НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕНЗЫ И «ПЕНЗЕНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)**

Информационная среда провинциального города во второй половине XIX в., как правило, была ограничена двумя изданиями: Губернскими и Епархиальными ведомостями.

Идея создания особой епархиальной периодики по примеру губернской (а к середине века в большинстве губерний России выходили свои «Губернские ведомости») принадлежала херсонскому архиепископу Иннокентию.

Программа «Епархиальных ведомостей» была в значительной степени скопирована с программы ведомостей Губернских. По мнению Л. Кашинской, «Епархиальные ведомости», в большей степени выполняли задачи соединения православия и мирской жизни<sup>3</sup>.

В Пензенской епархии «Епархиальные ведомости» стали выходить в 1866 г. Это был период издательского бума, который охватил всю страну после выхода Временных правил о печати 1865 г., существенно упрощавших бюрократические процедуры и цензурный контроль.

Несмотря на единую для всех структуру и общую программу, каждая епархиальная газета обладала собственными отличительными свойствами, которые в значительной степени, если не полностью, зависели от местного владыки.

В 1880 г. неизвестный сотрудник «Минских епархиальных ведомостей» сетовал: «Епархиальные ведомости» разных епархий делятся на два разряда: к одному разряду относятся те, которые ограничиваются печатанием распоряжений епархиального начальства в

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 4119. Л. 13-15.

<sup>2</sup> Грачев А. Бутузов Сергей Михайлович – руководитель области в период хрущевской «оттепели» // Улица Московская. 2004. 27 августа.

<sup>3</sup> Лученко К. Церковная периодика в Царской России // Церковный вестник. 2004. Ноябрь. № 21 (298) // <http://www.tserkov.info/history/>

официальной части, да разных “слов”, по большей части бездарных проповедников, в неофициальной; к другому разряду относятся те, редакции которых смотрят на свою задачу серьезнее, стараются собирать исторический материал по своей епархии и обогащают русскую историческую науку такими вкладами, которые имеют не малую цену. К сожалению, последний разряд не так многочислен, как первый, и большая часть “Епархиальных ведомостей” имеют цену только оберточной бумаги, да и то низшего сорта, брошюрованной»<sup>1</sup>.

Распространение епархиальных изданий обычно ограничивалось территорией епархии: подписчиками по обязанности являлись приходы, духовные училища, монастырские библиотеки, братства, а также ряд губернских и земских учреждений.

Обязательная рассылка распространялась на общих для всей периодической печати основаниях. Количество добровольных подписчиков из числа частных лиц установить невозможно – данных о тиражах почти не существует. Приблизительный тираж епархиальной газеты обычно равнялся числу приходов плюс еще сто экземпляров. Таким образом, очень редко тираж превышал тысячу экземпляров.

Цена годовой подписки на «Епархиальные ведомости» составляла обычно три-пять рублей, что соответствовало уровню цен на подписку губернской периодики.

Инициатива издания «Пензенских епархиальных ведомостей» (далее «ПЕВ») принадлежала инспектору Пензенской духовной семинарии, крупнейшему пензенскому историку, протоиерею Иакову Петровичу Бурлуцкому. Ведомости стали издаваться с 1 января 1866 г. и выходили бесперебойно вплоть до лета 1917 г.

С самого начала издания «ПЕВ» стали выходить дважды в месяц – 1-го и 15-го числа. В таком же количестве раз, хотя и в увеличенном объеме, они выходили вплоть до закрытия.

Изначально «ПЕВ» делились на два раздела – официальный и неофициальный. Официальная часть редактировалась с самого начала выхода «ПЕВ» различными лицами, но с Ведомости передали в ведение «всей семинарской корпорации». Редактором Ведомостей был назначен ректор.

Как отмечали сами издатели на страницах газеты, «ЕВ» издавались, главным образом, для духовенства местной епархии, и имели своей главной целью служить ему, с одной стороны, церковно-юридическим, с другой – религиозно-просветительным органом и руководством в его жизни, в его служении.

В официальной части газеты публиковались все официальные распоряжения и известия, касающиеся духовенства вообще и епархии в особенности (высочайшие повеления и манифесты по духовному ведомству, указы и распоряжения Св. Синода, распоряжения епархии и училищного начальства и пр.)

Изданием официальной части редакция оказывала большую услугу консистории и духовенству. До издания Ведомостей все правительственные распоряжения по епархии публиковались большей частью через рукописные указы<sup>2</sup>.

В юбилейной статье, опубликованной в «ПЕВ» к 25-летию газеты, редакция привела очень интересную и показательную статистику, которая отражает содержание материалов издания. «В течение двадцати пяти лет «ПЕВ» в своей официальной части напечатали 175 высочайших манифестов, грамот, рескриптов и повелений, 856 указов и определений Св. Синода; 623 распоряжения епархиального начальства»<sup>3</sup>. Пользу, которую принесло издание «ПЕВ», редакция выразила даже в материальном эквиваленте: «Для церквей Пензенской епархии требуется круг числом 700 экземпляров каждого циркуляра. Если взять только синодальные и епархиальные циркуляры, в течение двадцати пяти лет их пришлось бы написать – синодских 599200, епархиальных 436100 экз., а тех и других 1035300. Оценивая написание каждого экземпляра минимум пятью копейками, находим, что за списывание только помянутых циркуляров епархия заплатила бы 51765 руб. Но циркуляры Св. Синода и епархиального начальства не составляют и четверти того, что напечатано в одной официальной части».

<sup>1</sup> Нетужилов К. Е. Становление епархиальной периодической печати в дореволюционной России // [www.rchgi.spb.ru](http://www.rchgi.spb.ru)

<sup>2</sup> 25-летие ПЕВ (1866-1890) // ПЕВ. 1899. № 2. С. 11.

<sup>3</sup> Там же. 1891. № 1. С. 12.

Как пишут сами издатели, «одна из существенных задач «ЕВ» предложить православному люду в неофициальной части чтение удобопольное, понятное и назидательное, взамен книжек, нередко вместе с полезным знанием дающих подслащенный яд простодушным читателям»<sup>1</sup>.

Обозревая содержание «ПЕВ», можно увидеть, что они не только выполняли свою программу, но и в значительной степени расширили спектр публикуемых материалов. Так, например, отдел о богослужении редакция дополнила исследованиями по церковной археологии, литургики и канонику.

По программе предполагалось помещать в неофициальной части «слова, беседы и поучения, произносимые в разных местах епархии». Но отделу о проповедничестве была отведена более широкая область. В «ПЕВ» помещались не только церковные проповеди, но и исторические исследования о древнехристианском проповедничестве, статьи гомилетического характера.

Что касается самих проповедей, редакция постоянно отводила для них много места. С 1866 по 1881 г., согласно опубликованным в самих «ПЕВ» данным<sup>2</sup>, в «Ведомостях» помещено более 680 церковных проповедей (слов, бесед, поучений и речей). Из общего числа проповедей только 13 перепечатаны из других изданий. Прочие 668 составлены 143 проповедниками исключительно Пензенской епархии, среди которых пять епископов: Моисей, Антоний 1-й, Григорий, Антоний 2-й и Митрофан; четыре архимандрита: Евпсихий, Иосаф, Симеон – ректоры семинарии и Серафим – инспектор; 119 протоиереев и священников и семь светских лиц.

С 1881 г. редакция «ПЕВ» начала печатать проповеди местного духовенства отдельным приложением к «Ведомостям». Как подсчитали в редакции «ПЕВ», за 10 лет (с 1881 г. по 1891 г.) издания поучений отдельными приложениями, «аккуратные священники могли составить из проповедей местных пастырей сборник почти в 75 печатных страниц (до 1200 стр.)»<sup>3</sup>. О достоинстве этих поучений (имеющих, за малыми исключениями, простонародный характер) печатались одобрительные отзывы в Церковно-Общественном Вестнике, в некоторых «Ведомостях» других епархий империи и особенно в «Библиографическом Листке», издаваемом при «Руководстве для сельских пастырей».

Если в начале своего существования «ПЕВ» наполнялись преимущественно проповедями и статьями общего богословского или церковного характера, то в 80-е годы XIX века, отведя для поучений особое приложение, «Ведомости» стали публиковать преимущественно статьи, которые имели жизненно-практическое значение для духовенства епархии (исторически-статистические исследования о народностях Пензенской епархии; меры, предпринимаемые местным духовенством для возвышения религиозно-нравственного уровня своих прихожан и для искоренения народных суеверий, некрологи почивших пастырей церкви и многое другое).

Вообще статьям местного характера редакция «ПЕВ» отводила самое широкое место. 630 из 945 опубликованных с 1866 по 1891 год статей принадлежали местным авторам. Таких авторов 123, из них 4 редактора, 17 семинарских и училищных наставников, 87 епархиальных протоиереев и священников и 15 других лиц<sup>4</sup>.

Таким образом, к «Пензенским епархиальным ведомостям» вполне справедливо обращаться не только как к историческому источнику, но и как предмету исследования. Наше исследование «ПЕВ» показало, что это церковное издание отвечает многим критериям, предъявляемым к периодическим изданиям. Так, стоит выделить высокую информативную насыщенность, грамотную редакторскую политику, высокий уровень журналистского мастерства и актуальные темы публикаций.

---

<sup>1</sup> 25-летие ПЕВ (1866-1890) // ПЕВ. 1899. № 2. С. 46.

<sup>2</sup> Там же. С. 139.

<sup>3</sup> Там же. № 4. С. 51.

<sup>4</sup> 25-летие (1866-1890) «ПЕВ» // ПЕВ. 1891. № 4. С. 139.

**О. В. Кошина,**  
*к.и.н., доцент кафедры истории Отечества Национального  
исследовательского Мордовского государственного  
университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА  
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Во второй половине XIX века на фоне процессов модернизации происходило ослабление патриархальных традиций, сглаживание сословных барьеров, распространение рационализма, рост уровня грамотности. Более интенсивно эти тенденции проявлялись в городах. По Первой всеобщей переписи населения 1897 г. уровень грамотности горожан превышал в среднем в 2 раза уровень грамотности в целом по стране.

Однако российский город любого уровня оставался тесно связанным с сельским хозяйством и пестрым по социальному составу. Его населяли купцы, почетные граждане, мещане, рабочий люд, дворяне, духовенство, крестьяне разных категорий, бывшие дворовые люди, воинские чины. Мещане составляли большинство городского населения, но их доля сократилась с 50 % (в 1850 г.) до 44 % (в 1897 г.), а доля освободившегося крестьянства выросла среди горожан с 20 % (в 1850 г.) до 39 % (в 1897 г.)<sup>1</sup>.

С одной стороны, бурное развитие капитализма стимулировало потребность в образовании у основной массы горожан. Об этом свидетельствует и участие городских обществ в финансировании учебных заведений, и рост количества желающих поступить в начальную и среднюю школу, и появление мещанской прослойки среди юристов, учителей, врачей. С другой стороны, провинциальный город тяготел к сельскохозяйственным занятиям, многие горожане вели замкнутый образ жизни, редко читали газеты. По мнению Л. В. Кошман, «...мещане в целом в XIX веке оставались носителями традиционной народной культуры. Связь мещанства с крестьянством по источникам формирования и характеру хозяйственной деятельности определяла многие общие черты мировоззрения, отношения к культурным ценностям...»<sup>2</sup>.

Например, одним из устойчивых поведенческих стереотипов городского населения оставалось празднование религиозных праздников и следование церковным обрядам. Училищные власти вынуждены были приспособлять график занятий к сложившимся в каждой местности обычаям. В 1867 г. штатный смотритель доложил Директору училищ Пензенской губернии: «В г. Мокшане дети не ходят в школу 8 ноября (День Михаила Архангела)»<sup>3</sup>. Штатный смотритель из г. Алатыря сообщил: «Ученики уездного училища освобождаются от учения 28 октября в День Параскевы Пятницы». Штатный смотритель из г. Буинска доложил: «Праздник Михаила Архангела 8 ноября...считают за праздник как церковный, ...так и народный... Большая часть небогатого населения приучает и детей не посещать занятия в эти дни»<sup>4</sup>. Вся школьная жизнь была пронизана религиозной обрядностью. Из донесения 1879 г. Директору народных училищ Самарской губернии заведующего Бугурусланским двухклассным городским училищем: «Имею честь донести Вашему Высокоородию, что 29 марта христианский долг исповеди и причащения святых христовых тайн учащими и учащимися училища исполнен»<sup>5</sup>. Следует заметить, что приучение детей к церковным обрядам не было лишь данью традиции и внешней ритуальности. Законоучители и многие деятели народного просвещения видели в этом залог правильного нравственного развития детей. Из отчета по религиозно-нравственной части Симбирского духовного училища за 1889-90 гг.: «...это одно из

<sup>1</sup> Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 180.

<sup>2</sup> Там же. С. 260-261.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 700. Лл. 13, 18, 19, 23.

<sup>4</sup> ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 393. Лл. 1-3, 7.

<sup>5</sup> ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 37. Д. 6. Л. 21.

главных средств развития в учениках добрых привычек и утверждения доброй нравственности»<sup>1</sup>.

Наряду со свидетельствами проявления набожности, мы можем наблюдать в городской образовательной среде второй половины XIX – начала XX века черты новой индустриальной эпохи: ростки атеизма и нигилизма. Штатный смотритель Курмышских училищ докладывал Директору училищ Симбирской губернии в 1867 г.: «В Курмышском уездном училище ...учитель Морозов обнаружил неприличное легкомыслие над суждениями штатного смотрителя о святости праздников и достойном чествовании их, ... не признавая таковых, порицая их, и ведя себя как атеист и либерал...»<sup>2</sup>. Смотритель Сызранского училища уведомил Директора Симбирских училищ в 1867 г.: «Надеясь на прощение, ученики бросились на пол перед образами, со смехом коверкая слова и напев молитвы, за что были исключены из училища»<sup>3</sup>. Таким образом, в городском образовательном пространстве мы можем наблюдать одну из выразительных тенденций времени: медленную секуляризацию сознания. Система образования откликнулась на этот процесс постепенным вытеснением церковной школы земской и городской.

Другой характерной чертой социокультурного развития второй половины XIX – начала XX века была демократизация системы образования, его доступность низшим городским слоям населения. Однако среднее образование было доступно далеко не каждому горожанину. В провинциальных городах для детей дворян, чиновников и богатых купцов существовали гимназии и прогимназии. А для выходцев из «подлых сословий» открывались городские училища по «Положению 1872 г.», министерские, приходские или учреждаемые частными лицами училища по «Положению 1874 г.». Для обучения работающих взрослых открывались воскресные школы. Св. Синод создавал в городах церковно-приходские школы, хотя их здесь было гораздо меньше, чем в сельской местности. Земства и фабриканты открывали на окраинах городов фабрично-заводские школы для повышения грамотности рабочего люда.

Самым распространенным типом начальной школы были городские училища по «Положению 1872 г.», преобразованные из бывших уездных училищ. Их нередко называли в то время «плебейскими школами», поскольку они были призваны, помимо общеобразовательной программы, дать законченные прикладные знания средним городским слоям. Предполагалась подготовка «грамотеев-десятников», младшего обслуживающего персонала для развивающейся промышленности и торговли. Учебный план городских училищ отличался от программы гимназий и реальных училищ. Таким образом, создавалось препятствие от проникновения в средние учебные заведения низших городских слоев. Это позволило одному из советских исследователей назвать эти училища «отдушиной для демократических слоев населения, лишенных возможности вывести своих детей из тупика народной школы в среднюю». Основная масса окончивших городские и высшие начальные (какими они стали в 1912 г.) училища направлялась в конторы, магазины, канцелярии, на почту, телеграф. Лишь немногие продолжали образование в фельдшерских школах, учительских семинариях, сельскохозяйственных и технических училищах. Единицы могли продолжить обучение в гимназии или реальном училище – это те, чьи родители могли оплатить подготовку к экзаменам в эти учебные заведения. Несмотря на то, что городских училищ к 1915 г. было уже более полутора тысяч по стране, они охватывали всего 15-20 % окончивших начальную школу горожан<sup>4</sup>. Таким образом, сословность образования хотя и не декларировалась так явно, как в предшествующую николаевскую эпоху, но оставалась во многом реальностью.

Ярко выраженной тенденцией социокультурного развития во второй половине XIX – начале XX века стала стремительная женская эмансипация. Она сопровождалась ростом социальной активности женщин, повышением доли «самостоятельных горожанок». Городское население более лояльно относилось к женскому образованию. Женская грамотность (в возрасте от 9 до 49 лет) по переписи 1897 г. в сельской местности составляла только 12 % , а в городах

<sup>1</sup> ГАУО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 329. Лл. 22 об.- 23.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 393. Л. 10.

<sup>3</sup> Там же. Д. 281. Л. 38.

<sup>4</sup> Кучепатов Н. Г. Городские училища и их место в системе народного образования дореволюционной России // Ученые записки Карельского пединститута. Т. IX. 1959. С. 50-52.

уже приближалась к 46 %<sup>1</sup>. Ученицы составляли в городских училищах более заметную часть (40 % всех учеников), чем в сельских (12 %)<sup>2</sup>. Одним из факторов опережающих темпов развития женского образования в городах было изменение модели демографического поведения городского населения: здесь раньше, чем в деревне, снизился коэффициент брачности, сократилось количество ранних браков, трансформировалась патриархальная семья. Как заметил В. Д. Сиповский: «Необходимость женского образования была вызвана ростом числа незамужних и необеспеченных женщин»<sup>3</sup>.

Оборотной стороной повышения уровня женского образования в городах и вовлечения женщины в общественную и профессиональную деятельность стало изменение трансгендерных взаимоотношений и потеря психологической стабильности и однозначности в самовосприятии женщинами своих внутрисемейных позиций. К неизменным обязанностям жены, матери, хозяйки дома добавилась необходимость участвовать в содержании семьи, осваивать профессию, учиться. Исследователи также обращают внимание на то, что «рост удельного веса женщин среди лиц, занятых на службе, ... привел к росту конкуренции на рынке труда, что снижало его оплату, росла женская безработица»<sup>4</sup>. Женщины вынуждены были занимать низкооплачиваемые места на рынке труда, которые были не привлекательны для мужчин, например, освоили массовую профессию учительницы начальной школы.

На рубеже веков в городах появилось множество обществ, ставящих своей целью заботу о здоровье, просвещении и отстаивании прав женщин. Журнал Симбирского губернского собрания за 1901 г. сообщал о деятельности Общества распространения практических знаний между образованными женщинами: «Общество имеет целью распространение практических знаний, приложимых в домашнем быту, как для доставления матерям семейств собственными силами удовлетворять потребности семьи и жизни, так и для обеспечения существования женщины и девушки личным трудом»<sup>5</sup>. Во второй половине XIX – начале XX века в некоторых городах появились ясли с целью облегчения трудовой деятельности женщин. Пензенские губернские ведомости за 1900 г. сообщали: «Недавно (в 1899 г.) в г. Пензе по инициативе и заботами Ее Сиятельства графини Е. Н. Адлерберг основан приют-ясли, принятые в ведомство Императрицы Марии. Организаторами и помощниками в яслях были, как правило, местная интеллигенция, частные благотворительные общества, Красный крест, попечители домов трудолюбия, отделения обществ охраны общественного здоровья и земства. В роли нянек часто выступали девочки 12-13 лет. Помещениями для ясель служили школьные здания, крестьянские избы, редко – специальные бараки. Инвентарь покупался матерями: ложки, колыбели, постель»<sup>6</sup>. Процесс женской эмансипации подтолкнул появление и развитие дошкольного образования.

Таким образом, темпы и тенденции развития городского образования во второй половине XIX – начале XX века были во многом обусловлены особенностями эволюции социокультурного пространства провинциального города. С одной стороны, город был средоточием культуры, более интенсивных форм общения, средних учебных заведений, культурно-просветительских учреждений. С другой стороны, развитие городской социокультурной среды, а вместе с ней и городского образования, шло противоречиво. Средняя школа была доступна далеко не всем городским жителям, начальных школ в городах не хватало. При сохранении преимущественно традиционного мышления и набожности в городской образовательной среде можно наблюдать и редкие проявления секуляризации мышления. Эмансипация способствовала развитию женского образования, появлению дошкольных учреждений. Однако процесс этот имел неоднозначные последствия для самих женщин. Росла конкуренция на рынке труда не в пользу женщин, усложнялись социально-ролевые функции горожанок на фоне трансформации модели семьи.

---

<sup>1</sup> Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (Историко-статистические очерки). М., 1964. С. 91.

<sup>2</sup> Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. 1. С. 57.

<sup>3</sup> Сиповский В. Д. Избранные педагогические сочинения. СПб., 1911. С. 26.

<sup>4</sup> Яхно О. Н. Культурная идентификация горожан в зеркале прессы начала XX века // Социальная история. Ежегодник. Отв. ред. Л. П. Пушкарева. СПб, 2012. С. 227.

<sup>5</sup> Журналы Симбирского губернского собрания 1901 г. № 35. С. 508-511.

<sup>6</sup> Пензенские губернские ведомости. 1900. № 46.

*А. А. Кротков,  
краевед, г. Санкт-Петербург*

**«О милых спутниках, которые нам свет  
Своим сопутствием для нас животворили  
Не говори с тоской: их нет,  
Но с благодарностию: были»**

**В. А. Жуковский**

**«Я готов для Пензы (ведь родина)  
поработать...»**

**А. А. Кротков**

### **АЛЕКСАНДР АВГУСТИНОВИЧ КРОТКОВ (1866-1945?) – КРАЕВЕД, АРХЕОЛОГ, ИСТОРИК: АРХИВ И ДОКУМЕНТЫ**



О моем деду, Александре Августиновиче Кроткове, я знал мало – в нашем семейном архиве хранилась лишь одна его фотография 1902 г. с женой и двумя детьми: сыном, Августином – моим отцом и дочерью, Ольгой (фото 1).

Мой отец о деду предпочитал со мной не говорить. А от мамы я узнал, о том, что в семье деду было четверо детей: Ольга (старшая), Августин (мой отец), Алексей и младший сын, Мстислав, который был репрессирован, а дед был каким-то ученым и в его семье произошел конфликт. После смерти моего отца в 1972 г., мне удалось узнать адрес моей тети, Ольги Александровны, в Саратове и написать ей, но она не успела мне рассказать о тайне семьи – в 1976 г. она умерла.

Из моей переписки с ее дочкой, Валентиной, и по моим запросам в ФСБ по Саратовской области, а так же из документов архива деду, я узнал о «расколе» в семье деду в 1920-х годах и о «красном терроре» 1930-х годов, изменивших судьбу этой некогда дружной семьи – был арестован, осужден в 1936 г. на 3 года и направлен отбывать наказание в БАМ ЛАГ НКВД СССР г. Свободный и исчез его сын, Мстислав, дважды

арестовывался и отсидел в тюрьме полгода дед – за недоносительство на сына и – о том, что мой дед умер в одиночестве – пока точно не известно – когда и где...

Так, по крупицам я стал собирать информацию о А. А. Кроткове и только в 2003 г. узнал от своей двоюродной сестры, Г. А. Кротковой, о том, что большой архив деду находится в Саратовском областном музее краеведения (СОМК).

В феврале 2011, по приглашению ученого секретаря музея А. И. Мироновой я впервые посетил СОМК. Архив А. А. Кроткова находится в Научном архиве СОМК. К настоящему времени мною оцифровано более 3000 документов из этого архива, а также документы А. А. Кроткова из других учреждений. Д. А. Кубанкиным (СОМК) составлена подробная аннотация архива А. А. Кроткова, в которую я вношу уточнения при исследовании документов из этого архива.

#### **Тематика и количественный состав архива<sup>1</sup>**

Архив содержит 177 дел – более 12300 листов<sup>2</sup>.

В том числе (по тематике – по мере убывания л.)

<sup>1</sup> Анализ носит приближенный характер, т.к. зачастую в одном деле могут быть документы с различной тематикой.

<sup>2</sup> Далее вместо «листов» – используется сокращение «л».



1. СУАК<sup>1</sup> – 21 дело – 2470 л.
2. Картотека селений к археологической карте Саратовской губернии – 12 дел – 2107 л. (в том числе по Петровскому и Кузнецкому уездам).
3. Золотая Орда – 41 дело – 2043 л., в том числе: Наровчат – 17 дел – 689 л.; Увек – 13 дел – 309 л. (2 дела – 573 л. – СУАК).
4. Иконопись – 11 дел – 1292 л.
5. Археология – 23 дела – 1075 л.
6. Письма – 5 дел – 797 л.
7. Записные книжки – 1 дело – 538 л.
8. Документы, – 5 дел – 489 л.
9. Статьи, заметки, лекции, переводы – 14 дел – 486 л.
10. Саратовский край – 13 дел – 275 л.
11. Геология – 3 дела – 290 л.
12. Монеты – 3 дела – 287 л., в том числе: монеты Наровчата – 1 дело – 27 л.; о монетах – 1 дело – 197 л.; инвентарный каталог Джучидских монет (СУАК) – 1 дело – 63 л.
13. Этнография – 8 дел – 254 л.
14. Выписки из трудов – 9 дел – 228 л.
15. Справочник Кроткова – 1 дело – 149 л.
16. Лекции – 1 дело – 86 л.
17. Словари – 2 дела – 74 л.
18. Экскурсии, туризм – 3 дела – 1 л.
19. Краеведение – 2 дела – 32 л. и др.

Наибольшее количество документов в архиве А. А. Кроткова посвящено СУАК – 21 дело (2470 л.), картотеке селений к археологической карте Саратовской губернии, включая Петровский и Кузнецкий уезды – 12 дел (2107 л.), золотоордынской тематике – 41 дело (2043 л.) – из них Наровчату – 17 дел (689 л.), иконописи – 11 дел (1292 л.).

Анализ тематики дел архива показал, что в сферу интересов А. А. Кроткова в разное время входили: педагогика, медицина, бухгалтерский учет, статистика, краеведение, музейно-архивное дело, история, география, картография, краеведение, археология, нумизматика, этнография, физика, астрономия, биология, геология, палеонтология, иконопись, фольклор (народные сказки, заговоры и былины).

Он знал шесть языков: французский, немецкий, итальянский, арабский, татарский, мордовский (а также составил словарь «Мордва» с русского на: мокшанский, эрзянский, мещерский, чувашский, черемисский).

Много документов в архиве посвящено участию А. А. Кроткова в общественной и научной деятельности. Особо следует отметить материалы, связанные с его личными документами (Д. 1 – Д. 5 /489 л.)<sup>2</sup>, перепиской с родственниками, знакомыми и учеными (Д. 8. – Д. 11., Д. 105/716 л), которые сформированы в отдельные дела, но встречаются и в других делах. Эти материалы представляют интерес не только с точки зрения личности А. А. Кроткова и его биографии, но и с исторической – как факты из истории страны 1820-х – 1940-х гг.

Самый ранний датированный документ – письмо Павла Подгорнова<sup>3</sup> Ивану Подгорнову 1822 г. – родственников матери А. А. Кроткова (Д. 8), а самый поздний – датирован 17.11.1944 г. – письмо от Т. М. Минаевой<sup>4</sup> в Саратов в 1-ю Сов. больницу А. А. Кроткову (Д. 9).

В 2011 г. были впервые опубликованы две статьи в одном сборнике<sup>5</sup> по истории и описанию архива А. А. Кроткова: «Мой дед – как открытие». А. А. Кротков и «Архив Александра

<sup>1</sup> Саратовская Ученая Архивная Комиссия.

<sup>2</sup> Далее вместо «дело» – сокращение «Д»; после знака / указано общее количество листов перечисляемых дел.

<sup>3</sup> В родословной по матери (Д. 1.) у А. А. Кроткова записано: «Подгорнов Павел Платонович служил в Наровчате в 1822 г. Имеется его письмо от 1822 г.».

<sup>4</sup> Татьяна Максимовна Минаева, археолог, друг деда с начала 1920-х гг.

<sup>5</sup> Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 2011.

Августиновича Кроткова в фондах Саратовского Областного музея краеведения». Д. А. Кубанкин.

Учитывая то, что документы из архива А. А. Кроткова, имеющие отношение к «пензенской» тематике (г. Пенза, с. Князевка, г. Петровск, с. Старый Кряжим,<sup>1</sup> г. Кузнецк, п. Наровчат), малоизвестны и, практически, отсутствуют исследования и публикации, касающиеся биографии А. А. Кроткова в ранние годы его жизни, в данной статье основное внимание уделяется этим документам и приводятся они в стилистике и орфографии автора.

Изучая архив А. А. Кроткова, я узнал о происхождении фамилии деда. В одной из своих заметок он об этом пишет: «Прадеда моего звали Данилой **Кедровым** (с ударением на втором слове)<sup>2</sup>. Он был священником в Пензенской губернии Мокшанского уезда. Названия села не удалось узнать. Сын Данилы, мой дед, Иван Данилович был тоже священником. Учился он в Пензенской семинарии. За его тихий и кроткий нрав ему была дана фамилия **Кротков**. Вначале он был священником в с. Богородицком Мокшанского уезда<sup>3</sup>. Под старость служил в Митрофаньевской церкви г. Пензы. Умер он от старости, лет 80 от роду, если не больше. Я так чуть его помню. Мне было не более шести или семи лет, когда я его видел в последний раз. Это был высокий, худой, но не сухой человек, с длинною седою бородой и длинными волосами...»<sup>4</sup>.

Кроме ранее упоминавшейся автобиографии А. А. Кроткова, в его архиве есть еще несколько документов автобиографического характера.

Далее приводятся два из таких документов: «Curriculum vitae»<sup>5</sup> (Д. 1.) и «Школьный клуб»<sup>6</sup> (Д. 11.), в которых А. А. Кротков более подробно приводит автобиографические данные, связанные, в основном, с начальным, «пензенским» периодом его жизни и его работой учителем-фельдшером в с. Князевка<sup>7</sup>.

«Curriculum vitae»

Родился я 19 августа 1866 г. в Пензе (см. формулярный список о службе Сар[атовской]<sup>8</sup> Каз[енной] Палаты). Отец мой был по терминологии того времени разночинцем, т.е. мелким служащим. Учился я в Пензенской прогимназии, преобразованной затем во 2-ю Пензенскую гимназию, в которой курса не окончил, выйдя из 7-го класса в 1885 г., увлеченный народническим движением<sup>9</sup>. Желая «идти в народ» и приносить непосредственную там пользу, я в 1886 г. поступил в Пензенскую фельдшерскую школу, каковую и окончил 1 июля 1888 г. (Свидет[ельство] № 520 из Врачебного отделения Пензенского губ[ернского] правления).

В это время в Пензу из Петровска Сарат[овской] губ[ернии] приехал председатель Петровской Уездной Земской Управы Михаил Яковлевич Кожин, который и предложил мне занять место фельдшера в Вязьминской земской больнице в г. Петровске и я, давши согласие, поступил фельдшером в эту больницу, в которой и проработал два года, т.е. до 1890 г.

Не удовлетворяясь работой фельдшера, я решил уйти в деревенскую глушь учителем, для чего сдал при Педагогическом Совете Петровского городского 4-х классного училища экзамен на звание сельского учителя. (Свидетельство Петровс[кого] Педагогич[еского] Совета № 246 от 10 декабря 1890 г.) По сдаче экзамена я попросил у Инспектора Народных училищ Феликса назначить меня в самую глухую и необустроенную школу уезда и получил такую школу в с. Князевке Петровского уезда, лежащем на границе Петровского у[езда] и Пен-

<sup>1</sup> В настоящее время – п. Кряжим (Махалинский с/с).

<sup>2</sup> Здесь и далее фамилии выделены мной.

<sup>3</sup> В родословной А. А. Кроткова по отцу он пишет: «Иоанн... священник в с. Лунино и в с. Богородицкое Пенз. губ., а после выхода за штат в с. Потлове (Елезино) Пенз. Губ.» [правильное название села – Потуловка].

<sup>4</sup> Д. 1., Архив А. А. Кроткова, СОМК [Заметка приведена с сокращениями].

<sup>5</sup> Жизнеописание, резюме – лат.

<sup>6</sup> См. Приложение.

<sup>7</sup> Публикуются впервые.

<sup>8</sup> В [ ] скобках здесь и далее по тексту – мои пояснения.

<sup>9</sup> В соответствии с автобиографией А. А. Кроткова (Д. 1.), когда ему было 13 лет, у него умирает отец и, не желая работать приказчиком (по наставлению матери), он ушел из дома и стал зарабатывать себе на жизнь репетиторством.

зенской губ[ернии]. Меня предупредили, что это село расположено где-то среди лесов и народ тамошний отчаянные пьяницы и разбойники.

От Петровска это село было в 70 верстах. Характеристика населения еще более побуждала меня поехать именно в это село и в 1891 г. я занял место учителя в Князевской школе.

Предварительно я сговорился с земством об отпуске мне бесплатно лекарств для открытия в селе неофициального фельдшерского пункта, т.к. практика предыдущих двух лет показала, что народ медицинскую помощь ценит гораздо более, нежели учительское дело и при известном отношении я, как фельдшер, в ближайшее же время могу приобрести к себе симпатии того населения, среди которого буду работать и мне легче будет при более близком общении с ними в фельдшерской практике проводить революционные идеи. Все рассказы и запугивания о князевцах – пьяницах и разбойниках – оказались напрасными, не отвечали действительности. Были в селе и пьяницы и озорники, не больше, чем в других селах, а, в общем жители оказались очень мягким и хорошим народом. Проработал я в Князевке 9 лет, живя, как говорится, «душа в душу» с населением. За это время школа, в которой при моем поступлении я застал около 40 человек ребят, разрослась до 200 чел, и Князевское общество всей волостью выстроило для меня новую обширную школу, определив старую школу мне под квартиру и общежитие для учеников и учениц соседних 6 деревень, входивших в Князевскую волость.

За время своего учительства в с. Князевке я прослушал в 1891 г. курсы садоводства и огородничества в Мариинском Земледельческом училище с целью развивать это дело и в с. Князевке (см. билет № 229 от 31 мая 1891 г.), охлопотал свидетельство на право организации в селе книжной торговли (Свидетельство № 5188 от 30 /XI 1985 г.), обмоблировал на свои средства школьными столами классы, за что получил признательность Саратовского Губернского Училищного Совета (Отношение Петровского Уезд[ного] Училищ[ного] Совета от 13 февраля 1894 г. № 6) и в 1895 г. награду в 50 рублей от Петровской Уездной Земской Управы (отношение Управы от 15 февраля 1895 г. № 239). В 1894 г. принял участие в 1-й всенародной переписи и заведовал Князевским переписным участком.

В 1898 г., с переменной инспектуры, в Петровский уезд был назначен инспектором народных училищ некто Ислентьев из Казани, человек совсем несуразный, чуть ли не требующий от учителя, чтобы ученики молились на портрет царя. Говорили, что ему было дано задание вымести из уезда ненадежных учителей, и к ним он придирался невозможным образом. Стало ясным, что оставаться мне в с. Князевке было нельзя, и я в 1899 г. перешел на службу учителем в с. Гремячку Саратов[овского] у[езда], предварительно предав суду Ислентьева за оклеветание меня на Земском собрании. Суд признал Ислентьева виновным. Когда об этом узнал директор училищ Карпов, он решил выгнать меня из учителей с «волчьим билетом». Инспектор народных училищ Саратовского у[езда] Н. Н. Лозанов предупредил меня о грозящей мне беде, и я должен был порешить с учительством. Служба моя в Гремячке началась с 1 августа 1899г. по февраль 1900 г (см. отношение Инспектора Нар[одных] Училищ № 418 от 22/VII 1899 г.). При уходе моем из с. Князевки, несмотря на чинимые препятствия, Князевский волостной сход выдал мне копию приговора, в котором выразил свое ко мне уважение за честное ведение дела (См. копию приговора № 10 от 30 /XI 1899 г.).<sup>1</sup>

Вынужденный оставить учительское занятие, я в 1900 г. переехал на жительство в Саратов и поступил на должность делопроизводителя Саратов[овской] Губ[ернской] Земской Управы в окладный стол, находившийся в ведении Статистического Отдела Зем[ской] Управы, с сотрудниками которого и под их руководством я в летние каникулы, будучи учителем, неоднократно участвовал в статистических обследованиях по Хвалынскому и Петровскому уездам. В губернской Земской Управе я проработал до 1 марта 1903 г., когда по приглашению перешел на службу заведующим окладным отделением в Саратовскую городскую Управу. За время своей службы в Губ[ернской] Земск[ой] Управе я успел окончить двухгодичные бухгалтерские курсы, состоящие в ведении М[инистерст]ва финансов при Обществе вспомоществования торг[ово]-пром[ышленному] [служебному] труду (см. свидетельство № 12 от 12/V 1902 г.)».

---

<sup>1</sup> В Приложении приведена заметка А. А. Кроткова «Школьный клуб», рассказывающая о его первых шагах на поприще учителя в с. Князевка.

В 1902 г. А. А. Кротков избирается действительным членом СУАК (Д. 16.) и с этого момента начинается его многогранная научная и общественная деятельность, его археологические изыскания.

16 мая 1917 г. А. А. Кротков избирается Председателем Петровской Земской Управы.

В 1920-х годах А. А. Кротков открывает золотоордынский г. Мохши в г. Наровчат Пензенской области<sup>1</sup>. Как отмечает известный российский нумизмат, к.ф.-м.н., с.н.с. В. П. Лебедев: «...В XX в. ...основным направлением исследований для нумизматов стал анализ состава монетных комплексов, собранных на городищах и селищах – останков городов и поселений Золотой Орды... Пионером этого научного направления стал саратовский краевед, археолог, нумизмат А. А. Кротков... Главным результатом этой работы стала уверенная локализация давно известного по монетным легендам, но совершенно неясного местонахождения, г. Мохши. На его городище сейчас расположен поселок Наровчат Пензенской обл. ...»<sup>2</sup>.

Многие авторы отмечают большой вклад А. А. Кроткова в изучение золотоордынской археологии и нумизматики. А. А. Кротков составил описания 7-ми кладов джучидских монет. Из переписки в документах архива А. А. Кроткова видно, что его квалифицированными консультациями по джучидским монетам пользовались многие краеведческие музеи. Он составил описания коллекций джучидских монет для краеведческих музеев в Наровчате, Пензе, Саратове и др. В 1924 г. ему присваивают звание Героя Труда на 3-м культурном фронте (Д. 11.).

К настоящему времени мною выявлены и приводятся ниже документы А.А. Кроткова (или имеющие отношение к нему) по Пензенской губ, находящиеся в: фонде СОМК, архиве А. А. Кроткова<sup>3</sup> (СОМК), ГАСО<sup>4</sup>, фонде ПГКМ<sup>5</sup>, ИИМК<sup>6</sup>, Эрмитаже.

#### Документы по с. Князевка

Фонд СОМК.

Личный листок по учету кадров О. А. Устиновой (Кротовой)<sup>7</sup>.

Архив А. А. Кроткова:

Д. 1. Автобиография, родословная и перечень печатных работ А. А. Кроткова «Curriculum vitae».

Д. 2. (141 л.). Документы А. А. Кроткова об образовании и о службе:

1. Свидетельство А. А. Кроткова от Петровского городского 4-х классного училища о присвоении ему звания учителя (10.12.1890).

2. Благодарность А. А. Кроткову от Петровского Уездного училищного Совета [за приобретение мебели на свои средства] (19.10.1893).

3. Диплом А. А. Кроткова о членстве в Комитете грамотности при вольном экономическом обществе (5.03.1894).

4. Документ о выдаче премии учителю Князевки, А. А. Кроткову, от Петровской уездной земской управы (15.02.1895).

5. Свидетельство об открытии в с. Князевка книжного склада под ответственность А. А. Кроткова (4.11.1895).

6. Билет об отбытии А. А. Кроткова на курсы садоводства и огородничества в с. Мариновку (31.05.1891).

7. Копия Приговора Князевского волостного схода с положительной оценкой работы А. А. Кроткова (30.11.1899).

8. Трудовой список

Д. 8. Письма А.А. Кроткову и его близким. 1841-1929 гг:

1. Письма А. А. Кроткову от матери, друга и сестры [гимназия].

<sup>1</sup> Открытию А. А. Кротковым г. Мохши посвящена книга: Лебедев В. И. Загадочный город Мохши. Пенза. 1958.

<sup>2</sup> Монетный чекан Золотой Орды (XIII-XV вв.) // Музей денег. <http://muzeydeneg.ru/research/monetnyiy-chekan-zolotoy-ordu>

<sup>3</sup> На апрель 2013 г. мною просмотрено 30 % документов архива А. А. Кроткова.

<sup>4</sup> Государственный Архив Саратовской области.

<sup>5</sup> Пензенский Государственный краеведческий музей.

<sup>6</sup> Институт истории материальной культуры

<sup>7</sup> Ольга Александровна Устинова, дочка А. А. Кроткова родилась 11 марта 1899 г в с. Князевка.

2. Письмо А. А. Кроткову в с. Князевку из книжного склада А. М. Калмыковой в Саратове (1.04.1891).
3. Письмо А. А. Кроткову от Г. К. Заварицкова о наследовании земель княгини А. С. Голицыной (16.08.16).
4. Письмо А. А. Кроткову от Г. К. Заварицкова из с. Князевка о положении в деревне в начале 1920-х гг. (28.05.23).
5. Черновик письма А. А. Кроткова княгине А. С. Голицыной относительно пополнения библиотеки СУАК.
- Д. 11. Переписка А. А. Кроткова:
1. Письмо А. А. Кроткову от А. Соловьева о библиотеке княжны А. С. Голицыной (11.01.1900).
  2. Письмо Г. К. Заварицкова С. А. Щеглову о сборе этнографического материала (29.12.09).
  3. Заметка А. А. Кроткова «Школьный клуб».
  4. Выписка из протокола Князевского сельсовета о переводе в Князевскую школу бывшего местного учителя А. А. Кроткова (28.05.1922).
- Д. 16. Документы Саратовской ученой архивной комиссии:
1. Письмо инспектора народных училищ Саратовского уезда Н. Н. Лозанова заведующему учителю Гремячинского училища А. А. Кроткову (2.10.1899 г.).
  2. Письмо инспектора народных училищ Саратовского уезда Д. Меньшикова учителю Гремячинского училища А. А. Кроткову (22.07.1899 г.).
- Д. 40. Заметки А. А. Кроткова в разных областях естественных наук.  
Разное.
- Две заметки Г. К. Заварицкова о с. Князевка.
- Д. 64. Выписки, письма и проект производства землеустроительного дела:
1. Копия проекта И. А. Успенского о производстве землеустроительного дела на конкурсе в крестьянскую газету.
  2. Переписка И. А. Успенского из с. Князевка с А. А. Кротковым.
  3. Автобиография И. А. Успенского.
- Научный архив СОМК.  
Словарь афенских слов Г. К. Заварицкова (с заговорами).  
ГАСО (Ф. 407. Оп. 2. Т. 1.).  
Личные архивы членов архивной комиссии  
Г. К. Заварицков.  
Д. 643. Письма членам СУАК 1917-1926 г. (55 л).  
[В том числе письмо Г. К. Заварицкова. «Убеленному сединой, благообразному и мудрейшему шестидесятилетнему старцу Ал. Ав. Кроткову...»].
- Д. 644. Материалы для составления исторического очерка о с. Князевка Петровского Уезда – из Записок И. А. Успенского и Г. К. Заварицкова.
- Д. 645. Обзор о Князевском сельском обществе Петровского уезда И. А. Успенского и Г. К. Заварицкова.
- Д. 646. Рукопись Г. К. Заварицкова по истории с. Князевка, Петровского уезда за XVIII-XIX вв.
- Д. 647. Сборник стихов. Рукопись Г. К. Заварицкова.
- Д. 648. «Церковь и ее служители». Рукопись Г. К. Заварицкова по истории церкви с. Князевка.
- Д. 649. «Народные приметы и дневник за март 1917 г.».
- Д. 650. «Старшины Князевской волости с 1861 г по 1917 гг.».
- Д. 651. «Жизнь Анны Сергеевны Голицыной». Рукопись.
- Д. 652. «Черная деревенская магия, собранная с рассказов людей неграмотных. Тетрадь для записей разных суеверных стихов, заговоров и молитв». Рук[описный] сборник Г. К. Заварицкова.
- И. А. Успенский.  
Д. 839. Личные документы члена архивной комиссии И. А. Успенского. 1884-1888гг.

Д. 840. Квитанции, выданные СУАК И. А. Успенскому о приеме в дар монет и медалей. 1902-1914 гг.

Д. 841. «Полная хронология, заключающая в себе все достопамятные происшествия, случившиеся в сельце Ардым-Успенское-Князевка Петровского уезда». Рукопись И. А. Успенского.

Д. 842. «Зеркало жизни в с. Ардым-Князевка Петровского уезда». 1926 г.

Д. 843. Обзор жизни за 1926 г. в с. Князевка Петровского уезда». Рукопись И. А. Успенского.



Фото 2

Исследуя архив А. А. Кроткова я нашел в нем документы, подтверждающие корни родословной А. А. Кроткова в Пензенской губернии<sup>1</sup>. В родословной по отцу я нашел также приписку, что отец деда, Августин Иванович, был «Погребен в с. Ст. Кряжим Кузнецкого уезда у церкви 20.09.1881 г.», а также – рисунки с надписями «Ст. Кряжим» и датой, выполненные А. А. Кротковым собственноручно, которые прямо указывали на «корни» А. А. Кроткова в Старом Кряжине (Д. 2.)<sup>2</sup>: дом, в котором жили его мать, Любовь Васильевна Кроткова (Подгорнова) с отцом (фото 2) и рисунок матери (фото 3). Также в фондах СОМК я нашел 2 фото матери А. А. Кроткова (фото 4)<sup>3</sup>.

Продолжая поиски документов А. А. Кроткова из других источников, в марте 2012 г. я вышел через интернет на администрацию поселка Князевка, созвонился, рассказал о биографии А. А. Кроткова, его работе в с. Князевка. И мне помогли связаться с учителем Князевской школы и по совместительству (на добровольных началах) заведующей школьным краеведческим музеем, энтузиастом-краеведом, Атюшевой Таисией Ивановной. Мой рассказ о моем деду она внимательно выслушала и была очень удивлена и одновременно обрадована. В школьном краеведческом музее хранились раз-

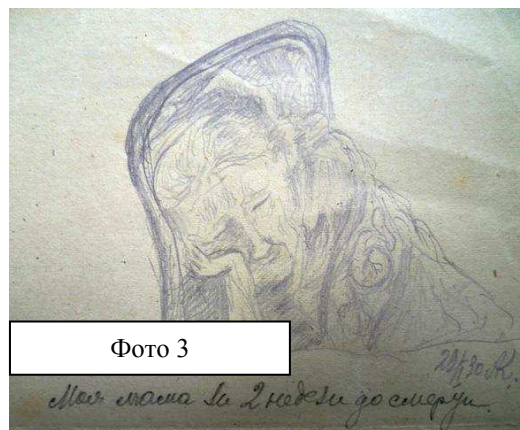


Фото 3



Фото 4

личные рукописные документы по Г. К. Заварицкому и А. И. Успенскому, но в них было только упоминание о князевском учителе-краеведе А. А. Кроткове. Оказалось, что школьный краеведческий музей находится в здании бывшей князевской школы, которую построили для А. А. Кроткова.

Я переслал Т. И. Атюшевой большое количество копий документов из архива А. А. Кроткова. Все эти материалы позволили дополнить и восстановить историю с. Князевка, а также они были использованы при подготовке докладов школьных конференций, которые прошли в с. Степановка и с. Каменка.

#### Документы по п. Наровчат.

Архив А. А. Кроткова (СОМК)

Д. 8. (246 л.). Письма А. А. Кроткову и его близким 1841-1929 гг. Письма А. К. Маркова (2 письма) и Р. Р. Фасмера (13 писем)<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> «Родословная по матери» и «Родословная по отцу» – на 1 листе миллиметровки (Д1).

<sup>2</sup> Публикуются впервые.

<sup>3</sup> Рисунок и фото матери публикуются впервые.

<sup>4</sup> А. К. Марков и Р. Р. Фасмер – ученые-нумизматы (Эрмитаж).

Д. 104. (19 л.). Докладная записка об исследовании мощности месторождения близ Наровчата белого мергеля.

Д. 105. (203 л.). Переписка А. А. Кроткова по поводу археологических раскопок близ г. Наровчата<sup>1</sup>.

Д. 106. (56 л.). Дневник, карты, рисунки А. А. Кроткова близ г. Наровчата.

Д. 107. (52 л.). Описание инвентаря, найденного в могильниках. 1927 г. Дневник экспедиции А. А. Кроткова в г. Наровчат в 1927 г.

Д. 108. (41 л.). Отчет об археологических разведках и раскопках в г. Наровчате в 1927 г.

Д. 109. (27 л.). Отчет по обследованию Дягилевского могильника Саранского уезда Пензенской губернии. 1927 г.

Д. 110. (15 л.). Протокол заседания членов Наровчатского кружка краеведения 26-27 марта 1927 г.

Д. 111. (65 л.). Отчет о работах в г. Наровчате в 1926 г.

Д. 112. (69 л.). Дневники и отчет раскопок и разведок в г. Наровчате Пензенской губернии с 22 мая по 4 июня 1925 г.

Д. 113. (10 л.). Отчет о поездке А. А. Кроткова в г. Наровчат Пензенской губ. для археологических разведок на татарском городище «Мохши» в 1923 году.

Д. 114. (27 л.). Монеты из г. Наровчата (выборочно):

1. Монеты из Наровчатского музея, получены для определения 13/III 1921 г.

2. Обобщенные данные по монетам, найденным в Наровчате за период 1916-1927 гг.

3. Список джучидских монет, найденных на Наровчатском городище «Мохши», принесенных в дар жителями и непосредственно найденных при раскопках.

4. Список джучидских монет, посланных в Гос. Эрмитаж Р. Р. Фасмеру в апреле 1926 г. от А. А. Кроткова.

5. Монеты из Наровчата. Садинское собрание. 1916 г.

6. Монеты с Наровчатского городища в Пензе.

7. Мохшинские монеты (обобщающая таблица): Эрмитаж, Френ, Савельев, Садин, Россин.

Д. 115. (13 л.). Материалы Садина<sup>2</sup> по Наровчатскому городищу.

Д. 116. (12 л.). Материалы В. П. Россина<sup>3</sup> по поводу г. Наровчата, присланные А. А. Кроткову в 1928 г.

Д. 117. (41 л.). Сообщение А. А. Кроткова о древностях г. Наровчата и его окрестностей.

Д. 118. (11 л.). Материалы А. А. Кроткова по истории г. Наровчата.

Д. 119. (9 л.). Запросы и ответы в императорскую канцелярию Академии Наук из Наровчатской воеводской канцелярии.

Д. 159. (197 л.). О монетах [выборочно]:

1. Перечень джучидских серебряных монет из коллекции Пензенской Архивной комиссии. Прочтены и разобраны А. А. Кротковым. 1916 г. г. Саратов.

2. Описание коллекции джучидских монет Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. 1927 г.

3. Письма А. К. Маркова (1 письмо) и Р. Р. Фасмера (1 письмо) А. А. Кроткову.

Научный архив ПГКМ.

Фонд VI. Д. 132/14. (175 л.). А. А. Кротков. Наровчат и его окрестности. Отзывы, рецензии, его биография, труд.

<sup>1</sup> Письма А. А. Кроткову, в том числе от: В. П. Россина, М. Е. Афиногеновой (2-й директор НКМ – 3 письма), Б. Н. Гвоздева (ПГКМ – 2 письма), Н. И. Спрыгиной, Б. Сокольского (Саранск), проф. Б. С. Жукова (МГУ) и др.

<sup>2</sup> Иван Федорович Садин, сотрудник Саратовского археологического музея был мобилизован в г. Наровчат Пензенской губ. и в 1916 г, при строительстве лагерей и рытье канав, обнаружил различные татарские артефакты.

<sup>3</sup> Владимир Павлович Россин (1890-1965) – первый директор Наровчатского краеведческого музея (вначале – кружка) с 1925 г. по 1929 г.

Фонд VI. Д. 76. (109 л.). Материалы раскопок Старосотенского Могильника г. Наровчат Пензенской губ. АКЭ<sup>1</sup>.

1927 г.

Фонд VI. Д. 73. (21 л.). Материалы по раскопкам Озименковской стоянки у с. Потодеева Наровчатского уезда Пензенской губ.

Фонд VI. Д. 74. (66 л.). Материалы по раскопкам в г. Наровчате в 1925 и 1927 гг.

Фонд VI. Д. 79. (20 л.). Материалы раскопок Дягилевского могильника Саранского у. Пензенской губ, произведенных А. А. Кротковым 12 VIII – 1927 г.

Фонд VII. Д. 320. (56 л.). Копии архивных материалов из истории Пензенского края. Статьи Терехина В. М. (1897 г.), Кроткова А. А. и др.

Фонд КП-12960/8. Архив Гвоздева Б. Н. (в т.ч. – письма от А. А. Кроткова)

Выражаю благодарность сотрудникам фонда ПГКМ – Зав. фондов, Макаровой Ю. Н. и хранителю фондов, Перемещаемой Е. В., за помощь и поддержку.

НКМЗ<sup>2</sup>:

Д. 21<sup>3</sup>.

Эрмитаж.

Ф. 24. Рукописный фонд А. К. Маркова (письма):

Д. 307. Письма А. А. Кроткова А. К. Маркову .

Ф. 20. Рукописный фонд Р. Р. Фасмера (письма):

1. Д. 113. Письма А. А. Кроткову (черновики).

2. Д. 264. Письма А. А. Кроткова Р. Р. Фасмеру.

3. Д. 370. Рыбушанский клад джучидских монет (Сообщение А. А. Кроткова и описание клада).

4. Д. 373. Сведения о монетных кладах Саратовской губ.

1. Диаграмма монетных кладов.

2. Таблица кладов джучидских монет.

3. Перечень джучидских серебряных монет из коллекции Пензенской УАК

4. Выписка из материалов к археологической карте Саратовской губ.

ИИМК<sup>4</sup>:

Фонд 2. Опись 1. Д. 147 и Д. 207 Отчет и дневники раскопок в Наровчатском р-не Пензенской губ. 1927 г.

Д. 191. Раскопки городища близ г. Наровчата Пензенской. губ.

**Петровский уезд**

Архив А. А. Кроткова

Д. 2. (141 л.). Документы А. А. Кроткова об образовании и о службе:

1. Командировочное удостоверение в г. Саратов председателя Петровской уездной земской управы А. А. Кроткова для участия в заседании Губернского Земского Собрания (16.05.17 г.).

2. Командировочное удостоверение в г. Саратов председателя Петровской уездной земской управы А. А. Кроткова (2.11.17 г.).

3. Удостоверение А. А. Кроткова об избрании его на Петровском Земском Уездном Собрании гласным в Саратовское Губернское Земское Собрание (31.10.17 г.).

4. Командировочное удостоверение в г. Саратов председателя Петровской уездной земской управы А. А. Кроткова (23.12.17 г.).

5. Удостоверение гражданину г. Петровска А. А. Кроткову от Исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов на право въезда в г. Саратов (16/3.02.18 г.).

<sup>1</sup> Археологическая комплексная экспедиция.

<sup>2</sup> Наровчатский краеведческий музей-заповедник.

<sup>3</sup> При первом моем посещении НКМЗ, фактически в этом деле был только отпечатанный экземпляр статьи А. А. Кроткова «Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. 1939 г.», но, как следовало из письма В. П. Россина в 1958 г. в ПГКМ (Фонд VI. Д. 132/14.) в этом деле было еще 17 документов и несколько писем А. А. Кроткова В. П. Россину. Недавно мне сообщил директор НКМЗ, Сохряков А. Г, что найден еще ряд документов.

<sup>4</sup> Институт истории материальной культуры.





Фото 6

Петровской земской управы покидающему ее ряды А. А. Кроткову (16.02.18 г.).

Д. 93. (13 л.). Обзор города Петровска и его уезда.

Д. 94. (24 л.). Перечень селений Петровского уезда по переписи 1894 г. и другие документы по Петровскому уезду (для археологической карты Саратовской губернии).

Д. 95. (376 л.). Картоотека селений Петровского уезда в алфавитном порядке.

#### **Кузнецкий уезд**

Архив А. А. Кроткова.

Д. 9. (130 л.). Письма А. А. Кроткову и его близким. 1928-1944 гг.

1. Письмо А. А. Кроткову от И. В. Клестова о деятельности краеведческого кружка в Кузнецке. (1.03.1927 г.).

Д. 57. (40 л.). Сведения, полученные в г. Кузнецке о панславянском движении среди населения.

Д. 96. (158 л.). Список и картоотека селений Кузнецкого уезда в алфавитном порядке.

#### **Другие документы архива А. А. Кроткова по Пензенской губ.:**

Д. 16. (120 л.). Документы Саратовской ученой архивной комиссии.

Письмо от Пензенской УАК<sup>1</sup> на имя А. А. Кроткова с просьбой определить джучидские монеты.

Д. 59. (47 л.). Словарь А. А. Кроткова «Мордва».

Д. 99. (42 л.). Мордва. Материалы А. А. Кроткова.

Д. 120. (11 л.). Реки Пензенской губернии.

Д. 121. (41 л.). Исторические данные о Пензенской губернии.

Документы архива А. А. Кроткова и дополнительная информация из других источников определили маршрут моей первой поездки в апреле 2011 г. в Пензенскую область: г. Пенза (ПГКМ), с. Кряжим, п. Наровчат (НКМЗ).

В п. Кряжим меня ждало много открытий. Заведующая школьной библиотекой, Елена Сергеевна Горбачева показала мне на местном кладбище могилы младшей сестры деда, Веры Августиновны Михайловой (Кротковой) и ее дочерей с сохранившимися табличками на крестах. В школьной библиотеке она меня ознакомила с документами поисковой группы «Следопыт», руководителем которой она является. И каково же было мое удивление, когда среди документов я увидел ксерокопию – с фото старого дома с соломенной крышей, в котором жили родители деда (фото 5), – церкви и школы, где, как упоминалось выше, похоронен отец деда<sup>2</sup> (фото 6) и даже – легенды о матери деда, Любовь Васильевне Кротковой<sup>1</sup>. Как

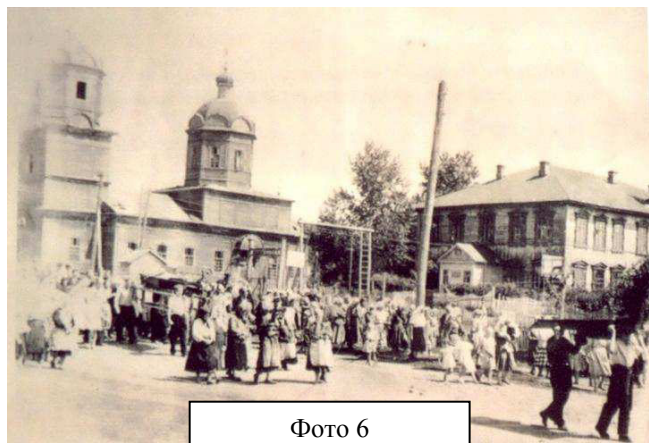


Фото 6

<sup>1</sup> УАК – Ученая Архивная Комиссия.

<sup>2</sup> Публикуется впервые.

оказалось, хорошо сохранился и сам дом, в котором живут летом дачники, а лес вокруг дома называют «Кротков бор».

Во время моего первого посещения Пензенского Государственного краеведческого музея в апреле 2011 г, по моей инициативе, в фондах музея ведущим сотрудником А.В. Тюстиным было найдено дело с документами А. А. Кроткова (Д. 74. – Ф. VI. № 32/14), среди которых была рукопись его неопубликованной статьи «Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. 1939 г.». Документы из этого дела, а также мои копии документов из архива А. А. Кроткова (СОМК) послужили основой для издания на основе рукописи этой статьи<sup>2</sup> книги (к 145-летию со дня рождения А. А. Кроткова), в которой были впервые опубликованы: автобиография, неизданная статья, биография, история рукописи, список публикаций А. А. Кроткова и его неизданных работ, литература о А. А. Кроткове, древо рода А. А. Кроткова, краткая опись архива А. А. Кроткова в СОМК.



Фото 7

В конце апреля этого года я посетил с. Князевка, познакомился со школьным музеем краеведения (который находится в здании 2-й школы, построенной для А. А. Кроткова), с его экспонатами и документами и нашел старое фото 1-й школы (в которой А. А. Кротков начал учительствовать) и 2-й школы (фото 7).

В качестве заключения привожу выдержки из письма В. П. Россина Н. П.

Зобниной<sup>3</sup> «...На Ваше предложение о том, чтобы я написал Вам, что мне известно об Александре Августиновиче Кроткове, которого я очень уважал, о котором я сохранил добрую память, должен сказать, что мое перо не сумеет достойным образом сделать это.

Я знаю Александра Августиновича по его жизни и работе в Наровчате 1925, 1926 и 1927 годах. Это был уже старый человек, горевший молодым, ищущим огнем на археологической работе, в чем ему содействовало хорошее состояние его здоровья. Его минимальные потребности в питании и житейских удобствах, видимо, его удовлетворяли. Это исходило из свойств его характера, отличавшегося исключительной скромностью и нетребовательностью для себя.

Александр Августинович был высокоинтеллигентный человек, обладавший высокой культурой, что особенно проявлялось в его личных отношениях с людьми, с которыми он встречался и работал. В Наровчате все были убеждены, что он – профессор и таковым его все называли. Он был всесторонне просвещенный человек, это был – ученый, но из его слов я знал, что по своему профессиональному образованию он был медицинский фельдшер. Однако авторитет его как ученого специалиста-археолога и большого знатока истории был очень велик. Это видно из тех связей, которые у Александра Августиновича имелись с проф. Марковым и проф. Фасмером. Он был прекрасным лектором, увлекавшим своей темой многочисленных слушателей, как, например, это имело место с демонстрацией раскопчного материала в Наровчатском народном доме 3 июня 1925 года.

Весь Александр Августинович виден в его археологических работах на местах, т.е. в Наровчате, в его окрестностях и в других районах, а также в работах по разработке или точнее обработке выявленного материала, систематизации его и в соответствующих выводах... Об

---

<sup>1</sup> Легенды о Л.В. Кротковой приведены в моей статье «Мой дед – как открытие», в сборнике «Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 2011»

<sup>2</sup> А. А. Кротков. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Пенза. 2011.

<sup>3</sup> Н. П. Зобнина, в 1958 г. зам. директора по научной работе Пензенского областного музея краеведения, выступила инициатором издания в 1958 г статьи А. А. Кроткова «Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении», написанной им в 1939 г.

этом человеке можно коротко и много сказать: человек он большой души! В. П. Россин. 4.05.1957 г. Наровчат»<sup>1</sup>.

*Приложение*

«Школьный клуб»

– Я вам даю школу в самом глухом углу уезда и школу, не особенно хорошо поставленную. Она у меня числится в пятом уровне, – говорил инспектор мне после конкурсного экзамена. – Если вы любите это дело, тогда ведь в ваших интересах получить эту плохую, неорганизованную школу и поставить ее так, как вам хочется.

– А скажите, пожалуйста, Николай Андрианович, что в Н-ской<sup>2</sup> школе много в настоящее время учеников и давно ли там служит учительница? – спросил я его.

– Сейчас, насколько я помню, учеников тридцать, тридцать пять. Учительница же служила всего год. Учителя и учительницы там менялись довольно часто, манкировки учеников просто невероятны. Одним словом, как я говорил Вам раньше, эта школа и в материальном и в нравственном отношении оставляет желать наивозможно большего улучшения.

Простившись с инспектором, забрав, что нужно для школы, прихватив свое имущество, которое заключалось в маленьком сундучишке, я нанял подводу с розвальнями и пустился в безбрежный снежный океан российской равнины. Ехать от уездного города надо было верст 70.

Вначале мне было как-то жутко: никогда в деревне жить не приходилось, с крестьянами приходилось встречаться только на каникулы, когда, бывало, отец собирал «помочь», край был совершенно незнакомый, возница – первый попавшийся на базаре мужик. Очутиться одиноким, как-никак, а неприятно. Но мечты о том, как я там буду работать, как я поставлю школу образцово, как я приду на помощь «бедному мужичку», как я внесу свет в эту серую, однообразную, как мне тогда казалось, массу деревенского люда – все это заглушало страх и не давало времени заниматься лично собой. В моем воображении рисовалось заброшенное среди лесов село (я знал, что село Н-ское стоит среди лесов) и погибающий во тьме невежества и варварства народ. Перед моим отъездом в Н-ское при разговоре со знакомыми я нередко слышал, что там доктора убили с целью ограбить, то урядника в болоте утопили. Но такие разговоры не пугали меня, напротив, разжигали во мне желание противостоять этой массе «варваров и грабителей», побороться с ней светом науки, принести себя в жертву за общество. Хороша молодость верой в себя, нет в ней скептицизма!..

Я жил в Н-ском уже три года. Школа действительно было старенькая, низенькая, окрашенная в какую-то серую краску с окнами в частых переплетах, обрамленных красными наличниками. Сначала я ее принял за этапный дом, но прожив 3 года, я не променял бы ее и на палаты. Народ оказался вовсе не разбойники и не варвары, а как вообще все наши бывшие помещички, т.к. Н-ское было именем графов К., из которых никто в имении не жил. Слух же, что я «все задачи решить могу», прошел по селу и вызвал даже сомнение в Яшке, который «Алгебру с геметрией<sup>3</sup> прошел», что действительно ли я так учен. И вот в одно из воскресений, когда я подходил к своей школе, около крыльца заметил кучку крестьян, горячо разговаривающих. При моем приближении они встали, поклонились и как-то замешались после моего вопроса: что им нужно? – выступил Яков и довольно развязно начал мне говорить насчет того, что он «прошел алгебру и геметрию» и ему желательно со мною «по-ученому поговорить». Из разговоров выяснилось, что Яков, хотя их и знает, но многого не понимает. Ответив на его вопросы, я ему сам стал их задавать и поставил его в такое положение, что он стал «вилять», то есть не знал, как ответить на вопросы или решить задачу, стал уклоняться в сторону. Крестьяне, пришедшие с ним, тут же заметили, что Яков хотя кое что и знает, но не настолько, чтобы равняться со мной. «Что, брат Яков, видно, об его ответы-то зубы поломаешь?» – добродушно засмеялся один из них, – то уж перед нами выказывай свою науку-то». Я сказал, что Якову и нельзя всего-то знать, что знаю я, так как мне пришлось учиться восемь лет да с учителями, а он все проходит один. Таким образом, обо мне составилась среди крестьян репута-

<sup>1</sup> Архив ПГКМ (Ф. VI. №132/14).

<sup>2</sup> Возможно, упоминание названия школы («князевская») по месту ее нахождения связано с постоянными преследованиями А. А. Кроткова царской жандармерией.

<sup>3</sup> Слово «геметрией» приведено в орфографии источника.

ция «башки-человека», что отразилось на количестве учеников, но в то же время я был и [неразборчиво]. [неразборчиво] после весенних экскурсий моих с учениками по лесам и полям.

Я тогда страшно увлекся естествознанием и все время внешкольное проводил с определителями в лесу или в поле. Вот здесь я и сошелся с учениками. Сначала встречались редкие ученики, которые со мной проводили время в экскурсиях, а потом через неделю-две со мной ходила целая ватага ребят и все они страшно ушли в собирание для меня трав и насекомых, из которых у меня составились к концу года прекрасные гербарии и коллекции жуков и бабочек. Когда я в первый раз наклеенные на бумагу травы повесил в школе и вывесил в коробках коллекции, некоторые ребята просто обомлели. Они не верили, что так можно много всего этого набрать и так это красиво выйдет. Молва об этих «диковинках» понеслась по селу, и вскоре стали являться в школу мужики и даже бабы, чтобы посмотреть. Осмотр коллекций и послужил толчком к устройству в школе воскресного клуба».

В Князевке А. А. Кроткова свела судьба с Гавриилом Кирилловичем Заварицковым – крестьянином-самоучкой, будущим краеведом и членом СУАК.



Фото 8

Г. К. Заварицков.

Недавно мне удалось найти редкую статью И. С. Абрамова «Краеведы-самоучки»<sup>1</sup> о А. А. Кроткове и Г. К. Заварицкове, которую привожу далее с сокращениями: «...иногда на направление деятельности краеведа-самоучки решающее влияние оказывает местный народный учитель, краевед по признанию. Так, например, хорошо известный саратовскому ученому миру краевед-крестьянин Гавриил Заварицков (фото 8), собравший обширный и весьма интересный материал о своем селе Князевке (Петровского уезда), заинтересовался краеведением под влиянием А. А. Кроткова. (А. А. Кротков, видный саратовский краевед, в раннюю пору своей деятельности был народным учителем в с. Князевке, Петровского уезда.) По поводу моей заметки: «О краеведах-самоучках» А. А. Кротков сообщил следующие данные: «Г. К. Заварицков – сын старого николаевского солдата долго служившего на Кавказе и получившего затем по выходе в отставку 3-рублевую пенсию. Ни отец его, ни он сам никогда хозяйством не занимались, а были каменщиками, т.е. ходили работать на каменную кладку в город и тем кормились, а зимою шили теплую и меховую одежду – поддевки, полушубки, тулупы. Знакомство мое с Г. К. Заварицковым произошло в 1890 г., когда я занял место учителя Князев-

ской школы. Он был парнем лет 18, но уже женатым. Он один из первых пришел в школу получить у меня «книжечку на прочтение», затем он был постоянным участником кружка молодежи, сгруппировавшегося в школе для вечерних занятий. Перечитав школьную библиотеку, он принялся за мою личную и перечитал из нее очень многое. Г. К. очень любил петь народные песни. Был он постоянным участником моих экскурсий с учениками в поле, в лес, в то время, когда не уходил на свои каменщицкие работы. Свою местность он знал великолепно, и при его содействии мне удалось составить довольно значительную коллекцию местных почв. Увлекался он одно время ботанизированием и собрал очень хорошую коллекцию местных трав и цветов и даже выучился читать по латыни, чтобы пользоваться определителем Маевского. Он был прекрасным рассказчиком, пересыпавшим свою речь оригинальными прибаутками. Сейчас у меня имеется несколько тетрадок его краеведных записей последних лет: поговорки, загадки, духовные стихи; тетрадка – дневник событий 1917 г. – и значительный коллективный труд с другим князевцем, И. А. Успенским, – историческое описание с. Князевки с 1700 г. В бывшей Архивной комиссии имеется также оригинальная работа Г. К. «О бирках в с. Князеве». К сожалению, все его работы должны лежать втуне, за неимением средств их напечатать. В настоящее время, как он пишет, он занят составлением словаря местных „офенских слов“...».

<sup>1</sup> И. С. Абрамов. Краеведы-самоучки. Журнал «Краеведение». 1928. № 2. Копия статьи предоставлена мне А. В. Зюзиным, зам. директора по науке ЗНБ СГУ (Саратов).

*А. В. Кудряшев,  
к.пед.н., доцент кафедры теории и истории педагогики  
Московского городского педагогического университета,  
г. Москва*

## **ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА ПО СОЗДАНИЮ ДЕТСКИХ ПЛОЩАДОК В ГОРОДЕ 1920-Х ГГ.**

Долгая война, голод, разруха обездолили к началу 1920-х гг. миллионы ребят. Осознавая масштабы социального бедствия, Советская власть среди приоритетов государственной политики указала и заботу о детях. В 1921 году была создана под руководством Ф. Э. Дзержинского Деткомиссия ВЦИК (полное название – Комиссия по улучшению жизни детей). В помощь деткомиссиям, государственным организациям в конце 1923 г. при Московской губернской комиссии возникло общество «Друг Детей» (ОДД)<sup>1</sup>. Оно складывалось снизу, из ячеек, которые создавались на фабриках, в красноармейских частях, в учреждениях, в жилтовариществах<sup>2</sup>. Одними из главных задач нового общественного объединения стали сбор средств для поддержки государственных программ по борьбе с беспризорностью и преодолением безнадзорности детей, организация детского досуга. В Памятке члену ОДД говорилось: «Ты вошел в ячейку общества «Друг Детей» для того, чтобы улучшить жизнь детей. Так заботься об этом. Помни, что разумная всесторонняя опека необходима каждому ребенку. Помоги ребенку самому занимать себя, укрепи в нем духовные интересы. Соединенными усилиями с товарищами по ячейке «Друг Детей» устрой при домах-коммунах, клубах, рабочих поселках культурные детские уголки. Создав это, не оставляй дела без руководства в дальнейшем»<sup>3</sup>.

В 1927 г., следуя Постановлению Бюро МК ВКП (б) «О работе добровольных обществ» от 14 декабря 1926 г, ОДД перешло на территориальный принцип организации (поквартирный, порайонный, при жилтовариществах)<sup>4</sup>. Цель постановления состояла в том, чтобы привлечь в ОДД и другие добровольные общества «еще не организованную часть населения (домашних хозяек, домашних работниц), которых легче всего охватить путем территориальной организации»<sup>5</sup>.

«Язва беспризорности заживает», – отмечал в 1928 году Луначарский<sup>6</sup>. Не так быстро, как хотелось бы, но менялся облик улиц и вокзалов; «пейзаж с беспризорными» из повсеместной обыденности становится редкостью. Со второй половины 1920-х гг. начинается массовое движение за создание в крупных городах, прежде всего в Москве, детских площадок. В данном материале мы подробнее остановимся на этом направлении деятельности Московского отделения ОДД. Главным источником служит одноименный журнал общества, выходивший с 1925 по 1933 год.

В конце 1920-х гг. создание детских площадок стало повсеместным, по всем районам Москвы. Летом 1926 г. в городе было развернута сеть в 111 площадок, охватившая 7607 детей<sup>7</sup>. Больше всего площадок было создано в Краснопресненском районе. В действительности на площадки приходило больше детей, чем то количество, на которое площадки были рассчитаны. Площадки организовывались при фабриках и заводах, при домах-коммунах и больших

---

<sup>1</sup> Смирнова Т. М. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1920-1930-е гг. для современной России // Социальная история: Ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 303-304.

<sup>2</sup> Бибанов Т. П. Общество «Друг Детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166; Рыбаков В. По страницам журнала «Друг Детей» // Семья и школа. 1987. № 11. С. 27.

<sup>3</sup> Памятка члену общества «Друг Детей» // Друг детей. 1927. № 2. С. 24.

<sup>4</sup> О работе добровольных обществ (Постановление Бюро МК ВКП (б) от 14/ XII – 26 г.) // Друг Детей. 1927. № 1. С. 2-4.

<sup>5</sup> Коган Н. К вопросу о переходе на территориальный принцип организации добровольного Общества «Друг Детей» // Друг Детей. 1927. № 1. С. 4.

<sup>6</sup> Цит. по: Рыбаков В. Указ. соч. С. 27.

<sup>7</sup> Анцибор В. Общество «Друг Детей» и строительство площадок // Друг Детей. 1926. № 5. С. 4.

домах жилтоварищества. Существовали так называемые кооперативные площадки, где родители сами объединялись и создавали эти пункты детского досуга<sup>1</sup>.

В 1920-е гг. Москва была все еще на стадии перехода от традиционного к урбанизированному обществу. Прежде всего, это касалось московских окраин. Педагоги, имевшие дореволюционный опыт работы с безнадзорными детьми, охотно делились им с сотрудниками ОДД, социальными педагогами. Так, А.У. Зеленко, бывавший на детских площадках в США, работавший с С. Т. Шацким с 1905 г., публиковал статьи и книги на тему организации детского досуга в городских условиях<sup>2</sup>.

Набор ребят на площадки производился районными приемными комиссиями на основании материалов обследования ОДД. Началом фактической работы по организации площадок можно было считать март – апрель. В это время райсоветы ОДД развертывали работу по организации дружин для обследования нуждающихся детей, подыскивали подходящие места для площадок. Для сбора средств в фонд ОДД устраивали вечера, ставились спектакли<sup>3</sup>.

В устройстве площадки принимали участие и сами дети. Площадки функционировали в среднем 7 – 8 часов в день. Наиболее распространенными были смешанные, разновозрастные площадки, где занимались дошкольники и школьники. На площадке проводилась кружковая работа, устраивались подвижные игры, экскурсии за город – самое радостное событие по отзывам самих ребят. В частности, дети с площадок Хамовнического района больше всего посещали зоопарк, ходили в походы на Ленинские горы<sup>4</sup>. Организовывались общественные праздники.

Особенностью детских площадок со второй половины 1920-х гг. стало участие в их деятельности пионерских организаций. В молодежной печати систематически публиковались статьи, призывающие организовывать такие центры в городских и деревенских условиях, давались советы, как правильно и обустроить и организовать работу<sup>5</sup>. Пионерская площадка состояла из 6 отрядов. Каждый отряд имел свой план работы, исходя из общего плана площадки. Работа велась под руководством вожатых, а также помощь оказывали работники Центрального Дома пионеров и кружководы. Все пионеры работали в каком-либо кружке. Городские библиотеки посылали на площадки 2-3 раза в неделю своих сотрудников для проведения детских чтений.

На 87 площадках летом 1926 г. дети получали питание. В отдельных случаях за питание платили родители, в других – питание было за счет шефов.

Новым явлением в функционировании площадок 1920-х было участие в их работе врачей. Следуя постановлению Мосздравотдела, места для площадок выбирались при участии медицинских работников, которые давали письменные разрешения. Врач, закрепленный согласно тому же постановлению за каждыми 4 – 5 площадками, производил осмотр детей, руководил работой санитарной комиссии, участвовал в совете площадки, проводил беседы с родителями, особенно с матерями<sup>6</sup>.

Особой разновидностью летних были санаторные площадки. На эту площадку попадали истощенные, слабые дети, многие с болезнями сердца, туберкулезом. Ребята получали усиленное питание, ежедневно проводились лечебные процедуры (солнечные ванны, обливание)<sup>7</sup>.

Работа площадок была бы невозможна без актива общественников района. Значительная часть этих активистов была членами ОДД. Они знали местные условия, привлекали новых родителей из жилтовариществ. Многие матери считали своим долгом придти на площадку подежурить, организовывали кружки. Однако именно за профессиональным педагогом признавалась руководящая роль в координации работ на площадке. Это признание воплощалось и

---

<sup>1</sup> Калинина А. Работа детских площадок и ее значение // Друг Детей. 1926. № 4. С. 3.

<sup>2</sup> Зеленко А. Дворовые площадки // На путях к новой школе. 1925. № 3. С. 51-54; Его же. Площадки для игр в Северной Америке // Народный учитель. 1926. № 5. С. 49-60.

<sup>3</sup> Вейценфельд М. Итоги работы детских площадок за лето 1926 г. // Друг Детей. 1926. № 7. С. 24.

<sup>4</sup> Летом – на детплощадке (Хамовнический район) // Друг детей. 1927. № 11-12. С. 10.

<sup>5</sup> Булатов Н. Давайте строить площадки // Пионер. 1926. № 4. С. 1.

<sup>6</sup> Анцибор В. Роль летних площадок / В. Анцибор // Друг Детей. 1927. № 6-7. С. 14.

<sup>7</sup> А.Н.Т. Там, где ремонтируют здоровье // Друг Детей. 1927. № 8-9. С. 21-22.

в форме принятия участия в оплате труда профессионала. Педагог перестал быть «излишней роскошью», вызывающей лишние накладные расходы.

Для подготовки работников площадок на средства ОДД были созданы курсы на 150 человек. С 15 апреля по 15 мая 1926 г. были прочитаны лекции, проводились экскурсии по природоведению под руководством работников Ботанического сада; в каждом районе работали кружки для социальных педагогов по практическому знакомству с проведением подвижных игр<sup>1</sup>.

Лето заканчивалось устройством выставки работ площадок. Районные собрания, конференции вносили пожелания по укреплению и расширению сети летних площадок и продолжения их работы зимой. Главной помехой организации зимних площадок было отсутствие необходимых помещений. Но и эта проблема в ряде районов постепенно решалась. Удачный опыт летних площадок побудил Московский губсовет ОДД побудил организовать зимние, на что им было ассигновано 6367 рублей. Зимой 1927 г. в Москве было открыто 10 таких площадок<sup>2</sup>.

С начала 1930-х гг. усилилась централизация общества, ее подчиненность партийным органам. Произошла трансформация общественной инициативы в государственную политику. Несколько лет высшим объединительным уровнем оставался губернский (областной); лишь в 1930 г. все они слились во Всероссийское общество. Инициатором централизации общества вступила Н. К. Крупская. 21 мая 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) о «Создании массовой пролетарской общественной организации вокруг практических задач коммунистического воспитания», а 23 августа 1930 г. – постановление ВЦИК и СНК об объединении местных организаций ОДД во Всероссийское общество.

К 1935 г. общество насчитывало 1,8 миллиона человек. Но тогда же ОДД прекратило свою деятельность<sup>3</sup>. По мнению Т. М. Смирновой, причины ликвидации общества заключались в многочисленных злоупотреблениях его руководства. Органами Партсовконтроля и прокуратурой был вскрыт ряд «деяний преступного характера», которые заключались в незаконном использовании собранных средств. 25 мая 1934 г. Президиум ВЦИК специальным постановлением признал работу ОДД неудовлетворительной, а 1 июля 1935 г. ОДД было ликвидировано<sup>4</sup>. Но согласимся с Т. М. Смирновой, что активисты-добровольцы низовых ячеек общества, а отнюдь не руководство ОДД, бескорыстно проводили большую и важную практическую работу в городах и деревнях СССР: устраивали экскурсии и культпоходы для школьников, организовывали их летний отдых в загородных лагерях и на городских детских площадках<sup>5</sup>.

*Л. В. Лебедева,*

*к.и.н., доцент кафедры истории и права*

*Пензенского государственного технологического университета,*

*г. Пенза*

## **ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ЗНАТОК ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ**

Пензенская земля богата известными людьми, прославившими свой край. Среди них достойное место занимает Виталий Иванович Лебедев – патриот своей Родины, Ученый и Человек. Он внес огромный вклад в исследование истории Пензенского края, в раскрытии «белых пятен» в науке, был талантливым педагогом и пропагандистом исторических знаний.

---

<sup>1</sup> Анцибор В. Общество «Друг Детей» и строительство площадок // Друг Детей. 1926. № 5. С. 5; Пленум низовых ячеек «Друг Детей» Замоскворецкого района. От 9 апреля 1926 г // Друг Детей. 1926. № 3. С. 32.

<sup>2</sup> Что сделано Московским Губсоветом Общества «Друг Детей» (Из отчета о деятельности О-ва за время с июня месяца 1926 г. по февраль месяц 1927 г.) // Друг Детей. 1927. № 3. С. 10.

<sup>3</sup> Российская педагогическая энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993. Т. 1. С. 298.

<sup>4</sup> Смирнова Т. М. Указ. соч. С. 303-304.

<sup>5</sup> Там же. С. 315 -316.

Его интерес к истории края был очень многогранен и базировался на тщательной исследовательской работе.

Виталием Ивановичем написано большое количество научных и научно-популярных работ. Причем интерес представляют не только книги, но и статьи, ни одна из которых не была легковесной и скороспелой. Многие из них стали базой для дальнейших исследований и были развиты другими учеными или ждут своего развития.

Его первая книга «Загадочный город Мохши» о древней истории Наровчата вышла в 1958 г., когда ему было всего 26 лет. Ее отличает сочетание глубокой научности с увлекательной и доходчивой формой изложения. Уже тогда она получила высокую оценку московских ученых, в частности известнейшего археолога А. П. Смирнова. О значении книги свидетельствует тот факт, что до настоящего времени она остается единственным обобщающим трудом по истории края в эпоху Золотой Орды<sup>1</sup>.

Виталием Ивановичем рассматривались различные аспекты истории Пензенского края.

Большое внимание В. И. Лебедев уделял истории развития краеведения. На страницах научных изданий он писал о первых учебных пособиях по краеведению Пензенской губернии, этапах изучения города Пензы, выступал с обобщением опыта военно-исторического краеведения в школах, развития учебного краеведения на примере Пензенского края, писал о важности подготовки кадров, организации краеведческого поиска в современных условиях, проведении экспедиций, археологических исследований на территории Пензенского края<sup>2</sup>.

Им рассматриваются различные аспекты истории г. Пензы: топографическое описание Пензенского наместничества как источник по истории купечества Пензы XVIII в.; роль Пензенского губернского статистического комитета в становлении пензенского краеведения; описание пензенских ярмарок XIX в.; развитие пчеловодства в крае<sup>3</sup>.

Его волновали различные проблемы периода Великой Отечественной войны – вклад пензенцев в победу над фашизмом; военно-физическая подготовка молодежи Пензенской области в годы войны, работа железной дороги в этот период; состояние пензенской деревни в годы войны; эвакуация музея И.С. Тургенева в Пензу<sup>4</sup>.

Им написаны статьи об известных пензенцах и людях связанных с Пензенским краем – путешественниках, учителях, священнослужителях, историках, писателях, краеведах и др.<sup>5</sup> В

---

<sup>1</sup> Лебедев В. И. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958. 48 с.

<sup>2</sup> Лебедев В. И. Историческое краеведение в системе профессиональной подготовки учителей современной школы // Первая всесоюзная научная конференция по историческому краеведению (г. Полтава, октябрь 1987 года): Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1987. С. 179-180; Он же. История изучения города Пензы (основные этапы) // I городская научная краеведческая конференция студентов ВУЗов и учащихся средних специальных учебных заведений, посвященная 325-летию города Пензы: Тезисы докладов. Пенза, 1988. С. 1-3; Он же. Первые учебные пособия по краеведению в Пензенской губернии // Краеведение в Центральном районе / Материалы краеведческой конференции. 1-4 февраля 1987 г. Пенза, 1988. С.85–88; Он же. Школьное историческое краеведение в первые годы Советской власти // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1989. Вып. 1. С. 109-115; Он же. К вопросу о развитии учебного краеведения (на примере Пензенского края) // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики / Сб. науч. ст. Киев: Наукова думка, 1991 и др.

<sup>3</sup> Он же. Топографическое описание Пензенского наместничества как источник по истории купечества Пензы XVIII века // Российское купечество от средних веков к новому времени / Тез. докл. М., 1993. С. 74–76; Он же. Роль Пензенского губернского статистического комитета в развитии провинциальной культуры // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Книга 2. Пенза, 1996. С. 90-99 и др.

<sup>4</sup> Он же, Максяшев П. Ф. На железнодорожных магистралях // Пензенская область в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1985. С. 41-48; Он же. К вопросу о «белых пятнах» вклада пензенцев в победу над фашизмом (1941-1945 годы) // Эстафета памяти. Материал об опыте военно-исторического краеведения в школах Пензенской области. Пенза, 1990. С. 44–50; Он же. Государственный музей И.С. Тургенева в Пензе (1941–1944) // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1995. Вып. 5. С 115-121; Он же. Изменение численности и состава профсоюзных организаций сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы (По материалам ЦГАОР СССР) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 186-192.

<sup>5</sup> Он же. Учитель, пропагандист, краевед. К 100-летию со дня рождения Г.Д. Смагина // Политическая агитация. Пенза, 1987. № 8; Он же. И. И. Спрыгин – историк Пензенского края // Материалы конферен-



1981 г. вышла в свет книга «В. А. Карпинский» о революционере, публицисте и докторе экономических наук<sup>1</sup>.

Научную ценность представляют статьи этнографической тематики. Им был поднят один из малоизученных вопросов отечественной науки – о мещере. На основе источников 1920-х гг. описаны культура и быт татар Пензенского края. Проанализированы легенды о Нарчатке, погибшей в битве с татарами<sup>2</sup>.

Книга «Пенза спортивная», выпущенная в 1959 г. в соавторстве с его другом В. С. Годиным, долгое время являлась единственным пособием по истории пензенского спорта и стала основой для современных исследователей<sup>3</sup>.

Он был автором ряда учебных пособий по истории Пензенского края: «Книги для чтения по истории Родного края» (1963); «Очерки истории Пензенского края. С древнейших времен до конца XIX века» (1973); «Земля пензенская» (1978). В них он представлял разделы об истории края в период монголо-татарский завоевателей (XIII–XV), колонизации XVI–XVII вв. – обороне, строительстве засечных черт, строительстве Черкасского острога и крепости Пенза, крестьянской войне под руководством Степана Разина, декабристах-пензенцах, социально-экономическом развитии Пензенской области во второй половине XX в. Под его редакцией было опубликовано три сборника документов и материалов по истории Пензенского края (1980, 1982, 1986). В атласе Пензенской области размещена археологическая карта, где представлены основные памятники, отражающие историю края с древнейших времен до XVII в. (1982)<sup>4</sup>.

Последними крупными проектами по истории Пензенского края, в которых принял участие В. И. Лебедев, был учебник для основной школы «История Пензенского края» в двух частях, редакторскую деятельность которого он начинал, и Пензенская энциклопедия, работа над которой продолжалась около десяти лет, и в которой Виталий Иванович являлся ответственным редактором отдела истории. Оба издания вышли уже после его смерти.

Значимость исследований Виталия Ивановича выходят далеко за пределы края. Он вошел в историю не только как краевед, но и как известный исследователь-аграрник, написавший работы о труде, мировоззрении, образованности сельских жителей. На основе проведенных социологических исследований по Пензенской области им была написана брошюра «Знаменосцы ведут вперед»<sup>5</sup>. За основу были взяты ответы на вопросы, в том числе: в чем видят смысл жизни люди современной деревни, о чем мечтают, как относятся к товарищам по работе, что считают, тормозит развитию сельского хозяйства, как нравится проводить досуг,

---

ции, посвященной 120-летию со дня рождения И. И. Спрыгина 24-26 мая 1993 года. Пенза, 1998. С. 19-26; Он же. Лаврентий Загоскин и декабристы // Поиски и находки. Из записных книжек краеведов. Саратов: Приволжское кн. издательство. Пензенское отделение, 1990. С. 28-32; Он же. М. Н. Загоскин как историк // Венок Михаилу Загоскину Пенза, 1990. С. 108-124; Он же. Ученик Буслаева // Политический собеседник. Журнал идеологического отдела Пензенского обкома КПСС. 1991, № 2. С. 15-17; Он же. Письма опального епископа // Пензенский временник любителей старины. Пенза, 1992. Вып. 5. С. 24-26; Он же. Первые герои труда // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 169-176 и др.

<sup>1</sup> Лебедев В. И. В. А. Карпинский. Саратов, 1981. 120 с.

<sup>2</sup> Он же. К вопросу о мещере // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 105-109; Он же. Легенда о буртасской царице Нарчатке // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 58-65 и др.

<sup>3</sup> Лебедев В. И., Годин В. С. Пенза спортивная. Пенза, 1959. 76 с.

<sup>4</sup> Книга для чтения по истории Родного края. Часть I. Для 7 класса. / Лебедев В. И., Никольская Н. и др. Пенза, 1963; Очерки истории Пензенского края. С древнейших времен до конца XIX века. / Лебедев В. И., Винокуров Г. Ф., Годин В. С. и др. Пенза, 1973; Земля пензенская: Учебное пособие для учащихся 9–10 классов. / Лебедев В. И., Догаева В. П., Шарошкин Н. А. Саратов, 1978; Он же, Вилков И.Ф. Археологическая карта // Атлас Пензенской области. М., 1982. С. 32; Пензенский край XVII в.–1917 г.: Документы и материалы. / Научный ред. Лебедев В.И. Сост. Годин В.С., Дмитрук Е.Я. и др. Саратов, 1980. 304 с.; Пензенский край 1917–1977 гг.: Документы и материалы. / Научный ред. Лебедев В.И. Сост. Годин В.С., Дмитрук Е.Я. и др. Саратов, 1982. 304 с.; Культурное строительство в Пензенском крае 1917–1938: Документы и материалы. / Научный ред. Лебедев В.И. Сост. Годин В.С., Дмитрук Е.Я. и др. Саратов, 1986. 336 с.

<sup>5</sup> Он же. Знаменосцы ведут вперед. Саратов, 1965. 64 с.

какие перемены видят в себе. Он стал первым нашим земляком, защитившим диссертацию в Институте истории Академии наук СССР, как раз по аграрной тематике<sup>1</sup>. Массовое анкетирование по данной теме выявило недостатки и трудности в жизни села – низкий уровень обеспеченности труда средствами производства, переустройства быта, организации разумного отдыха. Ссылаясь на мнение сельских жителей, Виталий Иванович писал, что главную причину, тормозящую развитие сельского хозяйства, они видели не в погодных условиях, а первостепенное значение придавали умелому руководству хозяйством, улучшению материальной базы и заинтересованности тружеников села. Им был выявлен достаточно высокий процент религиозности сельского населения. Об этом В. И. Лебедев открыто писал в своем исследовании, что было поистине смелым поступком в тот период времени. Аграрная тематика была продолжена в последующих исследованиях<sup>2</sup>. Признанием научных заслуг стало его включение в 1984 г. в состав Бюро Средневолжского объединения по изучению аграрной истории.

Сорок лет своей жизни ученый посвятил изучению освоения и обороны юго-восточной окраины Русского государства XVI – XVIII вв. Итогом изысканий явилась монография «Легенда или быль. По следам засечных сторожей», изданная в 1986 г.<sup>3</sup> В результате многолетней работы Виталием Ивановичем был собран уникальный материал, который является сплавом огромного труда исследователя-теоретика и ученого практика. Им было изучено, сопоставлено огромное количество разнообразных источников – данные картографии, археологии, топонимики, архивов. Проведены полевые исследования в Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Ульяновской, Самарской, Волгоградской областях, Мордовии, Чувашии и Татарстане. Он не только восстановил направление Большой черты XVI в., представленной «белым пятном» на участке от р. Суры до р. Волги, но и составил карту укреплений восточного отрезка черты, которая охватила зону понизовых городов русского государства – Кадом, Темников, Алатырь, Тетюши, а также воссоздал картину освоения и обороны юго-восточной окраины Русского государства. Им было установлено место расположения и направления, выявлены остатки укреплений Кадомской, Темниковской, Алатырской, Пузской и Тетюшской засек XVI века, Тамбовской, Керенской, Верхнее-Ломовской, Нижнее-Ломовской, Инсаро-Потижской, Атемаро-Саранской, Корсунской, Симбирской, Закамской, Пензенской черт XVII века, Царицынской и Сокской линии XVIII века. Кроме этого, несмотря на поиски с XIX в. местонахождения Сенгилеевской и Сызранской засечных черт, на основании неоспоримых фактов, собранных во время проведения экспедиций и на основе архивных документов, В. И. Лебедевым было доказано, что данные засечные черты не сооружались. В своих последних работах он ставил вопрос о необходимости принятия срочных мер по охране остатков уникальных памятников русского оборонительного зодчества, что звучит особо актуально в настоящее время<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Лебедев В. И. Движение за коммунистическое отношение к труду в совхозах 1958–1965 гг. (По материалам конкретно-социологических исследований в Пензенской области). Автореферат дис. ... на соискание ученой степени канд. истор. наук. Москва, 1966. 22 с.

<sup>2</sup> Он же. Конкретные социологические исследования религиозности населения Пензенской области // К обществу свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М.: Мысль, 1970. С. 47-64; Он же. Утверждение материалистического мировоззрения в среде крестьянства (по материалам Пензенской области) // Проблемы истории советского крестьянства. – М.: Наука, 1981. С. 296–301; Он же. Движение за коммунистическое отношение к труду в сельском хозяйстве (по материалам анкетного обследования ударников коммунистического труда колхозов и совхозов Пензенской области в 1980–1981 гг.) // Исторические записки. М., 1985. Т. 112. С. 255-272; Он же. Социологическое изучение Пензенской деревни в XX в. // Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 178-189; К вопросу о численности неграмотных и малограмотных в начале 50-х годов XX века. (По сведениям ЦК Профсоюзов) // Проблемы культуры и демографии Поволжья. Пенза: ПГПУ, 1995. С.102-109;

<sup>3</sup> Он же. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. 136 с.

<sup>4</sup> Лебедев В. И. Засеки понизовых городов русского государства XVI в. // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С.124-132; Он же. К вопросу о так называемых Сенгилеевской и Сызранской чертах XVII века // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 113-129; Он же. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII-XVIII вв. (По материалам ЦГАДА) //Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 91-101; Он же. Кадомская и Темниковская засеки XVI-XVII вв. (карты-схемы) //Новые страницы

Главными характеристиками его качеств как ученого были: серьезная аргументация, способность широко мыслить и анализировать, смелость суждений. Его мнение было весомо в научных кругах. В 1984 г. он был включен в Археографическую комиссию АН СССР, в 1991 г. стал председателем Поволжской секции научного совета АН СССР по исторической демографии и географии.

Виталий Иванович был страстным пропагандистом знаний по истории родного края. Понимание единства общероссийской и региональной истории привело его к необходимости преподавания истории России с краеведческим компонентом. В 1971 году на исторических факультетах педагогических институтов историческое краеведение стало вводиться отдельным модулем. Курс по истории пензенского края на историко-филологическом факультете ПГПИ им. В. Г. Белинского был разработан В. И. Лебедевым.

Распространение знаний по краеведению относилось не только к будущим учителям истории, но и к жителям сурского края. Он был начинателем лыжных агитпоходов студентов по Пензенской области, в которых для местного населения читались лекции по краеведению. В своих выступлениях в селах и деревнях перед обширной аудиторией, он поражал старожилов осведомленностью в истории их родных мест. Первый агитпоход состоялся в 1959 году и теперь это добрая студенческая традиция.

В. И. Лебедев поддерживал музейное дело в Пензенском крае. В 1956 году он вошел в ученый совет Пензенского краеведческого музея и с этого времени давал консультации по различным вопросам исторической науки, построению научной концепции и тематической структуры экспозиции музея. Его ценные и обоснованные замечания отличались высокой степенью конструктивности и научной безукоризненностью. Они позволили устранить ряд неточностей, сместить и усилить некоторые акценты, внести новые сюжеты.

Он был консультантом воссоздания исторического вала города-крепости Пенза, установки места памятного камня о пребывании Е. И. Пугачева, в создании музея В. О. Ключевского, музея народного творчества, литературного. Именно авторитет В. И. Лебедева помог избежать г. Пензе повального переименования улиц, пронесшегося в годы «пересмотра истории» страны.

Те, кому посчастливилось слышать экскурсии В. И. Лебедева проведенные по г. Пензе, удивлялись знаниям этого человека, которые давали возможность как бы воочию видеть эпоху. Свой рассказ о любимом городе он преподносил так, как будто бы он сам жил в XVIII или XIX веках.

Стремясь как можно шире распространить знания среди земляков, Виталий Иванович активно сотрудничал со средствами массовой информации. На страницах местных газет и журналов он много публиковал ярких заметок о краеведческих открытиях и малоизвестных исторических сюжетах, рассказывал о знатных людях края.

Большое значение он придавал вовлечению молодого поколения в исследовательскую деятельность, организовывал краеведческие конференции молодежи. Выступал на многих научно-методических совещаниях, семинарах, курсах повышения квалификации учителей, слетах молодежи. Помогал всеми силами всем, кто проявлял научный интерес к истории: делился идеями и замыслами, защищал и поддерживал на всех уровнях. В. И. Лебедев способствовал тому, что студенты-историки смогли принять участие в археологических экспедициях, организованных Институтом археологии АН СССР, Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, экспедициях Казанского филиала АН СССР.

Виталий Иванович участвовал в работе местных отделений Советского фонда культуры и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Под его руководством студенты Пензенского пединститута провели сплошное изучение памятников истории и культуры во всех районах области. Результаты этой работы использовались Институтом истории РАН при подготовке Свода памятников истории и культуры Российской Федерации.

---

истории Отечества. Пенза, 1992. С. 51-57; Он же. Пензенская «Засака» // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1993. Вып. 4. 76-86; Он же. Засечные черты русского государства XVII в. на дореволюционных археологических картах // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 137-145 и др.

В конце 1980-х гг. острой стала потребность обмена опытом краеведов различных регионов страны, координации их усилий. Для разрешения этих задач была организована первая Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Она проходила на Украине, в Полтаве, в апреле 1987 г. В состав пензенской делегации входил и В. И. Лебедев. Он стал инициатором возрождения исторического краеведения в области, организатором второй Всесоюзной конференции по историческому краеведению в 1989 г. в г. Пензе. Конференции всесоюзного, всероссийского масштаба с этого периода времени проходили неоднократно. Избранию г. Пензы местом их проведения, в немалой степени играл научный авторитет Виталия Ивановича.

С 1990 г. он становится членом Совета Союза краеведов России от Поволжского региона и председателем Пензенского отделения Союза краеведов России. Благодаря усилиям В. И. Лебедева укрепились контакты пензенских ученых–историков с коллективами научных центров страны. Своим трудом он завоевал уважение ведущих ученых страны и создал представление о Пензе, как кузнице талантливых исследователей.

Память, научное наследие, заложенные традиции продолжают сохраняться и поддерживаться его коллегами и учениками.

Данью уважения к ученому является воплощение его мечты коллегами – введение на историческом факультете новых предметов – этнографии и исторической географии. В 1997 г. вышли в свет два сборника научных трудов коллег и учеников В. И. Лебедева, посвященные его памяти. Это «Страницы истории Волго-Донья»<sup>1</sup>, где был опубликован список работ Виталия Ивановича и первый номер «Исторических записок», редакторский коллектив которого, это периодическое издание стал выпускать как научный памятник ученому.

В 1999 г. Пензенским государственным краеведческим музеем было проведено заседание «Клуба хранителей пензенской памяти», где с воспоминаниями о нем выступило большое количество его коллег, учеников и друзей.

В память о заслугах ученого ПГПИ им. В. Г. Белинского в 2000 г. была издана книга «Историк В. И. Лебедев»<sup>2</sup> и создана именная мемориальная аудитория.

Благодаря коллективу исторического факультета в 2006 г. была переиздана книга «Легенда или быль. По следам засечных сторожей»<sup>3</sup>. В отличие от первого издания, она снабжена картами, планами, схемами и фотографиями. В нее добавлен ряд статей, которые являются продолжением исследований, основанных на новых данных.

Главным памятником ученому является проведение на историческом факультете с 1999 г. ежегодных Лебедевских чтений, которые являются почетной эстафетой развития науки молодым поколением историков, символом научной порядочности, принципиальности и любви к малой Родине.

*Е. В. Мастерова, Н. Г. Демкина, А. А. Рогов,  
ИФиС Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ Г. ПЕНЗЫ**

В нашей стране сложилась научно обоснованная система физического воспитания, рассчитанная на приобщение к физической культуре всего подрастающего поколения. Основой этой системы является обязательный курс физического воспитания, осуществляемый по государственной программе. Он сочетается с многообразными формами использования физической культуры в режиме учебного дня и домашнего быта, с эпизодическими массовыми физкультурными мероприятиями, а также регулярными занятиями по личному выбору самих учащихся в своем коллективе физической культуры, в коллективах физической культуры

<sup>1</sup> Страницы истории Волго-Донья: Сборник научных трудов. Пенза, 1997. С. 4-19.

<sup>2</sup> Историк В. И. Лебедев / Семенов В. Б., Дворжанский А. И., Лебедева Л. В. и др. Пенза, 2000. 124 с.

<sup>3</sup> Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. 124 с.

спортивных обществ, в детско-юношеских спортивных школах и многих других внешкольных учреждениях. Бесперебойное функционирование этой системы обеспечено материально-техническими средствами, квалифицированными педагогическими кадрами, финансовыми ресурсами и другими условиями. Она непрерывно развивается и совершенствуется с учетом новых потребностей и возможностей общества, передового опыта практической работы и достижений науки.

Социально-педагогическое значение направленного использования средств физической культуры в школьном возрасте особенно велико. В основном оно заключается в следующем:

- создается прочный фундамент гармонического физического развития, укрепления здоровья, всестороннего физического образования и воспитания, накапливаются надежные предпосылки для успешного овладения производственно-трудовыми, воинскими и другими специальностями;
- постоянно поддерживается хорошая физическая и умственная работоспособность, обеспечивающая успеваемость в учебных занятиях, а впоследствии – эффективность любой общественно полезной деятельности;
- рационально организуется досуг детей, элементы физической культуры внедряются в быт и учащиеся постепенно приобщаются к спортивной деятельности;
- последовательно повышается нравственная, интеллектуальная, эстетическая и трудовая культура подрастающего поколения.

Исключительно важно то обстоятельство, что система использования средств физической культуры в школьном возрасте обеспечивает длительное (в течение 10-12 лет) планомерное и регулярное физическое воспитание всего подрастающего поколения, достижение им не только достаточно высокого уровня общей физической подготовленности ко всякой общественно полезной деятельности, но и базовой профессионально-прикладной и спортивной подготовленности. Все это становится фундаментом дальнейшего физического совершенствования в предстоящей взрослой жизни.

При оценке значения физической культуры в школьном возрасте важно учитывать ее особую необходимость и наибольшую эффективность в решении задач физического развития, образования и воспитания. Необходимо исходить из того, что повседневная двигательная активность является естественной потребностью растущего организма и непременным условием физического развития, укрепления здоровья и повышения сопротивляемости организма неблагоприятным внешним условиям. Однако специальные исследования двигательного режима школьников убедительно свидетельствуют о плохом удовлетворении этой потребности, если недостаточно используются средства физической культуры в школе, внешкольных учреждениях и в домашнем быту. Доказано, что недостаток двигательной активности (гиподинамия) неизбежно приводит к невосполнимым потерям в физическом развитии, ослаблению защитных сил организма и серьезным нарушениям здоровья. Опыт же школ, хорошо организующих использование средств физической культуры, позволяет судить о реальной возможности подойти к успешному решению проблемы гиподинамии, обострившейся в последнее время в связи с не всегда рациональным использованием ценностей научно-технического прогресса.

Оздоровительную направленность средств физического воспитания можно реализовать через укрепление физического и психического здоровья, формирование двигательных и поведенческих основ здорового образа жизни, раскрытие резервных возможностей человека.

Важно также постоянно иметь в виду, что в школьном возрасте еще продолжается интенсивное развитие форм и функций организма. Этот процесс в определенной степени зависит от внешних условий жизни и характера осуществляемой учащимися деятельности, в значительной мере от направленного использования средств физической культуры. Умелое применение специально подобранных и правильно дозированных физических упражнений в период усиленного развертывания естественного морфофункционального развития способствует стимулированию, упорядочению и интенсификации соответствующих процессов, достижению в конечном счете значительного подъема функциональных возможностей всех систем организма. На более поздних возрастных этапах, когда пики естественного развития тех или иных функций просрочены, добиться подобных результатов трудно и даже невозможно.

В результате улучшения физического развития и укрепления здоровья достигается су-

ществленное улучшение работоспособности учащихся. Доказано, что занимающиеся в достаточном объеме правильно организованными физическими упражнениями успешнее справляются с учебными нагрузками. Они могут работать более качественно и напряженно, меньше устают на уроках в течение учебного дня и, как правило, добиваются хорошей успеваемости. Достигнутая степень работоспособности переносится в зрелый возраст и, подкрепляемая дальнейшим использованием средств физической культуры, сохраняется длительное время, обеспечивая высокую эффективность выполняемой работы. Физическая культура в школьном возрасте имеет большое значение и для обучения необходимым в жизни двигательным умениям, навыкам, овладения основами их практического использования в разнообразных условиях двигательной деятельности. Установлено, что способность к обучению двигательным действиям также имеет в этом возрасте благоприятные этапы для быстрого и полноценного освоения новых, перестройки ранее усвоенных недостаточно совершенных двигательных действий. В процессе направленного использования этой способности создаются наилучшие условия для всестороннего развития всех двигательных качеств. Приобретенный в школьном возрасте богатый фонд двигательных умений и навыков, а также физических, интеллектуальных, волевых и других качеств становится базой для быстрого и полноценного овладения профессионально-трудовыми, воинскими и другими специальными двигательными действиями, дальнейшего физического совершенствования их в зрелом возрасте.

Наконец, не меньшее значение имеет вклад школьного физического образования в развитие личности молодых людей, в формирование мировоззрения и жизненной позиции, морального облика, интеллектуальной и эстетической культуры, волевой устремленности. Многообразная практика использования физической культуры в школьном возрасте направлена в конечном счете на физическое совершенствование подрастающего поколения. Вместе с тем она должна служить целям обеспечения здорового быта и культурного отдыха, поддержания высокого уровня работоспособности в учебных занятиях и успешного осуществления других видов текущей деятельности. Весь процесс достижения этих целей необходимо связывать с всесторонним развитием личности.

Столь ответственная перед обществом практика должна отмечаться высокой степенью организованности и представлять стройную систему деятельности, в которой каждое конкретное действие имело бы определенное назначение и предопределяло бы достижение заранее намеченного результата. Системообразующим началом такой деятельности является четко сформулированные задачи физического воспитания и использование других форм физической культуры. Ими определяется содержание, обуславливаются соответствующие средства, а также методы и методические приемы.

*Г. А. Мельничук,*  
краевед, историк-архивист, член Союза писателей России,  
*Н. В. Степанова,*  
кандидат технических наук, член Союза журналистов России

### **ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В КОНВОЛЮТАХ М. Д. ХМЫРОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИИ)<sup>1</sup>**

*Во всех почти науках, а в особенности в науках естественных, – наблюдение и опыт составляют главное условие для каждого любознательного человека, желающего по мере средств и познаний быть полезным науке. Нет сомнений, что и в Симбирской губернии можно собрать много интересных сведений, которые могли бы со временем быть полезными для людей, специально занимающихся учеными исследованиями.*

---

<sup>1</sup> См. также: Мельничук Г. А. М. Д. Хмыров и значение его коллекции для современного краеведения // Третьи всероссийские краеведческие чтения (Москва–Коломна, 22–23 июня 2009 г.) / Отв. ред. В. Ф. Козлов, отв. за выпуск А. Г. Смирнова. М., 2010. С. 273–278.

**Владимир Петрович Юрлов (1830 – 1896), этнограф,  
член Русского географического общества,  
редактор неофициальной части  
«Симбирских губернских ведомостей»<sup>1</sup>.**



Государственная публичная историческая библиотека России (далее «Историчка»), очень любимое место многих исследователей, так как здесь кроме «домашней атмосферы» можно поработать с различными оригинальными источниками, собранными во едино известными отечественными коллекционерами и библиофилами. Зайдя в здание библиотеки (адрес: 101990, Москва, Старосадский переулок, дом 9, стр. 1; сайт: [www.shpl.ru](http://www.shpl.ru)), пройдя контрольно-пропускной пункт и поднявшись по лестнице на второй этаж посетители «исторички» попадают холл с каталогами. Здесь же читателей со стены приветствуют дореволюционные портреты историков, библиографов и отмечено, что «20 декабря 1938 г. в здании бывшего Московского вспомогательного общества купеческих приказчиков в Старосадском переулке начала работать Государственная публичная библиотека РСФСР. "Ядро" своих фондов Историческая библиотека унаследовала от библиотеки Исторического музея, основу которой составили частные книжные коллекции: Чертовская библиотека» и собрание печатных раритетов:

Михаила Дмитриевича Хмырова (1830-1872), Александра Дмитриевича Черткова (1789-1858), Александра Ивановича Барятинского (1815-1879), Павла Дмитриевича Щапова (1848-1888), Александра Александровича Котляревского (1837-1881), Алексея Петровича Бахрушина (1853-1904), Петра Ивановича Щукина (1853-1912), Ивана Егоровича Забелина (1820-1908), Владимира Николаевича Рогожина (1859-1909), Алексея Сергеевича Уварова (1825-1884), Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840-1924), Алексея Александровича Бобринского (1852-1927).

Первым в этом ряду представлен портрет Михаила Дмитриевича Хмырова. В настоящей работе сделана попытка представить комплексно: М. Д. Хмырова, его коллекцию и материалы из его собрания о Пензенском крае. Поэтому исследование предложено разбить на несколько раздел:

- I. Кто такой М. Д. Хмыров?
- II. Конволюты М. Д. Хмырова.
- III. Пензенский край в хмыровской коллекции.

Прежде чем приступить к изложению материала, в соответствии намеченным планом, следует привести слова директора Государственной публичной исторической библиотеки России к.пед.н. М. Д. Афанасьева, который подметил, что «о М. Д. Хмырове известно сравнительно немного. Все публикации позднего времени опирались на ограниченное число источников – некрологи, краткое воспоминание знавших его людей. М. Д. Хмырову посвящены небольшие статьи в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, Гранат, Советской исторической энциклопедии»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Юрлов В. Из Симбирска (Местная записка наблюдателя) // Народная газета. СПб. 1866. 9 июня. № 22. С. 2-3.

<sup>2</sup> Афанасьев М. Д. М. Д. Хмыров и его коллекция // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 31.

## Раздел I. Кто такой М. Д. Хмыров?

Учитывая мнение «главного хранителя» хмыровской коллекции, директора «исторички» М. Д. Афанасьева, было решено представить о нем статью историка и генеалого, член-корреспондента РАН (с 1918 года) Бориса Львовича Модзалевского (1874-1928), опубликованную в «Русском биографическом словаре» в 1901 году, так как она достаточно полно отражает биографию М. Д. Хмырова, по сравнению с более поздними перепечатками и компиляциями различных авторов.

Вот ее текст (орфография сохранена): «ХМЫРОВ, Михаил Дмитриевич, писатель-историк, потомок старинного дворянского рода Тульской губ[ернии], род[ился] в с[еле] Локотках (сейчас район города Шостки Сумской области Украины – прим. авторов) Глуховского уезда, Черниговской губ[ернии], 1 сентября 1830 г[ода], ум[ер] в Петербурге 27 ноября 1872 г[ода]; воспитывался в Московском кадетском корпусе (ныне 1-й), где служил воспитателем отец его, и, как один из лучших по успехам воспитанников, выпущен в 1848 г[оду] прапорщиком л[ейб]-гв[ардии] в Измайловский полк. По собственным словам, “начал печататься подневольно, написав, по приказанию кадетского начальства, стихотворение на случай 50-летнего юбилея службы и жизни великаго князя Михаила Павловича”, напечатанное без ведома и без согласия автора в ”Журнале военно-учебных заведений“ в 1848 г[оду]; оно было положено на музыку Г.Я.Ломакиным и затем издано отдельно. В 1849 г[оду] Х[мыров] принимал участие в Венгерской компании. В 1850 г[оду] он написал стихотворение, вызванное 50-летним юбилеем службы императора Николая в Измайловском полку, и это дало автору-прапорщику чин подпоручика (1850). 20 апреля 1851 г[ода] Х[мыров] был прикомандирован к 1-му Московскому корпусу репетитором математических наук; освобожденный таким образом от строевой службы, он получил возможность обратиться к занятиям отечественной историей, к которым он, по собственному выражению, имел “внутренне влечение”. Однако уже 28 ноября 1852 г[ода] Х[мыров] получил приказание возвратиться в свой полк; в 1854 г[оду] он был произведен в подпоручики и во время Крымской войны находился в составе войск, охранявших петербургское побережье. В 1858 г[оду] следуя своему влечению к историческим работам, Х[мыров] задумал, по словам его биографа П. А. Ефремова, написать историю полка, в котором служил, и добился разрешения работать как в архиве Измайловского полка, так и в других Петербургских и Московских архивах. Первой его исторической работой была статья в ”Рассвете“ 1860 г[ода] (№ 1, 2, 8 и 9) – “Графиня Головкина и ее время”, вышедшая в 1867 г[оду] отдельным изданием, с исправлениями и дополнениями. В начале 1861 г[ода], чтобы иметь больше времени для любимых занятий, Х[мыров] вышедший в отставку с чином штабс-капитана, ”возмнив о возможности существовать трудом литературным“, как писал он позже в своей автобиографии. Тогда-же Х[мыров] напечатал три обстоятельных очерка жизни русских писательниц: А. П. Буниной, М. А. Пospelовой и Е. Б. Кульман (“Рассвет” 1861 г[од], № 11, и 12), статью ”Ксения Борис[овна] Годунова“ (ib. 1862, № 3 и 4) и перевод с французского подлинной записи Бирона: “Обстоятельства, приготовившие опалу Э. И. Бирона, герцога Курляндскаго” (“Время“ 1861 г[од], № 1), снабдив свой перевод приложением обширных и ценных примечаний. В 1862 г[оду] в “Русском мире” (№ 2 и 3) была напечатана его статья ”Густав Бирон, брат регента“, перепечатанная потом с дополнениями во 2-й книге “XVIII века” П. И. Бартенева. Затем деятельность Хмырова становится все шире; так, он поместил множество статей географического, исторического, биографического и генеалогического содержания в ”Энциклопедическом словаре“ (тт. I, IV и VI), в художественном издании “Северное сияние” (1862-1865 гг.), целый ряд весьма ценных, обстоятельно составленных биографий в ”Портретной галереи Мюнстера: (1865–1867гг.; указатель статей, принадлежащих Хмырову, см. у Межова: “Библиографич[еский] указатель истории русской и



Михаил Дмитриевич Хмыров, † 27 го ноября. (Рис. К. Брокс, грав. Л. А. Свободы).



всеобщей словестности”, СПб., 1872, стр. 285–286); в ”Артиллерийском журнале“ 1865-1867 гг. Х[мыров] напечатал статьи военно-исторического содержания (“Артиллерия и артиллеристы в до-Петровской Руси”, 1865, № 9) и биографии трех первых русских генерал-фельдцейхмейстеров – царевича Александра Имеретинского, гр[афа] Я. В. Брюса и И. Я. Гюнтера (1866, № 1–5), сотрудничал в ”Книжном вестнике“ 1865 г., ”Отечественных записках”, ”Русском архиве“, ”Живописном сборнике“ и других периодических изданиях. Сверх того, много исторических материалов с объяснениями и примечаниями Хмырова помещено в ”Русской старине“. Из отдельных изданий необходимо упомянуть составленный Хмыровым (но, к сожалению, не оконченный) и приложенный первоначально к календарям Генкеля ”Алфавитно-справочный перечень русских удельных князей и членов дома Романовых“ (Половина 1-я, А–И. СПб. 1871), который, по словам К. Н. Бестужева-Рюмина, внес в историческую науку несколько новых данных, ибо автор для своей работы добросовестно переработал все летописи. В 1869 году Х[мыров], вместе с П. А. Ефремовым, издал шуточное ”Полное и обстоятельное собрание анекдотов четырех шутов: Балакирева, Дакосты, Педрилло и Кульковскаго“ (СПб.). Уже после смерти Хмырова был издан сборник его исторических статей (СПб., 1873), а также труд его (дополненный и исправленный К. А. Скальковским) – ”Металлы, металлические изделия и минералы в древней России. Материалы для истории русского горного промысла“, СПб., 1875, – плод долгих занятий в архиве Горного департамента Минист[ерства] внутр[енних] дел, сочинение, встреченное очень сочувственно; затем несколько сообщенных из его бумаг материалов помещено в ”Древней и Новой России“, ”Русской Старине“, и ”Историческом вестнике“. К сожалению, не увидели свет сделанные Хмыровым указатели ко всем изданным Запискам о времени Екатерины II, обширные поправки к 8 томам ”Словаря достопамятных людей русских“ Бантыша-Каменскаго и заметки и дополнения к 4 томам ”Российской родословной книги“ кн[язя] П. В. Долгорукова по генеалогии, в области которой Хмыровым были собраны богатейшие материалы, также дополнения к ”Истории Российской иерархии“ Амвросия, большое собрание надписей с надгробных памятников и множество материалов из архивов по всем отраслям знаний. Любимой мечтой Хмырова в продолжение всей его жизни было – составить ”Энциклопедию отчизноведения“, то-есть, подробный словарь всего, что писалось о России. В этот словарь должны были войти всевозможные сведения о нашем отечестве: о его истории, географии, статистике, этнографии, торговле, промышленности и т. п. К сожалению, мысль эта, для достижения которой Х[мыров] собрал уже очень много материалов, не получила осуществления, и сохранилась только программа издания, сообщенная С. Н. Шубинским в ”Русской старине“ (1873, т. VII). Говоря о Хмырове, нельзя не упомянуть о его богатейшей библиотеке, на составление которой он не жалел своих скудных заработков; она состояла из 12000 номеров одних только журналов и вырезок из них и приобретена в 1873 г[оду] (всего за 3000 рублей) для Исторического музея в Москве. Необеспеченный материально, существуя только литературными заработками, Х[мыров] под конец своей жизни сильно нуждался и даже должен был по частям продавать свою библиотеку, приводившую в восторг такого знатока книжного дела, как П. А. Ефремова, и всегда радушно открытую для всех, желавших в ней заниматься. Частная помощь не могла поддержать Хмырова, и он после трехмесячной тяжелой болезни скончался в Петербурге от скоротечного воспаления мозга, оставив семь лишь рублей денег из вспомоществования, выданного ему Литературным фондом. Погребен Х[мыров] в Сытинском погосте Каширского уезда Тульской губернии. Вот как характеризует Хмырова его друг П. А. Ефремов: ”Он был добр, прямодушен, готов на всякую услугу; в убеждениях своих был тверд, не менял их и не скрывал, так что каждый мог знать, с каким человеком имеет дело, и смело на него положиться в случае нужды. Вместе с этим он был, однако, человеком крайне непрактичным во всем, что касалось его личных интересов, и часто терял там, где другой на его месте мог бы только выиграть“. Дело Хмыровых в архиве департамента Герольдии. – ”Знакомые“. Альбом М. И. Семевского. СПб. 1888 (автобиография и список работ до 1868 г.). – ”Русск[ий] архив“ 1873 г., № 1 (некролог, составл[енный] П. А. Ефремовым; отд[ельный] оттиск, М., 1873). – ”Русск[ая] стар[ина]“ 1873 г., т[ом] VII, 1882 г., т[ом] XXXIII. – ”Историч[еский] вест[ник]“, 1869 г., т[ом] XXXVIII (в воспом[инаниях] В. Р. Зотова). – ”Всемирн[ая] иллюстр[ация]“ 1872 г., т[ом] 8, № 208 (некролог С. Н. Шубинскаго, с портр[етом]). – Некрологи в ”Голосе“ 1872 г., № 212 и 213 (К. Н. Бестужева-Рюмина), ”Бирж[евых] вед[омостях]“, 1872 г., № 329, ”Сыне Отечества“ 1872

г., № 281, "Народной школе" 1873 г., № 1, "Русском календаре Суворина" на 1874 г., № 3, "Гражданине" 1873 г., № 3, в "Русск[ом] арх[иве]" 1871 г., № 12, "Бирж[евых] ведом[омостях]" 1868 г., № 126, "Горном журнале" 1873 г., т[ом] 4, № 12, "Библиографе" 1892 г., № 12 (с портр[етом]). – В. С. Иконников; "Опыт русской историографии". Киев 1891-1892 (по указателю). – В. И. Межова; "Русская историческая библиография", т[ом] 8, Спб. 1890, стр. 285–286. Б. Л. Модзалевский» (*Русский Биографический словарь/ Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. – Том: Фабер-Цявловский. – СПб.: Типография В. Безобразова и К<sup>о</sup>. (Вас. Остр., 8 линия, № 45), 1901. – С. 370–372).*

Дополнив статью Б. Л. Модзалевского хочется словами из двух некрологов. Историк К. Н. Бестужев-Рюмин (1829-1897) в газете «Голос» отмечал: «27 ноября 1872 г[ода] умер Михаил Дмитриевич Хмыров. Покойный принадлежал к числу тех ученых и литераторов, имена которых становятся известны обществу лишь в объявлении о их смерти и только специалисты могут оценить значение той потери, которую понесла русская наука в ранневременной смерти одного из неутомимейших своих тружеников... Он жил и умер бедняком оставив после себя литературное богатство, неподдающиеся обыкновенной оценке и во многих отношениях не оценимое» (*Голос. – СПб. – 212. – 172. – № 212. – 28 ноября*). Библиограф и библиограф П. А. Ефремов (1830-1907) подчеркнул, что «1-го декабря [1872 года] тесный кружок знакомых и родных проводил покойного в его последний путь, но долго он будет жить в памяти близких ему людей, и долго еще они будут вспоминать его с любовью и уважением, которые он вполне заслуживал» (*Русский архив издаваемый Петром Бартеневым. – 1873. – Книга I. – Статья СXXXVIII*).

До нас дошло только два портрета М. Д. Хмырова. Один из них – это портрет к некрологу М. Д. Хмырова написанный П. А. Ефремовым для журнала «Всемирная иллюстрация» (1872. – 23 декабря. – № 26(208). – С. 409). Автор рисунка – Карел Осипович Брож (13.11.1836–22.11.1901), а художник-гравер – Лаврентий Авксентьевич Серяков (1824–1881), о чем сообщено в журнале. Репродукция с этого портрета М. Д. Хмырова многократно тиражировалась в различных изданиях. Она же представлена и в холле Государственной публичной исторической библиотеки России, но взята с прорисовкой деталей костюма из книги: «Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве [за XXV лет]. 1883-1908 годы» (М.: Синодальная типография, 1916. – [4], 208, [1] с., [8] л. портр. ил., табл., факс), где в приложении приведена на листе 5. Второй портрет М. Д. Хмырова с его автографом был помещен в журнале «Библиограф» в 1892 году. Его работники «исторички» мило называют «Хмыров в шапочке». В небольшой статье «К портрету» отмечено, что «прилагаемый портрет Хмырова воспроизведен с фотографического снимка, принадлежащего С. Н. Шубинскому. М[ихаил] Д[митриевич] изображен на нем в русском костюме, как он ходил всегда после своей отставки. Костюм этот он носил, нисколько не преследуя какую-либо тенденцию, а единственно вследствие его дешевизны и удобства» (*Михаил Дмитриевич Хмыров (К портрету)// Библиограф. – 1892. – № 12. – С. 441–442; портрет-вклейка между стр. 390-391*).

## Раздел II. Конволюты М. Д. Хмырова

Словом «конволют» обычно назывались сборники самого разнообразного содержания, не объединенные общностью тематики или другим каким-либо определенным признаком. По меткому выражению Михаила Дмитриевича Афанасьева, конволюты являются «настоящим "тайником" рукописных документов» и далее он пишет о том, что «сплетая вместе разнообразные документы, объединяя их своей логикой владелиц, как правило, не руководствуется их формальной классификацией. В одном томе могут быть соединены брошюры и оттиски, вырезки из газет и журналов, рукописи. Ярким примером такого собрания... – Хмыровская коллекция – 1734 тома газетных и журнальных вырезок»<sup>1</sup>.

«Хмыровская коллекция» – это первая книжная коллекция, приобретенная в 1873 году управлением впервые организованного в Москве Русского исторического музея, и положившая начало библиотеке Государственного исторического музея. В 1922 году библиотека пере-

<sup>1</sup> Афанасьев М. Д. М. Д. Хмыров и его коллекция // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 31.

росла масштабы музейной библиотеки в связи с чем получила статус «Государственной исторической библиотеки» при Историческом музее. В 1938 г. по Постановлению Совнаркома РСФСР после слияния с Объединенной библиотекой Институты Красной профессуры и рядом других небольших библиотек Историческая библиотека стала именоваться «Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР», здесь же стала как «особо ценное собрание» стала храниться и «хмыровская коллекция». Вот почему Михаил Дмитриевич Хмыров и отрывает портретную галерею в холле «исторички».

Хмыровская библиотека *«подобно которой не было, да наверно можно сказать, и не будет не только в России, но и за – границей; ибо надо много знания и много любви к делу, чтобы решиться на такой подвиг (слово «подвиг» в тексте выделено курсивом – прим. авторов) которым задался Хмыров при составлении своего собрания. С неутомимой энергией, отказывая себе даже в необходимом, перенося всевозможные лишения...[он] в течение 20-ти лет, употреблял скудные свои средства на покупку всех (слово в «всех» в тексте выделено курсивом – прим. авторов) без исключения Русских альманахов и периодических изданий, журналов и газет (включая губернские и епархиальные ведомости), от начала современной прессы в России» (Ефремов П. М. Д. Хмыров (Некролог) // Русский архив издаваемый Петром Бартеневым. – 1873. – Книга I. – Столбец СХХVII).*

Понимая *«что в русских периодических изданиях разбросана громадная масса полезных и необходимых сведений о России, которые пропадают безследно за недостатком указателей к ним и, вообще, от трудности пользования ими, Хмыров»* купленные *«преимущественно на толкучем рынке»* издания (газеты, журналы) разрезал *«за исключением беллетристики, по статьям, и распределял последние, сообразно содержания, в отдельные папки в систематическом порядке»* (Шубинский С. Михаил Дмитриевич Хмыров (1830-1872 г.) (Некролог) // Всемирная иллюстрация. – Том VIII. – 1872. – 23. декабря. – № 26(208). – С. 414). Всю проработанную периодику он заносил *«в алфавитные книжки, чтобы знать, что есть у него... В случае если одна статья оканчивалась на обороте другой страницы, то недостающий конец списывался, а если статья заключала несколько сведений, относящихся к разным предметам, то на нее делались ссылки и подклеивались в соответственные папки. Подобного рода библиотеку, при недостатках у нас не только толковых, но и каких либо "указателей" [к] периодическим изданиям, конечно можно назвать драгоценностью... Такой библиотеки теперь и составить нельзя за исчезновением многих журналов и газет из продажи, особенно после пожара Петербургской толкучки»* (Ефремов П. М. Д. Хмыров (Некролог) // Русский архив издаваемый Петром Бартеневым. – 1873. – Книга I. – Столбец СХХVII).

*«На каждой вырезке сокращенно указывалось название издания, год издания, том или номер. Материалы в теме подбирались в алфавите фамилий авторов или названий статей. Таким образом М. Д. Хмырову удалось создать весьма ценную и оригинальную для того времени литературно-справочную картотеку, в которой можно было бы сразу найти все, что писалось в русских и иностранных периодических изданиях по тому или иному вопросу. Большое место занимают в библиотеке Хмырова материалы для биографического словаря русских людей, которые подобраны в алфавите фамилий. В то время, когда эта библиотеке составлялась, еще не было указателя статей, помещенных в газетах и журналах, и материалами, собранными в своей библиотеке, Хмыров намечал "облегчить пути к Знанию другим"». Ученые того времени очень хорошо знали библиотеку Хмырова. Почти со всех концов России обращались к нему за справками и советами по истории России, географии, статистике, истории науки, истории промышленности, сельского хозяйства и т.п. Просьбы эти выполнялись им безотказно. Хмыровскую библиотеку знали, о ней писали в газетах еще при жизни ее владельца... ценность заключается не только в том, что каждая тема дает возможность сразу, в одном месте обозреть более или менее полную подборку журнальных и газетных статей (включая и губернские издания), которые охватывают период с 1755 года по 1865 год, т.е. за 110 лет, но и тем, что вместе с вырезками почти в каждый раздел Хмыровым включены книги, указы, манифесты, копии с деловых бумаг, письма современников и т.д. Достаточно сказать, что некоторые разделы включают более тысячи вырезок и исторических документов...Весьма интересный исторический материал собран Хмыровым по 59-ти губерниям и областям, составляющим Российскую империю (даны в общем алфавите), а также по истории и развитию столиц русского государства – Москвы и Петербурга. Мате-*

риалы в томах переплетены в том порядке, как они были подобраны собирателем. Порядок расположения материалов каждого тематического раздела по томам сохранен таким, как он был принят собирателем»<sup>1</sup>.

В коллекции М. Д. Хмырова представлены тома по следующим местам России: 26 томов по Петербургу (шифр П29); 17 – по Москве (М82); 12 – по Прибалтийским губерниям (П75); по 10 – по Херсонской губернии (Х39) и также по Кавказу и Закавказью (К12); по 9 – по Киевской (К38) и Таврической (Т13) губерниям; 7 – по Владимирской (В57) губернии; по 6 – по Вятской (В99), Екатеринославской (Е46), Казанской (К14), Нижегородской (Н61), Тверской (Т26) и Тульской (Т82) губерниям; по 5 – по Костромской (К72), Новгородской (Н72), Оренбургской (О-65), Пермской (П28), Саратовской (С20) и Ярославским (Я76) губерниям; по 4 – по Архангельской (А87), Виленской (В44), Вологодской (В68), Вольнской (В70), Подольской (П44), Полтавской (П52), Тамбовской (Т17), Харьковской (Х23) губерниям, Донской (Д67) и Забайкальской (З-12) областям, Западному краю (З-31); по 3 – по Воронежской (В75), Ереванской (Е70), Калужской (К17), Могилевской (М74), Московской (М83), Олонецкой (О-55), Орловской (О-66), Псковской (П86), Рязанской (Р99), Самарской (С17), Симбирской (С37), Смоленской (С50), Тифлисской (Т46), Тобольской (Т50), Томской (Т56), Черниговской (Ч-49) губерниям, Амурской области (А63) и Сибири Восточной (С35); по 2 – по Бакинской (Б19), Енисейской (Е63), Ковенской (К56), Курской (К93), Минской (М63), Пензенской (П25), Ставропольской (С75) губерниям, Бессарабской (Б53) и Кубанской (К88) областям, городам в России (Г70); по 1 – по Кутаисской (К94), Уфимской (У88) губерниям, Семипалатинской (С30), Терской (Т35) и Якутской (Я49) областям, Крым (Южный берег) (К85) и Юго-западный край России (Ю15).

### III. Пензенский край в хмыровской коллекции

Том. 1.

1. Т.1. – № 1.1. – (Лист 1-2об.) Общий вывод из метеорологических наблюдений, произведенные в г. Пензе за 1863 г. (статьи Д.И.Соколова) // Пензенские губернские ведомости (далее: ПГВ) (часть неофициальная). – 1864. – 5 февраля – № 6. – [Из текста: «В “Пензенских ведомостях” (1863, № 1) были помещены выводы из метеорологических наблюдений за прошедший 1862 год. Настоящая статья – за 1863 год составлена по той же системе с целью облегчить труд ученых специалистов»].

2. Т.1. – № 1.2 – (Лист 3-4об.) Общий вывод из метеорологических наблюдений, произведенные в г. Пензе за 1863 г. (окончание// ПГВ. (часть неофициальная). – 1864. – 19 февраля – № 8.

3. Т.1. – № 2. – (Лист 5-5об.) Ведомость о сухопутной подвозке к пристаням Пензенской губернии за 1864 год // ПГВ. – 1864. – № 4. – [Представлены сведения о следующих пристанях: Пензенская, Безсоновская, Вазерская, Проказнинская, Кутлинская, Александровская, Чирковская].

4. Т.1. – № 3.1. – (Лист 6). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1825. – № 51. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1825 год. Родилось: мужского пола – 43414, женского пола – 39140, всего – 82554; браков – 18115; умерло: мужского пола 18200, женского пола – 17623, всего – 35823; родилось больше чем умерло на 4658 человек].

5. Т.1.–№ 3.2.–(Лист 7). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1834. – № 22. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1833 год. Родилось: мужского пола – 21966, женского пола – 19983, всего – 41951; браков – 7782; умерло: мужского пола 17200, женского пола – 17641, всего – 34841; родилось больше чем умерло на 7140 человек].

6. Т.1. – № 3.3. – (Лист 8). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1835. – № 25. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1834 год. Родилось: мужского пола – 21723, женского пола – 20135, всего – 41858; браков – 8145; умерло: мужского пола 12908, женского пола – 12773, всего – 35681; родилось больше чем умерло на 16177 человек].

<sup>1</sup> Алфавитно-тематический список газетных и журнальных вырезок Хмыровской коллекции (1755–1865 гг.). (Место хранения: Отдел периодики Государственной публичной исторической библиотека России).

7. Т.1. – № 3.4. – (Лист 9). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1837. – № 24. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1836 год. Родилось: мужского пола – 27005, женского пола – 24738, всего – 51745; браков – 9229; умерло: мужского пола 14011, женского пола – 13242, всего – 27260; родилось больше чем умерло на 24484 человек].

8. Т.1. – № 3.5.– (Лист 10). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1838. – № 19. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1837 год. Родилось: мужского пола – 25575, женского пола – 23681, всего – 49254; браков – 9303; умерло: мужского пола 14308, женского пола – 14088, всего – 28396; родилось больше чем умерло на 20858 человек].

9. Т.1. – № 3.6.– (Лист 11). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1833. – № 15. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1832 год. Родилось: мужского пола – 22199, женского пола – 19756, всего – 41955; браков – 8309; умерло: мужского пола 15648, женского пола – 15248, всего – 30896; родилось больше чем умерло на 11059 человек].

10. Т.1. – № 4.1.– (Лист 12). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1841. – № 25. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1840 год. Родилось: мужского пола – 20681, женского пола – 19134, всего – 39813; браков – 8874; умерло: мужского пола 17554, женского пола – 18193, всего – 33749; родилось больше чем умерло на 4066 человек].

11. Т.1. – № 4.2.– (Лист 13). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1842. – № 23. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1841 год. Родилось: мужского пола – 25770, женского пола – 24385, всего – 50155; браков – 10657; умерло: мужского пола 20657, женского пола – 21116, всего – 41773; родилось больше чем умерло на 8382 человек].

12. Т.1. – № 4.3. – (Лист 14). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1843. – № 38. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1842 год. Родилось: мужского пола – 21309, женского пола – 20120, всего – 41429; браков – 10689; умерло: мужского пола 22801, женского пола – 23865, всего – 46666; умерло больше чем родилось на 5237 человек].

13. Т.1. – № 4.4.– (Лист 15). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1844. – № 27. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1843 год. Родилось: мужского пола – 24154, женского пола – 23182, всего – 47336; браков – 11196; умерло: мужского пола 20530, женского пола – 20380, всего – 40910; родилось больше чем умерло на 6426 человек].

14. Т.1. – № 4.5. – (Лист 16). [Из] Пензы // Московские ведомости. – 1845. – № 40. – [Представлены демографические сведения по Пензенской епархии на 1844 год. Родилось: мужского пола – 26203, женского пола – 24451, всего – 50654; браков – 10912; умерло: мужского пола 15805, женского пола – 15250, всего – 31055; родилось больше чем умерло на 19599 человек].

15. Т.1.– № 5.1.– (Лист 17об.). «В будущем (1866 году) исполняется...»: [со слов] // ПГВ. – 1865. – № 33. – С. 190. – [Из текста: «В будущем (1866 году исполнится двухсотлетие существования нашего губернского города. Пензенский комитет предлагает издать к этому времени второй выпуск памятной книги, в котором желал бы соединить по возможности, все, что относится к прошедшей и настоящей жизни как губернского города так и уездов. Со своей стороны он примет все меры, чтобы сделать это издание наиболее полезным и доступным для публики. Желательно, чтобы в нем приняли участие лица, которым близко все, относящиеся к пользе той среды, где они поставлены Правительством, доверием общества, или обстоятельствами жизни...»].

16. Т.1. – № 5.2. – (Лист 17об.-18). Ведомость о родившихся, умерших, браков и богослужебных заведений в Пензенской губернии за 1864 год // ПГВ. – 1865. – № 33. – С. 190-191. – [Представлены следующие сведения за 1864 год. «Родились законно и незаконно»: мужского пола – 31509, женского пола – 30646, всего – 62155; «умерших всех возрастов»: мужского пола 25930, женского пола – 27309, всего – 53239; браков – 13610; богослужебных заведений:

церквей каменных – 333, церквей деревянных – 404; монастырей каменных 12, монастырей деревянных – нет].

17. Т.1. – № 6.1. – (Лист 19-22). Ведомость о ценах утвержденных на провиант, фураж и другие предметы по Пензенской губернии на декабрь 1864 год // [Приложение] «к № 9 Пензенских губернских ведомостей 1864 г.».

18. Т.1. – № 6.2. – (Лист 22об.). Цены на хлеб и сено по Пензенской губернии по 1-е февраля 1864 года // Приложение «к № 9 Пензенских губернских ведомостей 1864 г.».

19. Т.1. – № 6.3. – (Лист 23). Цены на хлеб и сено по Пензенской губернии по 1-е марта 1864 года // ПГВ. – 1864. – № 13.

20. Т.1. – № 6.4. – (Лист 24-27). Ведомость о ценах утвержденных на провиант, фураж и другие предметы по Пензенской губернии на февраль 1864 года // [Приложение] «к № 14-му Пензенских губернских ведомостей 1864 г.».

21. Т.1. – № 6.5. – (Лист 27об.). Цены на хлеб и сено по Пензенской губернии по 15 марта 1864 года // [Приложение] «к № 14-му Пензенских губернских ведомостей 1864 г.».

22. Т.1. – № 7.1. – (Лист 28-31). Ведомость о ценах утвержденных на провиант, фураж и другие предметы по Пензенской губернии на декабрь 1865 года // ПГВ. – 1866. – № 1. – [Примечание: название издание, год и номер подписан рукой М.Д.Хмырова].

23. Т.1. – № 7.2. – (Лист 32-34). Ведомость о ценах утвержденных на провиант, фураж и другие предметы по Пензенской губернии на январь 1866 года // [Приложение] «к № 7 Пензенских губернских ведомостей 1865 г.».

24. Т.1. – № 7.3. – (Лист 35-38). Ведомость о ценах утвержденных на провиант, фураж и другие предметы по Пензенской губернии на апрель 1866 года // [Приложение] «к № 19-му Пензенских губернских ведомостей 1866 г.».

25. Т.1.–№ 8.– (Лист 39-40). (Прозин Н.). Город Краснослободск и Краснослободский уезд // ПГВ (часть неофициальная). – 1865. – 4 августа. – № 31. – С. 177-180.

26. Т.1. – № 9. – (Лист 41-49). Блюменталь Ю. (Пенза, 4 марта 1863 г.). Лесная дача государственных крестьян деревни Усть-Инзы и кое-что по поводу этой дачи // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1863. – Июнь. – С. 225-242.

27. Т.1. – № 10.1. – (Лист 50-51). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 29 декабря 1865 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1865. – 29 декабря. – № 52. – С. 343.

28. Т.1. – № 10.2. – (Лист 50об.-51об.). Исторический документ // ПГВ (часть неофициальная). – 1865. – 29 декабря – № 52. – С. 344-346. – [Из начала текста: «Мы хотим познать наших читателей с одним из исторических документов, относящихся до города Пенза, во время царствования ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-го. Документ этот есть опись тогдашняго города Пензы, составленная по Указу Государя стольником и воеводою Иваном Яковлевичем Сафоновым, при сдаче города другому уполномоченному лицу, Тимофею Савельевичу Степанову. Рукопись написана крайне неразборчиво на длинном бумажном свертке, который по краям в некоторых местах не сохранил целости вследствие разрушающего влияния времени. Титлы, поставленные над некоторыми словами затрудняют возможность разбирать эти последствия...[текст документа начинается словами] “Лета от Рождества Христова 1701 июня 25...”»].

29. Т.1. – № 11. – (Лист 52-61). Сабуров Ив. (Санкт-Петербург, 17 февраля 1848 года). Успешный опыт лесоводства (в разделе «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще») // Отечественные записки. – 1848. – Март. – 1-20. – [Примечание. После названия статьи звездочкой (\*) помечено и внизу сделана сноска: «Продолжение “Записок Пензенского земледельца о теории и практики сельского хозяйства”, напечатанных в “Отечественных записках” 1842, 1843 и 1844 годах (тома XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXVI)»].

30. Т.1. – № 12. – (Лист 62-68). Об условиях пользования сельскохозяйственными угодьями в Пензенской губернии (Доставлено от помощника председателя губернского статистического комитета) (в разделе «Занятия арендной комиссии. Материалы в оную поступившие») // Труды Вольного Экономического общества. – 1865. – Том. 3. – Вып. 3. – С. 228-239.

31. Т.1. – № 13. – (Лист 69-72). Ратищев Н. Геогностические заметки о составе земной поверхности Пензенской губернии // ПГВ (часть неофициальная). – 1859. – № 3. – С. 12-18. –

[Примечание. В конце статьи указано: 1) «Продолжение впрод»; 2) «Печать позволяется. Пенза. 21-го января 1859 года. За Цензора инспектор института А.Тимофеев»].

32. Т.1. – № 14. – (Лист 73-74). 1. Метеорологические нарядные заметки и поверья в Пензенской губернии // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. – 1856. – С. 9-12. – [Примечание. Внизу статьи рукой М.Д.Хмырова подписано: «То же Тр. В. эк. Об. 1855, апр. – Мос. губ. вед. 1855, № 42»].

33. Т.1. – № 15.1. – (Лист 75). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 4 мая 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 4 мая. – № 18.

34. Т.1. – № 15.2. – (Лист 75об.). Прозин Н. Заметки о нашем судоходстве (окончание) // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 4 мая. – № 18.

35. Т.1. – № 16. – (Лист 76-85). Сабуров Ив (действительный член). Заметки о хозяйстве в южной части Пензенской губернии (в разделе «Хозяйств. Промышленность») // Труды Вольного экономического общества. – 1854. – Том III. – Отд. II. – С. 213-231. – [Примечание. Лист 85 переписан из Трудов Вольного экономического общества сот страницы 231 рукой М.Д.Хмырова].

36. Т.1. – № 17. – (Лист 86-93). А.Ж. (3 марта 1860 года. С.-Петербург). Пояснительная записка, представленная при описании имения г. Саранскому предводителю дворянства Д.Э. Чарыкову (14 июня 1858 г. Москва) // Приложение к Журналу Земл. № 7. – [Примечание. Рукой М.Д.Хмырова написано «1859, № 24»].

37. Т.1. – № 18. – (Лист 94-95). Морозов П. Сельское хозяйство. Хозяйственно-метеорологические заметки под климат Пензенской губернии и определение закона по которому убывает и возрастает теплота. – [Примечание: Рукой М.Д.Хмырова вверху статьи помечено Мскв, 1848, № 8; внизу – Журнал министерства государственного имущества, 1848, окт.]. – С. 114-116.

38. Т.1. – № 19. – (Лист 96). «Извлечение из официально гражданского отчета за 1865 год Пензенской лечебницы для приходящих больных бедных, предоставленного медицинскому департаменту Министерства внутренних дел...»: [со слов] // ПГВ. – 1865. – № 52. – С. 348-349. – [Примечание. В конце текста указано: «Перепечатано из газеты “Саратовский справочный листок”, № 264»].

39. Т.1. – № 20. – (Лист 97). Извлечение из Устава Пензенского дворянского института // Московские ведомости. – 1843. – № 99. – С. 1-2.

40. Т.1. – № 21. – (Лист 98). (Сев. Пч.). Известия по крестьянскому делу // Русский мир (газета политическая, общественная и литературная). – СПб. – 1861. – 7 июня. – № 43. – С. 1-2. – [Из текста: «Высочайший манифест о даровании крепостным людям прав свободных сельских обывателей, объявленный в городе Пензе 12-го минувшего марта и в этот же день разосланный по уездам, был встречен в Пензенской губернии первое время спокойно. Но вскоре возникли в разных имениях, при отправлении издельной повинности недоразумения и затруднения, превратившиеся в трех уездах: Городничевском, Чембарском и Керенском в неповиновение»].

41. Т.1. – № 22. – (Лист 99-100). Киевский М.С. Источники для изучения Пензенского края (\*) // ПГВ (часть неофициальная). – 1864 – 1 апреля. – № 14. – С. 83-86. – [Примечание. Внизу статьи под звездочкой (\*) указано: «Из памятной книжки Пензенской губернии на 1864 год. помещая эту статью в газете, редакция желает познакомить читателей с содержанием книги и вместе сообщить перечень научных пособий тем, которые захотели бы заняться описанием здешняго края»].

42. Т.1. – № 23. – (Лист 101об.-102). Конокрадство в Пензенской губернии (в разделе «Смесь») // Журнал коннозаводства и охоты. – 1862. – № 8. – С. 133-135. – [Примечание: часть материала повторяется в статье № 43].

43. Т.1. – № 24. – (Лист 103). (Сев. Почта). Кнокрадство в Пензенской губернии // Московские ведомости. – 1862. – № 135. – [Текст приведен полностью: «Конокрадство в Пензенской губернии. В 1859 году было 217 случаев конокрадства, украдено лошадей 359; в 62 случаях обличены в конокрадстве 120 человек; притом открыта шайка конокрадов из 17 человек Инсарскаго уезда, в селах Томкове и Шуварах и деревни Поляках; возвращено лошадей 78. В 1860 году случаев конокрадства было 289, украдено лошадей 419, обнаружено 63 случая,

в которых замешено 95 человек; открыта шайка конокрадов Инсарского уезда, в селах Исе и Костылях, из 4 человек, возвращено лошадей 108. В 1861 году случаев конокрадства 243, украдено лошадей 360, возвращено 129 (Сев. Почта)»].

44. Т.1. – № 25. – (Лист 104-105). Безобразов (секретарь). Политико-экономический комитет при Императорском русском географическом обществе. Собрание 22 марта 1861 г. (окончание речи г. Попова) // Век (журнал общественный, политический и литературный). – 1861. – 31 мая. – № 21. – С. 1-4. – [Примечание. Материал посвящен Сибири и к Пензенской губернии отношения не имеет].

45. Т.1. – № 26. – (Лист 106). Допотопные кости // Санкт-Петербургские ведомости. – 1864. – № 228. – [Из начала текста: «Допотопные кости. Г. Диатронтов пишет в “Пензенских губ. ведомостях”: Пензенского уезда с. Рамзая, священник Николай Петропавловский, 29-го сентября, принес в “лечебницу” осколок бедренной кости, принадлежащий библейскому четвероногому животному. Осколок весил 12 фунтов. По словам отца Николая, он был найден в овраге, лежащей близ дороги, ведущей от с. Смагина в Вяля Саранского уезда...»].

46. Т.1. – № 27. – (Лист 107-109). Рудзский Александр (23 мая. Лесное). Чернышевский лес графа Уварова // Сельское хозяйство и лесоводство (СПб). – 1869. – Май. – С. 27-31. – [Об Чембарском уезде].

47. Т.1. – № 28. – (Лист 110-116). Масловский К. (священник). Быт, обряды и поверье мясниц Пензенской губернии Керенского уезда // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – 1859. – № 11. – С. 111-124.

48. Т.1. – № 29.1. – (Лист 117). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 18 февраля 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 18 февраля. – № 7. – С. 53-57.

49. Т.1. – № 29.2. – (Лист 117об.-119об.). Розенталь (д-р). Материалы для исследований вопроса о причинах частого страдания каменной болезнью в Пензенской губернии (извлечение из медицинского отчета по Пензенской больницы за 1865 г.) // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 18 февраля. – № 7. – С. 52.

50. Т.1. – № 30.1. – (Лист 120). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 18 мая 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 18 мая. – № 20. – С. 166.

51. Т.1. – № 30.2. – (Лист 120об.-121об.). Материалы для статистики фабрик и заводов в Пензенской губернии (\*) // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 18 мая. – № 20. – С. 167-168. – [Примечание: 1) Звездочкой (\*) помечено и указано: «Сведения извлечены из официальных источников»; 2) Представлена информация по следующим местам: г. Пенза (суконная фабрика – 1; писчебумажная фабрика – 1; кожевенных заводов – 3; воскобойный завод – 1; чугунно-плавильных заводов – 3; колокольный завод – 1; мыловаренных заводов – 4; медопивоваренных заводов – 3; водочных заводов – 4; лесопильное заведение – 1); Пензенский уезд (суконная фабрика – 1); Саранский уезд (суконных фабрик (действующих) – 1 в селе Смолькове; песочно-сахарных заводов – 1; кожевенных заводов – 9; поташных заводов – 3; воскобойных заводов – 1; воскосвечных заведений – 2; салотопленных заведений – 4; салосвечных заводов – 1); Инсарский уезд (суконных фабрик – 1; сахарных заводов – 2)].

52. Т.1. – № 31. – (Лист 121). «XIII. Высочайше-утвержденное мнение Государственного совета об учреждении при Пензенской гимназии пансиона...»: [со слов] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1867(?). – № 202.

53. Т.1. – № 32.1. – (Лист 123). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 5 января 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 5 января. – № 1. – С. 2.

54. Т.1. – № 32.2. – (Лист 123об.). Метеорологические наблюдения производимые в г. Пензе доктором А. В. Холмским в 1865 году // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 5 января. – № 1. – С. 2. – [Примечание: приведены данные: декабрь 1864 года, январь 1865 года].

55. Т.1. – № 32.3. – (Лист 124). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 12 января 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 12 января. – № 2. – С. 8.

56. Т.1. – № 32.4. – (Лист 124об.-126об.). Метеорологические наблюдения производимые в г. Пензе доктором А. В. Холмским в 1865 году (окончание) // ПГВ (часть неофициальная).



ная). – 1866. – 12 января. – № 2. – С. 9-13. – [Примечание: 1) приведены данные: июль–ноябрь 1865 года; 2) Средняя температура 1865 года и времен была следующая: зима – 8,3<sup>0</sup>; весна +2,8<sup>0</sup>; лето +14,1<sup>0</sup>; осень +1,48<sup>0</sup>; 1865 +2,5<sup>0</sup>].

57. Т.1. – № 32.5. – (*Лист 127об.-128об*). Ведомость о происшествиях в Пензенской губернии за последнюю половину декабря 1865 года // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 12 января. – № 2. – С. 14-15. – [Приведены данные, в том числе: число: пожары, повальные болезни, смертные случаи, найденные мертвые тела, убийство].

58. Т.1. – № 32.6. – (*Лист 128об*). Холмский [председатель общества], Диатроптов [секретарь общества]. Отчет пензенской лечебницы для приходящих больных, за декабрь месяц // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 12 января. – № 2. – С. 15.

59. Т.1. – № 32.7. – (*Лист 129*). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 9 февраля 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 9 февраля. – № 6.

60. Т.1. – № 32.8. – (*Лист 130*). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 22 марта 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 22 марта. – № 12.

61. Т.1. – № 33. – (*Лист 131-144*). Баум [коллежский ассессор]. Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России // Приложение к № 7 журнала «Сельское хозяйство» 1861 года. – С. 1-27. – [Статья включает следующие разделы: Историческо-технический обзор Пензенского училища садоводства, со времени его основания по 1860-й год. – С. 1-20 (*Лист 131-140об.*); Ведомость об отпуске садовых произведений Пензенского училища садоводства за деньги, со времени его основания по 1854 год. – С. 21-24 (*Лист 141-142об.*); Ведомость о состоянии Пензенского училища садоводства, о продаже и безденежной раздаче садовых его произведений за последнее шестилетие, т.е. с 1854 по 1859 год включительно. – С. 25-27 (*Лист 143-145*)].

62. Т.1. – № 34. – (*Лист 145-151*). Морозов П. Т. Обзорение Пензенской губернии в отношении к сельскому хозяйству и промышленности // Сельское хозяйство. – 1860. – № 12. – С. 223-226. – [Статья включает следующие разделы: «Почва и подпочва»; «Хлебопашество и огородничество»; «Луга»; «Садоводство»; «Масличные растения»; «Лесоводство»; «Скотоводство»; «Промышленность»; «Судоходство»; «Система хлебопашества и способы возделывания земли»; «Удобрение»; «Неудачность предприятий для усовершенствования сельского хозяйства»; «Недостатки в работниках»; «Потравы и порубки»; «Административные меры, которые могут служить для пользы сельского хозяйства»].

63. Т.1. – № 35. – (*Лист 152-161*). Хозяйственно-статистическое обозрение Пензенской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1860. – Февраль. – С. 90-107.

64. Т.1. – № 36. – (*Лист 162*). [Об открытии с 14 по 26 сентября 1844 г. в г. Наровчат Воздвиженской ярмарки] // Московские ведомости. – 1844. – № 103. – [Из начала текста: «Пензенской губернии, в городе Наровчат, по согласию общества купцов, мещан, цеховых и утверждением Правительства, открыта ярмарка с 14 по 26-е число сентября, под названием Воздвиженская, так как в это время производится в Наровчате значительная продажа льняного и коноплянного семени, разного хлеба и других произведений»].

65. Т.1. – № 37. – (*Лист 163-166об.*). Чарыков Николай (мая 21-го дня, 1858 года, г. Пенза). Об улучшении быта помещичьих крестьян в Пензенской губернии // Журнал землевладельцев (Москва). – 1858. – № 7. – С. 121-127.

66. Т.1. – № 38. – (*Лист 167*). «Удельный крестьянин Андрей Ерофеев...»: [со слов] // Голос (СПб). – 1867. – № 96. – [Текст приведен полностью: «Удельный крестьянин Андрей Ерофеев, снимающий в Сызранском уезде несколько мельниц, устроил в деревне Андреевском поселке конский завод, завел в большом количестве рогатый скот и для обработки хлеба приобрел паровую молотильную машину, с локомотивом в 6 сил, в 300 р., за покупкою которой он сам, вместе с отцом, ездил в Москву. Рассказывают – прибавляет местная газета – что Бутенов, известный фабрикант сельскохозяйственных машин, у которого этот крестьянин купил молотильную машину, был приятно изумлен, видя простых русских крестьян, покупающих локомотив и паровую молотильную машину»].

67. Т.1. – № 39.1.(Лист 168). Об устройстве поземельного заемного банка в Пензенской губернии (в разделе «Объявление»)// ПГВ. – 1866. – [Примечание: № 6 или № 7, не разборчиво написано, рукой М. Д. Хмырова, т.к. чернила расплылись].

68. Т.1. – № 39.2.(Лист 168об). О торгах и порядках по Пензенской губернии (в разделе «Объявление»)// ПГВ. – 1866. – [Примечание: № 6 или № 7, не разборчиво написано, рукой М.Д.Хмырова, т.к. чернила расплылись].

69. Т.1. – № 40.1.(Лист 169). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 16 марта 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 16 марта. – № 11. – С. 101.

70. Т.1. – № 40.2.(Лист 169об.-170). Прозин Н. Город Пенза // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 16 марта. – № 11. – С. 102-103. – [Примечание: 1) В статье приведены сведения об образовании, местной культуре, библиотечном деле и двух типографиях; 2) сообщается, сто библиотека была основана 20 декабря 1837 года; 3) Из текста, со стр. 103(Лист 170): «Частная библиотека г. Виноградова, которая была открыта для публики, хотя и не за дешевую цену, сняла свою вывеску в настоящее время. Кажется, дело этой библиотеки в самом начале не имело успеха по малому числу требований. В библиотеке Виноградова находится много новейших изданий; целый шкаф занят французскими книгами. Там же можно было получить большую часть газет и журналов»].

71. Т.1. – № 41.(Лист 171-175). [Об учреждении в Чембаре, при уездном училище пансиона для детей из бедных дворян Пензенской губернии] // Журнал Министерства внутренних дел. – 1838. – Февраль. – С. 59-68.

72. Т.1. – № 42.1.(Лист 176-177). Свадебные обычаи и песни у крестьян Саранского уезда (Из записок г. Абр. Р-ва) (продолжение следует) // ПГВ (часть неофициальная). – 1864. – 22 апреля. – № 17. – С. 101-103.

73. Т.1. – № 42.2.(Лист 178-179об.). Свадебные обряды и песни у крестьян Саранского уезда (Из записок г. Абр. Р-ва) (продолжение) // ПГВ (часть неофициальная). – 1864. – 29 апреля. – № 18. – С. 105-108.

73. Т.1. – № 43.1(Лист 180). [Объявление от Керенского уездной управы о проведении 2 октября 1867 года торгов] // ПГВ. – 1867. – № 42. – [Примечание: приведено объявление от Керенской уездной управы о проведении 2 октября 1867 года торгов: «на наружную и внутреннюю поправку каменного здания Керенской городской больницы»; «на выстройку новой деревянной бани при Керенской городской больницы»; «мостовое сооружение а) через реку Вад в г. Керенск, б) по Чембарскому тракту при въезде в с. Кашаевку мост, в) мост при выезде из села Кашаевки, г) мост по Моршанскому тракту на 11 версте от села Инжоры мост; «ремонтное содержание всех гатей по Моршанскому и Чембарскому трактам»; «Ремонтное содержание мостов по означенным трактам»; «поставку верстовых столбов по тем же трактам»; «содержание лошадей в Керенском уезде для разъездов чинов полицейского управления и прочих должностных лиц»].

74. Т.1. – № 43.2 (Лист 180). Ведомость о числе станционных пунктов с показанием числа лошадей // ПГВ. – 1867. – № 42. – [Приведены следующие станции с числом лошадей, в том числе в: городе Керенске – 9; селе Каргалеях – 4; селе Рахманке – 7; селе Кашкаевке – 6; селе Черкасском – 6; селе Малом Буртасе – 4; селе Большом Буртасе – 4; селе Большом Ижморе – 5; селе Котле – 4; селе Сорокине – 4; селе Выборном – 4; селе Шелдоисе, Ламбуре тож – 4; селе Большом Луке – 4; деревне Польской Крутовке – 4; всего: 69].

75. Т.1. – № 44 (Лист 181). [Объявление от Пензенского уездного суда...]// Саратовские губернские ведомости. – 1866. – № 38. – [Представлено объявление «от Пензенского уездного суда о том, что 27 мая 1866 года назначаются торги на продажу медной заводской посуды находящейся на винокуренном заводе надворной советницы Алевтины Петровны Быстровой, состоящей в Пензенском уезде, в селе Каменке...»]

76. Т.1. – № 45 (Лист 182). Об устройстве поземельного банка в Пензенской губернии // ПГВ. – 1866. – № 7.

77. Т.1. – № 46 (Лист 183). «От Пензенского государственного банка отделение объявляется...»: [со слов] // ПГВ. – 1866. – № 19. – [Из начала текста: «От Пензенского Государственного банка отделения объявляется, что в оном за неплатеж в срок с капитала и процентов по займу коллежского ассессора Николая Григорьевича Анисимова из Пензенского приказа

общественного призрения 10 декабря 1857 года, на 28 лет 1750 руб., будет продаваться с аукционного торга имение Анисимова, доставшееся по наследству жене коллежского асессора Наталье Григорьевне Черниевской и жене поручика Елизавете Дмитриене Лизуновой, состоящее Пензенской губернии, Чембарском уезде, в селе Тархове...»]

78. Т.1. – № 47 (*Лист 184*). «Пензенская палата государственных имуществ сим объявляет...»: [со слов] // ПГВ. – 1866. – № 1. – [Из начала текста: «Пензенская палата государственных сим объявляет, что 8 числа января 1866 г. в Малоазислм волостном правлении назначены торги, с переторжкой через три дня, на отдачу в оброчное содержание с 1866 года Рыбкинских железных рудокопен состоящих при селе Ефаеве...»].

79. Т.1. – № 48 (*Лист 185*). «Пензенской губернии, от Наравчатовского уездного суда объявляется...»: [со слов] // Тамбовские губернские ведомости. – 1866. – № 22. – [Из начала текста: «Пензенской губернии, от Наравчатовского уездного суда объявляется, что по определению сего суда, состоявшемся 23 марта сего года назначен на продажу деревянный дом, с разными строениями, усадебным местом и плодovitным садом, состоящий Наравчатовского уезда, в селе Зубове, принадлежащий отставному юнкеру Аркадию Алексеевичу Колунчакову<sup>1</sup> за неплатеж им различным лицам денег...»].

80. Т.1. – № 49 (*Лист 186*). «Пензенское губернское правление объявляет, что в оном, 23 января 1867 будет продаваться...»: [со слов] // Тамбовские губернские ведомости. – 1866. – № 41. – [Из начала текста: «Пензенское губернское правление объявляет, что в оном, 23 января 1867 будет продаваться с публичных торгов недвижимое имение, принадлежащее поручику Владимиру Ивановичу Никифорову, состоящее Пензенской губернии, Саранского уезда, 1 стана, с селе Апполоновка, Матвеевка тож...»].

81. Т.1. – № 50 (*Лист 187*). Баун [заведующий Пензенским училищем садоводства, надворный советник]. Объявление пензенского училища садоводства // ПГВ. – 1864. – [Номер и дата не указана]. – С. 87. – [Примечания: 1) Так как у М. Д. Хмырова № и дата выхода газеты не помечены, то приводим следующее информация: «Дозволено цензурою. Пенза, 1 апреля 1864 года»; 2) Текст приведен полностью: «Пензенское уездное училище садоводства заботясь, согласно целям министерства, о повсеместном распространении садоводства, объявляет сим, по примеру прежних лет, о продаже своих садовых произведений: 1) семян огородных, цветочных и всех потребных в садоводстве; 2) растений оранжерейных, тепличных и грунтовых, а равно деревьев и кустарников фруктовых и для украшения служащих. Подробное наименование всех вообще садовых произведений, с означением им цен, в особых объявлениях, желающие могут получить из училища бесплатно. Заведующий Пензенским училищем садоводства, надворный советник Баум»].

82. Т.1. – № 51 (*Лист 188*). «Пензенское губернское правление сим объявляет, что в оном, по представлению Саранского уездного полицейского управления...»: [со слов] // ПГВ. – 1864. – № 36. – [Из начала текста: «Пензенское губернское правление сим объявляет, что в оном, по представлению Саранского уездного полицейского управления, за неплатеж коллежским асессором, Григорием Ивановичем Затмиловым, по запродаженной записи жене поручика Надежды Ивановны Зариной 2000 р. и жене дворянина Натальи Ильиной Бонг по сохранной росписи 720 руб., будет продаваться с публичного торга, на срок 19 января 1867 года, с переторжкой через 3 дня, принадлежащие г. Затмилову 74 дес. Пахотной земли, состоящей 1-го стана, Саранского уезда при деревне Романовке...»].

83. Т.1. – № 52 (*Лист 189*). «3. Пензенской губернии, Городищенский уездный суд объявляет...»: [со слов] // Саратовские губернские ведомости. – 1866. – № 19. – [Из начала текста: «3. Пензенское губернии, Городищенский уездный суд объявляет, что вследствие указа Пензенского губернского правления от 25 июня за 6445, уездным судом назначена в продаже с вторых аукционных торгов, на покрытие числящегося на капитан-лейтенанте Константине Николаевиче Савинском долге казне по поставке в разные губернии вина всего 36897 руб. 69 коп., медная винокуренная посуда, находящаяся в Павловском винокуренном заводе его г.

<sup>1</sup> «Колунчакова Любовь Алексеевна (1838-1910) Мать Куприна А. И. Жила с сыном во Вдовьем доме в Москве. Колунчаков Аркадий Алексеевич (?-?) Дядя Куприна А. И. Получил в наследство имение Зубово, ушедшее в скором времени за долги. Вел разгульный образ жизни – умер в приюте». См.: <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=6349>

Савинского, состоящем Пензенской губернии, Городищенского уезда, в 1 стане при селе Павловском, Куракино тож, описана Городищенским полицейским управлением...»].

84. Т.1. – № 53 (*Лист 190*). «От Пензенского уездного суда объявляется, что в сем суде назначены на 4 июля 1866 года...»: [со слов] // Тамбовские губернские ведомости. – 1866. – № 10. – [Из начала текста: «От Пензенского уездного суда объявляется, что в сем суде назначены на 4 июля 1866 года на продажу земли в количестве 75 десятин, принадлежащих титулярному советнику Валериану Семенову Кузьмину, земля эта состоит Пензенской губернии, в 1 стане при селе Кропотов, Степной Шелдаис тож...»].

85. Т.1. – № 54 (*Лист 191об.-193об.*). О временном закрытии Пензенского дворянского института // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – [Месяц неразборчиво]. – С. 522-526.

86. Т.1. – № 55 (*Лист 194*). «1866 года, января 5 дня, в Пензенскую палату гражданского суда...»: [со слов] // ПГВ. – 1866. – № 27. – [Из начала текста: «1866 года, января 5 дня, в Пензенскую палату гражданского суда от коллежского секретаря Ивана Николаева Кошкарова, явлено духовное завещание, засвидетельственное в одной же палате 3 января 1863 г, данное ему покойной бабкою его Ольгою Васильвою Кошкаровой, на имаение Городищенского уезда, в даче называемой Савалейской и Мошканского уезда, в селе Широки и деревнях: Сытинке и Пелетьме. Имение это заключается в крестьянах, земле разных угодий и движимости, всего на сумму 60134 руб. сер[ебром]»].

87. Т.1. – № 56 (*Лист 195*). «Пенза. 14-го июня сего года заложено каменное здание Дворянского Института...»: [со слов] // Московские ведомости. – 1848. – № 94. – [Текст приведен полностью: «Пенза. 14-го июня сего года заложено каменное здание Дворянского Института в Пензе, иждивением дворянства, по проекту, составленному в Главном Управлении Путей сообщений и Публичных зданий. Фундамент здания будет толщиною до цоколя в 2 аршина; длина всего корпуса 38 сажень 2 аршина, ширина 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> сажень, вышина от поверхности земли до крыши 7<sup>1</sup>/<sub>2</sub> сажень. Дом, кроме подвального, будет заключать в себе три этажа; в верхних лицевого фасада по 19-ти окон, в нижнем 18, и передняя дверь в середине здания. Производителем работ назначен архитектор Казанского учебного округа Гесс»].

88. Т.1. – № 57 (*Лист 196об*). Г-цкий (7 ноября) Из Пензы // [Название газеты М. Д. Хмыров не указал]. – 1861. – № 8. – [Критическая статья из Пензы в одной из газет Санкт-Петербурга (или Москвы) в начале ее читаем: «Из Пензы. Наш родной город до сих пор не знает мостовых, вследствие чего мы в ненастную погоду буквально ходишь по колено в грязи. Но это еще не все; мы даже потеряли надежду иметь в нашем городе что-нибудь похожее на мостовую, потому что попытки прежних годов исправить наши улицы привели лишь к тому, что они делаются с каждым годом все грязнее и грязнее. Мудрено, ли, что мы недоверчиво качаем головой, когда нам говорят, что и в нашем родном городе будут современные мостовые? Нынешний год особенно посчастливился; с конца июля и до ноября месяц нас залили дожди; улицы превратились в сплошные тинистые болота; в некоторых местах нельзя было ни ходить, ни ездить. Стали ждать мороза, единственного нашего спасителя от грязи; дождались наконец и мороза (в ночь с 31-го октября на 1-е ноября). Из огня да прямо в пламя! Спасительный мороз за одну ночь преобразил тинистые болота в твердую, как камень, и кочковатую поверхность, по которой опять нельзя ни ездить, не ходить! Положим, что кое-как ходить, но чего это стоит бедным ногам пешеходов, изнеженных трехмесячною мягкою грязью! Одним словом, наш город в этом отношении находится в первобытнообщинном состоянии. Тем не менее на домовладельцах наших лежит обязанность время от времени исправлять улицы. Это знает полиция, знают и домовладельцы, хотя и можно усомниться, чтобы кто-либо из них мог определенно сказать, что должно разуметь под исправлением наших неисправленных улиц...»].

89. Т.1. – № 58 (*Лист 197*). «Краснослободский корреспондент “Русских ведомостей” сообщает...»: [со слов] // Вечерняя газета (СПб). – 1866. – № 96. – [Текст приведен полностью: «Краснослободский корреспондент “Русский ведомостей” сообщает следующую замечательную черту местных нравов: На днях я получил из одного подгородного села письмо, в котором сообщается мне следующее: пять человек обывателей, в середине поста, пришли в питейный дом, и по каким-то сделкам выпили штоф водки. Известно, что русский мужик, если выпьет немного, то подавай ему еще по пословице: душа меру знает. Чтобы не утруждать себя раз-

счетами с сидельцем и между собою, наши пять молодцов обратились к хозяину кабака с вопросом: сколько бы он взял с них, чтобы напоить допьяна, донельзя? Хозяин, подумав, согласился взять с каждого по 15 коп. сер[ебром], разчитывая, что пять человек не выпьют четверти водки, стоящую 68 коп. и он останется в барышах. Торг был сложен и договорено пить водку стаканами, поочередно, обнося и потчuya друг друга: закусывая черным хлебом, и после каждой выпивки не плевать. Началась попойка, и сиделец остался в убытке. Молодцы выпили без полштофа полведра<sup>1</sup>. Но попойка даром не прошла. Один из питухов к вечеру помер. Двое, после пособия сельских медикаментов: отвратительно рвотою, обливание холодной водою, биения палкою по пяткам, привешивание ногами вверх и встряхивания всего тела две недели проболели. Четвертый, менее всех пивший, болел два дня; а пятый, более всех упражнявшийся в попойках, на другой день похмелился, и выйдя из питейного завел обычную свою песню: «Выпьем по полной,/ Век наш не долгий/ Разорви тому живот,/ Кто не правдою живет». Хотите верить, хотите нет, а все рассказанное справедливо»].

90. Т.1. – № 59 (*Лист 198об.-201*). О находящемся, в окрестностях Пензы, казенном училище садоводства // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1849. – Январь. – С. 12-18. – [Из текста: «Пензенское казенное училище садоводства учреждено по именному Высочайшему повелению Государя Императора Александра Павловича. Во время путешествия по Юго-Восточной России, его Величество позволило заметить, что садоводство не находится там в положении, соответствующему климату и местным удобрениям, и что это несовершенство должно быть приписано недостатку сведущих садовников. Вследствие того, что представлен был от управляющего Министерством Внутренних Дел на Высочайшее усмотрение проект образования училища садоводства в губерниях Пензенской и Полтавской, на предложенных для того основаниях. Государь Император утвердив означенное предположение управляющего Министерством Внутренних Дел, 14 апреля 1820 года, Высочайше повелеть соизволил: немедленно приступить к образованию училищ. Во исполнение таковой Высочайшей воли, в том же году назначен был барон Маршал-Биберштейн для выбора в Пензенской губернии места для разведения училища садоводства. Это место было выбрано 12 сентября 1820 года; оно находится в трех верстах от города Пензы, на полугорье обращенной на юго-запад и под горою в плоском овраге, идущем от севера на юг к Сурской долине. К западу возвышение оврага плоское и овраг этот разделяется на две половины ручьем. Место, занимаемое садовыми школами, имеет до 43 десятин, из коих было 17 десятин пашня, 13 десятин пустаго кустарника...»].

91. Т.1. – № 60.1 (*Лист 202-221об.*). Описание врачебных растений Пензенской губернии, уездов Пензенскаго, Городищенскаго и Мокшанскаго составленное действительным членом А. Горизонтовым // Труды Вольного экономического общества. – 1858. – Апрель. – С. 59-98. – [Описание включает разделы: «Растения чашецветные», «Сем[ейство] бобовые», «Сем[ейство] розовые», «Сем[ейство] онагриковые», «Сем[ейство] деробенниковых», «Сем[ейство] крыжовниковых», «Сем[ейство] зонтичных», «Сем[ейство] валерьяновых», «Сем[ейство] сложноцветных», «Сем[ейство] ягодниковых»].

92. Т.1. – № 60.2 (*Лист 212об.-214*). Горизонтов А. [действительный член]. Наблюдения, произведенные в Пензе в 1855 году над некоторыми явлениями, зависящими от атмосферических влияний, в жизни животных и растений // Труды Вольного экономического общества. – 1858. – Апрель. – С. 80-83. – [Описание включает разделы: 1) Общие наблюдения с марта по ноябрь; 2) Наблюдение за растениями (пункты в таблице: «Название растений», «Эпоха появления листьев», «Эпоха цветения», «Эпоха созревания плодов», «Эпоха опадания листьев»); 3) Суточные наблюдения за одуванчиками].

93. Т.1. – № 60.3 (*Лист 214об.-217*). Горизонтов А. [действительный член]. Наблюдение над растениями и животными в 1856 году // Труды Вольного экономического общества. – 1858. – Апрель. – С. 84-89. – [Описание включает разделы: 1) Общие наблюдения; 2) Наблюдение за растениями (пункты в таблице: «Название растений», «Эпоха появления листьев»,

<sup>1</sup> Уточнение: 1 ведро (12, 299 литрам) = 4 четвери (3,0748 литрам) = 10 штофам (1,2299 литра). В тексте указано, что «выпили без полштофа полведра» или 5534,55 литра, а на человека пришлось 1106,91 литра.

«Эпоха цветения», «Эпоха созревания плодов», «Эпоха опадания листьев»; 3) Суточные наблюдения за одуванчиками; 4) Дополнение о разных растениях].

94. Т.1. – № 60.4 (*Лист 217-221об.*). Горизонтов А. [действительный член]. Описание лечебных растений Пензенской губернии, уездов Пензенского и Городищевского и Мокшанского // Труды Вольного экономического общества. – 1858. – Апрель. – С. 89-98. – [Описание включает разделы: «Сем[ейство] горечавковых», «Сем[ейство] губоцветных», «Сем[ейство] пасленовых», «Сем[ейство] норичниковых или личинко-цветных»].

Том. 2.

95(1). Т.2. – № 1 (*Лист 1об.-9*). Описание лечебных растений Пензенского, Городищевского и Мокшанского уездов Пензенской губернии. Составлено действ[ительным] членом Общ[ества] Сел[ьского] Хоз[яйства] Юго-восточной России А. Горизонтовым // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. – 1856. – С. 36-52. – [Описание включает разделы: «Предварительные сведения для незнакомых с ботаническими терминам», «Класс I растение двухсемядольные (в том числе: “Сем[ейство] лютиковых”, “Сем[ейство] крестоцветных”, “Сем[ейство] мальвовых”, “Сем[ейство] зверобойных”)].

96(2). Т.2. – № 2 (*Лист 10-11об.*). [Рецензия касательно пензенской губернии из текста «Первый отдел “Записок общества сельского хозяйства Юго-восточной России” оканчивается “статистическими описаниями Пензенской губернии”...»] (в разделе «Библиография») // Труды Вольного экономического общества. – 1857. – Апрель. – С. 15-18 (часть текста). – [Из текста (Стр. 17-18): «Что же касается изложения упомянутого “Описания”, оно заслуживает полное одобрение. Для примера, приведем характеристику Мордвы (написано с большой буква – прим. авт.). Мордвы первые поселившись в здешнем крае, и потому занимают лучшие и самые привольные места в уезде. В дачах, прилегающих к поселениям их, находятся превосходные пашенные земли, сочные луга, воды и леса в избытке. При столь благоприятных местных условиях и любви их к труду, мордвин пользуется жизнью, в которой видны признаки благосостояния и довольства. Это мирное племя отличается простотою нравов добродушием и гостеприимством; почтительность к старшим в семействе и крепость уз родственных между мордвами доказывается тем, что женатые дети почти никогда не отделяются от отцов, отчего мордовские семейства большею частью многочисленны. Нередко можно встретить стариков, или детей и внуков, живущих под одною кровлею в мире и согласии. Мордвин редко удаляется от родных; довольный средствами, его окружающими, он не ищет промыслов на чужбине. Во время, свободное от земледельческих работ, он занимается приготовлением лесных изделий, или плотничеством, а преимущественно распилюю леса. Он также способен и к пчеловодству; промышленность это у мордвы в довольно значительном размере; из числа пчельников, находящихся в уезде, большая половина принадлежит мордвам, хотя число их относительно к общему народонаселению, как 1 : 14<sup>1/2</sup>»].

97(3). Т.2. – № 3 (*Лист 12-13*). «171. Статистическое описание Городищенского уезда Пензенской губернии. П. Морозова. СПб, 1850»: [со слов] (в разделе «IV. Критика и библиография») // Москвитянин. – 1850. – № 21. – С. 27-29. – [В заключении рецензии отмечено: «Москвитянин долгом считает рекомендовать своим читателям прекрасную брошюру г[осподина] Морозова, которая служит новым доказательством просвещенной любознательности и рвения к пользе общей этого заботливого хозяина и трудолюбиваго ученаго». См. также позиция № 98(4)].

98(4). Т.2. – № 4 (*Лист 14-14об.*). [Рецензия из текста: «Господин] Морозов издал статистическое и хозяйственное Городищенского уезда...»] (в разделе «Литературная летопись») // Библиотека для чтения (журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новости и мод). – СПб. – Том. 105. – 1851. – Январь. – С. 105-106. – [Приведена критическая рецензия (в отличии от рецензии – позиция № 97/3), в заключении отмечено: «Вообще наши провинциальные статистики помешаны на цифрах, как будто есть люди, которые не знают шаткости этих цифр, невозможности достовернаго собрания их. А между тем местные предания, песни, сказки – вымирают: обычаи местами сглаживаются; древности архитектуры, живописи – утрачиваются, городища, курганы, могилы остаются неизследованными... много бы нашлось дела для местных изыскателей»].

99(5). Т.2. – № 5 (*Лист 15-30*). Статистическое описание Пензенской губернии. П. Городищенский уезд // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. –

1856. – С.111-142. – [Описание включает: Глава I. «Границы и пространство уезда.–Почва.–Реки.–Озера» (*Лист 15-16*). – С. 111-113; Глава II. «Климат и естественные произведения» (*Лист 16об.-18об.*). – С. 114-118; Глава III. «Места жительства» (*Лист 18об.-19об.*). – С. 118-120; Глава IV. «Народонаселение» (*Лист 20-20об.*). – С. 121-122; Глава V. «Движение народонаселения» (*Лист 21-22*). – С. 123-125; Глава VI. «Физическое состояние жителей» (*Лист 22-22об.*). – С. 125-126; Глава VII. «Нравственное просвещение жителей» (разделы: “Просвещение”, “Благотворительность”) (*Лист 22об.-23*). – С. 126-127; Глава VIII. «Преступность» (*Лист 23-24*). – С. 127-129; Глава IX «Производительные силы» (разделы: “Сельская промышленность”, “Хлебопашество”, “Луга”, “Масличные растения”, “Садоводство”, “Пчеловодство”, “Лесоводство”, “Каменоломни”, “Заводы и фабрики”, “Торговля”) (*Лист 24-29*). – С. 129-141; «Маршруты» (в том числе: “От города Городищ”, “До Екатерининской пристани”, “До Исаевской пристани”, “До Никитинской пристани”, “До Чирковской пристани”, “До Александровской”, “До Кравковской”) (*Лист 30-30об.*). – С. 141-142].

100(6). Т.2. – № 6 (*Лист 31-40об.*). Морозов Н. Статистическое и хозяйственное описание Городищенского уезда, Пензенской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1849. – Ноябрь. – С. 79-40.

101(7). Т.2. – № 7 (*Лист 41-64об.*). Статистическое описание Пензенской губернии. I. Саранский уезд // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. – 1856. – С. 63-110. – [Описание включает: Глава I. «Границы и пространство уезда. Общий характер местности. Естественное распределение вод. Почва» (*Лист 41-44*). – С. 63-69; Глава II. «Климат и естественные произведения» (*Лист 44-47об.*). – С. 69-76; Глава III. «Народонаселение и помещики. Физическое и нравственное состояние жителей. Преступность» (*Лист 48-53об.*). – С. 77-88; Глава IV. «Промышленность» (разделы: 1) Сельское хозяйство; 2) Ремесла и промыслы; 3) Заводы и фабрики; 4) Торговля) (*Лист 53об.-64об.*). – С. 88-110]

102(8). Т.2. – № 8 (*Лист 65-96*). Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда (окончание) (в разделе: «Отделение II. Сельское хозяйство и вспомогательные науки») // Труды Вольного экономического общества. – 1859 – Март. – С. 218-280(между стр. 272-273 вклейка «Карта Пензенской губернии Пензенского уезда»). – [Примечание: 1) В статье отражены: «Овес», «Гречиха», «Просо», «Полбы и ячмень», «Мак», «Лен», «Конопля», «Огородничество», «Садоводство», «Пчеловодство», «Шелководство», «Лесоводство», «Лошадь», «Рогатый скот», «Свиноводство», «Птицеводство», «Сельские промыслы», «Фабрики и заводы» (в том числе: “Суконная фабрика купца 1-й гильдии П. Г. Белоярцева в г. Пензе на 60 станков”, “Писчебумажная фабрика на р. Суре, при г. Пензе”, “Писчебумажная фабрика купца 3-й гильдии С.С.Сидорова”, “Табачная в г. Пензе купчихи 3-й гильдии А. П. Очкиной”, “Заводы: колокольных – 2, купеческих в городе”, “Чугуноплавильные – 2, оба в городе и купеческие”, “Кожевенных – 3, в городе”, “Крахмальный – 1, Н. А. Мурза”, “Пивоваренный – 1”, “Винокуренных – 8”, “Мукомольных водяных мельниц на городском выгоне – 2 и 19 в уезде”, “Ветряных мельниц – 24, из которых 23 помещичьих и 1 государств. крестьян”), «Общие замечания о торговле и сбыте сельских произведений» (в том числе: “Ярмарок” – 6, из них 2 в городе и 4 в уезде, “Базары”), «Пути сообщения» (4 почтовых дороги: 1) Московская, от Пензы на Мокшан и Саранск; 2) Тамбовская, от Пензы на Чембар; 3) Саратовская, от Пензы в Петровск; 4) Сибирская, от Пензы на Городище; и проселочные) «Водяные сообщения»; 2) Из текста (Стр. 244): «Шелководства в уезде нет, есть только одни попытки, которые в большом размере находятся в Васильевке г. Загоскина, у котораго плантация эта состоит из 3000 тутовых деревьев, белой породы (*Morus alba*). Каждый куст дает листа на  $\frac{1}{2}$  фунта, чем возможно прокормить полный срок до 150000 червей и получить 30 фунтов коконов, дающих размотанного шелка 3 фунта. Кусты шелковицы сажают у него в 2 и 3 раза шпалерами на аршинном расстоянии друг от друга. Осенью, для сбережения от морозов, кусты притягивают крючками к земле, и листья для корма червей не обрабатываются со стебельком, с срезаются, оставляя корешок. Во время зимы сберегаются семена (яички) шелковидных червей в жестяных коробках с мелким углем (и припуском воздуха), в месте где температура от 2<sup>0</sup> до 5<sup>0</sup>»].

103(9). Т.2. – № 9 (*Лист 97*). «Наровчатовскам уезде в селе Янгуженском Майдане...»: [со слов] // [Название издания написанное М. Д. Хмыровым неразборчиво]. – 1864(1867?). – № 74. – [Текст приведен полностью: «Наровчатовскам уезде в селе Янгуженском Майдане, он неисправности печи сгорели 212 домов и приходская церковь. 200 домов принадлежали госу-

дарственным крестьянам, два священно-церковно-служителям и 10 солдатам. Убытка принесено на 42213 руб. во время этого пожара сгорели крестьянин Одинарцев и четырехлетний крестьянский мальчик Афанасьев. Пенз. г. в.».].

104(10). Т.2. – № 10 (*Лист 98*). Местная хроника г. Пензы. 10 августа // ПГВ (часть неофициальная). – 1869. – 5 сентября. – № 40. – С. 350. – [Примечание: сообщается о пожаре в Инвалидной слободе и отмечается, что «один иностранец проживающий в городе Пензе, учитель музыки г[осподин] Фишер изъявил желание дать концерт в пользу погоревших жителей Инвалидной слободы»].

105(11). Т.2. – № 11 (*Лист 99-99об.*). О пожертвовании г-на Караулова // Журнал Императорского человеколюбивого общества. – 1823. – февраль. – С. 157-158. – [Из начала текста: «Отставной гвардии подпоручик Караулов, в 1810 году, изъявил желание построить Пензенской губернии в городе Городищах лазарет на 10 кроватей, для больных из проходящих военную команду, рекрутов и нижних чинов тамошней штатной команды, определил вносить на содержание онаго ежегодно 50 рублей, и по смерти своей одновременно 500 руб.»].

106(12). Т.2. – № 12 (*Лист 100*). «Преосвященный епископ Пензенский...»: [со слов] // [Источник газета, о которой М. Д. Хмыров не оставил для потомков никаких выходных]. – [Из текста: «Преосвященный епископ пензенский, донося Священному Синоду о построении пензенским мещанином Александром Тарховым деревяннаго молитвеннаго дома во имя святаго благовернаго великаго княз Александра Невскаго, на кладбище в селе Усть-Вазерках Мокшанскаго уезда, с употреблением на эту постройку 1308 рублей 5 коп. ходатайствует о преподавании ему, Тархову, благословения. Вследствие сего Святейший Синод, определением 23 сентября (7 ноября) 1864 года, положил; согласно с представлением преосвященнаго епископа Антония, мещанину Александру Тархову за постройку молитвеннаго дома на кладбище в селе Усть-Вазерках, преподавать благословения Священнаго Синода»].

107(13). Т.2. – № 13 (*Лист 101*). «В смеси помещены любопытные акты, о принятии воеводами города Инсары...»: [со слов] // Отечественные записки. – 1859. – Январь. – [Из начала текста: «В смеси помещены любопытные акты, о принятии воеводами города Инсары. Здесь любопытны распоряжения, относительно засек или засечных крепостей, и описание городских строений, например: “Инсары город рубленный в одну стену дубовый, крыт тесом, и та крыша вся сгнила и от ветра и от ветхости раскрылась, а лестницы огнили, обвалились, и мост по стене весь сгнил. По городу восемь башен рублены в на четыре угла дубовые с чердаками, и на башнях крыша сгнила и во многих местах раскрыласт, с двух башен чердаки от ветра свалились, а иные раскрылись, и лестницы в башнях сгнили и опали. Да в городе ж воеводский двор, а в нем строения, горница с комнатою на подклетьях, да горница белая построена на вновь на омшенике. А в той горнице образ Спаса Нерукотворнаго, оклад серебряный позолочен, окончина большая в красном окне, две оконстны малые слюдные, печь образчатая, зеленая, заслон железный...”»].

108(14). Т.2. – № 14 (*Лист 102*). «Заимствуя из “Совр. летоп.” следующие сведения...»: [со слов] // [Новое время (СПб). – 1868. – № 181]. – [Из начала текста: «Заимствуя из “Совр. летоп.” следующие сведения следующие сведения: “Мокшанское уездное земство разделено весь участок на три санитарных участка, и в каждом участке, в среднем онаго, имеет жительство доктор; там же устроена больница кроватей на 30, на 25; в помощь доктору имеются три фельдшера, из них один постоянно находится в разъездах м доктором, а так же и имеет при себе переносную аптеку; другой ездит по участку, на своей лошади, навещает больных и исполняет оставленные доктором приказания, а третий фельдшер находится постоянно при больнице. Фельдшера вместе с этим и оспопрививатели...”»].

109(15). Т.2. – № 15 (*Лист 103-103об.*). [О ярмарке в Саранске и местном спектакле] (в разделе «Провинциальный театр») // Пантеон (СПб). – 1841. – № 5. – С. 31-32. – [Примечание: критический материал о спектакле в провинциальном Саранске в период проведения с 30 августа двухнедельной ярмарки. Одновременно из статьи узнаем: «Но вот собралась уездная публика. Не стану рассказывать из кого она состояла – это заняло бы много места да и неинтересно столичным жителям; довольно того, что все уселись чинно, тихо, с приметным нетерпением – а это добрый знак для антрепренера. В афишах было напечатано: с дозволения начальства. Группую актеров содержателя Голошапова представлено будет: Параша Сибирячка, драма...»].



110(16). Т.2. – № 16 (*Лист 104-105об.*). Открытие 26 июня 1849 года общества сельского хозяйства в Пензе // Труды Вольного экономического общества. – 1850. – № 4. – С. 23-28. – [Примечание: 1) Из начала текста: «Открытие 26 июня 1849 года общества сельского хозяйства в г.Пензе. Независимо от обществ сельского хозяйства: московского, ярославского, казанского, лебедянского, одесского или южной России, – в прошлом 1849 году учреждено с Высочайшего соизволения новое общество сельского хозяйства Юго-Восточной России, в г. Пензе, при Открытии коего присутствовали депутаты других обществ...»; 2) На Стр. 23-26 (*Лист 104-105об.*) приведена информация об открытии общества, на Стр. 27-28 (*Лист 106-106об.*) затронуты проблемы не относящиеся к Пензенскому краю; 3) См. об открытии Общества также позицию № 114(17)].

111(17). Т.2. – № 17 (*Лист 107об.-110*). Открытие общества сельского хозяйства Юго-восточной России // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1849. – Сентябрь. – С. 182-183. – [Примечание: См. об открытии Общества также позицию № 113(16)].

112(18). Т.2. – № 18 (*Лист 111об.-113об.*). [О посещении Пензенской губернии Николаем I в 1836 году и о переломе в результате опрокидывания повозки ]// Отечественные записки. – 1865. – № 6. – С. 128-130.

113(19). Т.2. – № 19 (*Лист 114об.-121об.*). Отчет и предложение Моркшанской уездной земской управы в 1866 году // ПГВ. – 1866. – № 45. – [Страницы в источнике не пронумерованы, а документ включает следующие разделы: 1) По раскладкам; 2) По учреждению земских больниц; 3) По дорожной повинности; 4) По подводной повинности; 5) По вопросу об отнесении в разряд торговых упраздненной почтовой дороги идущей через село Лупино; Сбор предложений Мокшанскою уездною земскою управою в поступление со всех предметов обложения на уездные земские повинности в 1867 году; Раскладка уездных земских повинностей на земли Мокшанского уезда на 1867 год; Смета денежных уездных повинностей на 1867 год; Раскладка уездных земских повинностей на обязательный и дополнительный сбор с земель Мокшанского уезда за 1867 г.; Раскладка уездных повинностей на промышленные заведения и торговые свидетельства в Мокшанском уезде, составленная Мокшанским земским собранием на 1867 год; Объяснительная записка к сметам на 1867 год; Отчетная ведомость о приходе и расходе сумм Мокшанской уездной земской управы с 1-го сентября 1865 года по 1-е сентября 1866 года].

114(20). Т.2. – № 20 (*Лист 122об.-123об.*). Отчет о действиях Саранского общественного банка на 1865 год // ПГВ. – 1866. – № 23. – С. 327-329.

115(21). Т.2. – № 21 (*Лист 124-133об.*). Марковский Адам [аграном]. Отчет о сельскохозяйственном путешествии по Пензенской губернии (окончание следует) // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1852. – Март. – С. 266-284. – [Примечание: 1) В коллекции отсутствует Стр. 266, которая из первоисточника переписана рукой М. Д. Хмырова (*Лист 124-124об.*); 2) Приведены два раздела: А. Пензенский уезд и его хозяйство (*Лист 125-131*). – С. 267-279; Б.Отличительные черты Городищенского уезда, в сельскохозяйственном отношении (*Лист 131-133об.*). – С. 279-284].

116(22). Т.2. – № 22.1 (*Лист 134*). Отчет Пензенской лечебницы для приходящих больных бедных за январь месяц // ПГВ. – 1866. – 23 февраля. – № 8. – С. 4. – [Из начала текста: «Больных приходящих в этом месяце было 266 человек. Визитаций ими сделано 348. на счет лечебницы пользовались 79 человек; из лечебницы куплено лекарств на 17 р. 13<sup>3</sup>/<sub>4</sub> коп. В аптеку г. Эггера поступило 66 рецептов, на 18 р. 34<sup>1</sup>/<sub>2</sub> к. В аптеку г. Ленгольда 39 рецептов, на 9 р. 31 к. К 1 января 1866 г. денежных суммы оставалось 391 р. 50 к.].

117(23). Т.2. – № 22.2 (*Лист 134*). От губернского статистического комитета // ПГВ. – 1866. – 23 февраля. – № 8. – С. 4. – [Текст приведен полностью: «От губернского статистического комитета. Статистический комитет сим доводит до сведения гг. желающих представить какие-либо предметы на предстоящую в 1867 г. в Москве Русскую Этнографическую выставку, что пересылку таковых предметов в Общество любителей естествознания при Московском университете он принимает от г. Пензы до Москвы за свой счет»].

118 (24). Т.2. – № 23 (*Лист 135-136*). Отчет Пензенского губернского статистического комитета за 1863 год (окончание) // ПГВ (часть неофициальная). – 1864. – 20 мая. – № 21. – С. 121-123. – [Материал включает в себя: Приложение «Состав Пензенского губернского статистического комитета»].

119 (25). Т.2. – № 24 (*Лист 137*). Из отчета Саранского общественного банка за 1864 г. // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865. – № 13.

120 (26). Т.2. – № 25.1 (*Лист 138*). Отчет Чембарской уездной земской управы за 1865 г. // ПГВ. – 1866. – № 3.

121(27). Т.2. – № 25.2 (*Лист 138*). Отчет Чембарской уездной о подводной повинности за 1865 г. // ПГВ. – 1866. – № 3.

122(28). Т.2. – № 26 (*Лист 139-141*). Хозяйственный отчет Пензенской губернской земской управы о расходах на губернские земские повинности и на мировые учреждения за 1865 год: [таблица] // ПГВ. – 1866. – № 12.

123(29). Т.2. – № 27 (*Лист 142*). Из Пензы // Вечерняя газета (СПб). – 1866. – № 227. – [Из начала текста: «Из Пензы (Корреспонденция “Биржевых ведомостей”). Жители нашего захолустного города Пензы недавно окончились от того панического страха, какой навела на них посетившая эпидемия – холера. На днях только появились на нашем скромном базаре запрещенные плоды: яблоки, дыни, огурцы и пр., которая, во время существования были изгнаны из нашего города за то, что они способствовали развитию холеры, вследствие свойственной нам обжорливости и неумению употреблять дары природы умеренно, с пользою. Зато теперь, когда, к величайшему нашему удовольствию, эта страшная гостья оставила нас мы снова принялись с усердием за наши любимые плоды... Во время холеры, которая появилась к нам 9 августа и свирепствовала по 20 сентября, мы действительно находились в тревожном состоянии и то только по тому, что нам не хотелось умирать, а хотелось жить. Число заболевших холерою с 9 августа по 20 сентября простирается до 442 человек; из них умерло 184, выздоровело 222, больных осталось 86 человек...»].

124(30). Т.2. – № 28 (*Лист 143-155 об.*). Лесков Николай (г. Одесса, 28 апреля 1860 г.). Очерки Винокурной промышленности (Пензенская губерния) // Отечественные записки. – Март. – С. 420-444. – [Из текста: «В настоящее время в Пензенской губернии 69 винокурных заводов, из них 20 устроенных в уездах, по преимуществу, хлебоборбных, именно 8 заводов в Пензенском уезде, 4 в Нижнее-Ломовском, 3 в Саранском, 2 в Чембарском и 3 в Мокшанском, остальные же 48 в лесных уездах, из ких 30 в Городищенском, 10 в Инсарском, 3 в Наровчатовском и 6 в Керенском (С. 421)»].

125(31). Т.2. – № 29 (*Лист 156*). Г-в. Экономический отдел // Всеобщая газета (Москва). – 1869. – № 69. – С. 2. – [Из начала текста: «Саранск, Пензенская губерния (Корреспонд. Всеобщ. Газеты) На этот раз я, сообщу вам коротенький очерк экономического состояния нашего уезда. Можно похвалиться, что наш уезд лучший из всех уездов Пензенской губернии по качеству почвы, но и он нынешний год не может похвастаться урожаем. Нынешний год наша губерния поменялась урожаем с вашей Москвой: у нас прошедший год урожай был отличный, а в Москве плохой; зато ныне случилось наоборот. Делать нечего – Бог стало быть всех равнять хочет...»].

126(32). Т.2. – № 30 (*Лист 157*). «Из Пензенской губернии пишут в “Голосе”...»: [со слов в тексте] // Сын Отечества. – 1865. – № 48. – [Текст приведен полностью: «Из Пензенской губернии пишут в “Голосе”»: Число фабрик и заводов, действовавших в Пензенской губернии в 1864 году, было 91 и производство их простиралось на 1817525 р. Первое место занимает суконное производство, по которому в прошлом году было в действии 20 фабрик; значительная часть их расположена в Городищенском уезде. Изделия этих фабрик преимущественно состоит из сукон темно-зеленого, черного, сераго и желтаго, приготавливаемого из верблюжьей шерсти, которая преимущественно сдают казну для войск; выделка означенных сукон простирается до 1138000 арш., на 1139000 р. Число станков было в действии 1444. Число мастеров и рабочих 7159 человек. По сумме производства второе место принадлежит 3 писчебумажным фабрикам – на 166800 р. сахарного песку из свекловицы выделано на 4 заводах 4050 пуд. на 30000 р. Хрустальной фабрике г. Бахметовой приготавливается посуда на 60000 р. Выделкою кожи занимаются 17 заведений; стоимость изделий, на них приготавливаемых простирается на 148300 р. на 20 поташных заводах выделяется поташа, из травяной золы 24000 пуд, на 29270 р. Работы на одном механическом заводе еще незначительны и ограничиваются на сумму 8000 р. На трех чугунных и одном медном приготавливается изделий на 68031 р. Стоимость изделий на четырех мыловаренных заводах простирается на 100000 р. остальная сумма, из общей стоимости изделий заводов в губернии принадлежит 18 заведениям по производству

стеклянному, восковому, сальному, химическому, клеевому и мукомольному. В прошедшем году значительное число фабрик не действовало по разным причинам; таковых было 33, в числе их 9 суконных. Их числа действовавших фабрик 29 принадлежат помещикам, почти все суконные, 33 купцам и 29 мещанам и крестьянам»].

127(33). Т.2. – № 31(*Лист 158-159*). Пахт Р. А. [магистр]. Экспедиция для геологических изследований девонской полосы Европейской России (Третье донесение магистра Пахта Русскому Географическому Обществу, от 30 июля 1853 года) (в разделе «1. Экспедиции, путешествия, открытия» // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – 1853. – Кн. V.. – С. 1-2. – [Из текста: «Чернозем в Пензенской губернии вообще так развит, как в Тамбовской, только по берегам реки Суры, особенно по правому берегу, является песок, на котором растет огромный лес. На высотах песчаника по берегам рек Суры, Шкафта, Вирея и Инзы также чернозема часто не видно, но песок или песчаник является непосредственно под дерном. Везде находится отличный лес, частью хвойный, частью же лиственной, попеременно растущий на той же почве»].

128 (34). Т.2. – № 32(*Лист 160-180об*). Ж-н. А. Письмо пензенского помещика (1845 года, февраля 19-го, с. Зыково)// Труды Вольного экономического общества. – 1854. – Часть II. – С. 112-150. – [Примечание: 1) В коллекции отсутствует Стр. 112, которая из первоисточника переписана рукой М.Д.Хмырова (*Лист 160-160об.*); 2) Между Стр. 128-129 вклеена таблица (*Лист 169*); 3) Автор статьи был Алексей Дмитриевич Желтухин (24.07.1820–?), а вывшая вотчина Желтухиных — село Зыково в настоящее время входит в городскую черту Саранск; 3) Из текста (*Лист 161*): «Постоянной заботой моей было: устроить крестьян моих, устроить землю, устроить контору, устроить то все, что вместе взятое, называть одним собирательным – хозяйство. Историю этих работ, попыток, выдумок, как называют их люди степенные, я хочу описать вам. Будьте справедливы, судите меня строго, осудите дурное, отличите хорошее, придумайте лучшее. Не взыщите только за беспорядочность и неизящность изложения... (С. 113)»].

129 (35). Т.2. – № 33.1(*Лист 181*). Метеорологические наблюдения, ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 18 октября 1867 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1867. – 18 октября. – № 42. – С. 1-2.

130 (36). Т.2. – № 33.2 (*Лист 181-181об.*). По вопросу о паспортах, выдаваемых из городских дум и волостных управлений жителям Пензенской губернии // ПГВ (часть неофициальная). – 1867. – 18 октября. – № 42. – С. 1-2.

131(37). Т.2.–№ 33.3 (*Лист 181об.*). Хроника происшествий в Пензенской губернии, составленная по официальным сведениям, за вторую половину сентября 1867 года. Пожары // ПГВ (часть неофициальная). – 1867. – 18 октября. – № 42. – С. 2.

132 (38). Т.2. – № 34 (*Лист 182-182об.*). Горизонтов А. [секретарь Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России] Заметки о хозяйстве г. Лора (в разделе «Полеводство») // Хозяйственная газета: экономические записки (еженедельное приложение к журналу Труды И. В.Э. Общества). – 1858. – 2 августа. – № 3. – С. 1-2. – [Примечание: 1) Из начала текста: «Заметка о хозяйстве г. Лора (\*). – При поездке в нынешнем году чрез Ломовский уезд, мне удалось встретить в Головинской вотчине (селениях Ростовке, Куваче, Александровке, Студенец, Надежденьке и Кочетовке) в хозяйстве управляющего именем Ф[едора] Х[ристиановича] Лора, некоторые рода особенности, на которые не лишним считаю обратить мм. Гг., и ваше внимание...»; 2) Звездочкой (\*)отмечено: «Прибавление к 3-му тому записок Общества сельского хозяйства Юго-восточной России, напечатанному в № V Трудов И.В.Э.О. нынешнего года. Ред.»; 3) Управляющий Ф. Х. Лор предлагает реже засеивать и лучше и лучше обрабатывать земли»].

133(39). Т.2. – № 35 (*Лист 183-183об.*). Постановление общего собрания кредиторов торгового дома «Бр. Яхненко и Семиренко» // [Источник не указан, однако на Стр. 2 (*Лист 183 об.*) внизу отмечено, что: «Дозволено цензурою С.-Петербург, 29 апреля 1870 г.» и «Типография Товарищества “Общественная Польза”, по Мойке, д[ом] № 5»]. – [Из содержания: Великанов А. [председатель собрания]. Протокол. Городищенский сахарный завод (*Лист 183*). – С. 1; Великанов А. [председатель собрания]. Протокол. Городищенский сахарный завод (*Лист 183-183об.*). – С. 1-2; Великанов А. [председатель собрания]. Протокол. Городищенский сахарный завод (*Лист 183об.*). – С. 2].

134 (40). Т.2. – № 36 (*Лист 184об.*-185). Пенза, 2 декабря // ПГВ. – 1866. – [дата и номер газеты указан М.Д.Хмыровым]. – С. 394-395. – [Из текста: «Имя Николая Михайловича Карамзина, составило эпоху в жизни нашего общества. Здесь в этой заметке, не место говорить о делах этого государственного человека. Я хочу передать печати праздник, данный 1 декабря питомцами здешней гимназии ее дирекцию, в память Николая Михайловича, которому ныне, уже опочившему, минуло сто лет, со дня рождения»].

135(41). Т.2. – № 37 (*Лист 186*). Из Чембара. (Сентября 9-го)// Московские ведомости. – 1837. – № 82. – С. 604. – [Из начала текста: «Вчера город наш был свидетелем и участником радостного празднования, утешительного для каждого русского. 8-е сентября вечно будет памятным днем для России; это день выздоровления Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА; в этот день, прошлаго года, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, получивши облегчение, изволил отправиться из Чембара в С.-Петербург. Мы никогда не забудем смертельного ужаса, поразившего нас страшною вестию о болезни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Мы помним, как эта громовая весть потрясла из конца в конец необъятную Россию. Каждый день, каждый час болезни ГОСУДАРЯ мы почитали несчастьем для нас и всего Государства. Мы, так сказать, умирали от страха. Но Бог любит свою Россию. Он исцелил ея Самодержавца. Дворянство Пензенской Губернии, проникнутое чувством верноподданнической любви и преданности, чтобы сохранить навеки воспоминание о радостном выздоровлении ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, определило устроить в Чембаре при тамошнем Училище, пансион для десяти бедных дворян, которые будут воспитываться на Счет Пензенского дворянства. Испытание их в науке будет производиться 8-го сентября; в доме, где ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил жить, устроить церковь, в которой да будут приносимы Господу и благодарность России за исцеление нашего ГОСУДАРЯ, и молитвы о сохранении бесценного здоровья ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и всего Августейшаго Дома»].

136 (42). Т.2. – № 38 (*Лист 187*). «В свое время мы передавали...»: [со слов] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1868. – № 194. – [Примечание: материал не имеет отношение к данному краю, и по всей видимости попал в источники о Пензенской области случайно или ошибочно].

137(43). Т.2. – № 39 (*Лист 188*). Театральные представления в Пензе: [Непостоянство зимы.–Дамские клубы.–Труппа г[осподина] Мельгунова.– Званный вечер. – Розовые афиши] (в разделе «Пчелка») // Санкт-Петербургские ведомости. – 1856. – № 275. – [Из текста: «Пензенское общество дворян продолжает собираться запросто в дамских клубах, которые учреждены в виде семейных вечеров; музыка и танцы идут свои чередом, и в большое число военных кавалеров, по случаю пребывания дивизионного штаба в Пензе, много способствуют к общему оживлению»].

138(44). Т.2. – № 40 (*Лист 189*). (Пензен. Г.В.). Из Пензы // Санкт-Петербургские ведомости. – 1864. – № 294. – [Из начала текста: «Из Пензы. Начальник губернии, собрав городское общество, предложил ему войти в соображение о средствах к улучшению огнегасительных снарядов. Пензенское городское общество, 16-го сентября постановило: 1) к имеющимся 8-ми пожарным трубам приобрести еще четыре трубы новейшего устройства; 2) и 9-ти пожарным бочкам прибавить еще семь; 3) число лошадей увеличить четырнадцатью; 4) приобрести 4 больших и 10 ручных щитов; 5) купить 15 ломов и 60 больших топоров и передать их в заведывание командира губернского батальона для снабжения военной команды, назначаемой на место пожара...»; См. также позицию № 141(45)].

139(45). Т.2. – № 41 (*Лист 190*). (Пензен. губ. вед.). Предложение об устройстве пожарных команд в Пензе // Северная почта. – 1864. – № 246. – [Представлено противопожарное дело в Пензе и повторены сведения из позиции № 140(44)].

140 (46). Т. 2. – № 42.1 (*Лист 191-192об.*). Песцовую шерстью в селе Урей (статистическо-экономический этюд) (окончание в след. №№): (в разделе «Промышленность») // ПГВ (часть неофициальная). – 1865. – 25 августа. – № 34. – С. 193-195. – [Примечание: Пространственная статья-рассуждение в которой отмечено, что «к числу малозапримечательных и до сих пор неразвитых промыслов относится промысел песцовой шерстью, который существует в настоящее время в селе Урее Пензенской губернии Краснослободского уезда. – Село Урей находится в 25 верстах от уездного города Краснослободска и в 15 верстах от большого села Аксела»].

141(47). Т.2. – № 42.2 (*Лист 192об.*). Пожертвование // ПГВ (часть неофициальная). – 1865. – 25 августа. – № 34. – С. 195. – [Текст приведен полностью: «Пожертвование. Саранское уездное Полицейское Управление представило г[осподину] Начальнику губернии деньги 35 р. 54 к. собранные по подписке в пользу окончательной постройки православного храма в г.Гельсингфорсе, а Его Превосходительством, деньги эти за исключением страховых в пользу почты, отосланы к г[осподину] Финляндскому Генералу Губернатору 14 августа 1865 года»].

142 (48). Т.2. – № 43 (*Лист 193-193об.*). Древодельная промышленность в некоторых селениях Саранского уезда Пензенской губернии (в разделе «Смесь») // Журнал Министерства внутренних дел. – 1846. – Февраль. – С. 321-322. – [Из текста: «Города в жизни русской чаще всего имеют значение пунктов военных и административных; реже являются они с характером торговым; промышленная – же деятельность не была никогда их уделом; основные ветви нашей промышленности развивались все не между городскими жителями, а между поселениями, так – что множество селений, в отношении к средствам существования их жителей, имеют гораздо более городской характер, нежели самые города, или лучше сказать, селение эти представляются вполне мануфактурными городами, только в малом размере. Не повторяя всем известаго в этом отношении о селах Владимирской, Нижегородской и других губерний, сообщим следующие сведения о необыкновенном развитии некоторых отраслей древодельной промышленности в Саранском уезде Пензенской губернии. В селе Соколовке, графини Лаваль, 560 душ занимаются исключительно производством крестьянских саней для перевозки хлеба; саней таких выделывается здесь ежегодно до 6000, а продаются они на ближних базарах, от 1 р. 50 к. до 2 р. сер. За каждые, всего на сумму тысяч до девяти р. сер[ебром]. В селе Большом Вясе с деревнями графини Борх, 2400 душ промышляют выделкою кадок разного вида, ведер, жбанов и тому подобного, производяе жегодно от 5000 до 10000 штук такой посуды. Сбывают они ее на своем сельском базаре, не менее как тысяч на шесть р. сер[ебром] в год. 540 душ села Напольнаго Вяса и деревни Александрии, графини Лебцельтерн, занимаются все производством тележных колес, которых выделывают ежегодно до 6000 станов, продавая рукоделье свое на базарах, от 85 к. до 2 р. 59 к. сер[ебром] за стан, смотря по работе, всего тысяч на семь с половиною р. сер[ебром] в год»].

143(49). Т.2. – № 44 (*Лист 194об.-195об.*). Лыковая промышленность в Городищенском уезде Пензенской губернии (в разделе «Смесь») // Журнал Министерства внутренних дел. – 1845. – Сентябрь. – С. 498-500. – [Из начала текста: «Городищенский уезд означенной губернии, заключая в себе сравнительно со своим народонаселением, гораздо более пространство, чем другие уезды той же губернии, не имеет однако же достаточнаго хлебопашества: большая часть земли в нем находится под лесом. Почти все помещики значительных имений (двадцать три) держат винокуренные заводы. Те крестьяне, которые удалены от заводов, занимаются разными родами издельной промышленности; одни из важнейших составляют производство ценовок, рогож, кулей. Огромные леса князей Куракина и Оболенскаго, графов Шуваловых, гг. Шеншина, Халанской, Левашова и Чубарова, графинь Борх, Лаваль и Либцельтерн, могут отпускать ежегодно и без оскудения значительную часть липоваго леса, который покупают помещичьи и казенные крестьяне; лес приготавливают промышленники обыкновенно летом; осенью, после уборки хлеба начинают тканье, и изготовленный товар продают в ту же зиму. Промысел это, столь ни кажется незначителен, доставляет более 37000 р. сер[ебром] ежегодно»].

144(50). Т.2. – № 45 (*Лист 196-196об.*). Р.дз.нк П. Песнь воинов, на случай всерадостнейшаго прибытия Его Императорскаго Величества в город Пензу для осмотра войск 2 пехотнаго корпуса // Сын Отечества. – 1824. – № 40. – С. 317-318. – [Со слов: «Ты осчастливил нас Великий/ Монарх воззрением своим!/ Веселей раздались крики / Везде с присутствием Твоим/. Любовь и слава неизменна/ С Тобою, благословенный Царь!/ твой храм – спасенная вселенная,/ Сердце народов – твой алтарь...»].

145(51). Т.2. – № 46.1 (*Лист 197*). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 27 октября 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 27 октября. – № 43. – С. 264.

146 (52). Т.2. – № 46.2 (*Лист 197-200*). Пронзин Н. Простонародные песни Краснослободскаго уезда // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 27 октября. – № 43. – С. 265-270. – [Приведено 15 песен о отмечено, что «в Краснослободском уезде употребляют некоторые из

песен, с первого раза очень похожие на те, которые слышатся и в других местах России, но во многих случаях они совершенно изменены в самом своем содержании. Это подает нам повод предполагать, что в таком случае передать эти песни печать может быть не совсем бесполезным делом. В русской песни сильнее и резче нежели в другой отразился характер народа; кроме того русская песня удерживает в себе много оттенков тех мест и того времени, где и когда она сложена. Возьмите пение, которая поется на нашей широкой Волге, которая слышится с этих расшив, наших лодок и досчатников, и возьмите песню Московской губернии – вы невольно заметите разницу»].

147(53). Т.2. – № 46.3 (*Лист 200-200об.*). Холмский А. [председатель общества], Дятронтов [секретарь общества]. Отчет Пензенской лечебницы для приходящих больных за сентябрь месяц // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 27 октября. – № 43. – С. 270-271.

148 (54). Т.2. – № 47 (*Лист 201-207*). Раскладка денежных земских сборов в Пензенской губернии на 1866 год: [таблица] // ПГВ. – 1866. – № 12. – [Примечание: таблица включает следующие разделы: «Наименование предметов», «По уездной повинности», «По губернской повинности», «По мировой повинности», «Общая сумма всех повинностей»].

149 (55). Т.2. – № 48.1 (*Лист 208-213об.*). Розов В. [священник]. Распоряжение Пензенского епархиального начальства об увеличении взноса прибыльной суммы от продажи свеч в церквях // Рязанские епархиальные ведомости. – 1865. – № 7. – С. 189-199. – [Примечание: Начало текста написано (*Лист 208-208об*) рукой М. Д. Хмырова].

150(56). Т.2. – № 48.2 (*Лист 213об.-214об.*). Замечание по поволу корреспонденции священника Розова из Пензы в редакцию Православного обозрения // Рязанские епархиальные ведомости. – 1865. – № 7. – С. 199-201.

151(57). Т.2.–№ 49 (*Лист 215об.-217об.*). [Пензенский сад] // Журнал садоводства (Москва). – 1853. – № 5-6. – С. 134-138. – [Из начала статьи: «Путешествие адъюнкт-профессора Рего в центральные губернии России, для осмотра садовых учреждений. – В предшедших обозрениях мы упомянули о любопытных отчетах г[осподина] Рего. Ныне напечатаны замечание и наблюдения автора во время путешествия с целью ознакомления с состоянием садоводства, по губерниям Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской и Калужской. Г[осподин] сообщает между прочим описание Пензенского Училища садоводства, которое есть одно из первых садовых учреждений в России. “Основанное Александром Благословенным – говорит он – и вверенное надзору на него Ученого, опытного садовода Шагина, училище приняло теперь такие размеры, что по справедливости может считаться лучшим в России. Оно prepares сведущих и практических садоводов. Прибавлю к этому, что Пензенское училище садоводства заслуживает особенное внимание не только обширностью самого заведения но и многосторонними в нем занятиями, с учебною и практической целью. Заведение содержится чисто и опрятно, ученики веселы, почтительны и трудолюбивы. Прекрасный дом училища стоит на высоком месте сада, который расположен на южном скате горы; в нем три фонтана...”»].

152 (58). Т.2. – № 50 (*Лист 218об.-219об.*). Сведения о хрустальной фабрике Бахметьевых, в Пензенской губернии (в разделе «Смесь») // Журнал Министерства внутренних дел. – 1847. – [Номер М. Д. Хмыровым не указан]. – С. 504-506. – [Из начала текста: «Хрустальная фабрика, принадлежащая ныне г[осподину] церемониймейстеру, действительному статскому советнику и кавалеру А.Н. Бахметьеву, находится Городищенского уезда в селе Никольском, на расстоянии: от губернского города Пензы – в 9, от уездного Городище – в 63, от столичного Москвы – в 660 верстах. Фабрика эта основана дедом нынешняго владельца, коллежским прокурором А.Н. Бахметьевым, по указу, выданному ему из Государственной Мануфактур-Коллегии, в 1764 году; от него перешла она во владение к его сыну гвардии поручику Н. А. Бахметеву, а от сего последняго к настоящему ея владельцу. Первоначально на фабрике этой работали одну простую хрустальную посуду, но вскоре потом начали делать и лучшие [...], с бронзою, которую стали золотить тоже на самой фабрике. На улучшение производства владельцы не щадили никаких издержек и наконец достигли до того, что вещи, производимые на фабрике по достоинству хрустала и изящности форм отделки, справедливо почитаются едва-ли не лучшими в Государстве...»].

153 (59). Т.2. – № 51 (*Лист 220*). Статистические сведения по Пензенской губернии на 1864 год.\* // Северная почта. – 1865. – № 127. – С. 2. – [Примечание: 1) Отмечено в заголовке

звездочкой (\*) и указано в примечании внизу, что «извлечено из таблиц губернского статистического комитета»; 2) Из начала текста: «I. Народонаселение Пензенской губернии в означенном (1864) году простиралось до 1193050 душ обоего пола, в том числе муж[ского] 585433 и жен[ского] 607617. Против 1863 года оно увеличилось на 13970 душ. Городское население состояло из 104786 душ обоего пола, что составляет 8,9% всего населения. Сельские же обыватели составляют 91,1%. На 100 мужчин считается женщин в городах 93,2 в уезде 104,8, в губернии вообще 103,6. Самое многочисленное сословие в губернии есть крестьянское; за тем следуют: городские обыватели, военное сословие, духовенство и дворяне. Сельских обывателей считается – 1091676; Городских сословий – 45830; Военного сословия – 35587; Духовенства – 12850; Дворян – 5871; Не принадлежащих к поименованным разрядам – 1236...»].

154 (60). Т.2. – № 52 (*Лист 221-221об.*). Статистические сведения по Пензенской губернии за 1864 год (Статья Федора Петровича Метальникова) // ПГВ (неофициальная часть). – 1865. – 2 июня. – № 22. – С. 118-119. – [Из текста: «На 1000 душ населения причитается: Крестьян разных наименований 915,02, Городских сословий 38,3, Военного сословия 29,8. Духовенства 10,0, Дворян – 4,9, Не принадлежащих к полученным разрядам – 1,02. II. Господствующее вероисповедание в губернии есть Православие (с большой буквы – прим. авт.). Последователи прочих религий составляют 1/18 часть всего населения. А именно: Православным считалось – 1130131, Магометан – 49531, Раскольников – 12290, Католиков – 629, Протестантов – 359, Евреев – 110; Таким образом на 1000 душ населения причитается: Православных – 947,2, Магометан – 41,5, Раскольников – 10,3, Католиков – 0,5, Протестантов – 0,3, Евреев – 0,1. III. В течение 1864 года родилось: мальчиков – 32961, девочек – 32014, всего – 64975. в том числе в городах: мальчиков – 3127, девочек – 2863, всего – 5990. В том же году умерло: мужчин – 29956, женщин – 27315, всего – 54271. в том числе в городах: мужчин – 2682, женщин – 2556, всего – 5238. Перевес родившихся над умершими составляет 104 или 1,1% населения. Браков заключено в губернии 10704 или 1,1% населения. Браков заключено в губернии 14046; в том числе в городах 1267...»].

155 (61). Т.2. – № 53 (*Лист 222-223*). [О некоторых словах в Пензенская губернии] // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. – 1824. – Часть V. – С. 310-312. – [Из текста: 1) Стр. 310 (*Лист 222*): «По Пензенской губернии. Абаполь – по напрасну, Ешто – еще, Пучило – пропасти»; 2) Стр. 312 (*Лист 223*): «Примеч. Во всей Пензенской губернии, даже в среднем состоянии, между приказными и некоторыми дворянами, весьма употребительно слово больно вместо очень, на пример: больно хорошо, больно дождливо, больно велико»].

156 (62). Т.2. – № 54 (*Лист 224-231об.*). Сметы денежных повинностей Пензенской губернии на 1866 год // ПГВ. – 1866. – № 11. – [Примечание: 1) Страницы в источнике не пронумерованы; 2) Документ включает следующие разделы: «На потребление губернской повинности» (*Лист 224-226*); «На уездные потребности» (*Лист 226об.-231*); «Смета на содержание мировых учреждений по Пензенской губернии на 1866 год» (*Лист 231об.*)].

157 (63). Т.2. – № 55 (*Лист 232*). Состояние счетов Пензенского городского банка к 1-му июля 1868 года // Московские ведомости. – 1868. – № 148. – [Примечание: Актив и пассив равен 671521 р. 21<sup>1</sup>/<sub>3</sub> к.].

158 (64). Т.2. – № 56 (*Лист 233-233об.*). О закрытии окружных управлений в Пензенской губернии // Астраханские губернские ведомости. – 1863. – № 44. – С. 295-296. – [Примечание: 1) Из начала текста: «Государь император, по всеподданнейшему докладу г[осподина] Министра Государственных Имуществ, в 27 день декабря 1862 года, высочайше повелел соизволить закрыть с 1 мая сего года все окружные Управления в Пензенской губернии, на основаниях, изложенных в последовавшем по сему предмету 7 сентября 1859 года Высочайшем повелении распубликованному в сенатских Ведомостях, 13 октября того же года, № 32. Почему Пензенская Палата Государственных Имуществ просит о прекращении сношений с подведомственными ей окружным управлением и направлении за сим уже всех требований по делам или в волостные правления, или прямо в Палату»; 2) Приведен «Список волостным правлениям Пензенская губернии», который включает округа: Саранский, Краснослободский, Наровчатовский, Нижеломовский].

159 (65). Т.2. – № 57.1 (*Лист 234-237об.*). Список сел и деревень Городищенского уезда (в разделе «Приложение») // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России.

– Том II. – 1856. – С. 143-150. – [Примечание: Источник включает следующие материалы: 1) Отделение 1. Деревни и села Государственных крестьян. № 1-58 (*Лист 234-234об.*). – С. – 143-144; 2) Отделение 2. Деревни и села помещичьих крестьян. № 59-174 (*Лист 235-236об.*). – С. 145-148; 3) Отделение 3. Села и деревни помещичьих крестьян, в которых имеют жительство и крестьяне Государственных имуществ. № 175-187 (*Лист 236об.-237об.*). – С. 148-150; 4) Отделение 4. Деревни помещичьих крестьян, по окладу числящихся в других уездах. №188-190 (*Лист 237об.*). – С. 150].

160(66). Т.2. – № 57.2 (*Лист 238-242об.*). Алфавитный список дворян, владеющих недвижимою собственностью в Городищенском уезде, по окладу 1855 года // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. – 1856. – С. 151-160. – [Примечание: Всего приведено 183 дворянина (*Лист 238-242об.*)].

161(67). Т.2. – № 57.3 (*Лист 243*). Список винокуренных заводов Городищенского уезда // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. – 1856. – С. 161. – [Примечание: Представлено 25 заводов].

162(68). Т.2. – № 57.4 (*Лист 243*). Список суконных фабрик Городищенского уезда // Записки общества сельского хозяйства Юго-восточной России. – Том II. – 1856. – С. 162. – [Примечание: Представлено 7 фабрик: 1) гг. Дубенских, 2) Золотаревых; 3) Засецкаго; 4) Колокольцева; 5) Литвинова; 6) графа Шувалова; 7) Стальпина (так написана фамилия Столыпин – прим. авт.).

163 (69). Т.2. – № 58 (*Лист 244*). Еще раз о пожарах в Пензенской губернии. Шайка воров. Мальчик поджигатель (в разделе «Из внутренних губерний»)// Биржевые ведомости. – 1865. – № 215.

164 (70). Т.2.–№ 59 (*Лист 245-250об.*). Таблицы метеорологических наблюдений за 1864-65 гг. // К № 4 Пенз. Губ. Вед. 1866. – [Примечание: 1) Страницы не пронумерованы; 2) Приведены сведения с декабря 1864 года по ноябрь 1865 г., включающие следующие разделы: «Число месяца по старому стилю»; «В 7 часов утра (температура воздуха, направление и сила ветра, состояние неба)»; «В 2 часа дня (температура воздуха, направление и сила ветра, состояние неба)»; «В 7 часов вечера (температура воздуха, направление и сила ветра, состояние неба)»; «В 7 ч[асов] утра (барометр в миллим[етрах] при +17 ц[ельсия]»); 3) Развернутая страница (*Лист 250*) на которой «Таблица общих выводов из метеорологических наблюдений по месяцам и годовым временам 1865 года»; 4) Представлена (*Лист 250об.*) «Таблица показывающая число дней каждый месяц и годовое время 1865 года в которые температура атмосферы достигала известных градусов»].

165 (71). Т.2. – № 60 (*Лист 251-253об.*). Пензенский театр (письмо редактору) (в разделе «Русский театр. Провинциальные»)// Репертуар пантеон (СПб). – 1844. – № 3. – С. 92. – [Сообщается о спектаклях организованных в Пензенской губернии в 1843 году].

166 (72). Т.2. – № 61.1(*Лист 254об.-256*). Прозин Н. Торговля хлебным вином в Пензенской губернии (окончание следует) // ПГВ. – 1866. – № 6. – С. 47-50. – [Приведены сведения о торговле хлебом в губернии с 1863 по 1865 годы].

167(73). Т.2. – № 61.2 (*Лист 257*). Метеорологические наблюдения ежедневно производимые в г. Пензе, по Петербургскому времени: наблюдения 9 марта 1866 года в 2 часа дня // ПГВ (часть неофициальная). – 1866. – 9 марта. – № 10. – С. 94.

168(74). Т.2. – № 61.3 (*Лист 257об.-259*). Пронзин Н. Торговля хлебным вином в Пензенской губернии (продолжение) // ПГВ. – 1866. – 9 марта. – № 10. – с. 93-96. – [Примечание: В продолжение текста (*Лист 259об.-260об.*) на стр. 97-99 затронуты проблемы не относящиеся к Пензенскому краю].

169 (75). Т.2. – № 61.4 (*Лист 261-262*). Пронзин Н. Торговля хлебным вином в Пензенской губернии (окончание) // ПГВ. – 1866.– № 12.

170 (76). Т.2. – № 62 (*Лист 263*). «Пензенское губернское правление слушали два указа правительствующаго сената...»: [со слов] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1867. – № 23. – [Из текста: «На основании указа правительствующаго сената от 9 и 27 марта 1867 года № 22027 и № 27459 и составленных г[осподином] министром правил, существующая в городах Пензенской губернии: Керенске, Наровчате, Мошкане и Городищах уездные суды с 30 числа апреля 1867 года упразднить...»].



171(77). Т.2. – № 63.1 (*Лист 264об.-265*). Устав учредителей в г. Пензе немецкой церковной школы (в разделе «Отдел второй») // ПГВ. – 1864. – № 18. – С. 166-167.

172(78). Т.2. – № 63.2 (*Лист 265-265об.*). Шарбе [директор]. Отчет о состоянии женского училища 2 разряда в г. Пензе // ПГВ. – 1864. – № 18. – С. 167-168. – [Из начала текста: «Пензенское градское общество купцов и мещан, справедливо сознавая образование для женского пола, приговором, состоявшимся 18 декабря 1860 г., постановило учредить в г. Пензе училище 2 разряда, на основании Высочайше утвержденного положения о женских училищах 10 мая 1869 года...»].

173 (79). Т.2. – № 64 (*Лист 266-270об.*). Сабуров Иван (1854 г., мая 10, с. Дертево, Пензенского уезда). 1853-й год, в Пензенской губернии, в сельскохозяйственном отношении (в разделе «Государственное и сельское хозяйство») // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1854. – Ноябрь. – С. 63-72.

174(80). Т.2. – № 65 (*Лист 271-272об.*). Кучевский [член-сотрудник]. Хозяйство и промышленность по р. Суре (граница Саранского и Городищенского уездов) // Труды Вольного экономического общества. – 1869. – № 1. – С. 181-184. – [В заголовке статьи отмечено, что материал преследует «Общее значение всех хозяйственных описаний и их особую важность для настоящей минуты в России»].

175(81). Т.2. – № 66 (*Лист 273-288об.*). Кучевский О. (24 марта 1868 г. Хут. Дальная Чернавка). Лесное хозяйство в Саранском и Городищенском уездах Пензенской губернии // Сельское хозяйство и лесоводство (СПб). – 1868. – Июль. – С. 191-222.

176 (82). Т.2. – № 67.1 (*Лист 289*). Цены на хлеб и сено по Пензенской губернии на 1-е февраля 1866 года // ПГВ. – 1866. – № 7. – С. 65.

177 (83). Т.2. – № 67.2 (*Лист 290*). Цены на хлеб и сено в Пензенской губернии на 15-е января 1866 года // ПГВ. – 1866. – № 4. – С. 29.

178 (84). Т.2. – № 67.3 (*Лист 290об.*). «Совет Пензенской Евангелической Лютеранской...»: [со слов] // ПГВ. – 1866. – № 4. – С. 29. – [Текст приведен полностью: «Совет Пензенской Евангелической Лютеранской Александровской Церкви сим имеет честь покорнейше просить всех прихожан к общему собранию 28 января 1866 года в 6 часов вечера в здании Церкви для рассмотрения годового отчета и для обсуждения вопроса относительно церковной школы»].

179 (85). Т.2. – № 68 (*Лист 291об.-295*). «В газете “День” привлекает на себя внимание еще одна статья...»: [со слов из середины текста] (в разделе «Журнальное обозрение») // Дух христианина (СПб). – 1865. – Май. – С. 139-148. – [Из текста: «В газете “День” привлекает на себя внимание еще одна статья: “Полинька. Оригинально-русское явление из современной истории местной церковной жизни”. Вот что мы узнаем из нея: “Вся окрестность Блиновки, Нижеломовского уезда, Пензенской губернии, преклоняется перед авторитетом простой крестьянской девушки – Полиньки, смиренно внимают вдохновенной религиозной ее беседе ищет исцеление своих недугов в ее бедной пещере, сочиняет о ней разные чудесные легенды...”»].

Материалы сохранились в двух небольших папках. Они показывают наше прошлое, которое еще изучать и изучать...

**В. П. Митрофанов,**  
д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории,  
историографии и археологии  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза

## МЕДИЕВИСТИКА В ПЕНЗЕ: ЛЮДИ, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ

В числе пензенских историков в прошлом и настоящем были и историки-медиевисты (историки, специализирующиеся на изучении западно-европейского Средневековья – В. М.). Таковых хотя и было немного от общего числа профессиональных историков нашего региона, но они внесли определенную лепту в развитие отечественной медиевистики. Краткие биогра-

фические сведения о них уже публиковались в некоторых справочных изданиях<sup>1</sup>. Поэтому здесь лишь отметим их с отсылкой к справочному изданию В. И. Первушкина. Это Иллюстров Петр Михайлович, работавший в пензенском пединституте с 1945 по 1949 гг. и известный в науке как составитель нескольких карт по истории античности, Средневековья и Нового времени<sup>2</sup>.

Алексеев Петр Дмитриевич, защитивший в 1941 г. диссертацию о Евсевии Кесарийском (Византия VI в. – В. М.) и затем работавший в пензенском пединституте с 1945 по 1950 гг.<sup>3</sup>

Оба они не являлись уроженцами пензенского края. В 1950-1980- гг. на пензенской земле жили и трудились на поприще образования в пединституте Е. А. Ефремов и М. Ф. Фадына. Хотя они так же выходцы из других регионов России, но работали до конца своих дней на пензенской земле. Оба они окончили аспирантуру в ЛГПИ им. А. И. Герцена в начале 1950-х гг. Евгений Александрович занимался историей средневековой Хорватии и Славонии, о чем опубликовал несколько научных статей. Фадына Мария Федоровна, занималась историей крестьянской войны в Германии. Ею опубликованы несколько научных статей о борьбе крестьян Северной Тюрингии в 1524-1525 гг. Отметим, что одним из официальных оппонентов на защите кандидатской диссертации Марии Федоровны была Александра Дмитриевна Люблинская, впоследствии крупный специалист в области истории Средневековой Франции, западноевропейского средневекового источниковедения и средневековой латинской палеографии. Оба историка успешно защитили кандидатские диссертации в Ленинграде, в ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Эти историки-медиевисты не опубликовали сколь-нибудь много научных работ (научные сборники, изданные в других регионах страны с их публикациями не сохранились в книгохранилищах г. Пензы – В.М.), но это объясняется тем, что в те времена издавалось крайне мало специализированных научных сборников статей по западноевропейскому средневековью и ограниченной возможностью выезда преподавателей в командировки с целью сбора материалов в книгохранилищах г. Москвы и г. Ленинграда. Зарубежные командировки в те времена не могли получить даже ведущие медиевисты страны. Тем не менее, Е. А. Ефремов продолжал научную работу над докторской диссертацией, регулярно выписывая по межбиблиотечному абонементу микрофильмы средневековых источников на латинском языке и т. п. Однако, к сожалению, работу над докторской диссертацией он не успел завершить.

С 1971 г. в пензенском пединституте начала работать Кириллова Варвара Митрофановна, которая в 1979 г. защитила в МГПУ кандидатскую диссертацию о Р. Хаклюйте, идеологе английского колониализма конца XVI в. Она опубликовала несколько статей по данной тематике. Впоследствии Варвара Митрофановна занималась Новой и Новейшей историей и вновь обратилась к истории Средневековья лишь в последнее время, опубликовав в виде монографии свою кандидатскую диссертацию о Р. Хаклюйте<sup>4</sup>.

Автор настоящих строк начал заниматься научным исследованием по истории позднесредневековой Англии, находясь в аспирантуре, в Ленинграде, в ЛГПИ им. А. И. Герцена (1979-1981 гг.), где, под научным руководством д.и.н., профессора кафедры истории средних веков ЛГУ В. В. Штокмар была написана, а затем защищена в 1982 г. кандидатская диссертация на тему «Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI – начало XVII вв.)». Впоследствии, возвратившись в пензенский пединститут в том же году, научная работа по аграрной истории Англии эпохи Тюдоров и первых Стюартов была продолжена. Был опубликован целый ряд научных статей, особенно уже в постсоветский период, практиковались регулярные выезды на различного рода научные конференции по медиевистике, в том числе в зарубежные страны и т.д. В 1998 г. удалось выиграть грант РГНФ, что позволило активизиро-

---

<sup>1</sup> Первушкин В. И. Историки пензенского педагогического. Библиографический справочник. Пенза, 1999. С. 5, 14, 16.

<sup>2</sup> Там же. С. 16-17.

<sup>3</sup> Там же. С. 5.

<sup>4</sup> Кириллова В. М. Ричард Хаклюйт-младший – ученый, пропагандист и участник торговой и колониальной экспансии Англии второй половины XVI – начала XVII вв. (К 460-летию со дня рождения). М., 2013. 225 с.

вать работу над докторской диссертацией на тему «Крестьяне и государство в Англии (1550-1640 гг.)», защитив ее в 2001 г. в Нижегородском госуниверситете, предварительно опубликовав монографию по этой теме и несколько научных статей. В работе над темой научного проекта гранта участвовали так же преподаватели истфака ПГПУ В. М. Кириллова и И. И. Захарова, которые также опубликовали несколько статей в «Исторических записках»<sup>1</sup>. Проявил интерес к медиевистике доцент ПГУ В. О. Шпаковский, занявшийся изучением англоязычной историографией рыцарского вооружения и издавший отдельную монографию по этой теме.

Благодаря научным контактам с Институтом всеобщей истории и некоторыми ведущими медиевистами страны удалось установить связи с университетом Гарри Трумэна в США и регулярно отсылать туда сведения о публикациях и выступлениях с докладами на конференциях, которые публиковались в специальном справочнике на английском языке «Историки Раннего Нового времени»<sup>2</sup>.

Таким образом, к началу 2000-х годов пензенскими историками был сделан некий научный прорыв в области медиевистики, что стало возможным, благодаря объективным и субъективным факторам: возможность получения научных командировок, издания большого количества сборников научных трудов, установлению научных связей с различными университетскими центрами медиевистики, в том числе с руководителем «рабочей группой» Потсдамского университета по изучению аграрной истории Европы XVI-XVIII вв. профессором Яном Петерсом и участие в международной научной конференции в Потсдамском университете. Результатом этого стали публикации целого ряда научных статей в различных научных сборниках университетов страны, а затем издание в Германии (Lambert Academic Publishing) в 2011 г. расширенного варианта докторской диссертации в виде отдельной монографии<sup>3</sup>.

Все это позволило впервые в истории Пензы открыть аспирантуру по всеобщей истории на историческом факультете педуниверситета в 2002 г. и начать подготовку аспирантов по истории средневековой Англии и немецкой историографии аграрной истории Германии XVI-XVII вв. Это означало вовлечение в медиевистику молодежи и подготовку научных кадров. К настоящему времени три выпускника аспирантуры написали и защитили кандидатские диссертации по истории средневековой Англии в Нижегородском и Ивановском университетах и одна выпускница защитила кандидатскую диссертацию по немецкой историографии в спецсовете ПГПУ.<sup>4</sup> Готовится к защите кандидатской диссертации по аграрной истории средневековой Англии пятый выпускник аспирантуры, А. Н. Шабаев.

---

<sup>1</sup> Захарова И. И., Митрофанов В. П. Некоторые методологические аспекты истории Англии переходного периода от феодализма к капитализму // Исторические записки. Вып. 5. Пенза, 2001. С. 268-272.; Захарова И. И., Митрофанов В. П. Современники о пауперизме в Англии XVI в. (по трактату У. Гаррисона «Описание Англии») // Исторические записки. Вып. 5. Пенза, 2001. С. 43-53.; Захарова И. И., Митрофанов В. П. Проблема пауперизма в Англии XVI века (по трактату Генри Арта «Обеспечение для бедных») // Исторические записки. Вып. 4. Пенза, 2000. С. 40-48; Кириллова В. М. Социальный аспект колониально-пропагандистской литературы Англии второй половины XVI века // Исторические записки. Вып. 5. Пенза, 2001. С. 49-62.; Кириллова В. М., Милаева О. В. Социальный аспект колониальной пропаганды в Англии первой половины XVII в. // Исторические записки. Вып. Пенза, 2001. С. 54-69.; Кириллова В. М. Прект борьбы с пауперизмом в Англии XVI века в трудах Р. Хаклюйта // Исторические записки. Вып. 5. Пенза, 2001. С. 272-279.

<sup>2</sup> Шпаковский В. О. Рыцари Евразии глазами современных англоязычных авторов. Пенза: ПГУ, 2004.

<sup>3</sup> Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI – первой трети XVII веков. Н. Новгород, 2001. 204 с.; Крестьяне и государство в Англии (1550-1640 гг.). Социально-экономическая история, аграрная политика Тюдоров и Стюартов. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 368 с.

<sup>4</sup> Тетерина Е. А. Продовольственный вопрос в Англии кануна буржуазной революции середины XVII в. Автореферат диссерт. на соискание уч. ст. к.и.н. Нижний Новгород, 2006. 20 с.; Дорошенко Н. Н. Аграрное развитие Германии XVI-XVII вв. в современной немецкой историографии. Автореферат диссерт на соискание уч. ст. к.и.н. Пенза, 2006. 22 с.; Самойлова И. В. Продовольственное положение в Англии и политика Елизаветы Тюдор (вторая половина XVI в.) Автореферат диссерт. на соискание уч. ст. к.и.н. Нижний Новгород, 2007. 22 с.; Стриганова О. С. Развитие продовольственного рынка в Англии и политика правительства поздних Стюартов (1660-1714 гг.). Автореферат диссерт. на соискание уч. ст. к.и.н. Иванов, 2010. 22 с.

К настоящему времени молодыми историками-медиевистами опубликовано в общей сложности более тридцати научных статей и тезисов научных докладов в различных сборниках научных работ, изданных в Пензе, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Санкт-Петербурге.

Важным фактором в плане развития медиевистики в Пензе стало создание в 2011 г. научно-образовательного проекта по истории Англии в раннее Новое время на сайте [en-england.ru](http://en-england.ru). Это позволило не только разместить на нем множество оригинальных источников и научных работ, но и использовать его в целях учебно-методической работы со студентами исторического (с 2013 г. историко-филологического) факультета. Кроме того это дало возможность расширить связи с медиевистами других вузов страны. На сегодняшний день средняя посещаемость сайта составляет более 100 в день. Установлены научные связи с сектором истории средних веков ИВИ РАН, кафедрой истории средних веков Санкт-Петербургского университета, Саратовским университетом, Нижегородским университетом и Нижегородским педуниверситетом, Саранским университетом, Самарским университетом, Ивановским университетом, Ярославским пединститутом, Брянским университетом, Кемеровским университетом, Томским университетом, Башкирским университетом. Это позволило пензенским медиевистам публиковать статьи по тематике своего исследования в некоторых научных сборниках этих вузов, участвовать в различных научных конференциях и т.д. В настоящее время стоит задача налаживания научно-учебных связей с медиевистами из зарубежных вузов. Надеюсь, что руководство университета поможет пензенским медиевистам в этом важном деле.

Таким образом, в научном плане к настоящему времени пензенскими медиевистами сделано немало по сравнению с советским периодом времени. Имеются хорошие предпосылки для дальнейшей научной работы пензенских историков-медиевистов несмотря на всевозможные ужесточения со стороны Минобрнауки и ВАК. Однако все это возможно при финансовой поддержке дальнейших исследований со стороны ректората ПГУ или посредством финансирования через систему грантов каких-либо фондов. Так, например, чтобы написать и затем опубликовать только одну научную статью по истории какой-либо страны периода средневековья одного интернета недостаточно. Необходимо ехать и собирать оригинальные источники и специальную литературу в книгохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы, на что необходимо несколько десятков тысяч рублей. Заграничные командировки, которые в настоящее время стали обыденным делом в крупных университетах страны, потребуют уже гораздо больших сумм денег.

В учебном плане в Пензенской области медиевистика присутствует во всех средних школах, гимназиях и лицеях, где учителя истории преподают этот предмет в 6-7 классах. Кроме того, иногда на научно-практических конференциях «Старт в науку» отдельные учащиеся выступают с докладами по истории средних веков некоторых стран Европы, подготовленных под научным руководством своих учителей истории. Поэтому сотни учителей истории средних школ, гимназий и лицеев в учебном плане постоянно связаны с медиевистикой.

Естественно в учебном плане медиевистика присутствует в учебном плане подготовки студентов-историков ИФФ Пединститута ПГУ. Издан целый ряд учебных и учебно-методических пособий по истории средних веков. Однако программа подготовки бакалавров по истории средних веков значительно сокращена в плане аудиторной работы, что обусловлено акцентированием программы на самостоятельную работу студентов. Эффективность этого будет определена в ближайшее время. Вместе с тем можно отметить, что студенты-историки в целом живо интересуются проблемами медиевистики, готовят доклады на научные конференции, охотно берут темы курсовых и дипломных работ по различным вопросам истории западноевропейского средневековья, публикуют тезисы своих докладов в сборниках Лебедевских чтений.

Открытие направления «История» на ИФФ пединститута ПГУ, магистратуры по педагогическому направлению профиля «История» может способствовать дальнейшему развитию медиевистики в Пензе, как плане образования, так и научных исследований. В настоящее время имеются хорошие предпосылки для того, чтобы Пенза стала одним из центров медиевистике в России. Уже сейчас успехи пензенские медиевистов в научном плане выглядят впечатляющими на фоне научных достижений медиевистов ряда соседних областей. Заметим, что в Приволжском регионе в настоящее время крупным центром медиевистики является лишь

Саратов, где создана школа ведущих медиевистов советских времен С. М. Стама, М. М. Ябровой и др.

Однако есть и недостатки. Так, например, за весь советский и постсоветский период в Пензе не было проведено ни одной межвузовской научной конференции по проблемам западноевропейского средневековья и не было издано ни одного сборника научных работ. Некой компенсацией этого недостатка можно считать работу секций «История средних веков» на ежегодных Лебедевских чтениях, издание тезисов докладов по медиевистике, заслушанных на этих конференциях, публикация научных сборников «Исторические записки», «Известий ПГПУ» и некоторых других местных изданий, в которых пензенские историки-медиевисты публиковали свои научные труды.

*Д. Ю. Мурашов,  
к.и.н., ученый секретарь  
Пензенской областной библиотеки  
имени М. Ю. Лермонтова*

### **ПЕНЗА И ЕЕ ОБЫВАТЕЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ-БЕЛЛЕТРИСТА ВАЛЕРИАНА ВОЛЖИНА**

Валериан Александрович Волжин (1845-1919) – российский писатель «второго ряда», чьи произведения в царской России печатались в различных журналах и выходили отдельными сборниками, но в России советской и постсоветской оказались забытыми. Валерин Волжин жил в Пензе: с 1872 по 1904 гг. и с 1918 по 1919 гг. Он был судебным следователем, товарищем прокурора и судьей Пензенского окружного суда, членом Пензенского губернского статистического комитета и действительным членом Пензенской губернской ученой архивной комиссии<sup>1</sup>. Практически все его произведения (романы, повести, рассказы) написаны на пензенском материале. В них представлена широкая панорама жизни Пензы и губернии второй половины XIX в.

Пенза в произведениях В.А. Волжина названа городом Тулуповым. Впервые это название появляется у Волжина в 1892 г. в книге «Из воспоминаний судебного следователя». В 1893 г. выходит сборник повестей Волжина «Наши тулуповцы». В других произведениях Волжина Пенза либо вновь называется Тулуповым, либо просто городом Т. Название Тулупов В. А. Волжин придумал, скорее всего, отталкиваясь от щедринского города Глупова (сочинения М.Е. Салтыкова-Щедрина Волжин высоко ценил).

Местом действия рассказов, повестей и романов В.А. Волжина являются частные дома, квартиры обывателей Пензы, губернаторский дом, здание Дворянского собрания, помещения банков, церквей, школ и гимназий, Окружного суда, тюремного замка. Подробно описаны городские сады, улицы (Московская, Садовая, Тамбовская), притоны нищих, базар, прилегающий к городу казенный лес.

С описания Тулупова (Пензы) начинается роман «Альтруист» (1898 г.): «Был зимний морозный вечер. Широкие полосы света от горевших ламп в квартире чиновницы Катерины Михайловны Персиковой, чрез полузамерзшие окна, неровно ложились на тротуар и не совсем то чистый уличный снег. Кое-где, наподобие маяков или часовых, расставленные на улицах фонари плохо содействовали освещению заурядного губернского города Т., а на отдаленных от центра улицах почти замирала всякая жизнь. Только разве иной раз подъедет к трактуру какой-нибудь разжившийся от пьяненьких седоков биржевой извозчик, чтобы подкрепить себя «с устатку» водочкой, ветчиной и селедочкой. Иногда же слышатся с улицы всероссийская ругань непечатными словами, какие-то хриплые крики и возгласы, прерываемые резкими и тревожными свистками, которые на языке «хожалых», городских и обывателей из простого люда именуются «дребезгом», а в переводе означают: «Лети! Хватай за шиворот первого

<sup>1</sup> См. формулярный список В. А. Волжина: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 10. Д. 84; Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Книга II. Пенза, 1904, С. 19; Из мемуаров В. А. Волжина // Исторический вестник. 1912. № 8. С. 449.

встречного, подозрительного мастерского или пропойцу и не пушай!» Но было далеко еще не поздно, всего только семь часов, как говорят простецы-обыватели».

Герои произведений Волжина – губернаторы и предводители дворянства, служащие и дворяне, купцы, банкиры, городские, судьи и адвокаты, учителя и гимназисты, священнослужители. Все они – человеческие типы Пензы второй половины XIX в., в которую проникает капитализм, нарушая вековое провинциальное захолустье.

Вот портрет Аркадия Ивановича Кремнева, бывшего уездного предводителя дворянства (повесть «Бабий клуб»): «Сам старик Аркадий Иванович интересовался только «Гражданином» и «Московскими ведомостями», а вечера проводил за винтом – то у губернатора, то – в дворянском клубе. Барские привычки он все еще сохранил, хотя давно уже отказался от предводительства – отчасти потому, что прожился и обеднял, отчасти же потому, что в роли предводителя надо было задавать обеды, жертвовать на разные благотворительные затеи и учреждения, показываться и председательствовать в разных присутствиях».

А это – протоиерей Аристарх Ризположенский (повесть «Чудак-благотворитель»), «не старый и весьма благообразный», «с тонкими чертами лица, в шелковой рясе и с дорогим наперсным крестом». «Многие из тулуповских купчих и разные барыни, эдак среднего бальзаковского возраста, пламенели к Аристарху самыми греховными помышлениями и чувствами, увлекаясь его наружностью и поразительным голосом. Говорили даже в Тулупове, впрочем, со слов самого Аристарха, что к нему были равнодушны и многие гимназистки, которые, будто бы, писали к нему, конечно, больше анонимные записки...».

Ярко описан купец-старообрядец Лука Данилович Коноплянников (роман «Заговорила совесть»). «Это был рослый и пожилой купчина – старовер из богатейших лабазников и хлебных торговцев. Он держался отцовских традиций во всем, начиная с внешности. На его темени, от середины лба к плечи, начинался сделанный гребнем ряд в виде дорожки, с расчесанными направо и налево редкими рыжими и чуть тронутыми сединой волосами. Картуз, двубортный сюртук темно-коричневой летней материи и штаны, заправленные в сапоги, составляли его обычный костюм без малейших признаков оригинальности. Табаку – «чортова зелья» – он не выносил и всякий раз отплевывался, когда ему предлагали покурить».

Кто же был прототипами произведений Волжина или они собирательные образы? Чаще всего – второе. Учительница Оля Яхонтова («Альтруист»), опустившийся на «дно» пензенского общества чиновник Андрей Ильич Вихров («Нищий чиновник») – образы собирательные. Но есть у персонажей Волжина и вполне реальные прототипы.

Волжинский предводитель губернского дворянства князь Турухтанов – это князь Евгений Юрьевич Голицын, предводитель пензенского дворянства с 1873 по 1876 гг. Уверенность в этом придают два обстоятельства. Первое: среди предводителей пензенского губернского дворянства было только два князя: Е. Ю. Голицын и А. Д. Оболенский. Второе: из них двух только Голицын потерпел значительные материальные убытки и был практически разорен. В романе «Заговорила совесть» об этом сказано так: «Губернский предводитель дворянства князь Турухтанов занимал собственный дом особняк на окраине города. Когда-то очень богатый и влиятельный, теперь он совсем запутался в долгах и еле-еле поддерживал свой высокий дворянский престиж. Но барские привычки оставались у него еще прежние».

В середине 70-х гг. XIX в. Голицын действительно попал в тяжелые материальные обстоятельства. Об этом говорят в 1875 г. объявления в «Пензенских губернских ведомостях»<sup>1</sup>. В них идет речь о публичной продаже движимого и недвижимого имущества князя: имущества в селе Троицком Мокшанского уезда, мебели, лошадей и экипажей, что были у него в Пензе. Долг князя Голицына только Пензенскому городскому общественному банку составил 18 000 руб.<sup>2</sup>

Сочинения Валериана Александровича Волжина – уникальная летопись пензенской повседневности второй половины XIX в. Их тщательное исследование обогатит пензенское краеведение и ярко детализирует страницы местной истории.

<sup>1</sup> «Пензенские губернские ведомости». 1875. № 110, 113.

<sup>2</sup> Там же. 1875. № 133.

**И. В. Мурылев**  
*аспирант кафедры всеобщей истории,  
историографии и археологии  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## ГРАЖДАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914-1918 ГГ.

Руководство Российской империи, вступив в первую мировую войну, приняло решение обезопасить себя от внутреннего противника – подданных государств противников России и ее союзников (Германская, Австро-венгерская и Османская империи). Это выразилось в ряде мер проводимых российским государством. Исходя из того что подданные этих государств могут на территории России вести разного рода деятельность подрывающую обороноспособность страны, было принято решение выселить их в губернии удаленные от фронта. Приказом министра внутренних дел местом водворения австрийских и германских подданных назначена Пензенская губерния кроме местностей, прилегающих к Сызранско-Вяземской дороге<sup>1</sup>. 3 ноября 1914 года прибыла первая партия подданных Германии и Австро-Венгрии<sup>2</sup>. Их надлежало отправить в уезды, так как «город Пенза является центром передвижения военных поездов с войсками и военными грузами»<sup>3</sup>.

Также высылке в Пензенскую губернию подвергались «евреи на все время войны»<sup>4</sup> и «лица из российских подданных, замеченные в разных проступках или ввиду неблагожелательности»<sup>5</sup>. Например: Абрамович Орель Гецелевич, 68 лет, местечко Вильям Польское Ковельской губернии, еврейский крестьянин, маляр, водворен 13 июля 1915 г. в г. Пензу, шпион<sup>6</sup>; Феликс Иосифович Кайратис (состоял на службе в Тайной разведке штаба 5-й армии, оказался совершенно не пригодным, а знание им некоторых особенностей организации разведки и лиц ее обслуживающих, делает его пребывание в зоне боевых действий нежелательным)<sup>7</sup>; Софья Ивановна Покалевич выслана как изобличенная в занятии тайной проституцией<sup>8</sup>; Гершон Яикелевич Зальцман выслан за тайную торговлю приготовленным им же изюмным вином<sup>9</sup>.

Австрийские и германские подданные должны были быть размещены преимущественно в городах, или в случае затруднения их размещали в ближайших крупных селах. На месте поселения высылаемые пользовались правом свободного передвижения на месте выселения<sup>10</sup>. Подданные иностранных государств, высочайшим указом, исключались из состава всех союзов и обществ и других общественных, частных и правительственных организаций<sup>11</sup>. Им запрещалось иметь на руках денежные суммы более 25 рублей на человека, превышающую сумму они обязаны были сдавать в конторы мест заключения<sup>12</sup>. Помимо этого ссыльным запрещалось посещать спектакли, концерты и другие увеселительные зрелища<sup>13</sup>, читать газеты не на русском языке<sup>14</sup>.

---

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 1.

<sup>2</sup> Там же. Л. 4.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 6. Оп. 1а. Д. 591. Л. 19.

<sup>5</sup> Там же. Л. 248.

<sup>6</sup> Там же. Л. 461.

<sup>7</sup> Там же. Л. 832.

<sup>8</sup> Там же. Л. 852.

<sup>9</sup> Там же. Л. 891

<sup>10</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 242.

<sup>11</sup> Там же. Д. 7992. Л. 145.

<sup>12</sup> Там же. Л. 2.

<sup>13</sup> Там же. Д. 7991. Л. 625.

<sup>14</sup> Там же. Л. 623.

В большинстве случаев водворяемы не были снабжены теплыми вещами и обувью, в связи, с чем на выдачу пособий этим лицам МВД в декабре 1914 года выделяет 2911 рублей 40 копеек<sup>1</sup>. Из расчета 20 р. на теплую одежду, 4 р. на обувь<sup>2</sup>

По предложению товарища министра внутренних дел в 28 января 1915 года в Пензенской губернии была создана особая полицейская команда для надзора за высылаемыми подданными воюющих держав в составе 1 полицейский надзиратель и 12 полицейских нижних чинов.<sup>3</sup> Полицейская команда создавалась для надзора за высланными в городах губернии из расчета 1 стражник или городской на 100 человек высланных, 1 класный чин на 500 высланных<sup>4</sup>. Исходя из этого можно сделать вывод, что на территории Пензенской губернии в январе ре 1915 года было более 1200 сосланных иностранных подданных.

Пребывание подданных иностранных держав в городах губернии не всегда вызывало одобрение местного населения. Так, жители города Городище в заявлении к уездному исполнительному комитету в 1917 году призывают выдворить иностранцев из Городища, т.к. «эти господа заняли» все свободные квартиры и комнаты в городе, тем самым обострив квартирный вопрос «невыносимым образом», скупают предметы первой необходимости по баснословным ценам. С их появлением значительно увеличилась цена продуктов<sup>5</sup>. Губернский комиссар Ашанин отказал в просьбе жителям Городища, так как «все города и села губернии находятся в одинаковом положении»<sup>6</sup>.

Таким образом, во время Первой мировой войны Пензенский край не остался в стороне от появившихся новых социальных проблем, вызванных войной. Появившиеся в 1914 г. на территории губернии тысячи иностранных подданных (а в 1915 г. еще и военнопленных) легли тяжким грузом на органы власти и принесли ряд неудобств местному населению. И хотя власть пыталась возложить все расходы по перемещению и проживанию ссылаемых на них самих, мы видим, что ссыльные легли тяжелым бременем на бюджет страны.

**В. Н. Паршина,**  
*к.и.н. доцент кафедры отечественной истории  
и методики преподавания истории  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **ЖЕНЩИНА В ГОРОДЕ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ О Н. И. СПРЫГИНОЙ)**

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. По мнению Н. Л. Пушкаревой<sup>7</sup> в центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения

Повседневность провинциального города представляется одной из интересных тем. Особый интерес представляет анализ женской саморепрезентации в рамках обыденности с

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1991. Л. 191.

<sup>2</sup> Там же. Л. 690.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 6. Оп. 1а. Д. 602. Л. 1.

<sup>4</sup> Там же. Л. 6.

<sup>5</sup> Там же. Д. 10956. Л. 35.

<sup>6</sup> Там же. Л. 37.

<sup>7</sup> Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история Ежегодник, 2007. М.: РОСПЭН, 2008. С. 9–21; Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.



точки зрения ее соответствия нормативной модели поведения, заданной культурной провинциальной традицией.

В настоящее время в историографии вызывают интерес так называемые «субъективные источники», документы личного происхождения, к которым относятся мемуары, дневники, воспоминания. Н. Л. Пушкарева называет дневники и воспоминания его-документами, поскольку они фиксируют личные пристрастия, представления о повседневном дискурсе.

В конце XIX – начале XX вв. происходят изменения в повседневной жизни жительниц города. В провинциальных городах в указанный период шло формирование нового социокультурного типа женщин – горожанок, которые отличались от своих предшественниц спецификой ценностных ориентаций. В отличие от «новых женщин» столичных городов пореформенного периода, которые как правило, разрывали с семьей, разрушая традиционный взгляд на предназначение женщины, чтобы самореализоваться в профессиональной деятельности, то женщины – провинциалки начала XX в. предпочитали моделью частной жизни семью, стремясь сочетать ее с ориентацией на образование, публичную жизнь и профессиональный труд.

В. Б. Котлова рассматривая проблему российской женщины в провинциальном городе на рубеже XIX – XX вв., приходит к выводу, что русские городские семьи рассматриваемого периода не были однородными. Значительная их часть сохраняла черты патриархального быта. Вместе с тем, во многих семьях городских дворян, интеллигенции, мещан уже проявились признаки трансформации внутрисемейных отношений. Инициатором этих изменений выступали женщины, которые становились субъектом не только в домашнем мире, но и в сфере публичной жизни<sup>1</sup>.

Феномен женщины-ученой Н. И. Спрыгиной – сложное переплетение стремления к научному творчеству с реализацией себя как жены и матери. Семья, поддержка и помощь мужу-ученому – доктору биологических наук, профессору И. И. Спрыгину, свои талантливые исследования в этнографии и археологии, общественная деятельность – все это яркие страницы жизни Нонны Ивановны Спрыгиной.

Основными источникам изучения биографии Н. И. Спрыгиной, являются неопубликованные воспоминания дочери, – Людмилы Ивановны Спрыгиной<sup>2</sup>, хранящиеся в фондах Пензенского государственного краеведческого музея. В источнике отражается как, история жизни семьи Спрыгиных, биографии ее членов и круга общения, так и история, быт той эпохи.

Хронологические рамки рассматриваемых воспоминаний охватывают жизнь семьи Спрыгиных с 1899 по 1919 гг., хотя в первой главе «Предки», автор обращается к более раннему периоду. Следует выделить специфику данного источника в рамках вопроса: по изучению женской повседневности, отчетливыми становятся отличия ее от мужской повседневности. В воспоминаниях о Нонне Ивановне, ее женского окружения реже, чем о И. И. Спрыгине, его соратников по Пензенскому обществу любителей естествознания и коллегах по работе, можно встретить упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описание повседневных реалий и личных переживаний.

Семья Спрыгиных принадлежала к кругу пензенской интеллигенции. Точная дата знакомства Ивана Ивановича Спрыгина с Нонной Ивановной Цилли<sup>3</sup> не определена, но знаковым

<sup>1</sup> См.: Котлова Т. Б. Социокультурная среда в российском провинциальном городе в конце XIX – начале XX века: гендерный аспект. Иваново, 2001.; Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX-XX веков. Иваново, 2003.

<sup>2</sup> Спрыгина Людмила Ивановна, родилась 27 апреля 1906 г. в Пензе. В 1930 г. окончила геофизическое отделение МГУ. Работала в экспедициях по организации заповедников в Среднем Поволжье, в институте Гидротехгео, в институте Большого Советского Атласа мира, в издательстве «Наука» АН СССР. Является автором около 300 статей в Большой и Малой Советских энциклопедиях. После выхода на пенсию занималась мемуарно-краеведческой работой, является автором книги «Иван Иванович Спрыгин» (М., 1981), составителем и комментатором сборника ранее не публиковавшихся работ И. И. Спрыгина в серии «Научное наследие» (т. 11, М., 1989).

<sup>3</sup> Нонна Ивановна родилась в 1880 г. в г. Одессе в семье служащего И. В. Цилли. Ее мать Мария Васильевна, в девичестве Сченснович, была родом из г. Витебска. Она вышла замуж за Ивана Владимировича рано – по окончании седьмого класса гимназии. Молодая семья часто переезжала из одного города в другой. И. В. Цилли был контролером Контрольной палаты и по роду службы его через короткие промежутки времени переводили в другие города. В г. Пензу семья переселилась в 1881 г., где Иван

вым событием в их отношениях стало открытие в феврале 1898 г. в г. Пензе рисовального (впоследствии художественного) училища, во главе которого встал академик живописи К. А. Савицкий. После окончания Казанского университета, И. И. Спрыгин вернулся в г. Пензу и начал работу в училище. Первоначально молодой ученый, как политически неблагонадежный в связи с участием студентом, в революционной деятельности, поступил на должность делопроизводителя. Спустя год, он получил возможность занять там место преподавателя естествознания<sup>1</sup>. Нонна Ивановна, у которой с детства была большая способность к живописи и рисованию поступила туда учиться<sup>2</sup>.

Жизнь Нонны Ивановны, в большей степени отражала приверженность в повседневной жизни традиционным ритуалам, связанным с замужеством, беременностью как основными антропологическими опытами женского бытия. Свадьба состоялась 8 января (по старому стилю) 1899 г. Вначале Нонна Ивановна посещала занятия в Художественном училище, но вскоре тяжелая беременность не позволила ей продолжать занятия<sup>3</sup>. В конце первого года после свадьбы, 5 декабря по старому стилю у Спрыгиных родилась первая дочь Нина. Весной 1901 г. родилась вторая дочь – Маруся. В 1906 году родилась третья дочь – Людмила.

Нонна Ивановна была страстной матерью, вкладывавшей в уход за детьми и воспитание их все свои силы, всю свою душу. Смерть первой дочери Нины в раннем детстве еще более усилила эту черту ее натуры. Боязнь потерять своих детей никогда не оставляла ее: упавшие на пол игрушки дезинфицировались борной кислотой<sup>4</sup>. Вместе с тем она была строгой и требовательной матерью. Излишнего баловства детей в семье совсем не было. Воспитание носило даже несколько спартанский характер. Не баловали детей ни нарядами, ни лакомствами. Домашней работой не утруждали, предоставляя возможность больше времени уделять учению языкам, музыке, рисованию и чтению. В отношении старшей из оставшихся двух дочерей, Маруси, воспитание было более мягким, т.к. она была физически слабым и часто болевшим ребенком. А младшая дочь всегда принимала участие во всех работах своих родителей по дому, а впоследствии и в их работе. Нонна Ивановна по отношению к отцу сознательно воспитывала в своих детях чувство любви и большого уважения. «Еще маленьким нам она разъясняла, что отец занят научной и общественной работой, говорила какой он хороший человек»,<sup>5</sup> – вспомнила младшая дочь Людмила.

Чета Спрыгиных не признавала церковных обрядов, в церковь не ходили, за исключением, иногда пасхальной заутрени – это была красивая, торжественная служба с хоровыми песнопениями. В связи с этим серьезно обсуждался летом 1915 года в семье вопрос, как быть с тем, что для поступления в гимназию младшей дочери требовалась справка о том, что она была у исповеди, придумывали способ, как избежать этого.

Материальное положение семьи было более чем скромным. И. И. Спрыгин имел жалованье делопроизводителя в Художественном училище 600 рублей в год, а ко времени женитьбы хотя и смог давать там уроки, но заработок оставался небольшим. И в последующие годы, когда, с 1901 года, он получил место учителя в гимназии, материальное положение семьи оставалось очень необеспеченным. Кроме этого, научные занятия Ивана Ивановича требовали больших расходов. Разъезды по губернии, оборудование для сбора коллекций, книги, даже только самые необходимые, стоили денег. На это в бюджете семьи всегда отводилось место. Нонна Ивановна в материальном отношении подчиняла свои желания интересам мужа. Привыкшая и в своей семье к бедности, она умела смолоду ограничивать свои желания и строго рассчитывать деньги. Много помогало ей в этом умение шить и художественный вкус. Она

---

Владимирович стал служить в Пензенской контрольной палате. К несчастью домочадцев, Иван Владимирович умер еще молодым, в 42 года. На руках у вдовы осталось семеро детей. // Лебедева Л. В., Паршина В. Н. Женское лицо провинциальной науки: жизнь и деятельность Н. И. Спрыгиной // Очерки истории пензенского края. Пенза: ПГУ, ГУМНИЦ, 2013.

<sup>1</sup> Спрыгина Л.И. Жизнь и деятельность И. И. Спрыгина // И. И. Спрыгин. Из области Пензенской Лесостепи Ч. 3. Пенза, 1998. С. 12 – 13.

<sup>2</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л.И. Биография Н.И. Спрыгиной. Машинописная рукопись, 1996. Л. 2.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. Л. 95.

<sup>5</sup> Там же. Л. 98.

покупала на распродажах в магазине Хазаровского на Московской улице, известный, всем, как «Хазароска» дешевые, но красивые ткани и шила из них себе и детям платья<sup>1</sup>.

Несмотря на материальные затруднения в семье, в организации домашнего быта помогала прислуга. Следует отметить, что в начале XX века труд домашней работницы, прислуги, как тогда говорили, был в то время невероятно дешев. В небогатых семьях г. Пензы, нанимая неквалифицированную, т.е. неопытную, необученную еще профессии домашней прислуги, работницу, ей платили всего 1-2 рубля в месяц. А работницы охотно шли за такую плату, т.к. кроме нее получали еще стол, квартиру и что-нибудь из одежды. Делать же самим черную работу даже в самых небогатых семьях педагогов, чиновников считалось невозможным. Так, например, Мария Васильевна, мать Нонны Ивановны оставшись в 35 лет вдовой с 7-ю детьми, жила на небольшую пенсию. Жила семья очень бедно, но прислуга /одна/ все же была. Она стирала и стирала на семью в 8 человек, убирала квартиру. В воспоминаниях дочери Людмилы, приводится в связи с этим интересный эпизод, когда, придя в дом своей подруги Марии Кабановой, Нонна Ивановна застала ее мать, за необычным занятием, по ее мнению, за мытьем полов. Дело в том, что она выполняла ее аккуратно одетая как всегда, в шерстяном платье с белым воротничком и в соответствующем переднике. Данный случай был не типичен для г. Пензы рассматриваемого времени. По воспоминаниям дочери Людмилы, работницы в семье Спрыгиных жили подолгу. Нонне Ивановне удавался «длительный процесс воспитания» прислуги, она держала себя очень спокойно, никогда не кричала на прислугу, но требовала беспрекословного исполнения. Бразды правления домашним хозяйством были в руках Спрыгиной. Иван Иваныча она освобождала почти полностью от хозяйственных забот. Он все свое время уделял преподаванию, научной и общественной работе.

Два раза в неделю в базарные дни продукты закупались на базаре. Бакалейные товары покупались в небольших лавках недалеко от дома, например в лавке Трунова на Ишиевой горке. Был еще и следующий удобный «институт»: по улицам возили на подводах некоторые продукты, например, арбузы в конце лета. Также продавали картофель и другие овощи и, конечно, угли, которых тогда много требовалось для самоваров, лошадь медленно тянула воз нагруженный углем, рядом шел возчик с черным лицом, на котором сверкали белки глаз, и руками и кричал «уу-глей, уу-глей, уу-глей». Мерой при таких продажах с воза было ведро. Молоко приносили крестьянки из ближайших деревень. Молоко приносили в глиняных черных горшках, которые были завязаны в холщевые мешки или тряпицы и висели у продавщицы на коромысле. Позже, уже в советское время, молоко стали продавать в «четвертях» – больших стеклянных бутылках.

Яблоки и ягоды покупались обычно где-нибудь поблизости у домохозяев, имевших сад. Кроме того, еще был институт разносчиц, приносящих товар на дом. Еще в снабжении пензенской семьи продуктами играли немалую роль болгарские огородники<sup>2</sup>. Их большие огороды помещались за улицей Подгорной (там, где теперь так называемая Южная поляна) – они арендовали там землю. Болгары выращивали замечательные овощи, свои особые сорта. Особенно славился их болгарский синий лук, сладкий и крупный, для закусок. Благодаря этим болгарским огородам пензенцы познакомились и со спаржей.

На протяжении многих лет в семье на первом плане стояли интересы и занятия Иван Ивановича. Жизнь Нонны Ивановны в то время была полна самоотречения – отречения от собственных планов и устремлений, продолжения образования. В интересы своего мужа она включилась быстро и стала его верной помощницей. Собственно, к естественным наукам у нее не было природной склонности. Не увлекаясь ни ботаникой, ни зоологией, на долгие годы она стала помощницей Ивану Ивановичу, освобождая его от черновой работы в его исследовательской деятельности, редактируя его рукописи и тексты докладов и выступлений, выпол-

<sup>1</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Биография Н. И. Спрыгиной. Машинописная рукопись, 1996. Л. 61.

<sup>2</sup> Болгарские огороды под Пензой просуществовали до того времени, когда Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Германии. Огородники сразу исчезли, куда-то их вывезли, огороды были брошены и чудесные сорта овощей исчезли из обихода горожан // ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Семейная хроника. Указ. соч. Л. 148.

няя всю техническую работу по составлению карт, по обработке гербария, зоологической коллекции<sup>1</sup>.

Впоследствии дочь Спрыгиной, Людмила Ивановна отмечала, что некоторые друзья И. И. Спрыгина считали, что из него, может быть, и не вышел бы ученый и общественный деятель, если бы в молодости он не встретил такую хорошую подругу жизни. Без ее поддержки, один, он не смог бы, преодолеть те трудные условия жизни, в которые попал, будучи вынужден жить вдалеке от научных центров, в Пензе<sup>2</sup>.

В период 1900-х – 1910-х гг. Нонна Ивановна реализовывала себя не только в семье и помощи мужу-ученому, но и в общественной работе. С 1898 по 1905 гг. она преподавала в Воскресной школе. Наиболее значимым в этот период времени было участие Н. И. Спрыгиной в организации и открытии Пензенского общества любителей естествознания (ПОЛЕ) в апреле 1905 г., главной задачей которого было изучение Пензенской губернии в естественно-историческом отношении и распространении этих знаний и Пензенского естественно-исторического (ныне краеведческого) музея. И. И. Спрыгин был председателем совета ПОЛЕ с 1911 по 1929 гг. (вторым, после Ф.Ф. Федоровича). Нонна Ивановна и ее брат Борис Иванович Цилли, наряду с другими преподавателями-общественниками, были действительными членами этого общества<sup>3</sup>.

С начала 1910-х годов стала изменяться бытовая сторона жизни Спрыгиных. Экспедиционная работа Ивана Ивановича по исследованию растительности в Пензенской и Черниговской губерниях, затем четыре поисковых партии по районам Туркестана<sup>4</sup>, принесла дополнительный заработок, который значительно увеличил возможность удовлетворения культурных и бытовых потребностей семьи.

Скитания по небольшим наемным квартирам к этому времени утомили Спрыгиных и они хотели создать удобные условия жизни. Летом 1911 г. в рассрочку, на ссуду Общества взаимного кредита, с платежами, рассчитанными на длительный срок, был куплен дом. Выбор был остановлен на небольшой городской усадьбе, расположенной в последнем квартале ул. Пешей (ныне ул. Богданова) № 48, незадолго перед этим выстроенной пензенским диаконом Артоболевским. Одноэтажный деревянный дом включал в себя шесть комнат размером 14 – 20 м. На улицу выходили 4 окна двух передних комнат, остальные окна – во двор. Мебелью дом обставлялся постепенно. Она делалась на заказ из дуба по рисункам Нонны Ивановны<sup>5</sup>.

Перед началом Первой мировой войны Нонна Ивановна представляла собой молодую, полную сил женщину. Вот как вспоминает о ней ее дочь Людмила: «Я вспоминаю маму в это лето 1913 г. с книгой в руках, на террасе или в гамаке под соснами. Она много читала или занималась одним из своих красивых рукоделий – хардангер, фриволите и другими. Маме было тогда 33 года. Помню ее всегда хорошо причесанной, небольшие, но красивые темно-коричневые волосы с прямым пробором крупными волнами окаймляли лицо. Одевалась мама скромно, но с большим вкусом. Помню ее в это лето в светлой длинной юбке, облегающей фигуру сверху и широкой внизу, и красивых кофточках из батиста или так называемой «лебедевской» ткани. Такую материю ткали крестьянки в деревне Лебедевке в нескольких верстах от Пензы... По белой, реже розовой материи, типа рогожки, ткались полоски и широкая кайма из черных, красных и желтых ниток. Ткали купоны на платья, блузки и мужские косоворотки, очень красивые скатерти, большие и маленькие.

Крестьянки же приносили купоны в больших коробах в город и продавали, разнося по квартирам. У нас в семье эти изделия очень любили. Большой успех они имели и у приезжавших к нам москвичей – работавших в Пензенской губернии почвоведов, ботаников, геологов и географов, проводивших исследования ее природы, предпринятые пензенским Земством. Как подарки, лебедевские ткани ценились так же, как и знаменитые пензенские пуховые платки.

---

<sup>1</sup> Спрыгина Л. И. Жизнь и деятельность И. И. Спрыгина. Указ. соч. С. 25.

<sup>2</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Семейная хроника. Указ. соч. Л. 60.

<sup>3</sup> Юбилейный сборник. К 50-летию Пензенского областного краеведческого музея (1905 – 1955). Пенза, 1958. С. 22, 38.

<sup>4</sup> Спрыгина Л. И. Жизнь и деятельность И. И. Спрыгина // Из истории области. Очерки краеведов. В. IV. Пенза, 1993. С. 16.

<sup>5</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Семейная хроника. Указ. соч. Л. 137.

У нас с Марусей были платья из лебедевской ткани, сшитые мамой по фасону мордовских панаров – с широкой каймой по подолу и более узкой на рукавах, от плеча вдоль рукава и по обшлягу»<sup>1</sup>.

Собственные интересы Нонны Ивановны были направлены к гуманитарным наукам и искусству. Она много читала, следила за новой литературой. В сохранившейся переписке Ивана Ивановича встречаются упоминания о том, что «достал, по просьбе Нонны Ивановны книжечку Э. Верхарна «Зори» и др. Книги М. Метерлинка, изданные в те годы в приложениях к журналу «Нива», стали одними из наиболее читаемых ей в те годы. Несмотря на скромные средства, Н. И. Спрыгина ездила в Москву, чтобы посмотреть новые спектакли любимого ею Художественного театра, кумира русской интеллигенции. По возвращении в Пензу она много и подробно рассказывала о театральных постановках, привозила программы спектаклей, иллюстрации. Нонна Ивановна занималась самообразованием. Много читала трудов по философии, литературе, искусству, религии древних народов Азии, в особенности Индии и Японии. Она приобретала все, что выходило в России в то время. Особенно она любила книги Рабиндраната Тагора, Лафкадио Херна «Душа Японии» и др.<sup>2</sup>

Расширился круг близких знакомых и друзей Н. И. Спрыгиной. Елизавета Карловна Штукенберг – краевед, биолог, член ПОЛЕ и первый директор естественноисторического музея<sup>3</sup> и Александра Ивановна Петрова – жена академика живописи Н. Ф. Петрова, директора Пензенского художественного училища<sup>4</sup>, были в Пензе того времени самыми интеллигентными, образованными женщинами. С ними и было у Нонны Ивановны наиболее тесное общение в те годы. С Елизаветой Карловной их связывали общие интеллектуальные интересы, общая просветительская работа. Это была незаурядная женщина. Очень молодой девушкой она вышла замуж за человека значительно старше себя. Замужество не было для Елизаветы Карловны счастливым. Семейная жизнь не удовлетворяла, детей не было. В сложившейся в ее жизни ситуации большинство женщин того времени нашли бы выход в обычном тогда обилии всякого рода развлечений, в любовной связи или связях, но Елизавета Карловна, молодая, красивая и обеспеченная материально женщина, увлеклась ботаникой. Сначала, живя с мужем, горным инженером А. Л Штукенберг, в Туркестане, она стала заниматься изучением местной растительности. С 1910 г. года, после переезда в Пензу, Елизавета Карловна стала членом ПОЛЕ, проявила себя очень энергичным деятелем его и уже в 1911 году была избрана товарищем председателя<sup>5</sup>.

В период Первой мировой войны Н. И. Спрыгина стала более активно принимать участие в общественных начинаниях г. Пензы. Она работала с беженцами из западных губерний России, нуждающихся в организации быта и трудоустройства. С ними Нонна Ивановна работала главным образом в «швальне» – так называлась мастерская по пошиву одежды, организованная для того, чтобы дать заработок женщинам-беженкам. А также она занималась сбором вещей и организации посылок для солдат в действующей армии<sup>6</sup>.

Экономический кризис тяжело сказался на жителях г. Пензы, в том числе и на быте семьи Спрыгиных. Недостаток продуктов питания стал чувствоваться уже летом 1916 г. В то же время в провинции было лучше, чем в г. Москве и г. Петрограде. Нонна Ивановна, заботясь о брате Владимире Ивановиче, изыскивала возможности посылать продуктовые посылки в Москву. В тот период времени к пересылке принимали хлеб и сухари. Н. И. Спрыгина шла на уловку. Она брала круглый каравай ржаного хлеба домашней выпечки, вырезала с нижней его стороны отверстие, вкладывала туда большой кусок сливочного масла, затем закрывала его нижней коркой хлеба. После этого каравай зашивался в холстину и отправлялся по почте в Москву.

<sup>1</sup> Спрыгина Л. И. Кичкилейка // Земство. 1996. № 1 (10). С. 202.

<sup>2</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Семейная хроника. Указ. соч. Л. 155.

<sup>3</sup> Савин О. М., Солянов А. А. Штукенберги // Пензенская энциклопедия. М. 2001 С. 682.

<sup>4</sup> Иванчикова О. А., Сазонов В. П. Петров Николай Филиппович // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 474; Спрыгина Л. И. Кичкилейка // Земство. 1996. № 1 (10). С. 203.

<sup>5</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Семейная хроника. Л. 130

<sup>6</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Биография Н. И. Спрыгиной. Л. 2, 3.

Затем наступили настоящие голодные годы. В городе давали продуктов ничтожно мало. Вначале еще выдавали без карточек колбасу. За ней стояли огромные очереди. Нонна Ивановна приходилось, идя в такую очередь, вместо шляпы повязываться платком – на шляпки в очередях смотрели косо. Потом прекратились и эти колбасные очереди. Не было сахара, конфет, мяса. Жили главным образом тем, что могла дать деревня<sup>1</sup>.

Переломный 1917 г. изменил отношение государства к женщине, в том числе и в реализации себя во всех сферах трудовой и общественной жизни. Для первых лет советской власти характерным явлением стало стремление интеллигенции – ранее не «служивших» женщин, резко менять свой образ жизни, идти работать. Это стремление было обусловлено не столько необходимостью зарабатывать деньги, сколько желанием именно работать, участвовать в построении новой жизни.

В советский период деятельность Н. И. Спрыгиной продолжала развиваться в тех же направлениях: она заботилась о семье, помогала мужу, занималась воспитательно-просветительской и научно-исследовательской работой, но теперь она больше реализовывала свои таланты и потенциал, занялась самостоятельными изысканиями и более активной общественной деятельностью.

В 1918 г. Нонна Ивановна включилась в работу по становлению дошкольного воспитания в Пензе. Первоначально это была небольшая группа, функционировавшая при первой мужской гимназии, а затем Нонна Ивановна, до 1920 г. возглавляла детский сад.

Еще в 1918 г. летом ею вместе с преподавательницей французского языка Т. В. Камековой и ее знакомой Е. А. Шулешкиной был на летнее время организован детский сад. Территориально он базировался в парке бывшей I мужской гимназии. В нем были группы детей разного возраста. Старшая из них состояла из учеников младших классов школы, где занималась и младшая дочь Спрыгиных. Дети занимались французским языком, ритмической гимнастикой. Иван Иванович Спрыгин знакомил детей с ботаникой. Он преподавал детям начала морфологии растений и знакомил с отечественной флорой. Впоследствии младшая дочь Спрыгиных Людмила Ивановна напишет: «Эти уроки отца вызвали у меня сильное увлечение ботаникой, захватившее меня в ближайшие годы»<sup>2</sup>.

В том же году Нонне Ивановне было предложено организовать детский сад для детей дошкольного возраста. В Пензе тогда заведовал дошкольным воспитанием Михаил Иванович Кузьмин, под руководством которого Нонна Ивановна и вела свое новое дело. В квартире Спрыгиных были освобождены под детский сад две передние комнаты. Они были обставлены детской мебелью. Быстро был набран состав детей, главным образом из семей прежней «бедноты» с прилегающих улиц. Со свойственной ей энергией Нонна Ивановна углубилась в новую работу. Она подбирала и изучала литературу того времени по дошкольному воспитанию, изучала классические работы. Вскоре этот детский сад № 1 очень хорошо зарекомендовал себя и стал в Пензе опытно-показательным. Нонна Ивановна вела работу в саду два года, а потом, в 1920 году, вследствие отъезда в Ташкент, она передала заведывание садом своей сестре А. И. Ступиной<sup>3</sup>.

Позднее, в 1921 г. Н.И. Спрыгина, находясь на основной службе в музее, была вновь привлечена к дошкольному воспитанию. Она провела работу по подбору материалов по Пензенскому краю ко второму Всероссийскому съезду по дошкольному воспитанию в г. Москве и участвовала в работе съезда, как делегат от Пензенской губернии.

Нововведения советского правительства о реорганизации архивного, музейного дела, регистрации и охране памятников искусства и старины; создание Центрального бюро краеведения при Академии наук и др. мероприятия, дали новый импульс состоявшимся пензенским исследователям.

Расширяя программу своей деятельности, ПОЛЕ в 1919 г. поручило Н. И. Спрыгиной организовать отдел «Человек», состоящий из разделов: антропологии, археологии и этнографии.

<sup>1</sup> ПГКМ. Б/н. Спрыгина Л. И. Семейная хроника. Указ. соч. Л. 174.

<sup>2</sup> Там же. Л. 173.

<sup>3</sup> Там же. Л. 174.

Десятилетие 1920-х гг. в жизни Н. И. Спрыгиной явилось самым плодотворнейшим временем. Ее работа стала важной вехой в развитии археологических и этнографических исследований Пензенской губернии.

Нонна Ивановна относится к тем женщинам, которые смогли соединить в своей женской повседневности как исполнение традиционных гендерных ролей, таких как мать, жена, хранительница очага, так и модель самореализации личности путем получения образования и занятия общественно полезным трудом, проявлением самостоятельных научных интересов.

*А. А. Пашин,  
декан факультета физической культуры и спорта  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **МОТИВЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ПГУ**

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это концепция жизнедеятельности человека, направленная на улучшение и сохранение здоровья с помощью соответствующего питания, физической подготовки, морального настроя и отказа от вредных привычек. Актуальность здорового образа жизни вызвана возрастанием и изменением характера нагрузок на организм человека в связи с усложнением общественной жизни, увеличением рисков техногенного, экологического, психологического, политического и военного характера, провоцирующих негативные сдвиги в состоянии здоровья.

Авторы включают в ЗОЖ разные составляющие, но большинство из них считают базовыми:

- знания о влиянии окружающей среды на здоровье;
- отказ от вредных привычек
- рациональное питание
- физически активная жизнь, включая специальные физические упражнения, с учетом возрастных и физиологических особенностей;
- соблюдение правил личной и общественной гигиены, владение навыками первой помощи.

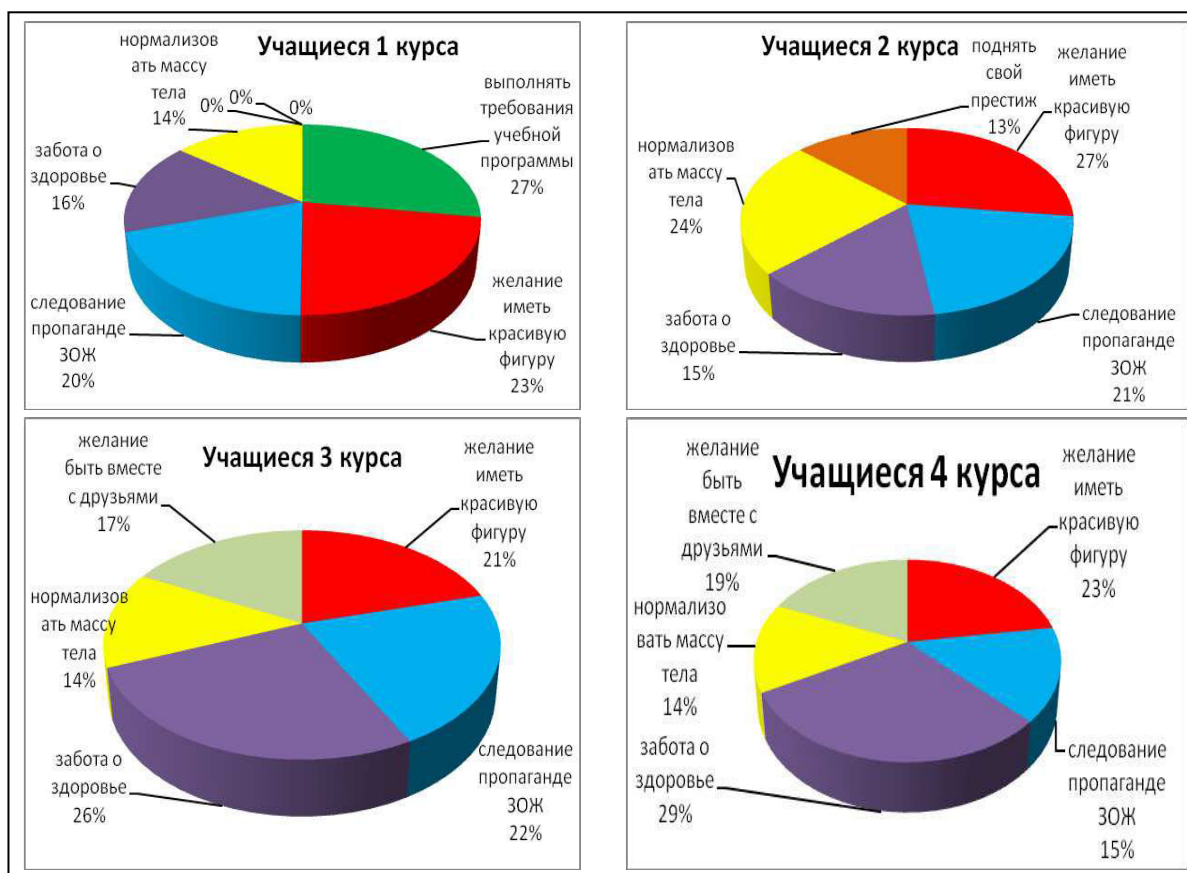
В основе любой деятельности человека лежит мотив, побуждающий его к этой деятельности. Мотив является не просто одной из составляющих деятельности, а выступает в качестве компонента сложной системы – мотивационной сферы личности, под которой понимается вся совокупность ее мотивов, которые формируются и развиваются в течение жизни.

Слово «мотивация» используется в современной психологии в двояком смысле: как обозначающее систему факторов, детерминирующих поведение и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне. Мотивацию, таким образом, можно определить как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность.

Чем больше мотивов детерминируют деятельность, тем выше общий уровень мотивации. Многие зависят от побуждающей силы каждого мотива. Чем больше мотивов актуализируется, тем сильнее мотивация. Если удастся задействовать дополнительные мотивы, то повышается общий уровень мотивации. Для активизации мотивации ЗОЖ студентов необходимо выявить стимулы, которые зачастую выступают в роли непосредственной причины поведения.

С целью изучения мотивов, побуждающих студентов вести здоровый образ жизни была разработана анкета, с помощью которой опрошены студенты различных факультетов. В исследовании приняло участие 420 человек с факультета педагогики, психологии и социальных наук, исторического факультета, физико-математического, экономического и факультета русского языка и литературы. Результаты исследования показали, что на 1 курсе выполнение требований учебной программы занимает 1 место = 8,9 баллов, 2 место – желание иметь красивую фигуру = 7,3 б., 3 место – следование пропаганде ЗОЖ = 6,4 б., 4 место – забота о здоровье = 5,1 б., на 5 месте – нормализовать массу тела = 4,6 б.

На 2 курсе желание иметь красивую фигуру занимает 1 место = 8,6 б., 2 место нормализовать массу тела = 7,5 б., 3 место – следование пропаганде ЗОЖ = 6,6 б., 4 место – забота о здоровье = 4,9 б., на 5 месте поднять свой престиж = 4,2 б.



На 3 курсе забота о здоровье занимает 1 место = 8,7 б., на 2 месте следование пропаганде ЗОЖ = 7,1 б., на 3 месте желание иметь красивую фигуру = 6,8 б., на 4 месте желание быть вместе с друзьями = 5,7 б., и на 5 месте нормализовать массу тела = 4,5 б.

На 4 курсе забота о здоровье занимает 1 место = 8,9 б., на 2 месте желание иметь красивую фигуру = 6,8 б., 3 месте желание быть вместе с друзьями = 5,6 б., на 4 месте следование пропаганде ЗОЖ = 4,5 б., на 5 месте нормализовать массу тела = 4,3 б.

Знание структуры мотивационной сферы личности позволит более эффективно организовать педагогический процесс. Дальнейшие исследования будут направлены на изучение специфики взаимосвязи мотивации студентов с уровнем их двигательной активности и показателями физического здоровья.

**А. В. Первушкин**  
*к.и.н., доцент кафедры новейшей истории  
 России и краеведения  
 Пензенского государственного университета,  
 г. Пенза*

### **СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.**

Исследование семейных отношений вызывает большой интерес, поскольку отношения в семье и в обществе в целом находятся в тесном взаимодействии и обуславливают друг друга. Не случайно многие демографы считают, что внутрисемейные отношения и структура семьи определяют структуру самого общества.



Одним из важнейших источников при анализе эволюции семейных отношений являются правовые и нормативные акты, а также статистические сведения. В «Своде законов гражданских» семейным отношениям были посвящены главы: «О правах и обязанностях, от супружества возникающих» и «О власти родительской»<sup>1</sup>. Законодательство Российской империи устанавливало систему властных отношений внутри семьи. Анализ законов о личных правах супругов показывает главенство мужчины: «Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием»; «Жена именуется по званию мужа»<sup>2</sup>. Причем, женщина при замужестве на мужчине из «низших» сословий, тоже причислялась к данному сословию. Эта традиция восходила к времени, когда основной стандарт семейной жизни был основан на «Домострое». Подтверждение вышесказанного можно найти у классиков художественной литературы, живших в то время. Так, например, в «Пошехонской старине» М. Е. Салтыкова-Щедрина «жена крепостного иконописца происхождением из мещан решила закрепоститься, выйдя за него замуж»<sup>3</sup>. Другой такой случай описан в одном из рассказов Н.С. Лескова: француженка влюбилась в русского крепостного, а «в законах империи Российской была несведуща и не постигала, что через такой брак с человеком русским невольного положения она сама лишалась свободы и дети ее делались крепостными»<sup>4</sup>. Это же правило действовало и в отношении титула. Если у мужа титула не было, то и жена становилась нетитулованной. Анна Каренина, урожденная княжна Оболенская, выйдя замуж за нетитулованного Каренина, перестала быть княжной. К новой фамилии ей позволялось добавлять в документах «урожденная княжна Оболенская», то же писалось на визитной карточке, но не более<sup>5</sup>.

Согласно букве закона семейного права, муж обладал практически абсолютной властью над женой, а родители – над детьми. Однако было бы неправильно рассматривать правовое положение женщины как полностью бесправное. Не будучи равными между собой в отношениях друг с другом, муж и жена пользовались равенством в своих отношениях к третьим лицам – к детям и обществу. Правоспособность и дееспособность жены ничем не были ограничены.

Муж и жена по закону наделялись обязанностями по отношению друг к другу. Здесь также видно главенство мужчины: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви и почтении, и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома»<sup>6</sup>. О главенстве мужа говорило и положение закона об обязанности жены жить вместе с мужем: «Супруги обязаны жить вместе. Посему: 1) строго воспрещаются всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов; 2) при переселении, при поступлении на службу, или при иной перемене постоянного места жительства мужа, жена должна следовать за ним»<sup>7</sup>. Жена была обязана всюду следовать за мужем, и суд мог принудить ее к этому. Жена получала паспорт с разрешения мужа. Нарушившая супружескую верность жена могла быть подвергнута тюремному заключению. Фактически право не защищало женщину от физического насилия со стороны мужа, если дело не доходило до нанесения тяжких телесных повреждений.

В то же время на мужа закон накладывал обязанности по отношению к жене: «Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей»<sup>8</sup>. Данная статья закона звучит как общее морализаторское рассуждение. Единственная конкретная обязанность мужа, установленная здесь, – это обязанность содержать жену. Подобная расплывчатость формулировок закона о взаимных обязанностях супругов вполне понятна, поскольку личные отношения трудно поддаются регулированию законодательством.

<sup>1</sup> СЗРИ. СПб., 1903. Т. X. Свод законов гражданских.

<sup>2</sup> Там же. Ст. 100, 102.

<sup>3</sup> Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М., 1954. С. 276-282.

<sup>4</sup> Лесков Н. С. Тупейный художник. Киев, 1988. С. 389-407.

<sup>5</sup> Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 2002. С. 75-187.

<sup>6</sup> СЗРИ. СПб., 1903. Т. X. Ст. 107.

<sup>7</sup> Там же. Ст. 103.

<sup>8</sup> Там же. Ст. 106.

Гораздо более четко были регламентированы имущественные отношения супругов. Традицией русского права являлось то, что жена владела самостоятельной собственностью. Имущественные отношения между супругами были построены на принципе раздельности имущества, и заключение брака не влекло за собой установления общности супружеского имущества. Статья «Свода» гласила: «Браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность, при этом супругам дозволяется продавать, закладывать и иначе распоряжаться своим имением, прямо от своего имени, независимо друг от друга и не спрашивая на то взаимно ни дозволи-тельных, ни верующих писем»<sup>1</sup>. Однако полная имущественная независимость жены по действовавшему законодательству второй половины XIX в. все же подлежала некоторому ограничению. Так, жене запрещалось брать на себя векселя без согласия мужа, если она от своего лица не занималась торговлей. Это запрещение распространялось как на жен, так и на детей<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что имущественные отношения супругов по российскому законодательству, того времени, имели отличительную особенность – равенство имущественных прав обоих супругов. Современники по-разному относились к такому положению дел. Так, характеризуя имущественные отношения супругов, специалист по семейному праву М. Ю. Ковалевский писал: «Имущества супругов не сливаются в одну безразличную массу, не составляют, ни в коем случае, общей собственности, остаются различными по источникам происхождения. Единство супружеского союза выражается в управлении мужа приданным, но личность жены самостоятельна и не закрывается личностью мужа»<sup>3</sup>. Другой современник считал, что существующая система раздельности имущества супругов «...не может быть оправдана ни существом брака, ни практическими потребностями, ни историческим развитием. Брак есть возможно полное общение супругов; между тем, при системе раздельности, муж и жена – люди чужие друг другу»<sup>4</sup>.

Особое внимание «Свод» уделял регламентированию отношений между родителями и детьми. Этому был посвящен раздел «Свода закона гражданских» – «О союзе родителей и детей и союзе родственном». При этом сложность законодательного регулирования взаимоотношений родителей и детей заключалась в том, что такие отношения являются более естественно-нравственные, чем юридические. Поэтому при определении поведения между этими двумя сторонами законодательство ограничивалось только общими предписаниями.

Тем не менее, право строго отличало законнорожденных от незаконнорожденных. Законнорожденными признавались все дети, рожденные в законном браке, даже если они родились слишком рано после заключения брака, если только отец не отрицал законности их рождения. Соответственно, незаконнорожденными признавались все дети, рожденные вне брака, а также все «прижитые в браке», которые по приговору суда признавались незаконными. По закону отец должен был содержать своих незаконнорожденных детей и их мать, однако незаконнорожденные дети были сильно ограничены в правах: они не имели права носить фамилию отца и наследовать имущество родителей<sup>5</sup>. Вследствие этого в среде дворян стали образовываться новые фамилии, которые в мужском потомстве становились фамилиями новых дворянских родов. Фамилии эти иногда «выкраивались» из родовых прозваний отцов. Так, сын князя Репнина получил фамилию Пнин (в будущем известный литератор), а сын князя И. Трубецкого – Бецкой (будущий президент Академии художеств). Внебрачные дети графа П. Б. Шереметева носили фамилию Реметевых, и т.д.<sup>6</sup>

Отношения между родителями и детьми основывались на естественной зависимости вторых от первых. Родительская власть простиралась на детей обоего пола и любого возраста. Она не прекращалась, а только ограничивалась поступлением детей в учебное заведение, на службу или вступлением в брак. Прекращалась власть родителей только с их смертью или при

<sup>1</sup> СЗРИ. СПб., 1903. Т. X. Ст. 109.

<sup>2</sup> Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Нижний Новгород, 1881. С. 80.

<sup>3</sup> Ковалевский М. Ю. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895. С. 77.

<sup>4</sup> Загоровский А. И. Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 217.

<sup>5</sup> СЗРИ. СПб., 1903. Т. X. Ст. 119, 125, 131, 132, 134, 136.

<sup>6</sup> Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 42.

лишении всех прав состояния, если дети не последуют за родителями к месту ссылки<sup>1</sup>. Таким образом, по российскому законодательству родительская власть была пожизненной, и ни совершеннолетний возраст, ни вступление в брак, ни хозяйственная или служебная независимость детей не прекращали этой власти. По строгому смыслу закона, совершеннолетние и самостоятельные и даже вышедшие в отставку люди находились в неограниченном распоряжении своих родителей, которые для их исправления могли наказывать их, в том числе и физически. Так, современник и эксперт по семейному праву А. И. Загоровский отмечал: «Семейное законодательство до сих пор имеет крайне патриархальный характер. Основую семейства служит неограниченная власть родителя, не удовлетворяющая запросы жизни»<sup>2</sup>.

Важным моментом было то, что в русском праве родительская власть традиционно имела двойственный характер, т.е. отец и мать обладали ею в равной степени. Мать точно так же, как и отец, могла требовать от детей подчинения и послушания<sup>3</sup>. Законодательство, говоря о родительской власти, подразумевало власть обоих родителей, а не только отца. Отец и мать по отношению к детям находились в соответствии с законом в одинаковом положении<sup>4</sup>.

Для осуществления своей власти родители наделялись полномочиями наказывать детей. Для исправления детей строптивых и неповинующихся они имели право «употреблять домашние исправительные меры». В случае же безуспешности этих мер, родители были властны детей обоюбого пола за неповиновение и «другие явные пороки» заключать в тюрьму. При этом дети не имели права жаловаться на обиды и оскорбления, нанесенные родителями, за исключением только подлежащих уголовному наказанию случаев: «В личных обидах или оскорблениях от детей на родителей не приемлется никакого иска, ни гражданским, ни уголовным порядком. Но правило сие не распространяется на те случаи, когда родители, в отношении к лицу детей своих, покушаются на такие деяния, которые по общим законам подлежат наказанию уголовному»<sup>5</sup>.

Кроме значительной власти, законодательство накладывало на родителей и обязанности. Родители обязаны были кормить, одевать детей, а также дать воспитание «доброе и честное, по своему состоянию», и должны были «обращать внимание на нравственное образование своих детей»<sup>6</sup>.

На протяжении пореформенного периода постепенно усиливалась правовая защищенность детей. Правоведы положительно оценивали эти тенденции развития права: «Уже не семейный совет, а государство стоит на страже детских интересов, именно оно наблюдает теперь за действиями родителей и пресекает злоупотребления»<sup>7</sup>.

В заключение заметим, что семейное законодательство способствовало формированию высокой нравственности и благополучия общества. Другими словами, семья воспитывала законопослушного гражданина с общепринятыми и устоявшимися принципами морали, т.к. не соответствовать тем установкам, которые он получал от родителей, было крайне сложно, а тем, кому это удавалось, не воспринимались обществом и государством. Так, например, народники, нигилисты и прочие были малочисленны и рассматривались обществом как нечто чужеродное и неестественное. К тому же человек, постоянно находясь под властью родителей, всегда мог получить необходимую ему помощь.

Однако несмотря на многие положительные черты, существовавшие в семейных отношениях в середине XIX – начале XX вв., весьма архаичной чертой законодательства было, например то, что неуважение к родителям, неповиновение и некоторые другие проступки рассматривались именно как уголовные преступления, а не как частные дела. Тем не менее, архаичность русского законодательства не стоит преувеличивать. Так, американский историк В. Вагнер отмечал: «Пытаясь укрепить авторитет мужей и отцов, законы Российской империи, конечно, не отличались от западноевропейского и американского законодательства XIX в. Бо-

<sup>1</sup> СЗРИ. СПб., 1903. Т. X. Ст. 164, 178, 179.

<sup>2</sup> Загоровский А. И. Указ. соч. С. 236.

<sup>3</sup> Ковалевский М. Ю. Указ. соч. С. 117.

<sup>4</sup> СЗРИ. СПб., 1903. Т. X. Ст. 164, 229.

<sup>5</sup> Там же. Ст. 168.

<sup>6</sup> Там же. Ст. 172, 173.

<sup>7</sup> Ковалевский М.Ю. Указ. соч. С. 116.

лее того, отсутствие точных установлений в российском законодательстве иногда давало замужним женщинам большие права, чем те, которыми довольствовались западноевропейские и американские женщины, особенно попадавшие под юрисдикцию французского гражданского кодекса»<sup>1</sup>.

**В. И. Первушкин,**  
*д.и.н., профессор кафедры новейшей истории  
России и краеведения  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## ГОРОД ПЕНЗА В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ И КРАЕВЕДОВ

В начале своего выступления, хочу подчеркнуть – документальная и литературная база о Пензе довольно обширна. Поэтому мы ограничимся лишь работами историков и краеведов, которые посвящены непосредственно городу и составляют основу пензенской историографии. В силу того, что начало краеведческому движению в нашем крае было положено губернским статистическим комитетом и ученой архивной комиссией их члены и стали первыми авторами исследований о Пензе, которые публиковались в виде статей в местной периодической печати и изданиях этих учреждений.

Наиболее значимые работы по истории Пензы выходят лишь рубеже XIX – XX вв. Среди них выделяются труды Н. В. Прозина – «Город Пенза», «Записка о высочайшем пребывании в Пензе в 1824 году государя императора Александра Павловича», «Пенза во время Крымской компании», «Из воспоминаний пензенского гимназиста 50-х годов», «Лесопромышленники в Пензе», «Сперанский в бытность свою пензенским губернатором»; Г. П. Петерсона – «Большой Кубанский погром в Пензенской стороне», «Очерк из истории пугачевщины в городах и уездах Пензенской губернии»; А. Ф. Селиванова – «Пензенские архипастыри», «Биографии пензяков»; Ф. Ф. Чекалина – «Когда и кем основан город Пенза?», «Заметки о рукописи по истории гор. Пензы, представленной в копии г-ом Мешковым в Казанское археологическое общество», «Древнейшие из городов Пензенской губернии», «К истории построения Пензенского сторожевого вала». Эти исследования, как правило, написаны на обширной документальной основе.

Большим событием для нашего краеведения явилось отыскание в Саратове Г. И. Мешковым, а затем издание в 1898 году В. Л. Борисовым «Строельной книги города Пензы». Даже сейчас, по достоинству оценивая этот документ, с благодарностью относишься к тем людям, которые смогли сберечь его для потомков. Г. И. Мешкову принадлежат до сих пор не изданные «Записки о городе Пензе». Анализу «Строельной книги города Пензы» посвящено одно из исследований знатока русских летописей, нашего земляка, незаслуженно забытого пензенской историографией И. А. Тихомирова – «Строельная книга города Пензы, как материал для истории заселения Восточной России в XVII веке», которое было опубликовано в 1908 году в «Журнале Министерства народного просвещения». Профессионально выполненный анализ этого документа позволил впоследствии некоторым пензенским краеведам не один раз использовать его работу, правда, без ссылок на автора. Для пензенского краеведения он вновь был открыт А. В. Волковым. Не могу ни отметить, что к 350-летию города «Строельная книга города Пензы» была переиздана Пензенским государственным краеведческим музеем.

Неоценимый вклад в изучение нашего города внес бессменный председатель ПУАК В. Х. Хохряков. Он был редактором многих «адресов-календарей» и «памятных книг» Пензенской губернии. Во втором выпуске «Сборника Пензенского губернского статистического комитета», вышедшем в 1894 году, он опубликовал «Материалы по истории города Пензы», представляющие собой первую в нашем краеведении попытку собрать воедино имевшиеся документы и подвергнуть тщательному анализу высказанные к тому времени различные, часто противоречивые, точки зрения о времени основания города. В «Юбилейном сборнике», по-

<sup>1</sup> Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994. P. 65.

священном 100-летию восстановления Пензенской губернии, изданном в 1901 году, В. Х. Хохряков опубликовал статью «Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии». Отлично владея опубликованным к тому времени материалом, имея в своем распоряжении множество документов, обнаруженных в архивах и личных собраниях, В. Х. Хохряков уточнял детали, кропотливо сверял по первоисточникам все, что писалось об основании города Пензы. Он не позволял себе ни одного отступления от исторической истины, отбрасывая самые заманчивые предположения, если они не подтверждались убедительными, достоверными фактами.

Крупным исследователем истории пензенского края был профессор А. Л. Хвощев, который занимал должности ученого секретаря ПУАК, а советское время заведующего губернским управлением архивных дел. В своих «Очерках по истории Пензенского края» он первым высказал предположение, что Пенза основана в 1663 – 1664 гг. В 1925 году в Самаре издается книга А. Л. Хвощева «Вся Пенза», ставшая теперь библиографической редкостью. В ней автор сделал, правда, не очень убедительную попытку определить исторические рамки развития города, выделив три периода: 1) военный (от основания до 1785 г.), 2) дворянский (1785 – 1861 гг.) и 3) буржуазный (1861 – 1917 гг.).

Истории Пензы касались в своих работах и сотрудники Пензенского краеведческого музея Н. И. Спрыгина – «Стоянка первобытного человека в долине реки Суры близ г. Пензы»; Б. Н. Гвоздев – «Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в XVIII веке»; М. А. Лебедев «Краткие сведения из истории Пензенского края».

Многое сделал для пропаганды исторического наследия Пензы А. В. Храбровицкий. Его работы «Замечательные места Пензенской области», «Русские писатели Пензенской области» по сути дела открыли новые направления в пензенском краеведении.

В послевоенные годы большую краеведческую работу вел С. П. Петров, его книги: «Пенза», «Пугачев в Пензенском крае», «Памятные места Пензы» написаны доходчивым языком и содержат немало полезных сведений. Однако иногда они грешат пренебрежением к документам. С. П. Петров часто пытался выстраивать ту или иную концепцию на основе субъективных представлений, не утруждаясь при этом заботой об их правдоподобности.

Совершенно новое направление в пензенском краеведении открыл своей работой «Пензенский крепостной театр Гладковых» М. П. Молебнов. С его легкой руки это направление получило дальнейшее развитие в трудах О. М. Савина, Е. М. Ларина и И. С. Шишкина.

В октябре 1963 года празднично отметили 300-летие со времени основания Пензы. Однако в истории Пензы оставалось множество «белых пятен». В июле 1976 года в газете «Пензенская правда» была опубликована серия статей К. Д. Вишневого и Н. М. Инюшкина «Загадка старой карты», в которой авторы предприняли не совсем удачную попытку удревнить наш город.

Значительным явлением в пензенской историографии был выход в свет в 1984 году книги Г. В. Мясникова «Город-крепость Пенза». На основе широкого круга источников, автор показал первоначальную историю Пензы, рассказал о строительстве крепости, посаде, слобод, о первых поселенцах, касаясь ее роли в охране и освоении земель на юго-восточной окраине Русского государства во второй половине XVII – начале XVIII вв. По нашему глубокому убеждению, на сегодняшний день, это наиболее серьезное исследование по истории нашего города.

Особое место Пенза занимала в творчестве О. М. Савина. В 1966, 1972 и 1978 гг. издаются его очерки-путеводители «Пенза», где рассказывалось об исторических, революционных и литературных местах города. Названия следующих его книг говорят сами за себя: «Пенза литературная», «Пенза музыкальная», «Пенза театральная». О связях великого русского поэта с нашим городом повествуется в монографии «А. С. Пушкин и Пенза». Основу его большой монографии «Императоры и губернаторы» составляют материалы о нашем городе.

С именем В. С. Година, прежде всего, связаны сборники документов «Пензенский край», «Культурное строительство в Пензенском крае», «Факты. События. Свершения». Дважды переиздавался (1988, 1990) его замечательный справочник «Улицы Пензы».

Истинным патриотом своего родного города был В. И. Лебедев. Значительное место в его монографии «Легенда или быль. По следам засечных сторожей» отведено начальной истории Пензы. На основе обширного архивного материала, воспоминаний старожилов и визуаль-

ного обследования местности, построена большая статья «Пензенская «засека». Одну из монографий он посвятил уроженцу Пензы, соратнику В. И. Ленина, страстному публицисту В. А. Карпинскому. Новым направлением в краеведении явилось их совместное с В. С. Годинным издание в 1959 г. «Пенза спортивная». Лишь в 1996 г. О. И. Пучков и В. З. Суровицкий опубликовали более полную и структурированную монографию «Пензенский спорт: история и современность».

В рамках празднования 325-летия Пензы издаются очерки под общим названием «Растет и вечно молодеет», авторами которых выступали: М. Полубояров, А. Захаров, В. Спиридонов, А. Крылов, Г. Гришин, Ю. Сулов, В. Федоров, В. Баязитов, О. Тельбух, О. Котляр и В. Лебедев. В них в научно-популярной форме было рассказано об истории, культуре, архитектуре, традициях и будущем нашего города. Новым явлением в пензенском краеведении того времени стала публикация П. В. Кашаевым, В. И. Первушкиным и Л. В. Суриной набора открыток «Почетные граждане г. Пензы», в которых были представлены портреты и биографические данные о 32-х почетных гражданах города. Книга Г. В. Мясникова «Отчизна в сердце нашем» стала первым изданием, где рекламировались достижения нашего города в области наглядной агитации и монументальной пропаганды. К празднованию юбилея Пензы были приурочены и два фотоальбома «Сурская новь» и «Пенза» авторами текста в них были О. М. Савин и Н. М. Инюшкин.

В 1994 г. исследованием П. В. Кашаева «Православные храмы Пензы» фактически возрождается пензенское церковное краеведение. К числу солидных изданий начала XXI века можно отнести книгу С. И. Шукина «Губернский город Пенза на рубеже XIX – XX веков», в которой характеризуются различные стороны жизни города, сословий, государственных учреждений, раскрывается история духовных и светских зданий, приводятся сведения об известных горожанах. Повествование было проиллюстрировано фотографиями начала XX столетия.

Знаток пензенской архитектуры по праву считается А. И. Дворжанский. Им полностью подготовлен 12-й выпуск научного и научно-популярного издания «Пензенский временник любителей старины», посвященный улице Московской. Его книги и альбомы: «Губернский город Пенза на старых фотографиях (конец XIX – начало XX веков)», «Деревянные кружева Пензы», «Пензенский Успенский кафедральный собор: К 100-летию освящения», «Пензенский Троицкий женский монастырь», «Спасский кафедральный собор», «Улица Троицкая», «Улица Московская» вошли в золотой фонд пензенского краеведения.

В 2010 г. увидела свет книга «Пенза – моя вдохновительница», авторами которой стали Г. Н. Белорыбкин, Л. В. Рассказова, Г. П. Тамбовцев, А. В. Тюстин и И. С. Шишкин. Наряду с известными фактами в ней впервые были опубликованы все гербы административных образований области с объяснением и историей создания и рассказы о деятелях науки, культуры, хозяйственных руководителях.

В преддверии празднования 350-летия Пензы было издано большое количество фотоальбомов, в качестве примера приведу лишь некоторые: «Хроники провинциальной жизни», «Край мой Пензенский», «Пенза», «Сохраняя прошлое, создаем будущее», в подобных изданиях практически отсутствует новая краеведческая информация. В гораздо лучшую сторону выделяются фотоальбомы И. С. Шишкина «Пенза. Листая старый альбом... Фотографии 1860–1910-х годов; 1940–1960-х годов». Однако его познавательная ценность в несколько раз возросла, если бы он шел в качестве иллюстративного материала к добротной написанной книге о Пензе.

Авторским коллективом исторического факультета ПГУ в 2012 г. подготовлена книга «Пензенская городская Дума: история и современность» В ней впервые в пензенском краеведении рассказано о городском самоуправлении с конца XVIII до начала XXI века.

По сути, повторением ранее изданных материалов о городских головах, губернаторах, почетных гражданах Пензы является книга А. В. Тюстина «История Пензы. Причастны...». Новым по замыслу, но не совсем удачным, с точки зрения научно-справочного аппарата и мотивации отбора персоналий, можно считать издание А. В. Тюстиным и С. И. Шишкиным биографического словаря «Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие». Уникальными по своей значимости и мастерски выполненными являются воспоминания о довоенной Пензе

К. Д. Вишневого «Пенза и пензяки». Эта книга в какой-то степени возрождает традиции пензенской мемуаристики.

Новизной и оригинальностью подхода к краеведческим проблемам отличаются статьи А. В. Волкова, С. Л. Шишлова, Е. А. Шилова, В. Ю. Самсонова, В. В. Вержбовского, Е. Белохвостикова и Л. Рассказовой, которые публикуются в местных СМИ.

Отдельно хотелось бы сказать о диссертационных исследованиях С. Е. Панина, Р. З. Бареевой, А. В. Первушкина, А. В. Борисова, И. С. Коннова, в которых объектом исследования являлся наш город. Использование этих работ значительно расширяет тематику и документальную базу пензенского краеведения.

Наш обзор будет не полным, если не сказать об интернет-ресурсах. В этой связи уникальными по своей значимости для пензенского краеведения являются: авторский портал М. С. Полубоярова «Суслоны», городской краеведческий портал «Солнечный город», авторские сайты С. Ткаченко «Пенза которой нет», Г. Н. Белорыбкина «Археология Пензы», блог К. Русиновой «Старая Пенза».

Завершая свой обзор, мне хотелось бы заметить, что мы сознательно не включили исследования об истории отдельных предприятий, учебных заведений, транспорте и коммунальных службах, а также большое количество газетных и журнальных статей по весьма узким проблемам, в силу того, что они выходят за рамки определенной нами темы выступления.

Дорогие друзья! Мое выступление, прежде всего, было направлено на то, чтобы еще раз вспомнить имена тех людей, которые создавали, да и создают пензенское краеведение. Прделанный нами анализ краеведческой литературы позволяет с уверенностью утверждать, что сложившийся в Пензе научный и краеведческий потенциал поставил на повестку дня издание полной истории города со времени его основания до дня сегодняшнего. Учитывая неоценимый вклад С. О. Шмидта в пензенское краеведение, предлагаю ежегодно проводить в нашем городе краеведческие конференции его памяти.

**С. В. Першин,**  
*д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории  
Мордовского государственного  
педагогического института имени М. Е. Евсевьева,  
г. Саранск*

**«ВОТ КАК СЯЕ ДЕЛАЛОСЬ МЕЖДУ ДВОРЯНАМИ!»:  
НАРУШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА  
В ХОДЕ БАЛЛОТИРОВОК ПЕНЗЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО  
ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Одной из важных привилегий, возвращенных после восшествия на престол Александра I дворянству, являлось право образовывать губернские общества. С 1801 г. в полном соответствии с «Жалованной грамотой» дворяне могли собираться в губернских центрах с целью проведения выборов на должности внутрисословного и государственного управления, а также для обсуждения вопросов, вынесенных коронной администрацией на рассмотрение благородной публики. В начале XIX столетия в Пензе возобновились съезды, на которых определялись кандидатуры господ, призванных в следующие трехлетия заниматься внутрисословными делами – губернских и уездных предводителей, заседателей, депутатов и секретарей.

Целью данной работы является установление степени самостоятельности решений, принимаемых пензенским дворянством в ходе избирательных компаний в первой половине XIX столетия. Проанализировав особенности проведения дворянских выборов в первой половине XIX в., можно выяснить, насколько реальными в нашей стране были сословное самоуправление. Такого рода исследование, на наш взгляд, позволит внести определенный вклад в оценку общественно-политических процессов, имевших место в российской провинции накануне Великих реформ.

В Пензенской губернии вмешательство gubernского начальства во внутрисословные дела дворянства, судя по всему, стало нормой задолго до исследуемого периода. По сведениям

ям, представленным в дневнике князя И. М. Долгорукова еще в конце XVIII в., то есть в то время, когда в провинции только начиналась реализация екатерининского социального законодательства, в Пензе уже имели место факты его нарушений со стороны местных властей: «на каждое место, в губернских учреждениях показанное, кидали все белые шары в пользу того, кого приказывал избирать господин губернатор чрез губернских стряпчих. Сии, подходя к каждому дворянину, шептали на ухо, на которую сторону ящика при наименовании избираемого бросать раздаваемые им шары; воля начальника, таким образом сообщаемая, невидимо в выборах содействовала. Если же кто дерзал иметь свою собственную волю, то таковой притеснялся, назывался преступником закона и подвержен бывал за упорство нередко несчастью. Вот как сие делалось между дворянами!»<sup>1</sup>.

Некоторые перемены в общественной жизни Пензенской губернии произошли по окончании Отечественной войны. Анализ материалов дворянских собраний позволил установить в первую очередь более активное участие местного дворянства (в том числе заслужившего чины и награды) в послевоенных избирательных кампаниях. Внимание к дворянским учреждениям, на наш взгляд, было вызвано первым позитивным опытом их деятельности, осознанием привилегированной частью населения возросшей роли общественных институтов в развитии страны.

Весной 1816 г. пензенский гражданский губернатор получил анонимное послание, в котором сообщалось о том, что в ходе выборов городищенского дворянства «украшенный шестью орденами и медалью 1812 года» полковник Караулов Д. В. «срывал с ящика того, в который каждый Дворянин должен класть шар свой сукно, и делал его открытым»<sup>2</sup>. Исполнявший обязанности предводителя уездный судья Юрасов П. И. заявил о непредвзятости выборов, найдя поддержку губернского руководства. Анонимные письма в рассматриваемый период были достаточно распространены, так как представляли собой один из немногих способов опротестовать действия местного начальства.

Поддержание общественного спокойствия входило в круг обязанностей коронной администрации, которой удавалось благодаря лояльности местной шляхты контролировать процедуру выборов. Более того, распоряжение пензенским губернатором дворянскими должностями в 1820-е гг. становится делом уже совершенно обыденным. В воспоминаниях служившего в то время в Пензенской губернии И. И. Мешкова находим описание того, как благодаря покровительству губернатора ему удалось уволиться с должности депутата недавно созданной квартирной комиссии. Губернатор Ф. П. Лубяновский предложил своему протезе более выгодное место дворянского заседателя в пензенском уездном суде: «Жалованье по этой должности было самое ограниченное, но при крайних своих обстоятельствах, я принужден был согласиться тем больше, что губернатор, по благорасположению своему, обещал мне дать и другое место, если представиться к тому случай»<sup>3</sup>.

С первых лет правления Николай I начал создавать систему всестороннего государственного контроля над общественно-политической жизнью страны. Прокурорским работникам на местах высочайшими распоряжениями было предписано вспомнить о необходимости соблюдать казенные интересы, взять под свой надзор сословные структуры, в том числе – дворянские общества.

Анализ архивных материалов позволил установить, что сделать это оказалось не так-то просто. Так, попытка пензенского прокурора Любовникова поприсутствовать на заседании дворян 2 декабря 1827 г. потерпела фиаско – его попросту выдворили из зала. После доклада прокурора управляющему Министерством юстиции расследованием обстоятельств выборов 1827 г. было поручено заняться губернскому правлению. В ходе следствия были собраны сви-

---

<sup>1</sup> См.: Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющиеся случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мной связь и к собственной истории моей уважительное отношение / И. М. Долгоруков. Т. 1. СПб., 2004. С. 307–308.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 434. Л. 2-2 об.

<sup>3</sup> Мешков И. И. Записки Ивана Ивановича Мешкова / Публ. Б. Л. Модзалевского // Русский архив. 1905. Кн. 2. № 6. С. 240.



детельства многочисленных нарушений порядка проведения избирательных компаний. Редко когда до этого выступавшие согласованно пензенские дворяне и на этот раз начали давать разные, нередко – противоречившие друг другу показания относительно происшествия 2 декабря 1827 г.<sup>1</sup>

Рассмотрев представленные пензенским губернским правлением материалы, министр внутренних дел пришел к следующим выводам: 1) возникшие на выборах в г. Пензе 2 декабря 1827 г. недоразумения могли быть прекращены, если бы прокурор и предводитель обратились за разъяснением к гражданскому губернатору; 2) главный виновник происшествия – исполнявший обязанности губернского предводителя поручик Бровицын, так как он не только не предпринял никаких мер к прекращению беспорядков на дворянском съезде (что являлось одной из основных предводительских обязанностей), но и сам являлся их участником.

Стоит обратить внимание на то, что недопонимание между чиновником и обычно отличавшимся лояльностью пензенским дворянством возникло при попытке изменить традиционные устои в отсутствие формальных лидеров общества, когда взявшая на себя инициативу группировка навязала собственную волю большинству. О готовившемся выступлении могли даже знать заранее (и более того, являться его инициаторами) губернатор и члены губернского правления, которые в усилении положения находившегося в непосредственном подчинении Министерства юстиции прокурора видели угрозу собственной безопасности.

Влияние коронных чиновников на местное благородное общество достигло своего апогея, как нам представляется, при А. А. Панчулидзе, с 1831 г. являвшемся пензенским губернатором. Опытный политик и администратор (с 1822 по 1830 г. служил в Саратове губернным предводителем, затем в течение 28 лет руководил вверенной ему Пензенской губернией), с целью упрочения влияния на общественность Панчулидзе умело использовал метод «кнута и пряника»: часть собственных доходов тратил на угощение и организуемые для лиц благородного происхождения увеселительные мероприятия<sup>2</sup>; отдавал приказы об аресте мелких чиновников, повинных в даже самых незначительных проступках<sup>3</sup>.

Продвигая своих людей на выборные должности, А. А. Панчулидзе предпочитал действовать скрытно, не привлекая внимания со стороны высших инстанций. В документах пензенского дворянского собрания описывается процедура проводимых в полном соответствии с законами выборов. По сведениям же выдвигавшегося в 1849 г. на пост пензенского уездного предводителя И. В. Селиванова, результаты этой баллотировки были подтасованы («кассированы») по распоряжению А. А. Панчулидзе. В следующем году вследствие доноса И. В. Селиванов был арестован, обвинен в распространении революционных идей и сослан на 10 месяцев в Вятку<sup>4</sup>.

Таким образом, рассмотренные факты из истории пензенского губернского дворянского общества свидетельствуют о постепенном установлении над ним власти представителей коронной администрации. Посредством скрытого давления, а нередко и прямых указаний коронная администрация организовывала фиктивные баллотировки на наиболее важные выборные должности как губернных присутственных мест, так и внутрисословного управления. Для усиления собственной власти над проживавшими в провинции потомственными дворянами администрации использовали различные средства: оказывали давление на мелкопоместных дворян; посредством интриг и доносов устраняли нежелательных оппонентов; организовывали увеселительные мероприятия. Сама принадлежность к провозглашенным Жалованной грамотой обществам в этих условиях основной массой помещиков воспринималась как простая формальность, а взаимоотношения между лицами благородного происхождения регулировались губернским начальством.

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 295. Л. 371-371 об.

<sup>2</sup> См.: Ходнев В. Записки пензяка // Сура. 1997. № 1. С. 181.

<sup>3</sup> См.: Инсарский В. А. Половодье. Картины провинциальной жизни. СПб., 1875. С. 51.

<sup>4</sup> Селиванов И. В. Записки дворянина-помещика, бывшего в должности преподавателя, судьи и председателя палаты // Русская старина. 1880. № 6. С. 291, 299, 296, 300, 314.

## **ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРОЙ ПЕНЗЫ**

Принято считать, что раньше все было лучше: сахар слаще, люди порядочнее, вода и воздух чище и свежее. Но исследуя архивные документы второй половины XIX – начала XX века, приходишь к выводу, что с течением времени мало что меняется...

Взять хотя бы экологию... Проблемы снабжения городского населения чистой водой, загрязнение рек и воздуха, а также утилизация и вывоз мусора – это не суть проблемы современного мегаполиса. Впервые они остро встали перед городскими властями задолго до 1917 года.

Вот что писала газета «Пензенские губернские ведомости» 15 июля 1876 года по поводу проблем снабжение Пензы водой: «Пенза, хотя и значится на картах города лежащею при реках Суре и Пензе, но первая из этих рек протекает по городскому выгону, а вторая захватывает лишь часть восточной окраины города, поэтому большинство населения, расположенного на горе, терпит большие неудобства по водоснабжению. Чтобы неудобство это было менее ощутительно на главных площадях и на переулках устроены бассейны, снабжаемые водою из трех прудов, из коих один составляет собственность города, а два остальные находятся в архиерейском саду (ныне территория зоопарка), и город платит за право пользования из них водою ежегодную аренду»<sup>1</sup>.

Поначалу бассейны были чугунные, вода в них текла из львиных головок, так что каждой кухарке стоило только подставить ведро, чтобы получить чистую, свежую воду. Но позднее чугунные бассейны были заменены деревянными чанами, про которые в Справочном листе района Моршанско-Сызранской железной дороги в том же 1876 году писалось следующее: «Сколько раз приходилось доискиваться причины – почему чай, кажется, недавно куплен, хорошей доброты, не настаивается на самоваре; тогда как вчера при самоваре, вскипяченном тою же водою, чай имел настоящий колер, а теперь отзывается Бог знает чем? (Известно, в этом случае и на купца погресишь...) Потом не раз приходилось, пробуя воду, обонять крайне неприятный запах и замечать в ведрах отстой грязи. Сделаешь замечание кухарке: что дескать ты, сударушка, ведра не моешь? – в следующий раз ведра и самовар вымоет, а чай одинаково не настаивается, и в ведрах столько же грязи.

Здесь не лишним считаю припомнить следующий случай: как-то в мае текущего года к резервуару, что на Дворянской улице, подошла толпа деревенских баб, все они прильнули к воде и напились досыта. Через несколько минут у трех из них открылась сильная рвота.

Ввиду подобных случаев мы наконец заподозрили порчу воды в «фонталках» и решились наблюдать за тем, кто и каким способом получает из них воду.

Дело видите ли в чем: каждое утро к резервуару стекается множество водоносцев. Все они наперерыв стараются зачерпнуть воды и при этом, по привычке каждый всполаскивает ведро. Вот и предположите – сколько ведер в течение дня омоют в «фонталках». В тех же резервуарах рано утром отмывают свои лица и глаза многие из нищей братии. Встречаются такие экземпляры, которые в грязную погоду, перейдя через улицу, ни сколько не стесняются сесть на край резервуара и полоскать там ноги... Прислуга тоже заносит в резервуары немало грязи, потому что каждый раз приходя за водой, она несет на дне ведер грязь»<sup>2</sup>.

В мае 1879 года те же «Пензенские губернские ведомости» сетовали, что «существующие в нижней половине города бассейны оказываются пустыми. В самом главном из них на Дворянской улице, питающем остальные, находящиеся на Московской и Лекарской улице, имеется не вода, а на самом дне какая-то гуща, переполненная мириадами глист, разного рода

<sup>1</sup> Пензенские губернские ведомости. 1876. № 83.

<sup>2</sup> Там же. № 87.

плавающих животных и прыгающих лягушек. Бассейны эти содержат не воду, а какую-то грязную, отдающую гнилью микстуру»<sup>1</sup>.

Перед городскими властями вопрос о снабжении города чистой водой стоял очень остро, и в 1879 году был разработан проект устройства парового водопровода. Проект этот был опубликован в газетах с целью привлечь большее число желающих принять на себя работы по его устройству.

В результате 27 июля 1897 года у реки Пензы был совершен молебен, на котором присутствовали пензенский губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, городской глава Н. Т. Евстифеев, члены городской управы, гласные городской думы и множество частных лиц.

После молебна и окропления места строительства святой водой была установлена позолоченная медная табличка с надписью «Пенза. Паровой Городской водопровод» закладка совершена 27 июля 1897 года в третье лето благополучного царствования Его императорского величества государя императора Николая II-го Александровича...». В октябре 1898 года пензенский водопровод протяженностью 14-15 км. Давал по 100.000 ведер в сутки. А в течение 1913 года из пензенского городского водопровода было отпущено за плату 260.929.995 ведер воды на сумму 52.177 руб. 63 коп. и плюс еще бесплатно отпущено 2.667.600 ведер воды.

Таким образом, проблема с обеспечением города чистой водой была практически решена, но другой животрепещущей темой стало загрязнение самих рек питающих этот водопровод. Развитие промышленных предприятий в городе привело к тому, что стоки существовавших в то время заводов и фабрик начали постепенное загрязнение водных артерий города. Особенный вклад в это нехорошее дело вносили общественные бани.

В июне 1911 года проживающий по улице Зады Ишиевой Горки в собственном доме крестьянин Егор Трофимович Кулагин обратился к губернатору с просьбой о назначении осмотра бань госпожи Югановой, находящихся в г. Пензе на ул. Зады Ишиевой горки. Дело в том, что утроенные прежним владельцем бань фильтры для очистки грязной воды госпожой Югановой были уничтожены, и грязная вода спускается сначала в колодцы, а оттуда непосредственно в реку Мойку.

По распоряжению губернатора была создана комиссия в составе помощника врачебного инспектора Соседова, губернского архитектора Семечкина, городского санитарного врача Мораховского и помощника пристава 1ой полицейской части Попкова.

В результате комиссия эта составила акт о том, что на дворе бань Югановой находятся три фильтра, стены и дно которых выложены из кирпича и зацементированы, но фильтры эти нечем не заряжены, поэтому представляют из себя не фильтры, а отстойные колодцы, наполненные зловонной водой. Из колодцев посредством деревянных труб вода вытекает в реку Мойку.

В химической лаборатории при врачебном отделении Пензенского губернского правления вода из под желоба сточной трубы бань была исследована. Она имела резкий отвратительный запах и содержала сероводород, аммиак, хлор и большое количество микроорганизмов.

Комиссия пришла к выводу, что баня до переустройства фильтров должна быть закрыта.

Судя по тому, что в июне 1912 года дело по баням Югановой было направлено в пензенский городской суд 1го участка, бани благополучно продолжали функционировать, несмотря на решение комиссии об их закрытии. Суд приговорил владельцев бани, а ими являлись Константин Николаевич Литвинов и жена его Елена Степановна Литвинова (в девичестве Юганова) к штрафу по 25 рублей каждого и обязал в месячный срок привести фильтры в порядок<sup>2</sup>.

Но в марте 1914 года тот же суд вновь приговаривает тех же господ по той же причине к штрафу в 16 рублей каждого, и снова обязывает привести фильтры в порядок.

Судя по тому, какой запах стоит в районе реки Мойки, которая почти вся упакована в трубы, ныне, господа владельцы бань, так и не удосужились выполнить решение суда.

<sup>1</sup> Пензенские губернские ведомости. 1879. № 95.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 72.

Еще одной немаловажной экологической проблемой был вывоз из города нечистот. Дело в том, что городская канализация находилась тогда еще в зачаточном состоянии, а содержание выгребных ям, находящихся во дворах пензенских обывателей, вычищалось и вывозилось с помощью так называемых «ассенизаторов». Вот что писали об их деятельности «Пензенские губернские ведомости» в марте 1910 года: «Наши ассенизаторы не считаются ни с жалобами обывателей, ни с требованиями полиции, ни с пожеланиями городской управы и санитарной комиссии. Набираются они своими хозяевами – кто из-под бора, кто из-под сосенки, ездят, где им вздумается, Летят всегда как на пожар, не разбирая ни гор, ни дороги (благо лошади хозяйские), а перевернется бочка. Так это даже приятно: потому – и посмеяться можно, и время пройдет – где бы в яме сидел, а тут свежий воздух обдувает.

16 марта в 3 часа дня на углу Тамбовской улицы ... ехал целый ассенизационный обоз. При повороте на Ишивую горку на косогоре одна из бочек не удержала равновесия и свалилась на бок. Затем началась обычная картина: площадная ругань, истязание лошадей и т.д. Стала собираться толпа любопытных. Однако представление на этот раз окончилось скоро. Кто-то из обывателей позвал городского, который быстро взялся за дело. Толпа зевак растаяла, пустая (уже) бочка была водворена на место, а возчика повели в часть.

Так как по Тамбовской улице идут день и ночь сплошные ассенизационные обозы, то городу давно бы следовало замостить эти два маленьких квартала с устройством на новой мостовой правильных водоотводов. Пора бы и пожалеть жителей южной окраины: они и без того вследствие близости свалочных мест в летнее время, когда наступают южные суховеи, задыхаются от зловония... кроме того обязательно следовало бы на углу Пешей и тамбовской улиц поставить постоянный полицейский пост; под надзором городского возчика не позволяли бы безобразно гонять лошадей и для собственного удовольствия валять бочки и устраивать бесплатные возмутительные зрелища»<sup>1</sup>.

Конечно, ассенизатор профессия, мягко скажем, не благодарная, найти работников для данной сферы деятельности было трудно, поэтому использовали часто труд заключенных. В 1910 году пензенская губернская тюрьма принимала заказы на очистку мусорных и выгребных ям по цене за 1 парную 60-ти ведерную бочку – 1 руб. 40 коп., 40 ведерную черпачную – 75 коп. и за коломашку мусора – 50 коп.<sup>2</sup> Наверное, таким образом тогдашние 15ти-суточники выполняли общественные трудовые повинности. Что ж неплохое наказание для мелких хулиганов и дебоширов.

Возможно, те проблемы защиты окружающей нас среды, которые стояли в конце XIX–начале XX века, перед нашими земляками покажутся нам сегодня смешными и незначительными, но для них они были не менее важны, чем нынешние глобальные проблемы для современного населения планеты.

*С. В. Петрунина, С. М. Хабарова, И. А. Кирюхина, Г. В. Боков,  
ИФиС Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРОГУЛОК В ДВИГАТЕЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, В Г. ПЕНЗЕ**

В настоящее время в России число лиц с умственными и физическими ограничениями постоянно возрастает. Этому способствует ряд неблагоприятных социальных, экономических, экологических и других факторов. Проблема реабилитации таких детей, в том числе и средствами физического воспитания, достаточно актуальна еще и потому, что большое количество людей с ограниченными возможностями после активных процедур реабилитации и повышенной двигательной активности испытывают потребность в спортивно-направленной реализации своих достижений.

<sup>1</sup> Пензенские губернские ведомости. 1910. № 61.

<sup>2</sup> Там же. № 75.

Социальный туризм для инвалидов в РФ прежде развивался в основном в рамках Всероссийского общества глухих и Всероссийского общества слепых. Главным направлением туризма в этих организациях были соревнования, походы выходного дня и туризм-отдых. Туризма для пожилых людей как отдельного направления не было вообще. Оздоровительный туризм, как более «щадящий», простой и доступный, привлекает наибольшее количество участников. Так же, как спортивный туризм, он приближает жизненное пространство инвалидов и пожилых людей к жизненному пространству здоровых людей и способствует их психической реабилитации.

Человек, ставший инвалидом в зрелом возрасте и сохранивший возможность передвигаться, имеет возможность общаться с природой, так как у него имеются необходимые для этого умения, навыки. Некоторые инвалиды не могут начать ходить в походы без посторонней помощи.

Нами проводилось исследование, с целью выявить влияние оздоровительной ходьбы, прогулок на социальную реабилитацию людей с ограниченными возможностями. Отмечается, что у большинства инвалидов была нарушена координация движений, точность и темп движений, а также различные нарушения функций опорно-двигательного аппарата. Движения у них были замедлены и неуклюжи. А при выполнении, каких либо действий, требующих переключений движений или быстрой смены поз возникали большие сложности. Внимание отличалось своей неустойчивостью. Крайне слабое активное внимание препятствует достижению поставленной цели. Два инвалида с трудом оперируют имеющимися представлениями. Мышление у них неконкретное, непоследовательное.

После цикла реабилитационных занятий оздоровительным плаванием в зимний период с группой инвалидов, была разработана технология занятий с данной категорией людей социально-досуговым туризмом. Предварительно была проведена беседа с инвалидами, с помощью которой было выявлено, что все занимающиеся были согласны на небольшие оздоровительные прогулки в лесопарковой зоне «Тропы здоровья» и «Олимпийской аллеи», в естественных природных условиях, где они включались в реальные ситуации уличных двигательных действий. В процессе оздоровительных прогулок у них формировались не только жизненно необходимые навыки, но и они преодолевали различные препятствия. Оздоровительные прогулки были продолжительностью от 45 минут до 1 часа. Люди с ограниченными возможностями охотно гуляли по заданному маршруту и общались со своими сверстниками. Очень популярный был маршрут до «самовара» на «Тропе здоровья». В более жаркую погоду обливались водой. А также на «Тропе здоровья» присутствует неровная дорога, с подъемами и спусками, что благоприятно воздействовала на организм людей данной категории. Во время оздоровительных прогулок занимающиеся сочетали выполнение различных общеразвивающих упражнений с различными беговыми движениями, а также присутствовал дозированный отдых.

В начале исследования была проведена анкета по оценки степени психоэмоционального напряжения. По результатам анкеты практически все люди с ограниченными возможностями находятся в постоянном напряжении, не могут снимать его самостоятельно. По-видимому, это сказывается особенностями и степенью заболевания. Поэтому, на занятиях по оздоровительной ходьбе и прогулкам ставилась задача – снижение психического напряжения и создание благоприятной и спокойной обстановки.

После оздоровительных прогулок у занимающихся улучшился аппетит, сон, отмечалась умеренная усталость, после которой люди с ограниченными возможностями могли более комфортно чувствовать себя, потому что создавали нагрузку на мышечный аппарат, а затем происходит расслабление мышц, что способствует частичному уменьшению спастичности движений в конечностях.

Таким образом, спортивно-оздоровительным туризм представляет собой эффективное средство физического и нравственного совершенствования человека. Многочисленные научные исследования показывают, что на психофизиологические параметры человеческого организма напрямую благотворно влияет объем его двигательной активности. В случае занятий туризмом на первый план выходит повышение функциональных возможностей эндокринной и иммунной систем при относительном постоянстве или некотором увеличении возможностей опорно-двигательного аппарата.

Туризм для лиц с ограниченными жизненными возможностями является сравнительно новым и динамично развивающимся направлением туризма. Социальная значимость туризма для особых категорий населения обусловлена, в частности, тем, что относительное и абсолютное число лиц с различными видами ограничения жизненных возможностей непрерывно растет. Туризм во всех его проявлениях пригоден в качестве средства массового оздоровления населения разного возраста в силу его общедоступности, так как походы выходного дня и даже походы первой-второй категории сложности доступны практически любому человеку, не имеющему серьезных заболеваний, с нормальным физическим развитием. Для людей же с ограниченными физическими возможностями спортивно-оздоровительный туризм – серьезное испытание. Однако можно разработать разнообразные по сложности походы и для этой категории людей.

*С. В. Петрунина, С. М. Хабарова, И. А. Кирюхина, Г. В. Боков,  
ИФиС Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКВАТИЧЕСКИХ БЕГОВЫХ ТРЕНИРОВОК ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В Г. ПЕНЗЕ**

Бег по глубокой воде – отличный способ улучшить результаты в беге на суше и сократить число частых травм во время обычных беговых тренировок. Исследования университета в штате Джорджия (США) показали, что четверть мили ходьбы в воде более интенсивнее, чем ходьба одной мили на суше.

При этом ходьба по глубокой воде имеет несколько преимуществ:

- возможность тренироваться во время жаркой погоды;
- возможность тренироваться без повреждения суставов.

В последнее время этот новый нетрадиционный вид тренировки находит все более широкое применение. Водный тренинг с помощью особого плавучего или спасательного жилета и без контакта с дном в бассейне обеспечивает минимум нагрузки на тело, что позволяет спортсмену увеличить число тренировок в течение дня. Сейчас водный тренинг получил в США всеобщее признание. Известный американский бегун Стив Скотт все свои утренние тренировки проводил в воде. Причем водным тренингом занимаются не только бегуны или прыгуны, но и представители других видов спорта. Пятьдесят процентов легкоатлетов американской сборной на Олимпийских играх в Сеуле использовали бег в воде как дополнение к традиционным видам тренировки.

Американский тренер Дуг Стерн еще в 1970 году рекомендовал использовать бег в воде (не касаясь дна ногами), самому перспективному из своих подопечных, сошедшему с беговой дорожки из-за травмы. Этому студента звали С. Уильямс, позднее он стал спринтером мирового класса (А. Чирков, 2005). В 1990 году Д. Стерн организовал школу бега в воде для реабилитации участников Нью-Йоркского марафона на регулярной основе. С того времени он обучил тысячи бегунов своей системе. Стерн любил делиться мыслями о преимуществах такого бега и способах его освоения. «Вода снимает напряжение с тела, – объясняет Стерн. – Поэтому имеет смысл в случае травмы использовать тренировки в воде для восстановления здоровья, силы и выносливости».

Положение тела для правильного бега в воде сходно с положением на суше. Тело должно быть прямое, без наклона. Ладони рук обращены друг к другу, для того, чтобы легко скользить по воде. Шаг должен быть длинный и плавный. Интенсивная работа рук помогает продвигаться в воде вперед. Необходимо ровно держаться в воде, плечи и шею держать расслабленными. Сохранять вертикальное положение тела – важное и трудное задание, с которым сталкиваются все бегающие в воде.

Использование бега в воде как дополнение к обычной тренировочной программе может дать существенное увеличение в скорости, силе, гибкости, умении сохранять равновесие, но особый прирост наблюдается при развитии выносливости. Чем быстрее спортсмен двигает

ногами и руками, тем сильнее сопротивление, а значит более эффективное воздействие на укрепление опорно-двигательного аппарата (А.Чирков, 2005).

Бег в воде характеризуется многими особенностями, которые позволяют не только избежать возникающих перегрузок при отталкивании от опоры, но и способствует ускорению притока крови к сердцу, в отличие от бега на суше, где из-за воздействия сил земного тяготения кровь скапливается в нижней части тела.

Бег в воде может использоваться как процедура, восстанавливающая организм, после интенсивных тренировок на суше в любом виде спорта благодаря все тому же более активному притоку крови к сердцу.

В наших исследованиях использовался комплексный подход, включающий в себя широкий арсенал средств, сочетающих занятия на суше и в водной среде с элементами «искусственной управляющей среды», реализуемых в условиях специализированных тренажерных систем при выполнении циклических локомоторных движений (плавание, ходьба, бег) в процессе специально организованных тренировочных занятий (Петрунина С. В., Логинов А. А., 2000-2005).

В течение двух месяцев с экспериментальной группой инвалидов 2 раза в неделю проводились занятия в водной среде – в бассейне, – с использованием средств силовой и циклической подготовки и системы «регулируемая страховка».

Программа занятий включала в себя общеразвивающие упражнения и шагательные движения в воде, выдохи в воду, открывание глаз в воде, различные погружения в воду. По мере того как инвалиды осваивали простейшие упражнения в водной среде, им предлагались плавательные упражнения, сочетающие скольжение на груди и спине, с предварительным отталкиванием от дна бассейна и с последующими шагательными движениями.

На следующем этапе нами использовалась система «регулируемой страховки» для освоения навыков плавания. Обучение устойчивому горизонтальному положению тела в воде проводилось по традиционной схеме. Занимающиеся надевали спасательные пояса, соединенные с фалом тренажера, и, акцентируя внимание на сохранении равновесия в воде, учились принимать такое положение тела, чтобы центр тяжести тела и центр давления воды на тело совпадали. Для этого использовался методический прием давления на воду верхним плечевым поясом (Т-давления) [Терри Лафин, 1990] Одновременно с этим занимающиеся привыкали опускать голову в воду, выполняя при этом 10–15 таких заданий. После того как занимающиеся научились принимать правильное горизонтальное положение тела в воде, им было предложено освоение движений плавания по элементам: сначала, стоя на дне бассейна, они выполняли движения руками в согласовании с дыханием, затем отрабатывались движения ног в условиях системы регулирующей страховки на месте (кроль на груди, спине).

Следующий этап включал поочередное освоение движений правой и левой рукой, затем выполнялись упражнения в условиях регулируемой страховки – в той же последовательности, что и при обучении с опорой на дно бассейна. После отработки каждого движения в отдельности проводилось обучение согласованным движениям ног с дыханием, рук с дыханием, а также ног и рук с дыханием вместе.

По мере совершенствования согласованности элементов движений изучались плавательные движения в полной координации. Эти задачи решались на первых занятиях в условиях регулируемой страховки.

К концу пятого занятия занимающиеся чувствовали себя в воде более уверенно. В условиях тренировки с использованием «регулируемой страховки», время, отводимое на плавательные задания без тренажера, постоянно увеличивалось. Если с первого по пятое занятие обучение велось только с использованием регулируемой страховки, то начиная с шестого время, отводимое на занятия в воде без тренажера, возрастало: с шестого по десятое занятие оно увеличилось до 20 минут, с десятого по восемнадцатое – до 60 минут.

Следует отметить, что на последних трех занятиях «регулируемая страховка» использовалась для принятия горизонтального положения тела в воде и с целью самоконтроля выполняемых движений при плавании. Результаты проведенного исследования указывают на возможность перспективного использования тренажерного устройства «регулируемая страховка» для обучения плавательным движениям инвалидов (ДЦП).

За период эксперимента, состоящего из 16 – 18 занятий, испытуемые освоили простейшие плавательные движения и способны были преодолевать без посторонней помощи до 10 – 15 метров дистанции в водной среде. Обучение в условиях регулируемой страховки показало достаточную эффективность использования этого тренировочного средства в системе занятий с инвалидами (ДЦП).

Учебно-тренировочные занятия в сочетании с силовой и циклической направленностью в водной среде способствовали созданию щадящих условий для работы опорно-двигательного аппарата занимающегося.

*М. С. Полубояров,  
историк, краевед,  
г. Москва*

### **ГОРОД ПЕНЗА В СИСТЕМЕ УКРАИНСКО-ВОЛЖСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ**

XVII век в нашей отечественной истории является важной вехой на пути становления Российской империи. В этот период Москва одержала ряд военных и дипломатических побед, установила постоянный заслон на путях проникновения крымских татар и их кочевых вассалов в центральные уезды. Важную роль в этом сыграла оборонительная линия, построенная от Слободской Украины до Волги.

С конца сороковых годов прошлого века Украинско-Волжскую черту принято называть Белгородско-Симбирской. Название предложено А. А. Новосельским. Благодаря научному авторитету историка его ошибочное мнение о географии засечных черт закрепилось в энциклопедиях и академических изданиях<sup>1</sup>, получило развитие в монографии В. П. Загоровского<sup>2</sup> и сейчас воспринимается как «общеизвестный» факт. Критике принимаемой ныне на веру географии Черты посвящена наша отдельная статья<sup>3</sup>.

Для понимания проблемы отметим важное значение одного документа – «Выписки в Разряд о построении новых городов и черты» 1681 г. Это – справка об истории строительства оборонительных черт с XIV в.: для чего и кем построен каждый участок, под чьим руководством, какими силами и какой получен результат. Из него видно, что Черта строилась по указу царя Михаила Федоровича от 1613 г. «для защищения святых божиих церквей и целости и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходов», от р. Псел до р. Волги, на 956 верстах<sup>4</sup>.

Фактически ее строительство начато в 1635–1636 гг. закладкой городов-крепостей Козлов, Тамбов, Симбирск и других. Основным документом об этом является Окружная грамота царя Михаила Федоровича в Пермь о повсеместном денежном сборе на строительство новых крепостей<sup>5</sup>.

По Пензенской черте комплектование личного состава происходило на первых порах вопреки общей тенденции переводу вооруженных сил на регулярную основу. Драгуны, взятые из Москвы и Шацка, в Пензе оказались построенными в казачью службу<sup>6</sup>. Исключение соста-

---

<sup>1</sup> Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами. М.-Л., 1948. С. 370; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 33, 476-477; Белгородская черта // Большая Советская энциклопедия. Издание второе. Том 4. М., 1950; Пограничные укрепленные линии в России // Там же, том 33. М., 1955; Симбирская черта // Там же, том 39. М., 1956; Отечественная энциклопедия с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М., 1996. С. 231-232; Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 283-284.

<sup>2</sup> Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

<sup>3</sup> Вестник военно-исторических исследований: Международный сборник научных трудов. Вып. 4. Пенза, 2012. С. 25-36.

<sup>4</sup> Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 33. Тамбов, 1892. С. 49.

<sup>5</sup> Собрание государственных грамот и договоров. Часть III. М., 1822. С. 362-363.

<sup>6</sup> Строельная книга города Пензы. М., 1898. С. 15-22, 31-32.



вили рейтары<sup>1</sup>. Вероятно, они считались «личной гвардией» воевод и использовались в особых случаях. В целом состав служилых людей говорит о чисто пограничном характере черты. Впоследствии по ней служили и выборные солдаты: в 1680 г. в одном из документов говорится о намерении противника, численностью более 3 тыс. человек, «итти войною под город Пензу и на Макшанск под полк»<sup>2</sup>. Правда, из документа не ясно, где находилось управление полка – в Пензе, Саранске или Инсаре. В 1698 году среди переведенцев из Новокутлинской слободы в новопостроенный г. Петровск уже показано 29 дворов выборных солдат<sup>3</sup>.

С 1636 по 1654 гг. «между Цной и Волгой были построены Керенская, Верхнеломовская, Нижнеломовская, Инсарская, Потижская, Саранская, Атемарская, Карсунская и Симбирская черты»<sup>4</sup>. К концу XVII в. закончено строительство Пензенской. Фронтально она соприкасалась своим восточным флангом с участками засечных сторожей Юловской (г. Городище) и Труевской слобод, подчиненных – одна симбирскому, другая – петровскому воеводам. Северо-западный фланг Пензенской черты соприкасался с Инсарской чертой<sup>5</sup>. А. Л. Хвощев на карте-вкладке к своей монографии<sup>6</sup> обозначил «Укрепленную линию от Инсарской черты к Пензе и Городищу» и «Линию военных поселений от г. Пензы к Саранску». С ним были согласны В. И. Лебедев и В. В. Гошуляк.<sup>7</sup> Но здесь необходимо уточнение. Инсарко-пензенский участок и «линия военных поселений» по р. Суре являются фрагментами единого комплекса Пензенской оборонительной линии. Если ее изобразить на схеме, она будет похожа на крестоподобное созвездие Лебеда: «клюв», обращенный к югу, – Сердобинская слобода засечных сторожей (г. Сердобск), «хвост» – «военные поселения» от Бессоновки до р. Пелетьмы, «крылья» – линия от елюзанских татарских слобод до конца Мокшанского вала и далее до с. Засечного Мокшанского района.

Участок, обращенный к югу, перекрывал степной коридор между сурским и мокшанским лесными массивами, обеспечивал контроль за дорогой по левому берегу р. Суры в широтном направлении. Левый фланг, если смотреть со стороны г. Пензы, соприкасался с крупной (на 100 служб) Труевской слободой Петровского уезда (с. Русское Труево Сосновоборского района), правый – с южным флангом Инсарской черты. В меридианальном направлении южный участок Пензенской черты к концу XVII в. достиг низовьев р. Сердобы.

Присурские слободы от Бессоновки до Пелетьмы были построены не только для контроля за Ногайской дорогой, как считают некоторые исследователи. Для такой узкой цели не было необходимости поселять целых семь слобод (Пензятскую, Колоярскую, Ванзыбейскую, Вазерскую, Пыркинскую, Кутлинскую, Пелетьминскую). На наш взгляд, они построены прежде всего для контроля за бродами через р. Суру, которые использовались разного рода «неприятельскими людьми» во время походов за пленными и для грабежа населения российской окраины.

Если судить по численности конных казаков, упоминаемых в «строельной книге», то наиболее угрожаемыми участками считались броды, близ которых появились слободы на 50 служб: Бессоновская, Вазерская, Кутлинская, Пелетьминская и, вероятно, Пыркинская (ее возглавлял казачий сотник). Более точно определить места бродов через Суру не представляется возможным из-за изменения русла реки.

Строительство Пензы, как известно, начато в 1663 г. Город встал на перекрестке двух дорог. Первая, из Жигулевской луки, тянулась вдоль верховьев Суры, пересекала старое устье р. Пензы (здесь был поставлен Черкасский острог) и продолжалась до Нижнего Ломова и Тамбова. В Пензе дорогу называли Казанской или Симбирской. Вторая шла от г. Петровска, мимо Черкасского острога, далее вдоль левого берега Суры на Инсар или Саранск.

Необходимость защиты Казанской дороги обуславливалась угрозой нападения башкир и ногайцев. В 1662 г. в Башкирии началось мощное восстание. В 1663 г. к башкирам присое-

<sup>1</sup> Строельная книга города Пензы. М., 1898. С. 34-35.

<sup>2</sup> Дополнения к Актам историческим... Том VIII. СПб, 1862. С. 284.

<sup>3</sup> Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922. С. 114.

<sup>4</sup> Лебедев В. И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 36.

<sup>5</sup> Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1989. С. 187, 189.

<sup>6</sup> Хвощев А. Указ соч.

<sup>7</sup> Лебедев В. И. Указ. соч. С. 96; Гошуляк В. В. История Пензенского края. Книга 2. Пенза, 1996. С. 65.

динились калмыки. В 1668 г. пензенцы выдержали с башкирами бой на «Мокшанских вершинах»<sup>1</sup>. В 1671 г. «приходили под Верхний Ломов воинские люди тотаровя и башкирцы, человек с 1000 и больши, безвесно, прократчи у степных сторож от пензенские степи»<sup>2</sup>. Летом 1680 г. пензенцы сидели в осаде во время нападения азовцев, калмыков, ногайцев и башкир: «К городу Пензе те воинские люди день весь приступали с лучным, и с огненным боем, и с знаменами, и на посаде церкви божию разорили... и приказной избы подьячих, и конных казаков, и драгунов, и стрелцов, и пушкарей, и посатцких людей триста пятьдесят дворов, со всеми животы и с хлебом со всяким сожгли...»<sup>3</sup>.

Еще больше беспокойства вызывала открытость Московско-Астраханской (Ногайской) дороги. В XVI в. по ней ездили посольства. После покорения Астраханского ханства дорога утратила «высокий статус». В документах ее название сменилось на Саратовскую, Московскую, Ногайскую и даже «большую табунную». В мае 1643 г. крымцы, ногайцы и азовцы, готовясь к нападению на Темниковский и Алаторский уезды, располагались станом на р. Медведице. Затем налетчики отправились в эти уезды за полоном «большую табунную дорогою, которою дорогою ездят из Астрахани и из Саратова... к Москве станишные головы с табунами»<sup>4</sup>. В 1644 г. той же Сурской дорогой прошел ногайский отряд, опустошив деревни по р. Инзере (Инсаре) и в Атемарском уезде, где «много людей порубили и забрали в полон»<sup>5</sup>. В мае 1646 г. «мордовские места» по р. Суре снова оказались жертвой грабежа: на этот раз татары увели в плен 300 человек<sup>6</sup>. В 1648 г. участок между г. Инсаром и Сурой определен как «прежний ногайским людям приход», а дорога охранялась мордовскими мурзами<sup>7</sup>. Город-крепость Пенза захлопнула дверь, закрывая перед непрошенными гостями один из путей в центральные уезды государства.

По мнению Г. В. Мясникова, Пенза занимала «особое стратегическое положение» и «в отличие от Козлова, Тамбова, Керенска, Нижнего и Верхнего Ломовов... не входила ни в одну из существующих уже оборонительных черт»<sup>8</sup>. Исследователь опирался на ту самую «общепринятую» точку зрения о существовании между Днестром и Волгой только двух черт – Белгородской и Симбирской, чем и обуславливал «особое стратегическое положение» города. Но это не так. Пензенская черта представляла собой участок тысячекилометровой Украинско-Волжской линии и предназначалась для усиления саранско-карсунского участка, подобно тому как Изюмская черта укрепила белгородский участок.

Второстепенных городов по Черте не существовало. Слабые места немедленно становились воротами для очередного прорыва неприятеля. Такая судьба ждала Пензенский уезд в 1711 и 1717 гг. во время «кубанских погромов». В первом пострадали Саратовский, Петровский и Пензенский уезды, где отряд из трех тысяч татар, «разорив села и деревни многие», возвратился «к домам своим со многим числом полону русского». Кубанцев настиг корпус П.М. Апраксина, освободивший из плена 2000 человек<sup>9</sup>.

Более тяжелые последствия имел «кубанский погром» 1717 г. Перевод служилых людей в Азов, на р. Медведицу и в Заволжье, массовое бегство от тягот службы, наборы на стройки ослабили боевой потенциал Пензенской черты, явились одной из причин прорыва кубанцев до Тамбова, Нижнего Ломова, Кашпира и Саранска. Они не пошли дальше только потому, что нахватили пленных и скота столько, что едва могли увезти. Число пленных по всем этим местностям составило 12107, убито 712 человек, угнано 163720 голов разного скота, экономический ущерб оценивался Петербургом в 622657 рублей.<sup>10</sup> Для отражения нападения в Пензу, в полк князя Мещерского почти никто не явился – в уезде не оказалось людей,

<sup>1</sup> Хвощев А. Указ. соч. С. 82.

<sup>2</sup> Пензенский край. XVII в. – 1917 г... С. 14-15.

<sup>3</sup> Дополнения к Актам историческим... Т. VIII. С. 283.

<sup>4</sup> Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... М., 1948. С. 318.

<sup>5</sup> Там же. С. 341.

<sup>6</sup> Там же. С. 37.

<sup>7</sup> Хохряков В. Материалы для истории города Пензы // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Кн. I. Пенза, 1903. С. 15.

<sup>8</sup> Мясников Г. В. Указ. соч. С. 127.

<sup>9</sup> Бранденбург Н. Кубанский поход 1711 года // Военный сборник. № 3. СПб, 1867. С. 29-30, 39.

<sup>10</sup> Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Том VI. М., 1838. С. 656.

способных носить оружие. Зная это, казанский и астраханский губернатор П. С. Салтыков приказал собирать против кубанцев ополчение из помещичьих крестьян, угрожая дворянам за невыполнение государева указа карамми, «яко преступникам, как о таких царского величества воинские артикулы повелевают, и движимое и недвижимое их имение взять... на великого государя бесповоротно»<sup>1</sup>.

Отягощенные полоном кубанцы уже уходили, когда откуда-то прибыла рота драгун. Преследуя противника, она вступила в бой с его арьергардом и уничтожила (если верить донесению ландрата Льва Аристова) кубанцев «с 300 человек», драгун же осталось в живых лишь 20, и те все изранены<sup>2</sup>. Саранск ничем помочь не мог: как и в Пензе, там «служилых людей малоллюдно, и те старые и дряхлые... В Саранску и в саранских пригородах служилых людей малое число и безружейных»<sup>3</sup>. Непосредственно в Поле, против кубанцев действовало от двух двух городов только 122 представителя иррегулярных войск под командованием прапорщика Языкова. Но и они уклонялись от боя «за худобою лошадей»<sup>4</sup>.

Оголив границу, правительство поступило опрометчиво. Погромами 1711 и 1717 гг. России был нанесен колоссальный экономический урон. В дополнение к прежним пришлось строить Царицынскую линию, размещать между Пензой и Саратовом четыре драгунских полка. Нормальное содержание старых оборонительных черт обошлось бы дешевле.

Укрепленные линии XVII в. нередко в научной литературе именуются засечными чертами, в том числе Пензенская. Такое название отражает скорее реалии XVI в., когда засеки составляли основу пограничной фортификации. Но во второй половине XVII в. они стали военным анахронизмом. Завал из сухих деревьев нетрудно сжечь и не мог рассматриваться как серьезное, долговременное препятствие. К тридцатым годам XVII в. более надежными были признаны валы с городками, дополненные рвами, надолбами и частиком.

Опору Пензенской черты, наряду с крепостью и острогами, составлял Мокшанский вал, строительство которого закончено в 1680 г. О боевой службе засечных сторожей на Пензенской черте ничего не известно и лишь немного – об их географии. Первая засека находился в Лемзайском лесу, занимая пространство между р. Сурой и нынешней ж.-д. ст. Ардым, и охранялась засечными сторожами Евинской слободы. Об этой засеке упоминается в 1717 г. в сообщении о пленении крестьян в д. Александровке, «под засекою, что под городом Пензою»<sup>5</sup>. Ныне д. Александровка находится в 7 км к юго-западу от с. Засечного, на краю Лемзайского леса. Вторая засека располагалась в Большом Мокшанском лесу, к западу от нынешнего с. Засечного Мокшанского района. Она имела самое большое число, около 100 дворов, засечных сторожей в 1697 г.<sup>6</sup> Вряд ли обе засеки перекрывали лесные массивы, с их многокилометровой шириной. Многовековые дикие леса невозможно перейти с конем, даже если вести его в поводу. Засеки рубили только на «проходных местах».

По государеву указу от 5 ноября 1697 г. засечные сторожа обеих засек были отправлены вместе с семьями частью в Азов, Петровск и в низовья р. Сердобы, где основали Сердобинскую слободу сторожей корабельных лесов<sup>7</sup>. По г. Пензе, судя по строельной книге, засечные сторожа не числились. Известный микротопоним Засека на Западной Поляне города мог появиться благодаря тому, что здешний лес был приравнен к засечному в целях его сохранения. О заповедных лесах существует несколько указов Петра I. В них содержался суровый запрет на порубки. Очевидно, он распространялся и на западнополянский. Будь по-иному, лес был бы сведен в считанные годы на нужды города. Умалчивает об использовании данного леса и строельная книга: «А градским всяких чинов жилецким людям по хороменной и дровяной лес ездить им в болшой лес за Суру реку и за Пензу»<sup>8</sup>. Немало указаний на разрешение рубить его исключительно в Засурье содержат отказные книги. Да и нужна ли была засека на

<sup>1</sup> Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Книга II. Пенза, 1904. С. 185.

<sup>2</sup> Там же. С. 182.

<sup>3</sup> Там же. С. 180, 181.

<sup>4</sup> Там же. С. 181, 182.

<sup>5</sup> Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Книга I. Пенза, 1903. С. 149-150.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5186. Л. 42 об. – 45 об.

<sup>7</sup> Полубояров М. С. На реке Сердобе и в иных урочищах: Сердобск и Сердобский район в XVIII веке. Саратов, 1999. С. 23-24.

<sup>8</sup> Строельная книга города Пензы... С. 31.

западной окраине города? Благодаря обширности и крутым склонам, окаймленным снизу болотами, дикий лес и без засеки непроходим для конницы. Засечные сторожа в г. Пензе упоминаются лишь в конце царствования Петра I. Переписная книга 1719 г. сообщает о наличии здесь восьми дворов засечных сторожей<sup>1</sup>. Их малая численность говорит скорее о лесной охране, чем о боевой засечной службе.

Пензенская черта перестала существовать после завоевания Азова, когда «правительство признало ненадобность всех укрепленных черт края»<sup>2</sup>. Служилых людей, по приговору Боярской думы, предписывалось перевести на строительство флота и в Азов<sup>3</sup>. Дело по каким-то причинам не сдвинулось с места, и царским указом от 5 ноября 1697 г. служилые люди Пензенской черты были переведены преимущественно на соседнюю петровскую линию, на реки Медведицу, Вершаут и Сердобу<sup>4</sup>. Они стали основателями г. Сердобска, Малой Сердобы, бы, дали значительный контингент для г. Петровска и Иткаринской слободы (г. Аткарска). До 1702 г. опустевшие казачьи дворы по р. Суре заселили крестьяне видных царских сановников, привезенные из центральных уездов<sup>5</sup>. Петровская линия стала как бы заменой недостроенной Сызранской.

С постройкой Царицынской укрепленной линии набеги на Пензенский край еще имели место. Солдаты, как они писали в своей челобитной в 1728 г., посылались в степные разъезды «по сту человек и больше», «стояли на валу» и т.п.<sup>6</sup> Аналогичная челобитная в том же году посылалась солдатами Петровского уезда, причем они дополнили ее фактами о продолжающихся стычках с «воровскими калмыками и разбойниками» и гибели в боях с ними своих товарищей<sup>7</sup>. Однако ничего подобного пережитому в 1680 и 1717 гг. уже не происходило.

**В. И. Понаморов,**  
*студент гр. И-31 ИФФ*  
*Пензенского государственного университета,*  
*г. Пенза*

## **ПЕНЗЕНСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЫСК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Проводимые в настоящее время в стране реформы изменили всю систему государственных органов, в том числе и органов внутренних дел. В этих обстоятельствах учет исторического опыта был бы весьма уместен.

Пензенское сыскное отделение учреждено 1.08.1908 г. на основании закона «Об организации сыскной части» от 6.07.1908 г., как оперативный орган полицейского управления по делам политического и уголовного сыска.

Из существовавшей четырехразрядной системы штатов, Пензенское сыскное отделение занимало III разряд. Начальника отделения назначал губернатор и прокурор окружного суда. К чинам сыскного отделения относились: начальник, надзиратели и городовые. Сыскные отделения просуществовали до октября 1917 г.

Для пензенского полицейского сыска существовал ряд проблем. Первая – проблема финансовой отчетности. Отчитываясь о потраченных средствах, начальник сыскного отделения Упеник-Упенский сам формулирует методы работы сыскного отделения:

- Непосредственно сыскная работа и личные поручения начальника и высших чинов;
- Использование частной агентуры;
- Посадка в камеры к преступникам лиц для выяснения дополнительной информации;

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 310. Лл. 577-578.

<sup>2</sup> Хвощев А. Указ. соч. С. 112.

<sup>3</sup> Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 58.

<sup>4</sup> Полубояров М. С. Драгунские горы: Историко-публицистическое повествование. Саратов, 2000. С. 35-36.

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5186. Лл. 18-144.

<sup>6</sup> Пензенский временник любителей старины. 1992. Выпуск 3. С. 8.

<sup>7</sup> РГАДА. Ф. 248. Д. 727. Лл. 29-30, 183-186.

- Использование бывших преступников для добычи информации.

Начальник сыскного отделения настаивает на том, что невозможно документально отчитаться по всем расходам, так как существует определенная специфика работы сыщиков. Отчет не мог быть составлен по деньгам, ушедшим на получение агентурных данных, посадку агентов к заключенным и пр. Вместе с тем Упеник-Упенский замечает, что раскрываемость в его отделении лучше, чем в отделениях I и II разрядов, не смотря на меньшее финансирование.

Вторая проблема – проблема кадров. Состав отделения: 8 человек вместе с начальником и 4 прикомандированных стражника. С учетом дежурств, регистрации, конвоирования преступников в суд, дрессировки собак, выездами на места преступлений в уезды для ежедневной розыскной работы остаются 4-5 человек, а этого явно недостаточно. Из-за нехватки людей трудно организовать работу по профилактике преступлений, хотя у начальника Отделения были дельные предложения по этому вопросу.

Пензенское отделение использовало специально обученных собак. Надзиратель Ксенофонтов проходил специальный курс в Санкт-Петербурге для дрессировки собак. Первая собака Пензенского отделения немецкая овчарка Вольф была приобретена за 160 рублей, за цену, которая намного превосходила стоимость лошади. Впоследствии с 1911 по 13 гг. было куплено еще 5 собак. В 1912 г. в Пензе открылся отдел Российского общества поощрения применения собак в полицейской и сыскной службе, председателем Совета был избран губернатор А. П. фон Лилиенфельд-Тоаль. Целью общества было «желание снабдить в Пензенской губернии, особенно в деревнях, урядников и станových приставов собаками-ищейками»<sup>1</sup>. По инициативе и на деньги общества в 1913 г. был построен питомник для содержания собак, располагавшийся на Щепной площади, неподалеку от здания сыскного отделения. 25 июня 1913 г. в Пензе была организована выставка, на которой проводились пробные, проверочные испытания дрессированных полицейских собак. Ежедневная пензенская газета «Полицейский листок» (1913г. № 26) представила подробный отчет об испытаниях служебных собак. Судя по всему, четвероногие полицейские произвели огромное впечатление на публику: «Некоторые номера второй программы выполнялись собаками безукоризненно. Можно сказать, что если пустить их по свежим следам какого-либо преступника, то позавидовать ему нельзя – могут найти и разорвать».<sup>2</sup>

Применение полицейских собак практиковалось как в Пензе, так и в уездах, в последнем случае проводники вместе с собаками выезжали в командировку на место совершения преступления. Вероятно, не все подобные выезды были успешны, зачастую из-за профессиональной неграмотности сельских полицейских. В связи с этим начальник Пензенского сыскного отделения Упеник-Упенский разработал подробную инструкцию по применению полицейских собак.

В полицейских рапортах нередко примеры того, как собаки помогали мгновенно раскрывать преступление по горячим следам. В одном из протоколов говорится о том, что собаку, взявшую след и нашедшую преступника, сопровождала вся деревня, эффект был потрясающий.

Большая часть дел полицейского сыскного отделения касается преступлений, совершенных на территории города Пензы, уездов, волостей и деревень. Уездные и волостные дела – в основном убийства, кражи, грабежи, мошенничества и др. Менее тяжкие преступления расследовались местными властями, на убийства выезжали чины Пензенского сыскного отделения. Так как эти дела доходили до органов полиции сравнительно быстро, то и расследование проходило почти по горячим следам. В кратчайшие сроки производились допросы подозреваемых и свидетелей, обыски, обследование мест происшествий и т.д. Как правило, многие из таких дел доходили до завершения, т.е. заканчивались передачей в суд. Примером такого дела может быть дело о фальшивомонетчиках (фонд 176, опись 1, дело 2). Стоит заметить, что изготовление фальшивых денег было довольно распространением преступлением в Пензе и в уездах. На раскрытие этого дела повлияла быстрота реагирования полицейских служащих. В результате обыска на квартире подозреваемого были найдены улики – прессы, приспособле-

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Л. 21.

ния для «накатывания» фальшивых денег, фальшивые кредитки. Опрос свидетелей подтвердил вину подозреваемого. Кроме того, хотя соответствующие протоколы дознания не сохранились в архиве, можно предположить, то по каким-то причинам, подозреваемый дал признательные показания. Несомненно, в этом случае полиции помогли ее давние «друзья» – полицейская агентура, доносчики.

В Пензенское сыскное отделение приходили отношения и запросы на розыск подозреваемых из других частей страны. Это огромный поток бумаг, который сильно затруднял деятельность полицейского сыска. Складывается впечатление, что канцелярская работа становилась основной для чинов сыскного отделения. В материалах полицейского сыска сохранилось огромное количество входящих и исходящих бумаг (рапортов, отношений, справок). Большинство из них написаны от руки. Вероятно, подобная организация труда полиции существовала по всей России. На запросы начальника Пензенского сыскного отделения приходили многочисленные ответы, почти все – рукописные, реже – напечатанные на машинке. Только из четырех губерний ответы приходили на отпечатанных бланках с вписанными от руки конкретными сведениями.

Существовала проблема опознания преступников. Приметы подозреваемых чаще всего собирались словесно. Розыск по приметам происходил достаточно редко и, как правило, случайно. Сроки розыска затягивались, и преступники успевали скрыться.

При розыске опасных преступников начинали использовать фотографии, но в 1909-1910 гг. это было скорее исключением, чем правилом. В делах за 1912 г. видно, что фотографирование преступников становится обычной практикой, сыскные отделения создавали собственные картотеки, и пополняли данные жандармерии, особенно по политическим делам.

Как пример дела всероссийского масштаба можно представить дело Арефьева. Пензенский мещанин Арефьев, служащий Пензенского городского банка, вместе с сообщницей Романовой по подложным документам получил из банков разных городов империи свыше 30 000 рублей. Романову арестовали совершенно случайно в сентябре 1909 года. У нее не выдержали нервы от постоянного напряжения и ожидания, что ее схватят. В то же время под Владивостоком был пойман сам Арефьев, но тот сумел бежать. Романова дала ценные показания, которые впоследствии помогли схватить мошенника. Правда полиция смогла выйти на него только через три года. Поступило сообщение, что Арефьев находится у своего родственника Матюнина. Начальник отделения Упеник-Упенский лично отправился в два часа ночи обыскивать Матюнина.

Можно сказать, что в 1909-1912 гг. происходит становление Пензенского сыскного отделения как самостоятельной полицейской службы. В процессе практической деятельности вырабатывались специфические методы работы сыска, происходила подготовка кадров. В деле уголовного сыска успех зависел в значительной степени от «человеческого фактора». В начале XX века Пензенский полицейский сыск достиг определенных успехов в борьбе с преступностью, но существовали и проблемы.

*И. Г. Родионова,  
к.фил.н., доцент кафедры русского языка  
и методики преподавания русского языка  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ПЕНЗЕНЦЕВ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ**

Фронтовые письма, созданные в годы Великой Отечественной войны, не раз становились объектом исследования историков, культурологов, краеведов. Между тем военные эпистолярные тексты представляют материал и для лингвистического анализа, позволяющего рассмотреть особенности функционирования языка в условиях экстремальной ситуации, выявить специфику фронтовой эпистолярной культуры, а также создать речевой портрет носителей языка, живших в середине XX века.

Настоящая статья посвящена анализу структуры и содержания фронтовых писем пензенцев – участников Великой Отечественной войны. В качестве материала исследования использовались эпистолярные тексты, опубликованные в книге Г. П. Тамбовцева «У истоков Победы»<sup>1</sup>, посвященной 61-й стрелковой дивизии, сформированной на территории города Пензы, а также письма из архивов Пензенского краеведческого музея и семейного архива автора. Среди адресантов проанализированных эпистолярных текстов командир взвода В. М. Щербаков, техник-интендант А. А. Кудрявцев, воентехник Д. М. Городецкий, офицер штаба К. С. Дмитриев, старший батальонный комиссар К. А. Бочкарев, политрук С. В. Кондаков, лейтенант медицинской службы военфельдшер М. Г. Горельникова, солдат В. Нестеров, боец Георгий (к сожалению, его фамилия неизвестна) и др. Особую группу фронтовых писем составляют послания, созданные студентами Пензенского художественного училища и адресованные преподавателю училища Александре Ивановне. Авторами этих писем являются Александр, Григорий, Вадим Попов, Сер(гей). Все проанализированные тексты носят личный характер и адресованы родным, близким, знакомым фронтовиков. Одно письмо (М. Г. Горельниковой) написано в стихотворной форме.

Структура фронтовых писем пензенцев традиционна. Как правило, каждый эпистолярный текст начинается с обращения и приветствия: *«Здравствуйте, дорогие Тося, дочка Лена, сынок Витя и маленький сынок Юрик!!! Шлю Вам всем свой привет и самые лучшие пожелания»*; *«Здравствуйте, дорогие дети: дочка Лена и сынок Витя (Юрке не пишу, т. к. он читать не умеет). Папа шлет Вам свой привет и крепко Вас целует»* (В. М. Щербаков); *«Здравствуйте, дорогие! Привет вам и тысяча наилучших пожеланий»* (К. С. Дмитриев); *«Здравствуй, моя милая красавица Маня! Здравствуйте, маленькие ребятки Вова и Тома!»*; *«Здравствуй, дорогая красавица Маня!!! Здравствуйте, мои милые Вова и Тома»*; *«Здравствуй, милая Манечка!!! Здравствуйте, мои дорогие крошки Вова и Тома. Привет вам с боевых полей с пожеланиями быть здоровыми, радостными и счастливыми всегда, всегда»* (С. В. Кондаков); *«Добрый день, моя дорогая! Шлю тебе и Женьке своей горячий привет с фронта и крепко, крепко целую»* (А. К. Чевакин); *«Родная моя Валюша!»* (Д. М. Городецкий); *«Здравствуй, дорогая голубушка»* (В. Нестеров);

*«Здравствуй, милая мама,  
Шлю, дорогая, привет,  
Самый пламенный, самый,  
Самый – слов даже нет»* (М. Г. Горельникова).

Из приведенных фрагментов писем видно, что все обращения сопровождаются эпитетами *дорогой, милый, родной* и эмоционально окрашенными приложениями, в том числе приложениями-деминутивами. Кроме того, сами обращения могут представлять собой деминутивы: *голубушка, Манечка, Валюша* (по отношению к супруге); *дочка, сынок, маленькие ребятки, крошки, Юрик* (по отношению к детям) и др. Названные языковые средства отражают отношение адресантов к своим близким и придают тексту дружественную тональность.

В данной части фронтовых писем используются языковые формулы, характерные для эпистолярных текстов: *шлю горячий привет, наилучшие пожелания, крепко целую* и др.

После обращения и приветствия авторы писем сообщают о себе, своем здоровье, эмоциональном состоянии или задают вопросы адресатам об их жизни и самочувствии. Оттенок достоверности сообщениям придает описание конкретных условий, в которых создается данное письмо, при этом активно используются глаголы в форме настоящего актуального времени: *«Это письмо пишу в условиях совершенно тихих»* (К. С. Дмитриев); *«В данное время царит затишье, по которому можно писать письма»* (С. В. Кондаков). Не желая доставить своим близким излишние волнения и тревогу, авторы писем сообщают о своем благополучии и хорошем здоровье: *«Как видите, доехал до Гомеля, еду дальше. Вся дорога прошла совершенно спокойно»*; *«Особо нового ничего нет. Здоров»* (К. С. Дмитриев); *«Мы тут в полной безопасности»* (Д. М. Городецкий); *«Чувствую себя хорошо, здоров»* (А. К. Чевакин); *«Я жив и здоров. Были дни тяжелых испытаний, а я жив и буду жить»* (В. Нестеров);

*«Мама, честное слово –  
Ты хоть бы раз поняла:*

<sup>1</sup> Тамбовцев Г. П. У истоков Победы. Пенза, 2010.

*Я жива, я здорова,  
Я – какая была.  
Впрочем, та ли, другая –  
Разберешься сама.  
Я как раз отдыхаю,  
Добралась до письма» (М. Г. Горельникова).*

Нередко письма фронтовиков содержат отклик на полученные сообщения: *«Я не могу выразить тех чувств, которые я ощущал при получении бандероля, где виден знакомый обратный адрес, начертанный Вашей рукой. Да и вряд ли можно выразить все, что переживает душа при воспоминании об родном училище и горячо любимых учителях» (Александр); «Сегодня получил от вас 13 писем и открыток сразу. Причем последние письма-открытки от 31 октября, где вы оба меня поздравляете с праздником 26-летия Октября» (В. Нестеров).*

В своих письмах бойцы интересуются самочувствием и настроением тех, кому адресовано послание, при этом часто используется топоним *Пенза* или его однокоренные слова. Подобные употребления свидетельствуют об уважительном отношении авторов к своей малой родине и к землякам, а также демонстрируют чувство сопричастности бойцов к родной пензенской земле: *«Интересно, как ваши дела, пензяки? Как Юрик? Так ли продолжает плакать?»; «Как вы живете, Малик, Юрик? Что нового в Пензе?» (К. С. Дмитриев); «Единственным воспоминанием об худ. училище у меня остался студенческий билет, который я храню как зеницу ока. Один человек, который весьма понимает и любит искусство, увидев у меня этот билет, сказал: «Ты учился в этом училище, и ты должен гордиться этим, ибо это одно из известнейших и старейших художественных заведений в Союзе...» И я горжусь этим, что я когда-то учился, но, правда, не кончил Пензенское художественное училище» (В. Попов).*

Обязательным структурным компонентом писем является информация о военных буднях, факты фронтовой действительности: *«Я с бойцами гроплю фашистов, выпуская ежедневно из наших гаубиц, в том числе из твоей, Вова, по нескольку сот двадцатичетырехкилограммовых снарядов на головы извергов»; «Бьем фашистских извергов метко и беспощадно»; «Со 2 июля ведем упорные бои... Наша артиллерия ежедневно выпускает тысячи снарядов, которые валятся смертоносным огнем на головы фашистских мракобесов» (С. В. Кондаков); «Отсюда писать о себе особенно нечего, воюем, живем в лесах, привыкаем к стрельбе и даже начинаем привыкать к бомбежкам. Наша дивизия с момента приезда непрерывно в боях, и многих уже, кто приехал с нами, нет в живых» (А. А. Кудрявцев);*

*«Я вздыхать избегаю,  
Это можно потом.  
Я ведь фельдшер, родная,  
И военный притом.  
А когда перевязка  
Затяжная идет,  
Тут и ласка, и сказка,  
И присказка в ход.  
Тут что надо – то надо.  
И держись до конца.  
Но какая награда –  
Встретить после бойца!» (М. Г. Горельникова).*

В военных письмах часто используются эмоционально окрашенные слова и словосочетания, характеризующие врага. Безусловно, это лексемы с отрицательной оценочной коннотацией: *фашистские изверги, фашистские мракобесы* и др. Отношение к врагу может быть выражено в отдельном высказывании: *«...Охвачен глубокой ненавистью к фашистским гадам за то, что они топчут, жгут, уничтожают все живое в нашей советской Белоруссии. Бои идут жестокие, постепенно продвигаемся вперед, выгоняя и уничтожая это черное, хищное воронье» (С. В. Кондаков).*

Особое место в письмах занимают размышления адресантов о победе в Великой Отечественной войне. Бойцы пишут близким о своей готовности сделать все возможное, чтобы разгромить врага. Авторы писем показывают уверенность в победе и передают эту уверенность своим родственникам, находящимся за тысячи километров от боевых действий: *«Мы их*



*будем бить до полного разгрома и уничтожения»* (С. В. Кондаков); *«Теперь заря победы разгорается ярче, и недалек тот день, когда столица нашей Родины – Москва возвестит миру о полной победе над врагом, о торжестве и славе русского оружия»* (Александр); *«Идет борьба за то, чтобы отвоевать кровью наше счастье, нашу свободу, независимость... Потому что мы имеем мужество, непреодолимое стремление победить врага во что бы то ни стало. И мы – советский народ, Красная Армия – это сделаем»* (В. Нестеров).

Широко представлена в эпистолярных текстах тема мужества и героизма бойцов Красной Армии: *«Вернемся домой героями. Пять человек бойцов и командиров моей батареи уже представлено к правительственным наградам, орденам и медалям»* (С. В. Кондаков); *«Русские победили. Слава нашему героическому русскому народу и мудрому Сталину!»* (Григорий).

Желая отвлечься от военной действительности, авторы писем обращаются к бытовым темам: *«Сейчас мы укрепляемся в обороне. Здесь очень хороший урожай. А как у нас в области обстоит дело с уборкой?»* (А. К. Чевакин);

*«А когда с огорода  
Ты домой придешь,  
Плакать, мама, не надо –  
Будет сон нехорош.  
Выпей чашечку чая.  
Я уж выпила тут.  
И на этом кончаю:*

*Там больные идут»* (М. Г. Горельникова).

В заключительной части писем адресанты выражают надежду на скорое возвращение домой и встречу с родными и близкими: *«Немного соскучился о вас. Ну да ладно, скоро будем опять вместе»* (К. С. Дмитриев). Выражая заботу об оставшихся в тылу женах, бойцы просят их беречь себя и детей: *«Маня, береги себя и детей»* (С. В. Кондаков); *«Ты обо мне не беспокойся, береги себя и сына»* (Д. М. Городецкий); *«Как Женька? Береги его, Вера, чтобы был здоров к моему приезду»* (А. К. Чевакин); *«Трудно будет тебе с детьми. Береги их и перенеси на них мою отцовскую ласку и заботу, любил я и их, и тебя. Тебе это память обо мне и единственная радость в раннем одиночестве»* (В. М. Щербаков).

Авторы эпистолярных текстов используют традиционные для дружеского письма этикетные формулы прощания (*крепко целую, шлю привет* и под.): *«Ну, все. Целую крепко, Костя. Юрика поцелуй. Всем привет»* (К. С. Дмитриев); *«Целую всех крепко. Напишите мне о себе. Привет Рожковым. Ваш Алексей»* (А. А. Кудрявцев);

*До свидания, мама,  
Не грусти от письма.  
Шлю привет тебе – самый,  
Самый – знаешь сама...»* (М. Г. Горельникова).

Во фронтовых письмах обязательны многочисленные приветы бойцов знакомым, родственникам, соседям. Этот факт, с одной стороны, свидетельствует о понимании авторами писем ответственности, которую они несут за всех мирных жителей, а с другой – показывает, что война – это всеобщее горе, и оставшиеся в тылу одинаково переживают за каждого солдата, оказавшегося на фронте: *«Привет всем нашим, Фене и другим, которые спросят, пишу ли я»* (К. С. Дмитриев); *«Привет всему педколлективу, желаю доброго здоровья и счастья в жизни»* (Александр).

Особо следует отметить письма или фрагменты писем фронтовиков, адресованные детям. Как правило, в них содержатся традиционные отцовские наставления быть послушными и хорошо учиться: *«Юрочка, ты не шали, будь послушен и не балуй в детсады; если не будешь послушен, писать не буду»* (К. С. Дмитриев); *«Здравствуй, сынок. Скоро начнутся занятия в школе. Учись только отлично, а я отлично буду бить фашистов»* (К. А. Бочкарев); *«Прошу Витю быть дисциплинированным, не шалить и слушаться во всем и не обижать Лену, слушать маму, больше читать, играть вместе и не бегать понапрасну с уличными ребятами»* (В. М. Щербаков).

Несмотря на выделенные компоненты фронтовых писем, их структуру нельзя считать строгой и устойчивой, поскольку многие тексты создавались в тяжелейших, экстремальных

условиях, когда не было времени на то, чтобы сосредоточиться и изложить мысли по плану. Бойцы знали, что каждый день может быть последним, и поэтому старались успеть отправить весточку о себе родным и близким. Нередко одно письмо создавалось в течение нескольких дней, т. к. не было возможности сразу написать текст целиком. Так, комиссар 61-й стрелковой дивизии К. А. Бочкарев письмо объемом в две страницы писал в течение пяти дней.

В заключение отметим, что письма, помещенные в книге Г. П. Тамбовцева «У истоков Победы» более насыщены фактами военной действительности по сравнению с текстами, предоставленными Пензенским краеведческим музеем. Это связано с тем, что письма военнослужащих 61-й стрелковой дивизии отправлены до сентября 1941 года, т. е. до того момента, когда дивизия прекратила свое существование. В письмах, датированных 1942-1945 годами, информация о боевых действиях практически отсутствует, однако чаще включаются цитаты, речевые штампы, лозунги и т. п.

Таким образом, анализ фронтовых писем позволил не только детализировать целостную картину Великой Отечественной войны, но и, дополнив ее региональным конкретно-историческим материалом, показать особенности языкового отражения военных событий военнослужащими-пензенцами.

*А. Е. Слепенко,  
студентка гр. И-21 ИФФ  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **СЫЗРАНЬ КУПЕЧЕСКАЯ**

Еще в XIX веке наблюдатели отмечали, что Сызрань – город купеческий. Дворянство сидело по своим имениям в уезде или перебиралось в Симбирск, а здесь жили и верховодили те, кого потом назовут капиталистами. Именно это название лучше подходит, так как купцы старого времени не только торговали, но и активно занимались производством: строили, перерабатывали, перевозили<sup>1</sup>.

Сызрань была основана в 1683 году как крепость. Но власти всячески старались привлечь сюда посадское население: ремесленников и торговцев, которые наполнили бы местную казну живыми деньгами<sup>2</sup>.

В 1712 году в Сызрани насчитывалось 94 посадских двора. В то время обширную торговлю скотом вели с сызранцами калмыки. Это предопределило интенсивное развитие кожевенного промысла, а также образование слоя купцов, гонявших гурты во внутренние уезды. Переселенцев привлекали широкие возможности, открывавшиеся в новом неосвоенном краю, слабость и снисходительность властей<sup>3</sup>.

Сызрань быстро развивала свое хозяйство. Рос посад, богатели купцы. Трое из них – Клим Селиванов, Данила и Прохор Рукавкины – даже были приписаны к гостинной сотне – привилегированной купеческой корпорации, члены которой выполняли особо важные государственные поручения: собирали налоги, выполняли крупные поставки для казны<sup>4</sup>.

Торговля сосредотачивалась у стен кремля. В самой крепости в специальном магазине торговали солью. На площади стояли хлебные амбары, торговые ряды. В документе о пожаре 1728 года упоминаются ряды мясной и щепетильный: в первом упомянуто 18 лавок, во втором – 31. Видимо, в переводе на современный язык они представляли собой, соответственно про-

---

<sup>1</sup> Зацаринный С.Г. Сызранцы галантного века. Гл. VII. Темное царство. [Электронный ресурс] URL: <http://www.syzranhistory.ru/put/book28.htm>

<sup>2</sup> Зацаринный С.Г. Сказание о первых сызранцах. Ч. VII. Крепость становится городом. [Электронный ресурс] URL: <http://www.syzranhistory.ru/put/book-1-1.htm>

<sup>3</sup> Зацаринный С.Г. Сказание о первых сызранцах. Ч. VII. Крепость становится городом...

<sup>4</sup> От воевод до комиссаров: Крепость / Указ. соч.

дтовары и промтовары.<sup>1</sup> Много времени сызранские купцы проводили в разъездах. В Астрахани, по данным местной таможни, они в 1724 году зарегистрировали шесть сделок на сумму 418 рублей, в 1726-ом – три, на 855 рублей, а в 1737-ом – уже восемь, на 3018 рублей.<sup>2</sup>

Со второй половины XVIII века Сызранская крепость утрачивает военное значение. Город развивается в качестве торгово-перевалочного пункта на Правобережье Волги и превращается в один из торговых центров Среднего Поволжья.

Торговля носила целенаправленный, посреднический характер. Вот что пишет по этому поводу командированный в 1765 году Комиссией при Сенате подполковник Александр Свечин: «купечества 777 душ, торг имеют рыбной...; также покупают на торгу всякий хлеб... в июне и в половине августа, с приезжающими калмыками, производят мену на скотину и лошадей, отдают кожи, холст и сукна; также и от яицких казаков берут икру севрюжью... севрюгу и сазаны, а некоторые торгуют всякими потребными в сих местах мелочными товарами. Гостинных дворов нет, а бывают в каждую неделю по понедельникам и четвергам торги, ярмарок никогда не бывает же, но токмо июля 8 числа крестьянство с их деревенскими товарами... съезжаются...»<sup>3</sup>. По свидетельству симбирского чиновника Масленицкого, в конце XVIII века торговля хлебом в города Астрахань и Уральск приносила дохода до 20 тысяч рублей<sup>4</sup>.

Между тем в степях около Сызрани происходили значительные перемены. В 1771 году калмыки почти в полном составе бежали за рубеж. Сто лет сызранцы жили бок о бок с ними, вели обширную торговлю – теперь пришлось искать других партнеров<sup>5</sup>.

С екатерининских реформ понятие «купец» стало приобретать новые очертания. Раньше так называли любого человека, занимавшегося торговлей. Теперь вся мелкота стала именоваться мещанами, а в купцы стали записываться в гильдии, объявляя капитал. Существует ли он в реальности, никто не проверял – достаточно было лишь уплачивать ежегодный сбор в размере одного процента.

В реальной жизни граница между объявленными гильдиями и между купечеством и мещанством оказывалась весьма зыбкой. Каждый год приносил свои перемены. Смотришь – уже вчерашний купец записывается мещанином или наоборот. Судьба предпринимателя в России никогда не была легкой. Тот же Михаил Кувшинов, купец второй гильдии, один из крупнейших сызранских богатеев – умер простым мещанином, находясь под судом.

Многие погорели на казенных подрядах. Самые большие деньги крутились в торговле вином и солью. Взяв на откуп кабаки, можно было озолотиться в одночасье: возможности для махинаций открывались безграничные. Именно на этих товарах сделали свое состояние крупнейшие сызранские богатеи Веденисов и Заворотков – лишь эти двое, время от времени, записывались в первую гильдию. Правда, и риск был немалый. Именно за несоблюдение казенных мер угодил на каторгу Иван Седов<sup>6</sup>.

Огромное значение имела для города реформа местного самоуправления. Подведомственные магистрату купцы, мещане и цеховые-ремесленники лоббировали свои интересы. Исторически обделенные землей горожане, наконец, получили земли за Волгой, где могли пасти свои табуны и заготавливать сено. Правда коров и овец все же приходилось пускать в общие с пахотными солдатами стада за дополнительную плату.

Раньше многие пахотные солдаты с удовольствием занимались торгом, не платя при этом сборы в городскую казну. Теперь на радость горожанам контроль над торговлей в городе попал в руки магистрата. Различная подведомственность конфликтующих сторон позволяла правонарушителям из купцов, мещан или цеховых оставаться безнаказанными.

---

<sup>1</sup> Зацаринный С. Г. Сказание о первых сызранцах. Ч. IX. Купцы, чиновники, авантюристы.

<sup>2</sup> От воевод до комиссаров: Крепость / Указ. соч.

<sup>3</sup> Зерцалов А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. Симбирск, 1896. С. 9. // Город Сызрань: Очерки географии, истории, культуры, экономики: Т.1 / Ред.-сост. Е. Г. Мочалова. Науч. ред. д.и.н. П. С. Кабытов. Сызрань, 2008. С. 495.

<sup>4</sup> Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. 1785. Л. 85 // Город Сызрань. Указ. соч. С. 87.

<sup>5</sup> Зацаринный С. Г. Сказание о первых сызранцах. Ч. IX. Купцы, чиновники, авантюристы.

<sup>6</sup> Зацаринный С. Г. Сызранцы галантного века. Гл. VII. Темное царство.

Неожиданно у сызранского самоуправления выявилась еще одна проблема. Городское население обслуживало многочисленные экономические потребности государства: учет, оценка, опись, организация торгов и др. Было это повинностью обременительной и очень ответственной, ведь за ошибку человек отвечал своим имуществом<sup>1</sup>.

Для сызранского магистрата это бремя было двойным: ему приходилось заниматься и делами Канадея. В 1780 году этой бывшей крепости дали статус города, но так как там совершенно не было своего купечества, посланцы Сызрани 16 лет ездили к соседям производить оценки, устраивать торги, пока Канадей не был лишен статуса города, войдя со всей округой в Сызранский уезд<sup>2</sup>.

За следующие полвека приоритеты городского хозяйства не сменились. По-прежнему главными отраслями были торговля хлебом и продуктами животноводства. Нужно только сказать пару слов о речной торговле через Сызрань. «Материалы для истории и статистики симбирской губернии»<sup>3</sup> представляют такие данные: «Пристань в Сызрани касательно отпуска хлебов гораздо важнее Симбирской... Она отличается от Симбирской самими родами отпускаемого хлеба... сведениям VI Округа Путей Сообщения трудно верить [так как цифры занижены. Прим. А. Е.]... сумму отпуска с Сызранской пристани можно считать не менее как в 1 000 000 руб. сер...»<sup>4</sup>.

После 1861 года многие из освобожденных крестьян устремились в город. Тихий мецанский мирок вряд ли смог бы переварить этот приток рабочей силы, если бы не привалившее счастье – железная дорога. Именно ей суждено было превратить этот «медвежий угол» в крупнейший уездный город России. В 1880 году железнодорожный мост, являвшийся крупнейшим в Европе, стал местными «воротами» в Азию. Обошлось все это удовольствие в 7 млн. рублей. Часть подрядов перепала сызранским купцам, но главной была даже не материальная выгода.

Общаясь с передовыми людьми, сталкиваясь с современными технологиями, предприниматели учились вести дела по-новому. Именно в этот период появляются новые купеческие фамилии и мельчают, уходят в небытие многие старые, не сумевшие приспособиться к меняющимся реалиям.

В конце века для нашего города сложилась благоприятная ситуация. Он оказался на пересечении речных и железнодорожных путей, возле богатейшего хлебного района, где производили «белотурку» – особый сорт пшеницы, пользовавшийся огромным спросом. Благодаря Нобелям, которые построили в Батраках огромную нефтеналивную базу, здесь были дешевы нефтепродукты, что делало эффективным применение паровых машин.

На это и сделали ставку купцы новой формации. Пережогины, Стерлядкин, Цветков, Чернухины и Ильин – в руках этих людей накануне революции сосредоточилось годовое производство продукции в 7 миллионов рублей из 7,5 миллионов общегородских. Появились и новые отрасли хозяйства. В 1871 году помещик Воейков основывает асфальтовый завод. Купец Исаакий Гусев в 1908 году строит гвоздильно-проволочный завод, устанавливает нефтяной двигатель для освещения дома и магазина электричеством<sup>5</sup>.

После революции в Сызрани началась промышленная добыча сланцев и нефти. Город из торгово-купеческого превратился в индустриальный. Теперь Сызрань можно назвать купеческой только за ее архитектуру, но это уже другая история.

---

<sup>1</sup> Зацаринный С.Г. Сказание о первых сызранцах. Ч. IX. Купцы, чиновники, авантюристы.

<sup>2</sup> От воевод до комиссаров: Уездный город / Указ. соч.

<sup>3</sup> Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 12, 14-15 / Город Сызрань. Указ. соч. С. 482, 484-485.

<sup>4</sup> От воевод до комиссаров: Уездный город / Указ. соч.

<sup>5</sup> От воевод до комиссаров: Железнодорожный узел / Указ. соч.

**К. В. Сморчкова,**  
аспирант кафедры русского языка  
и методики преподавания русского языка  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза

## АНГЕЛ И ДЕМОН: ДВА ЦВЕТОВЫХ ПОРТРЕТА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»

Роман М. Ю. Лермонтова «Вадим» – первый прозаический опыт писателя. Уже в нем проявилась особенность стиля Лермонтова – психологическая детализация, которая нашла выражение в структуре лирических отступлений, в создании пейзажных зарисовок, портретных характеристик. Значительную роль в создании психологизированного портрета играет лексика цвета. Обратимся к колоративам, применяемым автором для создания образов Вадима и Ольги.

Главный герой романа Вадим являет собой средоточие зла. Чувство мести зародилось в душе Вадима, когда он стал свидетелем разорения и гибели отца, виной которой – помещик Палицын. Показное решение взять на воспитание сестру Вадима [Ольгу – прим. автора] – жалкая попытка Палицына замолить грехи. Гнев Вадима передается и Ольге при встрече: «*Мрачный пламень*»<sup>1</sup> вспыхивает в ее глазах. Кровная связь их проявилась в подлинной полноте. Однако это единение происходило недолго. Причина тому – разное отношение к проблеме мщения и к прощению как к христианской добродетели. Эти глубинные различия находят отражение в избираемой Лермонтовым цветовой палитре. В портретах Ольги и Вадима выражается ответ на главные вопросы романа: Ради чего стоит жить? Стоит ли жить ради мести? Можно ли отказаться от мести? Ради чего стоит отказаться от мести?

Знакомясь с Вадимом, читатель от страницы к странице все отчетливее видит образ дьявола: «широкий лоб его был *желт* как лоб ученого, *мрачен* как облако, покрывающее солнце в день бури; *синяя* жила пересекала его неправильные морщины; губы, тонкие, *бледные*, были растягиваемы и сжимаемы каким-то судорожным движением, и в глазах *блистала* целая будущность»<sup>2</sup>. В образе Вадима читается скрытая мощь и сила. Внутренняя уверенность в святом праве на месть проявляется с первых строк романа. *Бледные* губы и *синяя* жила свидетельствуют о сильнейшем внутреннем напряжении. Вынашивая мысль о мести долгие годы, Вадим в этот момент был очень близок к ее реализации. Ощущение решимости и внутренней концентрации находит здесь выражение. Далее читаем: «И глаза его *блистали* под беспокойными бровями, и худые щеки покрывались *красными* пятнами: все было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем, или, лучше, он владел одною только страстью, – но зато совершенно!»<sup>3</sup>.

Желтый цвет лица («широкий лоб его был *желт*») имеет болезненный оттенок. Его смысл соотносится с тем, что закладывает Ф. М. Достоевский при создании образа искалеченного Петербурга. В древнерусской литературе символика желтого цвета была тесно сопряжена с цветом в иконописи. Желтый и золотой символизировали божественное начало. Однако уже в литературе XIX века происходит движение от божественного значения к мирскому; тогда в семантическое поле вливается и значение болезненности, тоски, душевной неустроенности.

Особый акцент М. Ю. Лермонтов делает на взгляде и улыбке главного героя. Впервые встретившись с Палицыным, Вадим «устремил *яркие черные* глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся *молния*»<sup>4</sup>. Черный цвет исконно олицетворял силы зла. Кроме того, психологи толкуют его как таинственный, скрывающий нечто. Вадим, внешне не проявляющий своего замысла, внутри лелеял идею мщения. Огонь ненависти, кипящий в его

<sup>1</sup> Лермонтов М. Ю. Вадим // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1979-1981. Т. 4. Проза. Письма. 1981. С. 23.

<sup>2</sup> Там же. С. 23-24.

<sup>3</sup> Там же. С. 8.

<sup>4</sup> Там же. С. 9.

груди, языками пламени вырывается во взгляде. Не случайно Лермонтов использует метафору, сравнивая его с молнией. Таким образом, усиливается психологическое напряжение, овладевшее героем в момент встречи с непримиримым врагом. То же мы видим и при встрече с Ольгой: «его *огненный* взгляд в одну минуту высушил слезы, каждая жила ее сердца вздрогнула, дыхание остановилось»<sup>1</sup>. Тяжелый, мощный по силе воздействия взгляд Вадима не мог оставить равнодушной не только хрупкую девушку. В 14 главе перед нами разворачивается картина встречи Вадима с проезжавшим казаком. Взглядом Вадим остановил казака. Лермонтов прямо об этом пишет: «Стой, – сказал он, устремив *мрачный* взор на подъехавшего казака; не знаю, что больше подействовало на последнего, голос или взор? но казак остановился и хотел ухватиться за саблю»<sup>2</sup>.

Вадим часто улыбается, но его улыбка – кровавая. «Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою так крепко, что *кровь* потекла; он похож был в это мгновение на вампира, глядящего на издыхающую жертву»<sup>3</sup>. Вид крови погружает Вадима в особое состояние: «Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были *в крови*... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул *кровавые* капли на землю и вышел»<sup>4</sup>.

Но что мы видим после надлома, произошедшего в его душе от встречи с Ольгой? «Полоса *яркого* света, прокрадываясь в эту комнату, упала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой <...> на *сих* его губах сосредоточилась вся жизнь Вадима, и как нарочно они одни были *освещены*...»<sup>5</sup> Синий цвет, сменивший бледность на лице Вадима, свидетельствует об усиленной внутренней работе. Ф. Шеллинг в своей книге «Философия искусства» имеет в виду только синие символы, когда пишет: «Тишина – состояние, свойственное красоте, как покой свойственен спящему морю»<sup>6</sup>. Это то, чего не хватает Вадиму – красоты и покоя. Он знал: «... чтоб достигнуть рая, надо было перешагнуть через бездну»<sup>7</sup>. И сможет ли теперь Вадим преодолеть ее, познав свет? Лермонтов не находит ответа и потому оставляет роман незаконченным.

Ольга привносит в жизнь Вадима свет. Контраст между их мировосприятием проявляется на разных уровнях, в том числе на уровне языкового выражения. Л. Б. Перльмуттер пишет, что «положительные образы [к которым относится Ольга – *прим. автора*], наоборот, постоянно изображаются светлыми красками, эпитетами светлых тонов»<sup>8</sup>.

При первом же описании Ольги Лермонтов отмечает «щеку, на которой... можно было бы различить мелкий *золотой* пушок»<sup>9</sup>, а далее описывается «*белая* рука». «Ее грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет *белая* рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целою картиной!».

Белый цвет сопровождает Ольгу на протяжении всего романа. При описании пляски подчеркивается «*белизна* ее шеи». Даже при зеленом свете фонаря отмечены «*белые* и гладкие, как снег»<sup>10</sup> груди. Белый цветочень широко используется в христианстве как символ веры, чистоты, истинности и света. Чем чаще и настойчивее Лермонтов акцентирует внимание на белизне Ольги, тем сильнее и ощутимее контраст ее ангельской сути и демонической сути Вадима.

<sup>1</sup> Лермонтов М. Ю. Вадим // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1979-1981. Т. 4. Проза. Письма. 1981. С. 53.

<sup>2</sup> Там же. С. 48.

<sup>3</sup> Там же. С. 28.

<sup>4</sup> Там же. С. 54.

<sup>5</sup> Лермонтов М. Ю. Указ. соч. С. 35.

<sup>6</sup> Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М., 1966. С. 350.

<sup>7</sup> Лермонтов М. Ю. Указ. соч. С. 30.

<sup>8</sup> Перльмуттер Л. Б. Язык прозы М. Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М., 1941. С. 322.

<sup>9</sup> Лермонтов М. Ю. Указ. соч. С. 11.

<sup>10</sup> Там же. С. 12.

Белизну ее рук отмечает и Юрий: «ты одна заменишь мне все другие воспоминанья – дай руку... эта милая рука; – она так *бела*, что светит в темноте...»<sup>1</sup>. Для него она [белизна – прим. автора] символ верности и надежды. Ольга вселяет веру в свет в сердца и Юрия, и Вадима, являет собой путеводную звезду в жизни этих мужчин: «женщина с огненной душой, с душой чистой и *светлой*, как алмаз»<sup>2</sup>.

Контраст, который возникает между образом Ольги и другими образами романа, в частности Вадима, особенно ярко выражен в сцене пляски и последующего оскорбления чести этой благонравной девушки. «Ольга молчала – но вся *вспыхнула*... наконец она взошла: в *малиновом* сарафане, с богатой повязкой; ее *темная* коса упала между плечами до половины спины; круглота, *белизна* ее шеи были удивительны; а маленькая ножка, показываясь по временам, обещала тайные совершенства, которых ищут молодые люди, глядя на женщину как на орудие своих удовольствий»<sup>3</sup>. Вновь автор делает акцент на белизне шеи как символе внутреннего достоинства и чести. Идея мщения Вадима Лермонтов противопоставляет духовное начало, внутреннюю силу и достоинство Ольги.

В сцене поругания над Ольгой читаем: «Она слышала, как стучало ее испуганное сердце, и чувствовала странную боль в шее; бедная девушка! немного повыше круглого плеча ее виднелось *красное* пятно, оставленное губами пьяного старика<...> луч упал на лицо Ольги но ничего не прибавил к ее *бледности*, и *красное* пятно не могло утонуть в его сиянье...»<sup>4</sup>. Красное пятно клеймом горит на бледном плече. Одной цветовой детали оказалось достаточно, чтобы изобразить весь ужас происходящего. Это насильственное прикосновение только подчеркивает ее внутреннюю чистоту и силу. Преодолевая отвращение, она вновь открывается для прекрасных помыслов и чувств.

Наконец, обратим внимание на столь важный с психологической точки зрения элемент образа Ольги, как ее взгляд: «...когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две *искры света* отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда»<sup>5</sup>. Впервые мы встречаемся с Ольгой и сразу отмечаем контраст между бледностью ее кожи, некоторой присущей ей томностью и горящими глазами. В этих глазах – жизнь в многогранном ее проявлении.

Во взгляде проскальзывает сходство с братом: «Ольга хотела что-то сказать, но удержалась; презрение изобразилось на лице ее; *мрачный пламень*, пробужденный в глазах, потерялся в опущенных ресницах»<sup>6</sup>. Но и здесь не может быть отождествления, так как недобрый оттенок ее глаз сразу погас. Блеск во взгляде Ольги выражает жизнь, огонь во взгляде Вадима – смерть.

Анализ лексики цвета, использованной Лермонтовым при создании портретных характеристик Вадима и Ольги, показал, что она является важнейшим изобразительно-выразительным средством при передаче глубоких душевных переживаний и философских исканий главных героев романа, по-разному оценивающих жизнь, но одинаково стремящихся к одному – к счастью, к обретению душевной гармонии.

---

<sup>1</sup> Лермонтов М. Ю. Указ. соч. С. 43.

<sup>2</sup> Там же. С. 91.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 26.

<sup>5</sup> Там же. С. 11.

<sup>6</sup> Там же. С. 23.

*А. С. Соколов,  
доктор исторических наук,  
заведующий кафедрой истории и философии  
Рязанского государственного  
радиотехнического университета,  
г. Рязань*

## **ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД В ПЕРИОД НЭПА (НА ПРИМЕРЕ Г. РЯЗАНИ)**

20-е годы двадцатого столетия в российском периоде советской истории – время борьбы противоположных тенденций: в экономике – рыночной и антирыночной, в политике – либерализации и ужесточения политического режима<sup>1</sup>. Именно в этот период (1921-1929 гг.) осуществлялась новая экономическая политика, проводившаяся после военного коммунизма и гражданской войны. Во время нэпа решался вопрос о выборе между альтернативными путями развития страны: товарно-рыночным и монопольно-государственным. В этот период И. В. Сталин, будучи Генеральным секретарем партии, утверждал свою абсолютную власть над ней и государством, устранял оппозиции внутри РКП(б)-ВКП(б). В результате нэповских реформ сложился своеобразный экономический гибрид сочетания директивного хозяйственного механизма с рыночной самоорганизацией. Вместе с тем реформы не привели к радикальным переменам в политическом строе, не поколебали монополии большевистской партии.

Данные противоречия между политикой и экономикой нашли свое отражение и в развитии Рязани в условиях нэпа. В 1925 г. в Рязани проживало 33,4 тысячи человек. Вместе с пригородами Рязань насчитывала почти 50 тыс. жителей (в 1932 г. уже 64 911 человек). В 1923 г. действовало 223 мелких промышленных предприятия. К середине 1920-х гг. в Рязани было около 3,2 тыс. рабочих и работниц, т.е. 15 % от экономически самостоятельного населения города. Заводы и мастерские города объединялись в производственные тресты: «Кожтрест», «Рязаньпатока», «Спиртоуправление», «Ватный трест». Они подчинялись губернскому Совету народного хозяйства, который имел представительства в Москве и Харькове. Развивалась легкая промышленность. В 1922 г. путем объединения нескольких мелких предприятий была создана обувная фабрика «Победа Октября». Она выпускала 183 тыс. пар сапог в год. В марте 1928 г. была открыта швейная фабрика. Рабочие места на ней предназначались для инвалидов войны и беспризорной молодежи. Самым крупным предприятием пищевой промышленности являлась кондитерская фабрика «Прогресс». Промышленные предприятия города расширялись и модернизировались. На крупнейшем предприятии города – «Рязсельмаше» был оборудован литейный цех. В августе 1927 г. Рязань была присоединена к электрическим сетям МОГЭС, что значительно повысило энергооборуженность промышленных предприятий города.

Летом 1922 г. в Рязани состоялся губернский хозяйственный съезд, наметивший широкую программу восстановления экономики региона. В соответствии с решениями съезда быстро развивалась кустарная промышленность. При губсовнархозе образовался совет по делам кустарной промышленности, в задачу которого входила организация быстрого восстановления бездействующих предприятий. Было открыто много кооперативных артелей, объединений, разных мелких предприятий. В аренду частным лицам были переданы крахмальный завод, мельницы и другие предприятия. В губернии 490 кустарных артелей объединяли 12 528 человек<sup>2</sup>. Это были артели по переработке дерева, кожи, шерсти, рога, металла, артели кружевниц, вышивальщиц и работников художественных промыслов. К концу 1920-х гг. от деятельности промышленных предприятий стали поступать в бюджет города определенные средства.

В 1925 г. самостоятельных хозяев и помогавших им членов семейств насчитывалось примерно 2,6 тыс. Около 100 человек зарегистрировались как «лица свободных профессий». К таковым относились врачи, юристы и лица, имевшие образование и специальную подготовку, но не работавшие в советских учреждениях. Почти 1000 горожан считались прислугой в до-

---

<sup>1</sup> Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX в). М., 2004. С.5.

<sup>2</sup> Города и районы Рязанской области: Историко-краеведческие очерки. Рязань, 1990. С. 67.



мах материально обеспеченных людей (няньками, горничными, кухарками, прачками, истопниками).

Как и вся Советская Россия, жители Рязани в начале 1920-х гг. испытывали трудности с продовольствием. Для того, чтобы приобрести какие-либо продукты на рынке «граждане осуществляли распродажу домашних и прочих товаров»<sup>1</sup>. Местная «Сухаревка» располагалась на Старобазарной площади, на которой шла торговля с рук подержанными вещами. Здесь еще в начале 1930-х гг. Константин Паустовский покупал в результате проигранного пари, «к великой радости Гайдара», присмотренный им старинный барометр у странной старухи, «которая во время дождя надевала на голову абажур». В связи с изданием декретов о продналоге и свободном товарообмене на рынках города стали появляться предметы широкого потребления. Имела место спекуляция спиртом и его суррогатом.

Начало нэпа сопровождалось расстройством финансов, падением покупательной способности рубля, ростом цен. В 1922 г. в Рязани на центральном базаре, появились лица, берущие за размен купюры номиналом 100 млн рублей от 5 до 10 млн рублей. Летом в Рязани были задержаны граждане Фомин и Сазонов при попытке сбыть фальшивые дензнаки достоинством 100 руб. образца 1922 г. Суд приговорил их к одному году тюремного заключения. Постепенно происходило восстановление финансово-кредитной системы. В мае 1922 г. вновь открылось Рязанское отделение Госбанка. Позже возникли Губсельбанк, Рязанский Коммунальный банк. В феврале 1924 г. в Рязани открылась товарная биржа, на которой совершались сделки на сахар, топливо, лес, текстильные товары. В 1924/1925 гг. ее доходы составили 50 тыс руб<sup>2</sup>.

В Рязани, как и по всей стране, в то время существовала безработица. Рабочих мест в городе не хватало. В связи с сокращением штатов совслужащих росла армия безработных. Почти 6 тыс. безработных по официальным документам значились лицами «прочих занятий». Они регистрировались на бирже труда, где получали очень маленькое пособие, а жили за счет собственных огородов и разведения скота. Многие рязанцы уезжали на заработки в столицу.

В годы нэпа активно развивалась кооперация. В городе действовало 28 кооперативных предприятия, в которых состояло 34 тыс. человек. Крупнейшими из них были: «Центральный рабочий кооператив» (Церабкооп), «Рязанский районный союз потребительских обществ» (Рязрайсоюз), «Губернское инвалидное кооперативное объединение (ГИКО). Церабкооп имел гостиницу, столовую-чайную, 11 магазинов и несколько торговых палаток. Рязрайсоюз активно занимался оптовой и розничной торговлей тканями, мясом, рыбой, дровами, мукой. ГИКО имел гостиницу, ряд магазинов, булочное и колбасное производства. В городе находились коммунальные предприятия: бани, паровая мельница.

Рязань являлась административным центром губернии. В городе находились губернские, уездные и городские учреждения. Около 6,7 тысяч рязанцев являлись служащими. Первым лицом в регионе являлся секретарь губкома. В разные периоды нэпа эту должность занимали известные большевики И. В. Дрожжин, И. Л. Райтер, А. Л. Гишинский. Губком партии и губисполком издавали газету «Рабочий клич». Выходили журналы «Наше хозяйство», «Наш опыт», «Просвещение», «Рязанский медицинский журнал». Издавались юбилейные сборники «Красная быль» (1923 г.), «1905 год в Рязанской губернии» (1925 г.), «10 лет Советов в Рязанской губернии (1927г.).

Трудности в стране отражались и на большевистской партии. Осенью 1920 г. началась дискуссия о роли профсоюзов в системе государственных органов советской власти. В РКП (б) появились различные течения: «рабочая оппозиция», группа «демократического централизма», «буферная» группа, ленинская платформа (платформа 10-ти). Партия оказалась на грани раскола. В Рязани сведения о течениях и платформах в партии были получены от представителя ЦК РКП (б), который на пленуме губкома 12 января 1921 г. изложил их содержание и предложил организовать дискуссии в губернии. 28 января в Рязань приехал А. В. Луначарский. Было создано общегородское партсобрание, которое положило начало дискуссии. За ленинскую платформу проголосовало 1000 человек, за Троцкого – 10, за «рабочую оппозицию» – 5, воздержалось – 4 человека.

<sup>1</sup> Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 88.

<sup>2</sup> Рязанская банковская энциклопедия. Рязань, 2010. С. 242.

Благодаря смене экономического курса большевикам удалось удержаться у власти. Однако кризис 1921 г. показал, что партия не была сплоченным организмом, в ее рядах находилось множество чуждых элементов. Началась генеральная чистка внутри правящей партии. В Рязани чистка проходила с августа до конца 1921 г. Рязанский губком создал губернскую комиссию во главе с коммунистами с дореволюционным стажем. Из организации было исключено 1125 человек, выбыло 192 человека, осталось 4265 членов и 839 кандидатов.

В январе 1923 г. проходили выборы в Рязанский городской совет. В его состав выдвинули 117 членов и 48 кандидатов. В том числе от рабочих-железнодорожников ст. Рязань Московско-Казанской железной дороги почетным депутатом был избран Ленин. В январе 1924 г. в связи со смертью Владимира Ильича в Рязани на траурных митингах и собраниях присутствовало 8500 человек. Жители Рязани сожалели о смерти Ленина. Высказывались суждения, что «лучше бы умер Троцкий, но не Ленин, потому что Ленин русский, Троцкий нет»<sup>1</sup>. Центральную улицу города переименовали в улицу Ленина. Тогда же рязанская газета «Рабочий клич» опубликовала постановление профсоюзных организаций Рязани «Построим памятник Ильичу». После смерти вождя обострилась борьба за власть. В правящей партии возникали одна за другой оппозиции. В 1926 г. на собрании партактива Рязани была принята резолюция, в которой отмечалось, что «дискуссия, которую добивается оппозиция внесла бы неправильную дезорганизацию в деловую работу партии». Итоги дискуссии подвела 21-я губернская партконференция (1927 г.). От имени рабочих рязанского завода «Сельмаш» конференции вручили клещи. Представитель рабочих заявил: «Эти клещи должны находиться у секретаря губкома и выдирать из рядов партии оппозиционеров»<sup>2</sup>. После XV съезда партии началась очередная «чистка» в партии. В Рязани оппозиционеры были исключены из ВКП(б), но все они, за исключением 5 человек, подали заявления с просьбой восстановить их в партии. Многие из раскаявшихся получили партбилеты.

Восстановительный период сопровождался оживлением и в культурной жизни города. В июле 1922 г. состоялся первый выпуск учащихся Рязанской государственной художественной школы. К 1923 г. значительно возросло число студентов Института народного образования. В городе начала действовать пехотная школа комсостава. Поздравить выпуск первых командиров (1923 г.) в Рязань приезжал Калинин. В Рязани действовали добровольные общества «Осоавиахим», «Долой неграмотность», «Друг детей», «Союз воинствующих безбожников», «Общество исследователей Рязанского края». В 1920-е гг. большое внимание уделяли развитию профессионально-технического обучения. Были созданы медицинский, педагогический, землеустроительные техникумы. Для повышения образовательного и политического уровня партийных и советских работников открылась губернская партийная школа. Одной из социальных проблем оставалась неграмотность. В 1923 г. из 42 тыс. жителей Рязани грамотными были 29 тыс. Был создан «ликвидационный пункт» где обучали грамоте взрослых. В 1924 г. в Рязани было 7 школ I-ой ступени, и 7 школ-семилеток. В целях борьбы с беспризорностью в 1925 г. в Рязани было создано 12 детских домов, один из которых носил имя Л. Д. Троцкого. Развивалась медицинская помощь населению. В Рязани действовал родильный дом, малярная станция, санитарно-гигиенический музей. Работал театр драмы (1922 г. был открыт постановкой «Спартак»), большой популярностью пользовались выступления коллектива «Синяя блуза». Для многочисленных инвалидов войн создали 4 инвалидных дома. Ветеранов организовывали в кооперативы и артели. В Кремле размещался Государственный областной музей, в 1928 г. в Рязани действовали три клуба.

Сложными и противоречивыми были отношения партии и государства к Церкви. Согласно декрету ВЦИК от 22 февраля 1922 г. в стране началось изъятие церковных ценностей. В целях реализации декрета об изъятии церковных ценностей в Рязанской губернии была создана комиссия, состоявшая из представителей местной партийной элиты. Кампания по изъятию ценностей проходила в достаточно спокойной обстановке. В Рязани собрание прихожан Борисоглебской церкви нашло возможным выделить в пользу голодающих 11 серебряных лампадок, 2 серебряных ковшика, 2 серебряных кадила, серебряные оклады с двух евангелий.

<sup>1</sup> ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 157. Л. 22.

<sup>2</sup> История Рязанского края 1778-2007. Рязань, 2007. С. 195.

В то же время обстановка изъятий привела к потере многих почитаемых икон, таких например, как Муромская икона Божией Матери из Христорождественского собора г. Рязани.

С 1920 по 1922 год Рязанскую кафедру занимал один из лидеров «обновленчества» – архиепископ Вениамин (Муратовский). В августе 1922 г. он разработал тезисы «обновленческой» программы, в которой «Живая церковь» признавались высшими органами церковной власти. Активным борцом с «обновленчеством» в губернии стал епископ Борис (Соколов), назначенный патриархом Тихоном на Рязанскую кафедру. В марте 1924 г. в Рязани собрался обновленческий губернский съезд духовенства, на котором присутствовали 22 человека. В большинстве докладов отмечалось, что общее число обновленческого духовенства и приходов в губернии начало резко сокращаться. Население не принимало сторону обновленцев.

В целях антирелигиозной кампании в Рязани организовывались «комсомольские святки». На предприятиях и в организациях читались лекции на тему «Как живут и умирают боги». В гарнизоне города проводились специальные антирелигиозные часы.

Накануне «великого перелома» произошли изменения в административно-территориальном делении. Постановлением ВЦИК от 12 июля 1929 г. «О составе районов и округов Московской области и их центрах» в Московскую область вошел и Рязанский округ с центром в Рязани. В октябре 1930 г. Рязанский округ был ликвидирован и Рязань стала центром Рязанского района с непосредственным подчинением Москве.

*Л. М. Спиридонова,  
аспирант кафедры всеобщей истории,  
историографии и археологии  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **ПЕНЗЕНСКАЯ КВАРТИРНАЯ КОМИССИЯ В 1812 г.**

Квартирные комиссии были созданы по указу Александра I в 1808 г. Основной их задачей было размещение войск в местах их постоянного расположения или предоставление жилья проходящим воинским командам во время их остановок. В ведении комиссии находился учет всех домов и квартир, в которых могли быть размещены воины<sup>1</sup>. В состав Комиссии входили выборные представители дворянства, купечества и мещанства. Должность председателя занимал полицмейстер. Для ведения документации и учета жилья в штате Комиссии состоял 1 письмоводитель. В начале 1812 г. Пензенская квартирная Комиссия занимала 1 покои в доме купца П. Ф. Баженова. Позже, по истечении года, Комиссия переехала в дом комиссионера А. Куприянова, во 2-й части Рождественской улицы. Предоставление помещений для Квартирной комиссии засчитывалось хозяевам домов как исполнение постоянной повинности<sup>2</sup>.

Механизм работы Комиссии был следующим. Полиция делала запрос о необходимом количестве квартир для размещения различных воинских чинов. После этого Комиссия приступала к распределению жилья<sup>3</sup>. Хозяину дома, куда определялся жилец, выдавался билет с указанием срока, на который предоставлялось жилье, и условия (например: «отвести квартиру с теплом», «без тепла»). Выданные билеты фиксировались в специальных записных книгах. В случае если хозяин был обязан предоставить жилье с теплом, то он обязывался и к поставке дров для отопления помещения. Обычно билет выдавался на срок не больше 1 года, затем, если потребность в жилье сохранялась, то выдавался билет на жительство в другом доме. Но по желанию хозяина дома жильца могли оставить и на больший срок. Так, по просьбе мещанской вдовы М. Петровой у нее был оставлен на постой на 2-й год рядовой С. Капустин. На новый срок Петровой был выдан новый билет<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См., например: ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д.1 . Л. 9.

<sup>2</sup> ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

<sup>3</sup> Там же. Л. 96-96 об.

<sup>4</sup> Там же. Л. 104.

В билете также указывалась и площадь отводимых жильцу комнат. Так, покой, отводимый для постояльца, должен был быть не меньше 80 квадратных аршин, что составляет около 40 квадратных метров<sup>1</sup>. Но, можно предположить, что подобное правило соблюдалось далеко не всегда. Известны случаи, когда жильцы нарушали права хозяев и занимали большую площадь по сравнению с указанной в билете. Так, майор Пензенского полубатальона Ариновский «усильным образом занял те самые покои», в которых проживала вместе со своим семейством хозяйка дома – мещанка Селорядова. В то время как по билету Ариновскому были положены только 4 «пристойные комнаты». К тому же Селорядова отвела ему «сверх того» кладовую и кухню. Ариновский аргументировал свои действия тем, что по его чину ему положены покои, площадью не меньше 4 квадратных сажень, хотя в билете подобных указаний не было. Селорядова обратилась в Квартирную Комиссию для разрешения конфликта. По жалобе хозяйки дома Комиссия освидетельствовала предоставленные Ариновскому покои и признала их «способными». В результате майору пришлось освободить незаконно занятые им комнаты<sup>2</sup>.

Подобный случай произошел и в доме купца Р. Плетнева. Штабс-капитан внутреннего полубатальона Дураков самовольно занял покои хозяина. В результате сам Плетнев был вынужден со всем семейством перейти в небольшую горницу, от чего «претерпевал великую тесноту». В ходе разбирательства жалобы купца Плетнева выяснилось, что хозяин дома в списках Комиссии по ошибке значился неженатым, поэтому его дом и был отведен для постоя штабс-капитана. В итоге штабс-капитану Дуракову был предоставлен другой дом, т.к. в доме Плетнева и так проживало значительное число жильцов<sup>3</sup>.

По решению Комиссии хозяева могли быть и вовсе освобождены от постояльцев по «ветхости жилья», по «бедности» и «по малым размерам» дома.

Несмотря на то, что квартирная комиссия располагала сведениями о наличии свободного жилья в Пензе, некоторые члены Комиссии сами не были обеспечены квартирами. Так, письмоводитель Смольнов, служащий в Комиссии сначала ее открытия, вынужден был снимать жилье при годовом жалованье в 120 руб. И лишь спустя 3 года его службы ему выделили квартиру за р. Пензой в доме купца И. Неудачина<sup>4</sup>.

Следует отметить, что в списках жилья, которыми пользовалась Комиссия при назначении квартир, нередко встречались различные ошибки. Нередко отведенное для постоя жилье оказывалось плохого качества (ветхое, поврежденное). Так, нижние чины Пензенского полубатальона были определены в старые и совсем ветхие квартиры, непригодные для проживания. А некоторые из указанных в билетах домов уже и вовсе не существовали. Как только выяснилась подобная ситуация, воинам было предоставлено другое жилье<sup>5</sup>.

Солдата и офицера никогда не селили на постой в один дом. Так, майора Кононова случайно поселили в дом купца Кузнецова, где с 1809 г. уже проживал рядовой. Когда об этом стало известно, то Кононову предоставили другую квартиру во 2-й части Московской улицы в доме коллежского асессора С. М. Мансырева<sup>6</sup>.

1812 г. – год тяжелых военных испытаний для России – не мог не сказаться и на работе Квартирных Комиссий. Для отражения возникшей угрозы в стране были мобилизованы огромные людские ресурсы. Пензенской Квартирной Комиссии пришлось размещать тысячи рекрут и ополченцев. Так, 3560 рекрут, набранных по 83-му набору, были поселены за Саратовской заставой в овраге за городом в Веселовке и в Кривозерье<sup>7</sup>.

Также в Пензе осенью 1812 г. расположился конный полк и артиллерийская команда Пензенского ополчения. Новый приток воинов вызвал немало проблем с их размещением.

Пензенская полиция не всегда сообщала Комиссии о вновь прибывших ратниках, поэтому ополченцев селили, где придется без разрешения Квартирной комиссии. Известен слу-

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

<sup>2</sup> Там же. Л. 12.

<sup>3</sup> Там же. Л. 23, 28.

<sup>4</sup> Там же. Л. 3.

<sup>5</sup> Там же. Л. 7, 46, 48.

<sup>6</sup> Там же. Л. 5.

<sup>7</sup> Там же. Л. 49, 60.

чай, когда в одном доме одновременно разместили до 15 ратников! В это же время через Пензу проходили и многочисленные рекрутские партии, которым также предоставлялось жилье. Нередко ополченцев селили в те же дома, что и рекрутов. Подобное случалось неоднократно, и это вызывало справедливое недовольство жителей города<sup>1</sup>.

Немаловажной проблемой для Комиссии при размещении ополченцев и рекрут была необходимость селить их компактно, недалеко друг от друга, но на достаточно просторной территории, чтобы воины могли обучаться военному делу.

Для каждой сотни ратников назначалась сборная квартира, где утром и вечером делалась переключка по именному списку<sup>2</sup>. Командиров ополчения для удобства старались селить неподалеку от сборных пунктов. Так, Н. Ф. Кишенскому была отведена квартира во 2-й части Лекарской улицы в доме покойного надворного советника Л. В. Ховрина. Полковнику Л. А. Безобразову первоначально определили жительство в 1-й части Дворянской улицы в доме статского советника Е. П. Чемесова<sup>3</sup>. Но, по просьбе самого Безобразова ему была отведена на квартира поблизости местонахождения его полка – в 1-й части ул. Московской в доме г-на Хрущева. Начальнику артиллерии подполковнику Зимнинскому был отведен дом надворного советника Н. Ф. Матюнина, расположенный в 1-й части Дворянской улицы<sup>4</sup>. Для 76 ратников артиллерийской команды были отведены квартиры во 2-й части города на улицах Предтеченской, Красному Мосту, вверх речки Шелаховки, в Новодрагунской слободе и в Базарной площади, а для производства дел – в Московской улице, в доме купца Александра Татарина<sup>5</sup>. Ратников-артиллеристов селили по 2 человека в один дом.

«Способнейшие» ратники обучались также и барабанному бою под руководством майора Пейкера в Пензенском гарнизоне батальоне<sup>6</sup>. Для обучения были присланы 32 ополченца. Для обучения барабанщиков Комиссия отвела дом купца Ф. П. Алферова, расположенный за р. Пензой. А для квартирования 32 ратников было определено место «по берегу по 2 человека» за Казанским церковью, т.к. рядом с пунктом обучения удобных квартир для проживания воинов не нашлось<sup>7</sup>.

Еще одной задачей Квартирной комиссии было размещение необходимых для армии амуниции, боеприпасов и лошадей. Так, «удобным местом» для хранения 100 пудов пороха посчитали бывшую фабрику купца М. Очкина. Для крашения вновь сделанных лафетов, ящиков и прочих принадлежностей для ополчения был отведен на время покой у бывшего каретного мастера Заузеля, в доме на Лекарской улице<sup>8</sup>.

Также Квартирной комиссией были устроены лазареты для излечения больных ратников и лошадей Пензенского ополчения<sup>9</sup>. Как правило, под лазарет отводился какой-либо «пристойной обывательский дом»<sup>10</sup> или «особенная квартира»<sup>11</sup>. Так, в г. Пензе для лазарета была отведена квартира во второй части Лекарской улицы в доме купца Ивана Неудачина<sup>12</sup>. Необходимая сумма для оплаты помещения, используемого в качестве лазарета, уравнилельно раскладывалась на обывателей<sup>13</sup>. Обязанность отапливать лазареты в холодное время года также возлагалась на горожан<sup>14</sup>. На медикаменты же отводилась особая сумма, которую выда-

<sup>1</sup> Например, 670 ратников конного полка были размещены без санкции квартирной комиссии, что вызвало жалобы жителей. См.: ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 83, Л. 93-93 об, Л.95-97, Л.101.

<sup>2</sup> РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1299. Л. 148.

<sup>3</sup> ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

<sup>4</sup> Там же. Л. 68.

<sup>5</sup> Там же. Л.74-74об.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 316 об-317.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

<sup>8</sup> Там же. Л.80.

<sup>9</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 370; Ф.463. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.

<sup>10</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 278.

<sup>11</sup> РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1299. Л. 148 об.

<sup>12</sup> ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

<sup>13</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 278 об.

<sup>14</sup> Там же. Л. 537.

вал комитет пожертвований<sup>1</sup>. Всего на медикаменты для 1-го и 2-го ополчения было собрано 1837 руб. 50 коп. на 3-хмесяжный срок<sup>2</sup>.

Таким образом, на Пензенскую Квартирную комиссию был возложен очень большой объем работ. В ее обязанности входил не только учет жилья и размещение воинов, а также и отведение мест для хранения боеприпасов и амуниции, устройство лазаретов. В 1812 г. деятельность Комиссии была особенно интенсивной в из-за возросшего числа войск, находящихся в губернии. В связи с этим нередко возникали различные недоразумения. Воины селились на постой без билетов, либо занимали неположенные для них помещения, стесняя хозяев. Но по всем подобным случаям Квартирная Комиссия проводила разбирательства и улаживала конфликты.

*И. Н. Стась,*

*аспирант кафедры истории и культурологии  
Тюменского государственного нефтегазового университета,  
г. Тюмень*

### **ИСТОРИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДА НЕФТЯНИКОВ – ЮЖНЫЙ БАЛЫК**

Создание городов и развитие урбанизационных процессов на территории Ханты-Мансийского округа Тюменской области началось вследствие открытий и разработки огромных месторождений нефти и газа в Западной Сибири в начале 1960-х гг. Министерства и ведомства, которые осуществляли нефтегазовое освоение, стали завозить в регион рабочих со всей страны, что потребовало формирование новой системы расселения. Министерство нефтяной промышленности СССР (Миннефтепром) массово возводило возле месторождений неблагоустроенные поселки рабочих, которые быстро разрастались и вскоре получали статус городов: Сургут, Урай, Нефтеюганск. Однако местные власти, в лице Тюменского обкома КПСС и Тюменского облисполкома, выступили против такой практики градостроительного освоения. Вместе с ведущими градостроительными институтами они принялись разрабатывать систему расселения, которая способствовала бы наиболее рациональной эксплуатации нефтяных месторождений. Было решено осуществлять централизованное расселение в крупных городах, где должны были проживать нефтяники со своими семьями, а непосредственная эксплуатация месторождений должна была производиться вахтовым методом.

В 1966 г. Государственным институтом проектирования городов (Гипрогор) при проектировании Сургут – Ханты-Мансийского промрайона было выявлено три наиболее благоприятные площадки по градостроительным требованиям: Сургутская, Нижневартовская, Южно-Балыкская. Именно на этих площадках было целесообразно развитие трех населенных пунктов в большие города – до 150-200 тыс. жителей<sup>3</sup>. Началось формирование городов Сургут, Нижневартовск и Южный Балык.

Город Южный Балык должен был стать центром расселения рабочих при эксплуатации Южно-Балыкской группы нефтяных месторождений. В 1964 г. были открыты Южно-Балыкское и Правдинское месторождения. В нефтеносный район также входило открытое 5 апреля 1965 г. крупное Мамонтовское месторождение, запасы нефти которого насчитывали 1,4 млрд. тонн. Во второй половине 1960-х гг. началась подготовка к промышленной разработке этих месторождений.

Уже в начале 1966 г. институту ЛенНИИПградостроительства было поручено проектирование города в районе Южно-Балыкских месторождений. Однако проектирование города задерживалось из-за того, что Гипрогор не успевал закончить разработку схему Сургут – Хан-

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1299. Л. 148 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 1395. Л. 446-446 об.

<sup>3</sup> Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1933. О. 1. Д. 18. Л. 37-38.

ты-Мансийского промрайона и не были произведены необходимые инженерно-геологические изыскания<sup>1</sup>.

Только 18 мая 1967 г. Тюменским облисполкомом были утверждены проекты планировки Сургут – Ханты-Мансийского промрайона, разработанные Гипрогором<sup>2</sup>. Был принят вариант централизованного расселения с организацией «трех основных узлов расселения в Сургуте, Нижневартовске и в Южном Балыке». В проекте застройка городов намечалась капитальными многоэтажными домами, а возведение двухэтажных деревянных домов и индивидуальное строительство не предусматривалось. Теперь можно было снова говорить о формировании города Южный Балык.

В январе 1968 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин просил Госстрой СССР обеспечить ускоренное завершение градостроительных проектных работ по городам Сургуту, Нижневартовску и определить местоположение города Южный Балык<sup>3</sup>. В марте 1970 г. Госгражданстрой СССР возложил обязанности головной проектной организации по разработке комплексной проектной документации по жилищно-гражданскому строительству, включая рабочие чертежи и авторский надзор, для города Южный Балык на институт ЛенНИИПградостроительства Госстроя РСФСР<sup>4</sup>. Однако проектирование города снова затянулось в силу того, что генеральные заказчики строительства городов нефтяников в Ханты-Мансийском округе – Миннефтепром и главное нефтяное управление Главтюменнефтегаз – не стремились обеспечить градостроительные институты финансированием.

Лишь 24 мая 1972 г. Тюменский облисполком согласовал эскиз генерального плана города Южный Балык, разработанный институтом ЛенНИИПградостроительства<sup>5</sup>. Согласно проекту, расчетная численность города должна была достигнуть 50 тыс. чел., а на первую очередь строительства (5 лет) – 22 тыс. чел. Генплан города был утвержден облисполкомом 13 октября 1972 г.<sup>6</sup>. Экономическую основу для развития города должны были составить: нефтедобыча, газоперерабатывающий завод, строительная индустрия, строительные организации, лесная промышленность, внешний транспорт.

Площадка для города располагалась в районе строящейся железнодорожной станции Южный Балык на железнодорожной линии Тюмень – Сургут. По функциональному зонированию территории города промышленная зона тяготела к железной дороге, а селитебная зона – к западу от промышленной территории. Жилищное строительство было принято в основном капитальными 5-этажными домами. Тюменский облисполком потребовал, чтобы районом первоочередной застройки становились территории приближенные к железнодорожному вокзалу, с вариантом размещения жилой застройки вдоль железной дороги с усилением композиционной значимости привокзальной площади и магистрали, соединяющей ее с центром. Также предусматривался резерв для размещения временного жилого фонда для строителей. Город должен был иметь полное инженерное оборудование и обеспечение всеми социально-культурными и бытовыми учреждениями.

Но Миннефтепром СССР и Главтюменнефтегаз выступили резко против возведения города. В Главтюменнефтегазе проект генплана Южного Балыка получил твердый отказ во имя развития города Нефтеюганск. Нефтяники обосновывали это решение тем, что следует сосредоточивать силы на тех городах, которые уже строились, но отставали от резкой потребности в жилье<sup>7</sup>. Дело в том, что пока затягивалось проектирование Южного Балыка нефтяники ки самовольно и бесконтрольно застраивали город Нефтеюганск прямо на Усть-Балыкском месторождении нефти. Город фактически становился центром при эксплуатации Южно-Балыкских месторождений, вместо города Южный Балык. Для нефтяников этот сценарий был намного проще, чем возведение нового города. Но руководство Тюменской области было против дальнейшего строительства Нефтеюганска, поскольку город стоял прямо на нефтяном ме-

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4414. Л. 138-141.

<sup>2</sup> Там же. Д. 4465. Л. 28-29.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Л. 185.

<sup>4</sup> Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 80. О. 1. Д. 27. Л. 21.

<sup>5</sup> ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5171. Л. 206-207.

<sup>6</sup> Там же. Д. 5179. Л. 294-295.

<sup>7</sup> История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 157.

сторождении и непригодной для строительства площадке – он занимал островное местоположение на пойменных территориях реки Обь и ее протоки Юганская Обь. Город Южный Балык фактически должен был функционально заменить Нефтеюганск, дальнейшее развитие которого должно было прекратиться.

Однако нефтяники не стали согласовывать генплан Южного Балыка. Нефтеюганск продолжал оставаться базовым городом нефтяного района, а эксплуатация Южно-Балыкских месторождений стала осуществляться вахтами из Нефтеюганска и Сургута. В 1970 г. началась промышленная разработка Мамонтовского месторождения, из-за чего на месте проектируемого города Южный Балык Главтюменнефтегазом был возведен вахтовый поселок Мамонтово, который фактически стал базой для обустройства и эксплуатации Южно-Балыкской группы месторождений. Для постоянного места жительства трудящихся и семей Мамонтово были намечены города Нефтеюганск и Сургут. Однако, отсутствие устойчивых транспортных связей, а также недостаток жилья в базовых городах привело к тому, что уже к 1971 г. Мамонтово стал для большинства трудящихся и их семей поселком постоянного проживания<sup>1</sup>.

В 1972 г. Тюменский облисполком требовал от Главтюменнефтегаза обеспечить квартирами в базовых городах всех семейных трудящихся с детьми, занятых в обустройстве и эксплуатации Мамонтовского месторождения. В то же время облисполком посчитал целесообразным размещение жилого комплекса вахты Мамонтово на территории проектируемого города Южный Балык, который должен был стать районом нового города<sup>2</sup>. Однако строительство города не начиналось, а вахтовый поселок Мамонтово разрастался на том месте, где должен был стоять город. Отказавшись от строительства города, нефтяники в то же время застраивали вахтовый поселок без каких-либо градостроительных норм. Хаотичная застройка осуществлялась балками, палатками, вагон-домами и другим временным и непригодным жильем.

Рядом с поселком Мамонтово стали появляться новые населенные пункты. Один поселок формировался при строительстве Южно-Балыкского газоперерабатывающего завода в 1974-1978 гг., возведение которого все-таки началось, несмотря на то, что нефтяники отказались от строительства города Южный Балык. Поселок получил название, которое должен был иметь город нефтяников – Южный Балык. В 1976 г. рядом был поставлен поселок железнодорожников, получивший название Пыть-Ях.

В 1980 г. под влиянием Миннефтепрома СССР государство отказалось от централизованного расселения в регионе в пользу группового расселения. Нефтяникам было разрешено строить города при месторождениях, в силу чего многие вахтовые поселки стали проектироваться как города. В 1989 г. поселки Мамонтово и Пыть-Ях были объединены в один – рабочий поселок Пыть-Ях, который в августе 1990 г. был преобразован в город окружного подчинения. Впоследствии поселок газовиков Южный Балык стал микрорайоном города Пыть-Ях.

Как справедливо отмечал архитектор С. Н. Лесков, отказавшись от строительства города Южный Балык вблизи Мамонтовского месторождения на свободной территории, Миннефтепром СССР против своей же воли, в силу объективной необходимости пришел к формированию города Пыть-Ях, расположенному непосредственно на нефтяном месторождении<sup>3</sup>. То есть министерство повторило градостроительную ошибку, которая произошла при возведении Нефтеюганска в начале 1960-х гг.

Таким образом, проектирование и строительство города Южный Балык, который, к сожалению, так и не был возведен, а на его месте из разрозненных ведомственных поселков был возведен город Пыть-Ях, показывает, что формирование городов нефтяников в Западной Сибири во многом определялось ведомственными и отраслевыми интересами, которые шли вперекор региональным и городским интересам и нормальной практике градостроительного планирования.

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 814. О. 1. Д. 5053. Л. 24-25.

<sup>2</sup> Там же. Л. 28.

<sup>3</sup> Лесков С. Н. Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах в переходный период (на примере Тюменской области): дис. ... кан. арх.: 18.00.04. Москва, 2000. С. 79.



**В. А. Сухов,**  
*к. фил. н., доцент кафедры литературы и  
методики преподавания литературы  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## ПЕНЗА – РОДИНА ИМАЖИНИЗМА

В жизни и творчестве известного поэта, драматурга, прозаика и мемуариста А. Б. Мариенгофа (1897-1962) Пенза занимает особое место. В нашем городе он дебютировал как поэт-имажинист и теоретик имажинизма.

31 июня 1918 года газета «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» опубликовала информацию о том, что в Пензе вышел в свет альманах «Исход». Мариенгоф позднее в своих мемуарах утверждал: «Имажинизм родился в городе Пензе на Казанской улице. «Исход» – первый имажинистский сборник – был отпечатан в губернской пензенской типографии...»<sup>1</sup>. 12 июня 1919 года в газете «Известия» Пензенского губисполкома была напечатана статья «Имажинизм», автором которой был Анатолий Мариенгоф. К тому времени русский имажинизм уже заявил о себе в Москве скандальной декларацией, опубликованной в газете «Советская страна» в феврале 1919 года. Многие положения мариенгофской статьи, обращенной к пензенцам, почти дословно повторяли ключевые формулировки имажинистской декларации, где содержался призыв: «Передай что хочешь, но современной ритмикой образов»<sup>2</sup>. У Мариенгофа в статье «Имажинизм» читаем: «Пиши о чем хочешь – о революции, фабрике, городе, деревне, любви – это безразлично, но говори современной ритмикой образов»<sup>3</sup>. Мариенгоф подчеркивал, что имажинизм – это искусство новой эпохи, отразившее перемены в сознании и психологии современного человека, живущего в городе. Этим объяснялось его обращение к приему кинематографического монтажа. Впервые было заявлено о зарождении нового модернистского течения и создании первой группы имажинистов именно в Пензе. В обращении к читателям издателя альманаха «Исход» особо было отмечено, что «Художественный клуб», лишенный возможности в настоящее время обособить группу ИМАЖИНИСТОВ (Анатолий Мариенгоф, Иван Старцев, Виталий Усенко), предоставил им место в органе своего большинства»<sup>4</sup>.

В альманахе «Исход» Анатолий Мариенгоф опубликовал подборку из шести стихотворений: «России», «Тело свесили с крыш», «Разве прилично, глупая...», «И опять у проходящих индевел...», «Милая...», «Из сердца в ладонях». Уже первые метафоры его «России» шокирующей эстетикой отвечали духу нарождающегося русского имажинизма: «Чаяния // Твои изрыгают недра, // А ты под нож // Подставляешь живот с отчаяния» (С. 19). Автор здесь использовал прием реализации метафоры, которая лежала в основе популярного в то время лозунга: «Россия – колыбель мировой революции!». Так рождались его строки: «Еще не одна революция// Нячиться будет в твоей зыбке...» (С. 19). Развернутые метафорические уподобления дают возможность автору проследить этапы зарождения «революционного детища»: «Еще зачатъя // Будут на красном ложе, // Еще роды» (С. 19). Уже в этом стихотворении Анатолия Мариенгофа мы видим зачатки характерной для него метафоричности, которая отличала его творчество более зрелого имажинистского периода. Это позволяет говорить о раннем формировании характерных черт мариенгофского стиля. Начинающий поэт-имажинист опробовал здесь и свой коронный прием, который стал для него одним из главных в имажинистский период творчества. Он соединял «чистое» и «нечистое» в образе, создавая шокирующие «имажи». Переосмысляя библейскую легенду о жертвенном агнце, Мариенгоф писал, обращаясь к России: «Разве не ты// Поганую в жертву овцу// Из поганого стада //Отцу принесла»

<sup>1</sup> Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги // Роман без вранья. Роман. Мемуары. М., 2009. С. 323.

<sup>2</sup> Декларация. Манифесты и работы по теории имажинизма // Поэты-имажинисты. СПб. 1997. С. 9.

<sup>3</sup> Мариенгоф А. Имажинизм // Известия Пензенского губернского исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов. (№ 126) 1919. 12 июня. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

<sup>4</sup> Исход. Альманах. Издание художественного клуба. Пенза, 1918. С. 35. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

(С. 19). С характерной для него иронией поэт пародирует революционные лозунги: «тела богатства разделить надо во имя братства». «Революционный» пафос Мариенгофа имел явно пародийный характер, что придавало его образам особую остроту. Стихотворение имеет кольцевую композицию. Обыгрывая иронически идею «чаяния народа», автор так завершает стихотворение, обращенное к «России»: «Разве не ты // Побежденная//Победительницей с поля //Бежала брани? // О доколе же//Россия, доколе, //Пламенем ослепленные // Не увидят, что недра твои изрыгают чаяния» (С. 20). Надо отдать должное дару предвидения, которым обладал Мариенгоф, создавший знаковую для России пророческую метафору: «Скоро к сосцам твоим присосутся // Новые своры народов» (С. 20). С учетом установки Мариенгофа на поэзию, как на шутовство, и на поэта, как на шута, следует воспринимать и его стихотворение «России». Оно стало программным для начинающего имажиниста, стремившегося передать дух бурлящей эпохи в необычных и экспрессивных образах. Не случайно в составе большой подборки стихов Мариенгофа оно было перепечатано в коллективном сборнике «Явь» (1919), который вышел в Москве и собрал под своей обложкой представителей ведущих модернистских течений: символизма, футуризма и имажинизма. Между пензенским альманахом и первым коллективным выступлением московских имажинистов в сборнике «Явь» есть прямая связь. В мариеенгофской подборке, напечатанной в нем, также центральное место занимает стихотворение «России».

Стремление Мариенгофа к эпатажу проявилось и в стихотворении «Тело свесили с крыш» (1917), опубликованном в альманахе «Исход»: «Тело свесили с крыш / В багряной маскере арлекина, / Сердце расклеили на столбах / Кусками афиш. / И душу, с ценой в рублях, / Выставили в витринах» (С. 21). Центральное место здесь занимает метафорический образ поэта, одетого в маскарадную одежду Арлекина. Мариенгоф бунтует против общества, в котором все выкладывается на продажу. Ранние мариеенгофские стихи отличаются лаконизмом и фрагментарностью. Главное для поэта – создать запоминающуюся метафору.

Метафоры «сердце расклеили» «кусками афиш», «душу» «выставили в витринах» были характерны для стиля А. Мариенгофа. Из них сложилось и название первой его книги стихов «Витрина сердца», которая была издана в Пензе в конце 1918 года. Составитель сборника А. Б. Мариенгофа «Стихотворения и поэмы» (2002) А. Кобринский, характеризуя раннюю его лирику, отмечал: «В этой поэтике уже угадывается смелая образность грядущего имажинизма, а впоследствии, в 1920-е годы, ленинградские имажинисты назвали свое издательство «Распятый арлекин». Обложки книг украшал мрачный образ арлекина, распятого на фонарном столбе, на фоне бесконечных окраин»<sup>1</sup>. (В связи с этим интересно отметить такое символическое совпадение. В настоящее время в Пензе, в здании по улице Московской, 34, в котором размещалась частная гимназия Пономарева, сейчас располагается торговый дом со знаковым для имажиниста Мариенгофа названием «Арлекино»).

Стихотворение Мариенгофа «Разве прилично, глупая» (1918) построено на характерной для его имажинистской поэтике антитезе. Поэт с эпатажным вызовом противопоставляет скучному миру пензенских обывателей, в котором «чувства, как старые девы, скупы» и изображенному с помощью метонимии («подагры и плечи»), – романтическую любовную страсть, призывая «Целоваться так бешено / И, как лошадь, вставать на дыбы» (С. 22).

В двух начальных строках стихотворения «И опять на ресницах индевел» (1917) мы встречаем характерный для поэтики Мариенгофа прием соединения «чистого» и «нечистого» в усложненной метафоре: «И опять на ресницах индевел // У проходящих вечерний блуд» (С. 25). Изображение Пензы поздним вечером, когда на улицу выходили проститутки, дано здесь в необычном ракурсе. Лирический герой выступает в роли жертвы урбанизации: «И опять на мое распластанное тело / Город наступил, как верблюд» (С. 25). Интересны конкретные сравнения, которые подбирает молодой поэт: город сравнивается с верблюдом, а небо у него «синело, / Как эмалированное блюдо». Анафора «и опять» придает стихотворению особую выразительность.

Поэтом-шутком Мариенгоф проявил себя и в любовной лирике, если к таковой можно отнести его заключительное стихотворение, состоявшее всего из восьми слов: «Милая, / Нежности ты моей / Побудь сегодня козлом отпущения» (С. 26). Здесь в зародыше намечается то,

<sup>1</sup> Кобринский А. Голгофа Мариенгофа // Анатолий Мариенгоф. Стихотворения и поэмы. М., 2002. С. 9.

что станет определяющим для поэтики имажиниста Мариенгофа: соединение «чистого» и «нечистого» в образе через сближение таких далеких понятий как «милая» и «козел отпущения». Вызванный этим комический эффект соответствовал имиджу поэта-шута. Об этом А. Мариенгоф напишет в своей книге «Буян-остров. Имажинизм», призывая «глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа», утверждая: «Подобные скрещивания чистого с нечистым служат способом заострения тех заноз, которыми...щетинятся произведения современной имажинистской поэзии»<sup>1</sup>.

Дебют пензенской группы имажинистов в альманахе «Исход» не прошел незамеченным. Откликнулся на него А. Малышкин, выступавший в те годы в пензенской печати под псевдонимом «Моряк». 7 сентября 1918 года в газете «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» была напечатана его рецензия «Молодежь». Особое внимание А. Г. Малышкин обратил на стихи Анатолия Мариенгофа и Ивана Старцева, пронизательно отметив: «В смысле формы бунтующая молодежь остается верна себе... Она ищет новые сочетания и новые рифмы»<sup>2</sup>. Судя по рецензии, А. Г. Малышкину импонировала смелость ниспровергателей старой культуры, увлеченных идеями нового искусства.

Таким образом, именно в Пензе произошло творческое становление Мариенгофа – одного из мэтров русского имажинизма и определились многие черты его поэтики: сочетание «чистого» и «нечистого» в образе, имидж поэта-шута, урбанистическая тематика, пародийный пафос и эпатаж. В нашем городе Мариенгоф вместе со своим другом И. Старцевым придумал название нового модернистского течения: «сами себя бесстрашно назвали группой имажинистов». Поэтому мы с полным на то правом можем утверждать: «Пенза – родина имажинизма»<sup>3</sup>.

*О. А. Сухова,  
д.и.н., зав. кафедрой новейшей истории  
России и краеведения  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

## **СТРУКТУРЫ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Одной из ключевых задач российской провинции выступает не просто сохранение самобытности, уникальности социокультурных процессов, успешное противостояние соблазнам глобализации и притяжению мегаполиса. В свое время В. О. Ключевский поставил довольно жесткий диагноз российскому обществу: «В России центр на периферии», по всей видимости пытаясь обратить внимание именно на позицию центра. Но сейчас каждый регион по-своему решает проблему сопротивления периферийности. На наш взгляд, подобное заболевание не грозит тому социуму, который примеры для подражания ищет в самом себе, в своей истории, который самодостаточен. В этом контексте актуализируется практическое, прикладное значение современного краеведения, вписанного в формат новейших достижений в сфере методологии истории. Ведь историю общества по существу можно представить в виде каждодневных жизненных практик человека в их темпоральном измерении, что само по себе связано с определенными ритмами.

Традиция изучения предметно-материальной стороны жизни человечества сложилась достаточно давно<sup>4</sup>. Для первых опытов научного осмысления проблемы были характерны фактографически-описательный подход и повествовательность. При этом исследователи сосредоточивали внимание на внешней стороне жизни, на внешнем рисунке действий, на внеш-

<sup>1</sup> Мариенгоф А. Буян-остров. Имажинизм// Поэты-имажинисты. СПб., 1997. С. 34.

<sup>2</sup> Молодежь// Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 7 сентября.

<sup>3</sup> Мариенгоф А. Роман с друзьями.// Октябрь. № 10. С. 98.

<sup>4</sup> См., например: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни великорусского народа в XVI – XVII вв. М., 1992.

нем выражении человеческих чувств, представлений, взаимоотношений, зафиксированных в устоявшихся формах: обычаях, обрядах, ритуалах.

1. Макро- и микросреда обитания: природа, город, деревня, жилище (в его обращенности вовне, наружу и внутреннее пространство, включая интерьер, мебель, утварь, и т. д.).

2. Тело и заботы о его природных и социокультурных функциях: питание, физические упражнения, гигиена, врачевание, костюм.

3. Обряды перехода – рождение (крещение), создание семьи (свадьба), смерть (похороны).

4. Семья, семейные отношения, межличностные отношения в других микросоциальных группах (профессиональных, конфессиональных и др.).

5. Досуг: игры, развлечения, семейные и общественные праздники и обряды.

Однако бытовая сторона повседневности находила свое отражение в исторических трудах лишь в качестве серьезного дополнения к «большой» истории. Поэтому формирование истории повседневности как отдельного направления научных исследований следует отнести к началу XX века. По устоявшейся традиции ее появление напрямую связывается с деятельностью Анри Берра – основателя журнала «Исторический синтез», на страницах которого были опубликованы работы Марка Блока и Люсьена Февра. Переосмысление глобального объекта исторических исследований, перенос центра тяжести с идеи государства на рядового элемента этой системы, на обычного человека с его каждодневными заботами и тяготами жизни привело к формированию отдельной научной школы – школы «Анналов». Оказалось, что обращение к повседневной истории немотствующего большинства чрезвычайно осовременивает науку о прошлом, так как организация жизненного пространства, культура повседневности выступает прочной связующей структурой, проросшей через средневековье в жизнь современного человека.

В широкий научный оборот термин «повседневность» был введен Фернаном Броделем, представителем второго поколения школы «Анналов». Выдающийся французский историк предложил и свое видение структуры нового направления, сделав его контурами то, что формирует человеческое бытие изо дня в день и постоянно присутствует в обыденной действительности: среда обитания, человеческие потребности и возможности их удовлетворения. Следующим шагом в этом направлении стала актуализация взаимодействия людей, их психологии и поведения, и далее ценностей, правил, исторической памяти. В творчестве представителей школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри и др.) появляется новая детерминанта, связанная с ценностными ориентациями, смысловым содержанием массовых представлений, со стереотипами сознания, опосредованными ментальными структурами повседневности. Интерес исследователей к менталитету указывает на новый этап в формировании историографии повседневности (1920–1980), когда история повседневности сложилась как обособленное направление научных исследований.

В 1970-е гг. направление получает дальнейшее развитие, методологически обогащаясь посредством объединения с микроисторией. Немецкие (Х. Медик, А. Людтке) и итальянские (К. Гинзбург, Д. Леви) историки существенно дополнили неподвижность ментальных конструкций вниманием к частному, единичному в повседневной жизни.

Последние десятилетия XX века характеризуются тенденцией к расширению горизонтов истории повседневности, включающих сегодня как материально-предметные, так и ментальные структуры повседневности в их взаимодействии и взаимовлиянии (А. Гуревич, Г. Кнабе, М. Поляковская, А. Чекалова, А. Ястребицкая, Р. ван Дюльмен и др.).

По получившему широкое хождение определению Н. Л. Пушкаревой, «история повседневности – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, историко-событийных, этнических и конфессиональных контекстах».

Известный немецкий историк Альф Людтке вводит в методологический аппарат этого направления новое понятие – программа «истории повседневности». В его представлении – это концепция изучения прошлого через историю повседневных социальных практик в любых сферах и на всех «этажах» жизни общества, но не только история быта, нравов и личной жизни. Весьма показательна, что история повседневности (как научное направление) возникла в Западной Германии в середине 1970-х гг., вначале как общественное движение, инициирован-

ное «снизу» – на волне интереса рядовых немцев (особенно молодежи) к недавнему прошлому страны. В этой связи можно отметить тот факт, что актуализация истории в общественном сознании россиян становится мощнейшим фактором социокультурного развития России в революционную и постреволюционную эпоху рубежа XX – XXI вв.

Профессиональные историки привнесли в любительскую историю повседневности научную составляющую. Благодаря иному ракурсу рассмотрения исследования буквально переворачивали господствовавшие ранее и казавшиеся незыблемыми научные и общественные представления. К примеру, исследования периода нацизма на локальном уровне выявили добровольное участие многих рядовых немцев в доносах или преследовании своих соседей – евреев, коммунистов и др. во времена фашизма. Откровением стала широкая поддержка нацистского режима со стороны немецких рабочих – вчерашнего оплота мировой революции (эта проблема была исследована А. Людтке).

Правила взаимодействия в определенном сообществе изучает социология повседневности. Концепты социологии повседневности: «практика», «повседневное взаимодействие», «порядок интеракции» (взаимодействия между людьми), «социальная ситуация», «фрейм» (схема действий в реальной ситуации; от англ. – рамка, каркас).

В рамках современной социологии повседневности специально рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений жизни общества, в том числе: пространство обитания в быту; хронометраж будничного и выходного дней, форм досуга и пр.; ролевые функции в различных социальных группах; порядок социализации различных групп; порядок сна; формы питания; ежедневные и праздничные ритуалы, модификации этикета; статусные значения вещей, элементов материального мира и пр.

В условиях значительной социокультурной дискретности российской цивилизации, совершенно особое значение приобретает необходимость самоидентификации провинциального жителя в пространственно-временном континууме его «малой родины». Именно этим целям и служит «описание родины», «родиноведение»! Иллюстративность познания не беда, а уникальность краеведения, ибо в конечном итоге служит не только целям поиска, сбора и хранения информации о прошлом и настоящем, но формирует систему нравственного «восприимства» (В. О. Ключевский), формирует «социальное» в человеке, выражающееся не столько в банальной гордости за достижения земляков и жертвенность, сколько в таких условиях человеческого общежития, при которых каждый индивид сможет чувствовать себя максимально защищенным<sup>1</sup>.

Первоначальным этапом становления краеведения следует считать этнографическое описание, следующая ступенька – изучение «малой» истории в контексте «большой»: при этом, в первую очередь, – социально-экономическая проблематика (история развития социальных и этнических общностей, фабрик и заводов, поземельной общины, колхозов и совхозов, реализация экономической политики государства на местах); и параллельно с этим исследование отражения выдающихся событий в жизни провинции; история государственных учреждений. Теперь настало время смены ориентиров, фактологическая ограниченность краеведения может быть серьезно исправлена посредством обращения к проблематике, связанной с субъективной интерпретацией человеком и социумом происходящего, потому что мотивация человеческого поведения имеет не прямую, а опосредованную связь с объективными факторами, более значимую роль здесь играет система социальных представлений и ментальных характеристик, что, в конечном счете, и определяет социальную активность, поведение социума. Историко-антропологический подход в системе гуманитарного знания сегодня совершенно четко оформился в отдельное, и, пожалуй, магистральное, направление развития всей системы представлений о социуме. Поэтому так важно зафиксировать мнение наших земляков по отношению к самым различным событиям и процессам современности, попытаться ре-

---

<sup>1</sup> В свое время академик Д. С. Лихачев подчеркивал, каким пагубным для исторической науки был период, когда тон в области определения парадигмы общественного знания задавали люди «которые примитивно понимали патриотизм историка лишь как долг восхваления и идеализации прошлого своей родины». См.: Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 419.

конструировать историческую память, память о прошлом нашего края и не только, начиная с XVII века, но и о событиях 2-3 летней давности.

Кроме того, поддержание традиций развития краеведческого движения приобретает сегодня значение защитно-компенсирующего фактора. В условиях сегментарного становления нового информационного пространства, порожденной рыночными преобразованиями иной структуры социальной стратификации, и что, не менее важно, возросшей мобильностью населения, возникает реальная опасность утраты социальной идентичности, чувства принадлежности к своей малой родине, а вместе с этим степень маргинализации духовной культуры российского социума возрастает многократно. Происходит смена ритмов, смыслов, пространственной ориентации, масштабирования повседневной культуры.

В тоже время необходимо помнить, что повседневность есть меняющееся, самоценное настоящее, ориентированное на ближайшее, исчисляемое днями, прошлое и будущее (вчера, позавчера, завтра, послезавтра). В этом отношении важно и наличие дальней временной перспективы, особенно в направлении «настоящее – прошлое». Отсутствие таковой, а, следовательно, и противопоставленность настоящего прошлому и будущему делает невозможным самоопределение, конституирование повседневного.

Осознав это, мы сможем управлять процессом формирования структур городской повседневности. Одним из наиболее эффективных способов актуализации истории родного края, популяризации краеведения как концепта, ориентирующего современного горожанина на сопричастность к прошлому, настоящему и, что самое важное, будущему родного края выступат презентация изучения бытовых подробностей жизни, повседневных поведенческих практик в исторической ретроспективе. Этот подход касается каждого читателя, слушателя и пр., так как неразрывно связан с образами обыденной действительности, каждодневно представленными в сознании индивида и требующими осознания, анализа, сравнения.

Наполнение урбанизированного пространства, в понимании исследователей определяет совокупность элементов городской инфраструктуры: устройство дорог и тротуаров, озеленение улиц, организация водоснабжения, архитектура и т.д. Не менее важны традиционные феномены повседневной истории: тело и забота о нем, профессиональная и производственная повседневность, досуговые и праздничные аспекты, дефиация и т.п.<sup>1</sup>

Повседневность как конгломерат, совокупность вещей (материальных артефактов), но опосредованно как восприятие, как система текстов, в рамках которой формируется определенное пространство – пространство повседневности. Иными словами его можно представить как культурный ландшафт, жизненную среду для отдельной большой или малой социальной группы. Пространство современной нам повседневности структурируется, в том числе, по пластам залегания материальных артефактов. Условно в нем выделяют: дореволюционный, советский и постсоветский.

Сегодня мы являемся свидетелями процесса, находящегося, пожалуй, еще в самом начале своего развития: материальные элементы советской повседневности, как «органический осадок» прежнего культурного слоя, отторгаются современной действительностью. К условиям трансформации городского ландшафта можно отнести как изменение транспортного массива, так и особенности социального восприятия. Так, у «новых русских» отмечается доминанта вертикали, у бедного большинства – горизонтальное осмысление пространства (как простора), и любое уплотнение расценивается как посягательство на жизненную территорию. С другой стороны, архитектурные объекты выступают инерционной составляющей городского ландшафта.

Таким образом, любой объект городской инфраструктуры можно представить как текст, готовый к прочтению и рефлексии. Например, городская улица в советскую эпоху – идеологически-одиозное пространство, в современный период – переход к смысло-жизненным ценностям.

Реконструировать культурные ландшафты уходящих или ушедших эпох позволяют источники личного происхождения. Эго-документы выступают аутентичными свидетельства-

---

<sup>1</sup> Козельчук Т. В., Тершукова Е. В. Проблемы городской повседневности в трудах Государственного архива Курганской области // Вестник архивиста // <http://www.vestarchive.ru/archivovedenie/711--i-n-----hi--->

ми истории повседневности, наиболее репрезентативно отражающими бытийные практики. В частности, в 2013 г. увидела свет удивительная книга – сборник воспоминаний участника Великой Отечественной войны, доктора филологических наук, профессора Кирилла Дмитриевича Вишневого «Пенза и пензяки. Воспоминания о довоенных годах»<sup>1</sup>. Признанный мастер слова, Кирилл Дмитриевич смог уловить неявное, часто неосознанное и понимаемое интуитивно, часто ускользающее, но очень важное в современном мире значение истории повседневности. Так, в своей работе он сетует на то, что привычное для старожиллов самоназвание горожан «пензяк» почему-то превратилось в пензенца: «Вот и я думаю, что речь идет о разных людях. Пензяк – это тот, кто здесь живет. Пензенец – это тот, кто здесь квартирует». «Вот и про нас говорили, что мы, пензяки, «толстопятые», «сапоги на лапти сменяли», свою Суру ненаглядную толчком замесили, а сами от нечего делать “в Москве пензенскую ворону ловили”»<sup>2</sup>.

Городской ландшафт остался в памяти автора образами города-сада, в котором отдельные районы города, утопающие в буйной зелени, обособленные вследствие неразвитости транспортной инфраструктуры, соединялись хлипкими тротуарами: «исчезли с лица земли многие сады, которыми в прежнее время была богата наша Пенза... Большой по городским масштабам Архирейский сад, слава богу, стал хотя бы зоопарком – и то хорошо. А вот находившийся с ним рядом Молокановский сад уже не существует, на его месте разместились улицы Кутузова, Средне-Кутузовская, проезды и переулки.

Нет сада Вередницкого, что тянулся вдоль улицы Подгорной, нет сада Грошевых, дачи Вярвьильского; разрезан на участки знаменитый Ботанический сад; на месте великолепного товарного фруктового яблоневого сада, носившего название ПОС, водружен многокорпусный городок педагогического института»<sup>3</sup>. «...В жаркие летние ночи многие выносили постели во двор, ночевали под открытым небом в этой роскошной душистой траве»<sup>4</sup>.

«А вот тротуары были! Правда, лишь на немногих улицах – мало кто теперь вспомнит узенькие «дорожки» в три сосновые доски; плохо прибитые, они нередко под тяжестью пешехода приподнимались с другого конца...»<sup>5</sup>.

«Летними вечерами перед заходом солнца из пригородного леса, оттуда, где ныне телевизионная вышка, где и в помине не было микрорайона Западная поляна, шли и расходились по дворам разнокалиберные и разномастные буренки. И шли по улице Садовой, мимо совбольницы и Летнего сада...»<sup>6</sup>. «нынешний вход в парк неоднократно передельвался. Он имел ворота – и по обе стороны от ворот калитки и бастиончики, где сидели билетерши, – вход-то стал платный...»<sup>7</sup>.

Есть в сборнике воспоминаний и размышления о жизненных смыслах в их ценностном выражении, о трансформации социального восприятия и о причинах таковой: «Это прежде всего уважение к материальным ценностям, ибо они сделаны своими руками... Не было наглости...

«...положение изменилось, когда хлынул поток иногородних, когда начался массовый исход из деревни...». Адаптация к чужим традициям проходила через отрицание новой среды и ее порядков. К этому можно добавить и войну, которая все перемешала, «выбила наиболее сознательную и дееспособную часть населения»<sup>8</sup>.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы отметить, что одной из важнейших задач современного краеведения выступает необходимость разработки исследовательской программы по изучению истории повседневности и тщательной кропотливой работы по поиску и введению в научный оборот как вещественных, материальных, так и документальных свидетельств о жизни рядового пензенца вчера, сегодня и завтра.

<sup>1</sup> Вишневский К. Д. Пенза и пензяки. Воспоминания о довоенных годах. Пенза, 2013.

<sup>2</sup> Там же. С. 6.

<sup>3</sup> Там же. С. 29.

<sup>4</sup> Там же. С. 30.

<sup>5</sup> Там же. С. 11.

<sup>6</sup> Там же. С. 12.

<sup>7</sup> Там же. С. 16.

<sup>8</sup> Там же. С. 53-55.

## **ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

В современных политических и экономических условиях интеграция России в мировое социокультурное пространство все больше зависит от деятельности регионов. Сегодня динамично развивается мировая практика международного регионального сотрудничества, особенно растет роль межрегиональных контактов. Сотрудничество между российскими регионами, территориальными сообществами и государствами Европы в очень большой степени зависит от регламентации взаимоотношений России и ЕС в целом. До последнего времени весь комплекс этих взаимоотношений регламентировался Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, которое вступило в силу 1 декабря 1997 г.<sup>1</sup> Это соглашение положило начало качественно новым отношениям – отношениям партнерства и сотрудничества после завершения периода «холодной» войны.

На сегодня российские регионы имеют достаточно развитую правовую базу для реализации сотрудничества со странами Европы. Субъекты федерации широко используют такие формы работы, как проведение презентаций собственного экономического и культурного потенциала в наших торговых представительствах за рубежом, расположенных в Москве, посольствах европейских стран, участие в зарубежных ярмарках, организация выставок с международным участием.

Пензенская область, несомненно, имеет достаточно долгую историю экономического сотрудничества со странами Европы, однако усиление роли нашего региона в общей внешней торговле нашей страны стало расти лишь с начала 2000-х гг. Этому есть свидетельство внешнеторгового оборота за отчетные периоды. К примеру, торговыми партнерами Пензенской области в 2004 году являлись 66 стран, при этом экспортные поставки производились в 45 стран, импортные закупки делались в 49 странах. Среди европейских государств наиболее значимыми выступали Германия (величина товарооборота с которой составила 43,6 млн. долл.) и Италия (13,4 млн. долл.). Именно с Италией в следующем 2005 году у нашей области поступательно развивались двусторонние отношения<sup>2</sup>.

Так, 24-25 мая 2005 года в г. Нижнекамске (Татарстан) было проведено VII заседание Российско-Итальянской рабочей группы по созданию промышленных округов в России и по сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса. От Правительства Пензенской области в работе данного форума принял участие начальник отдела внешнеэкономических связей и анализа управления внешних связей В. В. Калошин.

Кроме Итальянской Республики, наш регион уверенно сотрудничает с Великобританией. В течение последних 15 лет Великобритания являлась достаточно важным торговым партнером нашего региона. По данным Приволжского таможенного управления за период 1996-2005 годов импорт из Соединенного Королевства традиционно преобладал над экспортом. В 1996, 1997, 1999 годах объем экспорта в эту страну был равен нулю и близок к нулю в 2000 году. В 2004 и 2005 годах при общем незначительном объеме товарооборота (соответственно 0,5 и 0,7 млн. долларов – с тенденцией к росту) экспорт впервые за 20 лет превысил импорт из данной страны. Из пензенских предприятий наиболее активными экспортёрами в Великобританию за рассматриваемый десятилетний период являлись: ОАО «Маяк» (изделия из древесины), ПФ ЗАО «Фотон» (мебель), ФГУП «Фанерный завод «Власть труда» (фанера клееная), ОАО «Пензкомпрессормаш» (черные металлы). Однако поставляемые партии были сравнительно невелики по объемам.

---

<sup>1</sup> Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией 1994 г.

<sup>2</sup> Информационно-аналитическая справка Правительства Пензенской области «Развитие торговых-экономических отношений Пензенской области с Итальянской Республикой» за 1997-2008 гг.



Следующий, 2006 г. был ознаменован налаживанием взаимоотношений Пензенской области с Финляндией. Так, 6 сентября 2006 г. в праздновании 60-летия Финско-Российской торговой палаты, которое состоялось в Хельсинки, приняли участие заместители Председателя Правительства Пензенской области В. Б. Чарушин и Е. А. Столярова. Во время визита делегация посетила технополис и крупное деревообрабатывающее предприятие Финляндии. Кроме того в Парламенте Финляндии и в Финско-Российской торговой палате состоялись плодотворные встречи, которые в последующем содействовали развитию дружбы, взаимопониманию и расширению торгово-экономического сотрудничества между Пензенской областью и Финляндией.

И уже в следующем 2007 г. с 27 по 29 марта в Хельсинки будет находиться представительная (около 20 человек) делегация официальных и деловых кругов Пензенской области во главе с Губернатором В. К. Бочкаревым. В составе делегации руководители предприятий Пензенской области: ОАО «Пензхиммаш», ЗАО НПП «Мединж», ФГУП «НИИФИ», ОАО «СКБТ», ООО «Пензенский подшипниковый завод», ЗАО «Дера», инновационного научно-технического центра «Техностарт», ЗАО «Фотон», ОАО «Пенздизельмаш», ОАО «Граз», ООО «Мебельная компания «Лером»<sup>1</sup>.

Торговыми партнерами Пензенской области в 2007 г. являлись 67 стран. Кроме Италии и Германии, мы стали сотрудничать с такой центральноевропейской страной как Чехия. По сравнению с предыдущим периодом, рост торгового оборота с этой страной за один только 2007 г. составил 27,2 раза. Чешская Республика на протяжении последних 10-12 лет являлась достаточно значимым торговым партнером Пензенской области. По данным Приволжского таможенного управления и Пензастата внешнеторговый оборот Пензенской области с Чешской Республикой составил в 2007 году 12,3 млн. долл. Это рекордный показатель за последние десять с лишним лет. Однако в 2007 году экспорт в Чехию не производился. Номенклатура импорта из Чехии традиционно состоит из различного промышленного оборудования, электрооборудования, а также автомобилей. Крупнейшие импортеры из Чехии – ОАО «Пензхиммаш», ОАО «Пензкомпрессормаш», ряд строительных организаций Пензы и области. Существенных инвестиций всех видов в экономику Пензенской области из Чешской Республики за последние годы пока не было. Контакты с представителями чешского бизнеса в Пензе в последние годы дают надежду на интенсификацию взаимной торговли и, в частности, на развитие экспорта в Чехию. Дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества с Чехией – одна из приоритетных задач на ближайшие годы.

Нельзя не отметить наличия достаточно развитых торговых отношений с Германией. Ведущие статьи пензенского экспорта в ФРГ составляют такие товары, как барная и садовая мебель (ПФ ЗАО «Фотон»), органические химические соединения (антибиотики) и изделия из древесины (бумага – ОАО «Маяк») и фанера клееная (ОАО «Фанерный завод «Власть труда»). Некоторое колебание по объемам экспортируемых антибиотиков объясняется изменением номенклатуры выпускаемых ОАО «Биосинтез» препаратов. Существуют положительные перспективы по экспорту товаров данной группы в Германию до 2015 года. Названные выше предприятия являются основными экспортерами пензенской продукции на германский рынок. Крупнейшими импортерами немецкого оборудования в регионе являются ОАО «Маяк», ООО «Никофлекс» и ООО «Пивоваренный завод «Самко». Ряд других предприятий промышленности и агробизнеса также периодически производят в ФРГ закупки станков и оборудования, а также племенного скота и пищевого сырья (и отходов) в качестве кормов для животных. Сегодня в регионе действуют 5 предприятий с германским капиталом.

Продолжается реализация двух крупных инвестиционных проектов немецких компаний: с ОАО «Маяк» (окончание технического перевооружения главного конвейера по производству бумажной массы) и двумя его дочерними фирмами с немецким капиталом – ООО «Маяк-Канц» и ООО «Пенза-Декор» (наращивание экспортно-ориентированного производства школьных тетрадей и альбомов, а также обоев). Успешно работают ООО «ТрейГмбХ» – предприятие со 100 % немецким капиталом (производство точной измерительной аппаратуры) и «Нудел-продукт» (макаронные изделия). Более 13 лет работает предприятие с немецким

---

<sup>1</sup> По данным российско-финляндской торговой палаты.

капиталом ЗАО «МТ-Центр», занимающееся поставками и обслуживанием в регионе высокоточного медицинского оборудования<sup>1</sup>.

Свыше 60 % всего объема накопленных иностранных инвестиций в регионе приходится на инвестиции из ФРГ. Таким образом, наряду с развитием торгово-экономических отношений с ФРГ на территории Пензенской области реализуется и инвестиционное сотрудничество с Германией.

В сфере торгово-экономических отношений Королевство Испания является для Пензенской области деловым партнером, с которым, несмотря на достаточно развитые торговые традиции в прошлом, многосторонние взаимовыгодные внешнеэкономические связи находятся лишь в стадии становления. В 1996 г. внешнеторговый оборот с Испанией составлял 2,3 млн. долларов США, причем состоял он целиком из импорта антибиотиков. Объем импорта из Испании всегда был – менее 1 млн. долларов в год. В 2005 г. экспорт в эту страну впервые несколько превысил импорт из нее, и сальдо торгового баланса впервые за 15 лет приняло положительное значение. В 2007 г. торговый оборот региона с этой страной достиг 1,1 млн. долларов, при объеме импорта свыше 0,6 млн. долларов и экспорта – чуть более 0,5 млн. долларов. В Испанию экспортировались небольшие партии таких товаров, как некоторые виды оборудования, воздушные насосы, а также мелкие партии других изделий из черных металлов<sup>2</sup>.

Развитию в вышеуказанных сферах в значительной степени способствовал визит в Пензенскую область в мае 2006 года официальной делегации Посольства Королевства Испании в Российской Федерации.

По данным Приволжского таможенного управления и Пензастата внешнеторговый оборот Пензенской области с Венгерской Республикой в 1997-2007 гг. не превышал 0,5 млн. долларов. В 2005 году он составил всего около 0,4 млн. долларов (в основном, экспорт). В 2006 году данный показатель резко снизился до 79,0 тыс. долларов. В советский же период – до 1991 года включительно – объемы товарооборота региона с этой страной достигали 3-4 млн. долл. ежегодно<sup>3</sup>.

Основным экспортером в Венгрию является сейчас ОАО «Электромеханика». В незначительных объемах поставляло свою продукцию в данную страну также ОАО «Фанерный завод «Власть труда». Номенклатура импорта из Венгрии традиционно состояла из пластмасс и изделий из них, изделий из черных металлов и встречных поставок электрооборудования.

Крупнейшие импортеры из Венгрии – ОАО «Пензхиммаш», ОАО «Электромеханика», некоторые строительные и торговые компании Пензы.

В настоящее время ведутся поиски новых торговых партнеров в Европе.

Например, с 9 по 12 июля 2010 года организован визит делегации Пензенской области в Республику Болгария для переговоров о развитии взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, следует сказать о положительном росте международного торгового сотрудничества Пензенской области в последние два десятилетия. Однако остается очень много проблем.

Во-первых, география сотрудничества ограничена всего несколькими европейскими странами, что не соответствует современному экономическому развитию нашего государства в целом.

Во-вторых, по-прежнему в области остается очень мало конкурентоспособных предприятий и продукции, которая была бы востребована в странах ЕС.

В-третьих, в области отсутствует продуманная рекламная компания нашего региона в странах Европы. Существует острая необходимость в повышении престижа Пензенской области как в надежном партнере.

---

<sup>1</sup> Информационно-аналитическая справка Правительства Пензенской области «Развитие торгово-экономических отношений Пензенской области с Федеративной Республикой Германия» за 1997-2008 гг.

<sup>2</sup> <http://vneshmarket.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=305544> (дата обращения: 21.03.2013).

<sup>3</sup> [http://www.businesspress.ru/newspaper/article\\_mId\\_20644\\_aId\\_480044.html](http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_20644_aId_480044.html) (дата обращения: 24.03.2013).

**Ю. В. Филиппов,**  
*к.и.н., доцент кафедры истории и теории культуры  
Российского государственного гуманитарного университета,  
г. Москва*

## **ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА: ШКОЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ**

Особенностью городских исследований или урбанистики как междисциплинарного и практико-ориентированного научного направления считается сочетание социологических методов анализа и комплексного архитектурно-градостроительного подхода к практическим решениям. Однако в последнее время все большее признание получает понимание города не только как искусственной среды обитания человека, но как культурного и коммуникативного пространства, пространства, в котором через общение между людьми происходит рождение, утверждение и трансляции разнообразных культурных значений и ценностей. Восходящий к работам французского социолога Пьера Бурдьё<sup>1</sup>, впервые разделившего пространство на пространство физическое и пространство социальное, этот взгляд на город сегодня имеет смысл называть культурологическим. Ведь передаваемые пространственными структурами значения отнюдь не исчерпываются функцией имплицитного утверждения социального неравенства, но реализуют самые установки самого разного порядка, обусловленные историческими, религиозными, хозяйственно-экономическими, т.е. в широком смысле культурными, факторами. Сегодня все большее внимание уделяется социально-коммуникативной составляющей городской среды: город стал восприниматься не только как совокупность мест, где комфортно жить, но и как пространство, в котором жить интересно. Для этого оно должно быть определенным образом обустроено – так, чтобы легко было найти свой круг или точнее, свои круги общения. А такие круги формируются как раз на основе общности ценностей или значений, т.е. схожего понимания определенного набора смыслов. Городское пространство, чтобы быть интересным для индивида, должно быть насыщено понятными для него значениями. В таком пространстве он может действовать - ощущать себя субъектом воли, находить единомышленников – чувствовать себя своим. Два типа взаимодействия человека с пространством, возможные в этом контексте, обычно называются культурным освоением и присвоением. Первый состоит в способности понимать сообщения, передаваемые знаками в определенном месте, второй – в действиях по созданию новых сообщений или приданию новых значений уже имеющимся знакам. В последнем случае можно говорить о культурном переприсвоении места, процессе, который иногда способен вызвать целые «культурные сражения» за пространство или место.

Итак, привлекательность городской среды для жизни и деятельности людей определяется не только удачными градостроительными и архитектурными решениями, но и тем, насколько «своим» воспринимают город его жители, наполнен ли он для них личностными смыслами и удастся ли создать для горожан и гостей города атмосферу, благоприятную для общения. Решающее значение для создания такой атмосферы имеет качественная организация коммуникативной составляющей общественных пространств города и продуманный подбор отдельных ее элементов.

Сознательную организацию постоянных коммуникационных площадок для общения граждан, а также поиск, отбор и выбор форм представления информации для размещения в общественных пространствах города мы предлагаем называть информационно-коммуникативным проектированием, а его результат информационно-коммуникативным дизайном территории. Важнейшая, наряду с чисто информационной, задача такого проектирования – инициировать коммуникацию между посетителями общественного места, а в отдельных случаях – создать основу для формирования временных, а в последствии и постоянных локальных сообществ. Основой такой коммуникационной площадки, создающей новую точку

---

<sup>1</sup> Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.-СПб., 2007.

притяжения в публичном пространстве, может стать простая доска объявлений, своего рода уличный блог, доступный для использования различными группами горожан.

Разработка конкретных рекомендаций по созданию инфраструктуры общения в общественных пространствах городе возможна только при условии предварительного изучения действующих механизмов взаимодействия пространственных и социально-культурных факторов, определяющих коммуникацию на избранной территории. Таким образом, разработке собственно информационно-коммуникативного дизайна места должно предшествовать изучение его историко-культурного и коммуникативного потенциала. Историко-культурное описание территории подразумевает прежде всего сбор имеющей отношение к месту информации исторического характера, традиционно используемой в таких культурных практиках как экскурсии, создание путеводителей, краеведческая и воспитательная работа. В данном случае эта информация будет не только содержанием сообщения, но и поводом для организации общения, досуговой деятельности, контекстом для новых сообщений, основой для создания определенной коммуникативной среды. Осуществляемое в ходе культурно-исторического исследования раскрытие знакового, смыслового потенциала места поможет разработать предложения по эффективному «оживлению» этого места в городе, «оживлению», состоящему в его насыщении культурными знаками, актуальными для современников, т.е. без труда воспринимаемых ими, но в то же время актуализирующими в их сознании позитивные установки, связанные с памятью о прошлом, образцами социально и культурно значимого поведения. Итак, сначала изучаются те культурные значения, которые придавали месту или отдельным его составляющим в разные эпохи. Эти значения будут представлять собой некий тезаурус, из которого можно отобрать то, что еще может быть воспринято сегодня. Параллельно анализируются те формы социального поведения и коммуникации, которые уже реализуются в данном месте. На заключительной стадии работы предлагается некий синтез – набор значений, который целесообразно и возможно внедрить в сознание посещающих данное место, и механизмы этого «внедрения», т.е. конкретные действия по преобразованию пространства, ведущие к поставленной цели. Историко-культурное описание территории должно содержать ответы на следующие вопросы: какое место занимала эта территория в культурной и общественной жизни в различные эпохи? как менялось ее восприятие горожанами? какие значения, при помощи каких средств и какими социальными группами были заложены в отдельные ее части? как территория и ее культурное прошлое воспринимаются сегодня?

После историко-культурного анализа места необходимо изучить его актуальные функции в современном пространстве и социальной жизни всего города и его частей, в частности, ответить на вопрос, в какой мере оно является общественным? Для кого оно существует сегодня, и какими еще группами населения могло бы использоваться? Иначе говоря, какова реальная степень доступности этого пространства?

Под общественным или публичным пространством обычно понимаются общедоступные места в городе, в которых осуществляются различного рода интеракции между знакомыми и незнакомыми людьми, разворачивается синхронная и диахронная коммуникация между различными социальными и субкультурными сообществами. Среди городских публичных пространств различаются пространства открытые и закрытые. Основное отличие между ними состоит в намеренности посещения: открытые можно проходить насквозь или мимо, в закрытые нужно направляться специально. Первые устроены по принципу коридора – наряду с посетителями там есть прохожие, во вторые обязательно должен вести вход, отделяющий их от открытых или частных пространств, находящиеся в них люди являются исключительно посетителями. К открытым городским публичным пространствам относятся, как правило, улицы, площади, двory. К закрытым публичным пространствам могут быть причислены музеи, театры, кинотеатры, большие торговые центры (мегаполлы) и вообще, любые магазины.

Методика информационно-коммуникативного анализа и проектирования публичных пространств в городе была апробирована нами на примере территорий, прилегающих к зданиям школ города Москвы. Анализ предшествовал сбору материала, фактически представляющий собой создание источников исследования в форме фотографий, чертежей, схем. Такие источники предназначаются для максимально полного представления объектов, имеющих на изучаемом пространстве, их взаимного расположения и внешнего окружения. Визуальные источники сопровождались подробными описаниями и комментариями – результатами непо-

средственного наблюдения за типами деятельности и коммуникации на каждом участке пространства. Важнейшей частью работы было проведение интервью с учениками, их родственниками, работниками школы и жителями микрорайона, в котором расположена школа. Результаты опросов помогли не только лучше описать практики актуального использования территорий, но и определить возможные пути их трансформаций. Цель собственно анализа коммуникативной составляющей организации территорий заключалась в выявлении пространственных факторов и объектов (сооружений, информационных стендов), благоприятствующих или препятствующих отдельным видам деятельности в изучаемом пространстве, в определении и типологизации связей между субъектами, формами и содержанием наиболее распространенных в изучаемом пространстве типов взаимодействия между людьми.

Проведенное летом-осенью 2012 года изучение нескольких десятков школьных территорий во всех административных округах «старой» (в границах до 1 июля 2012 года) Москвы позволило определить общие принципы развития школьных территорий и найти ряд конкретных приемов их реорганизации и оформления с точки зрения информационно-коммуникативного дизайна. Результаты проекта были обобщены в форме рекомендаций для администрации и учителей московских школ по оптимизации использования и оформления прилегающих к учебным заведениям территорий и близлежащих городских объектов различных типов в образовательных и просветительских целях и направлены в Департамент образования Москвы.

Основные выводы исследования сводятся к следующему. На сегодняшний день у горожан практически полностью отсутствует понимание связи организации и оформления публичных пространств с созданием психологического комфорта и условий для социального и культурного развития жителей. Представления о качестве школьной территории у большинства опрошенных сводятся к обеспечению безопасности школьников и возможности проведения уроков физкультуры на открытом воздухе. В соответствии с этими представлениями территория большинства школ делится на три функциональные зоны: зеленая зона, иногда доступная для прогулок, а иногда закрытая специальными ограждениями, что превращает ее из рекреационной в декоративную; физкультурная зона и площадка для торжественных собраний («линеек»). Последние две могут совмещаться. Из сооружений на школьных территориях кроме спортивных снарядов (турники, брусья) могут быть оборудованы детские площадки (при наличии в школе учеников начальной школы). Иногда на территории школы имеются установленные в советский период памятники погибшим воинам и крайне редко – памятные знаки или скульптурные композиции другой тематики. При этом последние практически полностью утратили свое символическое значение. На территории некоторых школ установлены информационные стенды администраций муниципальных районов. Некоторые школы размещают информацию для родителей своих учеников на собственных информационных стендах. В последние годы по соображениям безопасности территории всех московских школ стали охраняемыми объектами и были обнесены типовыми металлическими заборами, фактически превратившими их в закрытые пространства. И хотя формально территории, расположенные внутри школьной ограды, являются открытыми для посещения во внеучебное время («для жителей близлежащих домов»), о чем информируют специальные объявления, на практике взрослые горожане пользуются, например, школьными спортплощадками очень редко. Для сравнения мы посмотрели ситуацию в подмосковных Люберцах: там школьные территории не огорожены и представляют собой абсолютно открытое, а иногда и просто проходное пространство. Как следствие, эти территории не являются «мертвыми» для города и действительно используются горожанами, но, чаще всего для выгула собак или кратчайшего прохода к цели. Таким образом, в настоящий момент территории школ Москвы с точки зрения города монофункциональны, а их устройство подчинено решению почти исключительно одной единственной задачи – обеспечению безопасности детей. Используемые для этого прямолинейные средства (охрана и ограда) предлагается видоизменить и сделать полифункциональными. Наличие круглосуточной охраны, видеокамер и внешнего ограждения делает возможным организацию на территории школ специализированных комплексов различного рода, например, спортивных тренажеров, учебных огородов, приспособлений для занятий изобразительным искусством и т.д. Перспективным представляется также качественно и количественно иное информационное насыщение школьного пространства. Начать можно было бы с индивидуа-

лизации ограждений, покрасив их, например, в цвета городского или школьного флага. Та же ограда является удобным местом для размещения различного рода социальной рекламы и информации о культурных событиях в городе.

Практическую деятельность по культурно-коммуникативному проектированию и оформлению конкретных школьных территорий должны проводить рабочие группы, в которые кроме представителей администрации и педагогического коллектива, учеников и членов родительского комитета и наблюдательного совета школы, должны включаться консультанты-исследователи – специалисты по организации пространства и социокультурной коммуникации. Почти все виды работ могут выполнять сами школьники и студенты (культурологи, социологи, архитекторы) в рамках различного рода исследовательских и практико-ориентированных проектов. Существенную практическую и финансовую помощь могли бы оказывать родители учеников и жители микрорайонов (вчерашние выпускники школ). Развитие информационно-коммуникативной составляющей в общественных пространствах города очень важно осуществлять на основе принципиально нового подхода к технологиям коммуникации, подразумевающего непосредственное общение и реальную совместную работу самых различных групп населения от муниципальной администрации до учеников.

**В. Н. Чернецов,**

*к.пед.н., заведующий кафедрой теоретических основ  
физического воспитания Пензенского государственного университета;*

**А. М. Васильева,** студентка ИФиС ПГУ  
г. Пенза

### **СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНОЙ И ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В Г. ПЕНЗЕ СРЕДИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

В последние годы в организации и содержании учебного процесса общеобразовательных школ произошли значительные изменения. Это увеличения изучаемых предметов, как в старших, так и в младших классах, широко начали использоваться технические средства и программное обучение, введен единый государственный экзамен и т. д.

Увеличение информационной нагрузки и снижение уровня физической подготовленности школьников привело к тому, что детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья, возрастает из класса в класс.

Школьники 60-70 % свободного времени проводят вне школы, и только 25 % – во внешкольных учреждениях. В досуге детей преобладают в основном занятия статического характера. Формы физического воспитания, предусмотренные школьной программой, составляют в среднем 32 % общей суточной двигательной активности детей, а бытовые движения 18-22 %.

Данные проводимых исследований показывают, что школьные нормативы по физической культуре учащиеся осваивают: девочки – 8 %, мальчики – 21 %.

В настоящее время возникла серьезная проблема не только физического, но и связанного с ним психического здоровья детей. Нарушение гормонального баланса при гиподинамии в организме детей, особенно подростков, приводит их к склонности по формированию таких качеств, как агрессивность, злобность, доминированию примитивных инстинктов. У девочек, как правило – вульгарности.

На сегодняшний день сохранение здоровья подрастающего поколения является задачей государственной важности, так как современные школьники будут составлять основной трудовой потенциал нашей страны. Одним из главных направлений, в настоящее время, является создание условий, способствующих сохранению и укреплению здоровья учащейся молодежи. В нашем городе проводится целенаправленная политика по формированию здорового образа жизни среди учащейся молодежи, по вопросам физического воспитания в соответствии с нормативно-правовыми документами федерального, регионального и муниципального

уровней. Большая роль отводится Управлению образования, образовательным и спортивным учреждениям города.

В связи с этим возникла необходимость проанализировать участие молодежи города в большинстве форм внеурочной работы образовательных и спортивных школ, спортивных сооружений города, лагерей отдыха по занятости детей физической культурой и спортом, в том числе и в проведенных соревнованиях.

К таким исследуемым направлениям мы отнесли оздоровительное, физкультурно-оздоровительное и физкультурно-спортивное направления.

Объектом исследования явились организованные занятия физической культурой и спортом, оздоровительная работа со школьниками во внеучебное время в г. Пензе.

В целях укрепления материально-технической базы образовательных учреждений в области физической культуры и спорта, развития физкультурно-массовой работы, пропаганды здорового образа жизни среди детей при школах функционируют 9 физкультурно-оздоровительных комплексов, таких как: «Атлант» (МОУ гимназии № 13), «Олимп» (МОУ СОШ № 32), «Победа» (МОУ СОШ № 59), «Надежда» (МОУ СОШ № 59), «Мечта» (МОУ СОШ № 67), «Чайка» (МОУ СОШ № 74), «Спутник» (МОУ СОШ № 30), «Айсберг» (МОУ СОШ № 71), «Центральный» (МОУ ЛСТУ № 2). Все эти ФОКи работают при муниципальных образовательных учреждениях средних образовательных школ, лицеев и гимназий. Для организации работы с детьми в физкультурно-спортивных комплексах выделено 70,7 педагогических ставок. В рамках выделенных ставок в спорткомплексах функционируют спортивные секции футбола, большого и настольного тенниса, атлетической гимнастики, волейбола, баскетбола, аэробики и др.

За последние 3 года на 41 % увеличилось количество детей, занимающихся в физкультурно-оздоровительных комплексах. Если в 2008-2009 учебном году занималось 7 800 школьников, то в 2010-2011 учебном году их стало 8 143.

В спорткомплексах «Центральный», «Спутник», «Олимп», «Победа», «Надежда», «Айсберг» созданы условия для занятия спортом детей с ограниченными возможностями. Только в оздоровительных группах по общефизической подготовке в 2010 году занималось 83 ребенка – инвалида, в настоящее время их стало значительно больше.

Работа спорткомплексов разграничена по времени: с 8.30 по 14.00 – проводятся уроки физической культуры со школьниками; с 14.00 по 21.00 организованы занятия школьников в спортивных секциях; с 21.00 по 22.00 – отведено время для жителей микрорайонов.

Следует отметить, что количество детей-школьников занимающихся физической культурой из года в год возрастает более чем на 3,5 %.

Если в спортивных секциях в 2008 году занималось 3 588 учащихся, то в 2009 году их на 350 стало больше, а в 2010 году их насчитывалось уже 4 256 человек.

Цифры свидетельствуют и о том, что уроки физической культуры в школах за последние 3 года дети стали посещать с большим интересом, об этом свидетельствуют данные городского отдела образования, начиная с 1 по 11 классы.

Нужно отметить и то, что спорткомплексы предоставляются для занятий воспитанникам ДЮСШ № 1, 4, 6, 8. На базе спорткомплексов в 2008 году занималось юных спортсменов 655 человек, в 2009 году 898, а в 2010 году 973 учащихся, в 2012 году более 1 500. С каждым годом число юных спортсменов, из числа школьников, увеличивается по занятости различными видами спорта.

С целью повышения двигательной активности учащихся во внеучебное время под руководством учителей физической культуры, тренеров, педагогов дополнительного образования в спорткомплексах при школах проводятся дружеские встречи, соревнования по различным видам спорта, праздники: «Веселые старты», «Дни здоровья» и т.д.

В 2011 году проведено с участием школ города в спорткомплексах 356 спортивных мероприятий и праздников, в 2012 году - 444. В 2011 году участвовало в этих мероприятиях 44 070 учащихся, в 2012 году 57 686 школьников.

Росту занятости детей в спортивных мероприятиях способствовали проводимые в г. Пензе крупные спортивные соревнования, как всероссийского, так и международного уровня, кроме того, городские и спортивные праздники, соревнования, оказывали большое влияние на приобщение детей к физической культуре и спорту.

Только в 2010-2011 учебном году на базе физкультурно-оздоровительных комплексов г. Пензы были организованы и проведены XV комплексная Спартакиада учащихся 8-11 классов школ г. Пензы, по 10 видам спорта; кубок Управления образования г. Пензы «Олимпийские надежды» среди школьников 5-7 классов, по 5 видам спорта; Спартакиада учащейся молодежи. В этом же году проведены традиционные спортивные мероприятия для школьников «Спортивная мозаика», «Спортивная планета в разгаре лета», «Спорт для всех – праздник», «Спортивная смена», «Спортивный калейдоскоп», «Мы – олимпийцы», «Сильные, ловкие, смелые».

С января 2011 года общеобразовательными учреждениями города Пензы начата работа по подготовке учащихся к сдаче нормативов спортивно-технического комплекса «Готов к труду и защите Отечества». 1 030 учащихся, 647 юношей и 383 девушки, получили право носить нагрудный значок. Серебряного значка удостоены права иметь 752 школьника, золотого – 278 учащихся.

Ежегодно для привлечения «трудных» подростков к занятиям физической культурой в городских спортивных сооружениях проводятся презентации спортивных секций с выдачей детям, стоящим на учете в РОВД и в школе, приглашений для посещения занятий в спорткомплексах. Педагоги и тренеры ФОКов проводят совместно с педагогами школ мероприятия, направленные на профилактику асоциального поведения детей, организуют творческие встречи и турниры по различным видам спорта среди подростковых клубов, дворовых команд.

В летний период, и в этом году, в г. Пензе для школьников будут работать загородные, пришкольные и палаточные лагеря. В загородных лагерях начиная с этого года, могут отдохнуть и подростки 16-17 лет, тогда как раньше планка возраста ограничивалась в 15 лет. В этом году в пришкольных лагерях будут отдыхать 7 700 учащихся, а для 15 загородных лагерей приобретено 3 600 путевок за счет средств городского бюджета и будут отдыхать в них около 10 000 детей.

Всего же предполагается, что около 20 000 детей – горожан будут отдыхать с родителями на выезде, в загородных, пришкольных и палаточных лагерях.

Для занятия детей физической культурой и спортом в г. Пензе для летнего периода подготовлены и будут работать 5 дворцов спорта и 6 спортивных комплексов, 6 стадионов и велотрек. Дети могут заниматься в летние каникулы 16 видами спорта. В спортивных сооружениях также будут работать пункты проката спортивного инвентаря, где предполагается занять физической культурой и спортом около 12 000 детей-горожан.

В 2011-2012 учебном году в плавательных бассейнах общеобразовательных учреждений было проведено 48 спортивно-оздоровительных мероприятий, в которых приняли участие 1 523 учащихся, в физкультурно-оздоровительных комплексах – 217 спортивно-массовых мероприятий, в которых участвовало более 40 000 человек.

Несколько лет подряд хорошо работает один из физкультурно-оздоровительных комплексов г. Пензы «Чайка» – любимое место активного отдыха жителей микрорайона «Запрудный», который способствует не только укреплению здоровья детей и взрослых, но и созданию здорового климата в микрорайоне. С момента открытия он находится на балансе МОУ СОШ № 74, в последнее время стал социокультурным центром микрорайона «Запрудный».

Спортивно-оздоровительный комплекс «Чайка» уникален по многим параметрам. В нем созданы все условия для приобщения школьников и родителей к физической культуре и спорту. Хорошая спортивная база, качественный инвентарь, четкая организация, широкий выбор видов спорта, оздоровительных услуг, высокий профессиональный уровень тренерского, преподавательского состава ФОКа «Чайка» превратили это уникальное сооружение в центр физической культуры и здоровья детей и взрослых. В «Чайке» работают следующие спортивные секции: баскетбол, лыжи, легкая атлетика, ушу, греко-римская борьба, аэробика, стрельба, настольный теннис, мини-футбол, большой теннис, фитнес, атлетическая гимнастика.

Особое внимание уделяется работе оздоровительных групп для детей и взрослого населения по методикам В. И. Дикуля, С. М. Бубновского, дыхательной гимнастики А. Н. Стрельниковой, диафрагмального дыхания и др., а также функционирует так называемая «школа здоровья».

Количество занимающихся в спортивных секциях, в оздоровительных группах ФОКа «Чайка» составляет около 550 человек в сутки.



Таким образом, целенаправленная работа, проводимая в г. Пензе по физической культуре и спорту, позволяет широко пропагандировать здоровый образ жизни среди детей и подростков с привлечением родителей. За последние 2 года по г. Пензе на 1,8 % снизились показатели подростковой преступности, уменьшился и % заболеваемости детей в период гриппозных эпидемий. Получили развитие некоторые виды спорта, которые ранее не культивировались в г. Пензе, возросло число школьников, спортсменов – призеров Всероссийских и международных соревнований.

**Т. В. Юрина,**  
*к.и.н., доцент кафедры «История России,  
краеведение и методика преподавания истории»  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **ИЗ ИСТОРИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1920-1930-Е ГОДЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ПЕНЗЫ)**

Время становления молодой советской России отмечено не только формированием новых органов власти, но и попыткой перекраивания модели поведения молодого советского гражданина. Утверждение новой системы ценностей не могло не отразиться на развитии межличностных, брачных отношений, частной жизни россиян.

Новую революционную модель семьи пропагандировал столичный авангард советской молодежи. В основу семьи был положен принцип служения Родине, а новая ячейка общества в перспективе должна была быть «обреченной на разрушение»<sup>1</sup>.

Однако подобные варианты развития семейных отношений встречались чаще в столице, куда по привычке стекались наиболее радикально настроенные элементы. В провинции же дело обстояло иначе. Прежде всего, стоит отметить, что любой провинциальный города России имел тесные связи с деревней. В этой связи основной тенденцией развития семейных отношений в 1920-е годы становится традиционность. В частности, по-прежнему сохраняются патриархальные обычаи знакомства, сватовства и венчания. Основными добродетелями семейной жизни продолжали оставаться верность, многодетность, традиционное распределение хозяйственных ролей в семье. Естественно, в отличие от города, где и женщины, и мужчины были одинаково задействованы на производстве, в деревне в силу хозяйственной специфики приветствовалась многодетность, когда старшие дети являлись полноценными сельскохозяйственными работниками, а развод между супругами даже не рассматривался.

В крупных городах семья рассматривалась как помеха массовому распространению революционных идеалов и ценностей, с позиции официальной идеологии, достижение полноценного общественного статуса достигалось посредством общественной или революционной деятельности, а ориентация на выполнение семейных ценностей, приверженность семейным традициям рассматривалась как проявление культурной отсталости. Массовая пропаганда строилась на противопоставлении семьи и общества, домашнего и общественного хозяйства, семейного и общественного воспитания, семейных и общественных ценностей в целом.

Следствием такой пропаганды стало изменение в сознании, отношение в семье как к патриархальному пережитку. Итогом стало падение престижа брака и рост добровольного безбрачия. Статистические данные позволяют проследить, в среднем на 100 человек приходилось около 53 женатых мужчин и 42 замужних женщины. Пик брачности пришелся на 1920-й год, что являлось показателем компенсации несостоявшихся браков в годы Первой мировой войны. Однако с ростом брачности увеличилось число разводов. В 1925 году на каждые 100 браков в городах приходилось около 41 развода, в 1926 – 47,7, в 1927 – 74,1<sup>2</sup>. Провинция, конечно, «отставала» по этим показателям: в 1927 г. коэффициент разводимости в Москве был 9,3 %, по европейской части России – 2,7 %<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. М. - Пг., 1918. С. 23.

<sup>2</sup> Санитарное состояние населения г. Москвы и Московской губернии в 1925-1928 гг. М., 1930. С. 99.

<sup>3</sup> Там же. С. 135-136.

Надо отметить, что наряду с падением престижа брака произошла девальвация не только ценности семейной жизни, но и ценности родительства. Семейные роли женщины критиковались, принижались, что нашло отражение в мотивах и нормах матримониального и репродуктивного поведения определенной части женщин: «Всю жизнь первая мысль была о ребенке. Только теперь, будучи коммунисткой, охладела к дочери и отдалась общественной работе»<sup>1</sup>.

Изменились критерии в выборе потенциального спутника жизни. Так, прочного брака было необходимо «сходство характеров, взаимное понимание, классовая принадлежность, общая политическая установка, трудовой контакт»<sup>2</sup>.

Великие потрясения и сдвиги в советском обществе в 1930-х гг. не могли не отразиться на советской семье. Именно в это время в политике государства произошел переход от идей радикального переустройства института семьи и сексуальной революции послереволюционного периода к установкам на сохранение семейных ценностей.

Важнейшими принципами семейной идеологии к началу 1930-х гг. были стремление к достижению равенства возможностей мужчин и женщин в профессиональном плане путем освобождения женщин от «бытового рабства», и равенства ответственности в семейной жизни и в родительстве. Однако в условиях первой половины 1930-х гг. такие установки носили во многом декларативный характер, так как жизненные реалии того времени порождали множество факторов, способствовавших дестабилизации семьи и переносу всего груза семейной ответственности на женщин.

В 1930-х гг. шел процесс привлечения женщин на производство. В то же время советское государство не обладало ресурсами для создания системы полного социального обеспечения и постройки достаточной сети детских учреждений. Поэтому резко обострилась проблема детской безнадзорности, наряду со старой проблемой беспризорности детей. Трудные условия жизни первой половины 1930-х годов, дезорганизация общества, занятость женщин на производстве параллельно с неуверенностью в завтрашнем дне из-за распространившейся практики разводов – все это приводило к снижению рождаемости. Хотя уже в конце 1920-х в СССР для беременных и матерей были введены льготы: запрещены ночные работы, утвержден декретный отпуск на 4 месяца, организовывались женские консультации и ясли, все же ситуация с родовспоможением и детскими учреждениями оставалась очень напряженной. Даже горожанки, проживающие в относительно благоприятных условиях в 1930-е гг., уже предпочитали иметь мало детей, что было связано с отходом от ценностей традиционного общества с его потребностью в многодетности<sup>3</sup>.

В 1935 г. был издан закон «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в котором делалась попытка защитить сирот от злоупотреблений опекунов.

В мае 1936 г. правительство издало уже комплексный законопроект об укреплении семьи. Причем, проект закона после обсуждения партийной верхушкой и юристами был опубликован для общенародного обсуждения. Проект был напечатан в газете «Правда» 26 мая 1936 года. Законопроект регламентировал вопросы аборт, разводов, алиментов на детей, расширения сети детских учреждений и пособий роженицам и многодетным. В полтора раза увеличивалось пособие по уходу за ребенком и в два раза – пособие на кормление. Устанавливалось уголовное наказание за отказ в приеме на работу беременной женщины. Работодатели обязывались сохранять за беременной прежнюю зарплату с переводом ее на более легкую работу в последние 6 месяцев. Затруднялась процедура развода в результате требования личного вызова в ЗАГС и отметки в паспортах для обоих разводящихся супругов и повышения платы за регистрацию развода до 50 р. за первый развод, 150 р. – за второй и 300 р. – за каждый последующий. Размеры алиментов повышались до одной трети заработка отсутствующего родителя на одного ребенка, половины на двух и 60 % на трех и более детей; санкция за неуплату алиментов увеличивалась до двух лет лишения свободы. В 1930-е гг. в семейном воспитании детей появлялись новые и возвращались некоторые традиционные элементы. «Перегрузка» социально-политическим воспитанием начинает осуждаться с 1 января 1936 г.

<sup>1</sup> Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М., 1929. С. 145.

<sup>2</sup> Цит. по: Катаев В. П. Квадратура круга. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М., 1971. С. 90.

<sup>3</sup> Антонов А. М. Эволюция норм детности и типов демографического поведения. М., 1986. С. 19-22.

возвращается елка, куклы и сказки. Стала развиваться идеология «счастливого советского детства»<sup>1</sup>.

Перестраивались некоторые патриархальные взгляды на детское воспитание. В этом помогали конкурсы на лучшее воспитание детей, которые стали активно проводиться в городах России в 1935 г. По условиям конкурса в семье должны были выполняться правила санитарной гигиены. Для детей необходимо было иметь отдельное белье, полотенце, организовать детский уголок с игрушками и детскими книгами, создать благоприятные условия для отдыха и учебы. В городе работали специальные бригады, которые должны были обследовать условия жизни детей в семьях и в случае обнаружения ненадлежащего отношения к детям принимать меры. Часто такое вмешательство в частную жизнь оценивалось горожанами резко негативно и бригады не пускали в квартиры. В 1934-35 гг. в Пензе на домах появлялись такие воззвания, написанные инициативными домохозяйками на обрывках бумаги: «Мать! Не забывай об учебе своего ребенка! Не загружай его домашними делами, не посылай его в очередь! Там он учится ругаться, приучается ходить на толкучку и лазить по карманам. Мать, чаще заглядывай в школу и справляйся, как он учится и как себя ведет. Когда твой ребенок придет из школы, накорми его, дай погулять. Мать, позаботься, чтоб твой ребенок ложился не позднее 9 вечера, а вставал в полседьмого утра!»<sup>2</sup>.

Попытка изменить семейные устои окончилась неудачей. Как показала практика, традиционные семейные ценности доказали свою жизнеспособность в период 1920-х, период активного разрушения семейных ценностей. Практика одного десятилетия показала, что именно семья является основой внутреннего порядка, государственной стабильности. Пензенская земля, впрочем, как и другие провинциальные области, не стала полем для экспериментов в области семейных отношений. Традиционные ценности, прочно закрепившиеся в общественном сознании, сохранили базовые ценности традиционного российского общества.

**О. В. Ягов,**

*д.и.н., декан историко-филологического факультета  
Пензенского государственного университета,  
г. Пенза*

### **КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОРОДАХ ПОВОЛЖЬЯ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ)**

Особенностью отечественной кооперации в рассматриваемый в данной статье период являлось сосредоточение подавляющего большинства кооперативов в сельской местности, тогда как, например, в Англии кооперация носила преимущественно городской характер. Поволжье, где 90 % населения проживало в сельской местности, также характеризовалось преобладанием кооперативов, которые обслуживали нужды крестьян.

Однако в городах, особенно в губернских центрах, кооперативы занимали свою хозяйственную нишу и осуществляли производственные и торговые функции.

Уже в начале 1920-х гг. в городах Поволжья начали создаваться общества кустарей и ремесленников или комитеты кустарей-одиночек, которые регистрировались на основе закона от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли»<sup>3</sup>. Эти объединения не хозяйственного порядка создавались для оказания юридической, экспертно-технической и медицинской помощи своим членам<sup>4</sup>.

В Поволжье подобные общества наибольшее развитие получили в Пензенской, Самарской и Саратовской губерниях. По уставу Пензенского общества кустарей и ремесленников его членами могли быть «все желающие, достигшие 18-летнего возраста, проживающие и ра-

<sup>1</sup> Дашибалова И. Н. Образ детства в советском визуальном дискурсе 1930-х гг. <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf>. Дата обращения: 22.04.2011.

<sup>2</sup> Цит по Дашибалова И. Н. Образ детства в советском визуальном дискурсе 1930-х гг. <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf>. Дата обращения: 22.04.2011.

<sup>3</sup> Генкин Д. М. Правовое положение промысловой кооперации // Кустарно-промысловая кооперация в системе народного хозяйства СССР. Сборник материалов к XIV съезду РКП (б). М., 1925. С. 64.

<sup>4</sup> Новая форма организации кустарей-одиночек // Трудовая правда. 1925. 8 декабря.

ботающие в г. Пензе и не использующие наемного труда»<sup>1</sup>. Верховным органом обществ являлся Делегатский Совет. Торговых и промысловых операций общества (союзы) не вели. Уже в 1920 г. был учрежден Самарский союз кустарей и ремесленников под официальным названием «Союз кооперативно-производственных артелей и кустарно-промысловых мастерских». Район его деятельности распространялся на г. Самару и прилегающие селения. По уставу членами Союза могли быть мелкие товаропроизводители, не использующие наемного труда.

«Вестник промысловой кооперации» в 1923 г. писал: «... в некоторых городах потребность в объединении мелких товаропроизводителей так велика, что там почти стихийно возникают Советы городских кустарей, например в Астрахани»<sup>2</sup>.

Необходимость существования Союзов кустарей была продиктована государственной политикой в отношении мелких товаропроизводителей. Так, в августе 1923 г. президиум Саратовского ГИКа опубликовал специальное постановление о взимании квартирной платы с кустарей и ремесленников, размер которой для последних приравнивался к той, что взимали с мелких торговцев, вольнопрактикующих врачей, юристов и актеров. В этой связи Саратовский городской союз кустарей просил ВЦИК приравнять в этом вопросе кустарей, не использующих наемный труд, к группе рабочих и служащих.

Правление Союза в своем обращении в центральные органы власти отмечало, что «... кустарь не является мелким хозяйчиком, – это рабочий, оставшийся без службы по сокращению производства, жертвовавший всем для революции и не понимающий за что власти так относятся к нему»<sup>3</sup>. Стремление Союзов кустарей защитить своих членов способствовало росту авторитета этих нехозяйственных объединений в кустарно-промысловой среде.

В начале 1920-х гг. государственные и кооперативные структуры снисходительно относились к обществам (союзам) и рассматривали их лишь как простейшую форму организации кустарей, которая постепенно подведет последних к «высшим» формам промысловой кооперации. Лишь во второй половине 1920-х гг., после того как Самарский союз кустарей и ремесленников выступил с инициативой созыва Всесоюзного съезда обществ, центральные органы кустарно-промысловой кооперации увидели в этих объединениях конкурента и начали осуществлять на них прямое давление с целью прекращения их деятельности.

Параллельно с Союдами кустарей в рассматриваемом в статье регионе шел процесс создания городских кустарно-промысловых кооперативов. Этому способствовал высокий уровень безработицы, заставлявший горожан искать дополнительные источники заработка. В 1922 г. только по Саратовской губернии было официально зарегистрировано 84 534 безработных, а каждый десятый житель г. Саратова к концу 1923 г. являлся безработным<sup>4</sup>.

Кустари и ремесленники в городах, нередко по собственной инициативе, не дожидаясь решения сверху, создавали союзные объединения с целью защиты своих интересов. Так, по инициативе мелких товаропроизводителей в конце 1924 г. был организован Союз трудовых артелей и кустарно-промысловых кооперативов г. Саратова (Горкустпромсоюз). На 1 марта 1925 г. в его сеть входили 16 кооперативов с 520 членами, но масштабы деятельности Союза были незначительными<sup>5</sup>.

Опыт первых лет работы кустарно-промысловой кооперации в рамках новой экономической политики показал, что дальнейшее ее существование и развитие во многом зависело от реальной государственной поддержки в виде снижения налогового бремени, дешевых долгосрочных кредитов, передачи бездействующих предприятий, снабжения сырьем на льготных условиях и т. д.

Кроме того, кооперативам для дальнейшего развития необходимо было развивать торговые операции путем ускорения обращения рубля, расширения производственной деятельности через увеличение нагрузки кустарей заказами и сокращение накладных расходов.

---

<sup>1</sup> ГАПО. Ф. Р. - 4. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

<sup>2</sup> Подгуг Н. Кустарная промышленность и реорганизация местных органов // Вестник промысловой кооперации (ВПК). 1923. № 5. С. 5.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 8. Л. 215 об.

<sup>4</sup> ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 304. Лл. 52-57.

<sup>5</sup> Отчет о работе за 1924 год. Ко 2-му собранию уполномоченных союза сельскохозяйственной кооперации Нижнего Поволжья «Сарсельскосоюза». Саратов, 1925. С. 19.

Хозяйственно-политический кризис 1923 г. усилил интерес советской власти к кооперации. Этим можно объяснить последовавшие налоговые льготы кооперативным организациям. Уже 7 декабря 1923 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О налоговых льготах для кооперативных организаций», имеющее целью укрепление хозяйственного положения маломощных объединений и вовлечение в кооперативы единоличных промышленников<sup>1</sup>.

От промыслового налога освобождались члены артели, работающие в общей мастерской; размер налога во всех его видах понижался на 50 %, если артель сбывала только продукцию своего производства, и на 25 %, если наряду с этим сбывались изделия некооперированных кустарей.

Постановлением ЦИК и СНК от 20 мая 1924 г. кооперативным организациям предоставлялось право на преимущественное приобретение товаров государственной промышленности, на первоочередное получение кредита со стороны государственных торговых органов. Одновременно устанавливались пониженные ставки по банковским ссудам и налогу с оборота, вводились льготные железнодорожные тарифы, уменьшалась арендная плата за торговые и складские помещения<sup>2</sup>.

Постановлением СНК СССР от 22 июля 1924 г. промысловой кооперации возвращались все предприятия, перешедшие в собственность государства в период с 1918 по 1921 гг.<sup>3</sup> В ноябре 1924 г. постановлением ЦИК СССР кустарные артели и товарищества, входившие в промысловые союзы и сбывавшие через них свою продукцию, освобождались от промыслового налога полностью, если их годовой оборот не превышал 20 тыс. червонных рублей<sup>4</sup>. Особенно важным было освобождение от обложения промысловым налогом внутрикооперативного оборота, что позволяло ликвидировать многократное обложение.

О возрастающем хозяйственном значении кустарно-промысловой кооперации к середине 1920-х гг. свидетельствуют данные, полученные в ходе анализа деятельности Самарской промкооперации. Так, в 1924 г. в Самаре насчитывалось уже 41 кооперативное промышленное заведение с общим числом рабочих 507 чел., что составляло 16 % от общего числа промышленных заведений города<sup>5</sup>.

С ростом народного хозяйства, развитием товарности села, денежной реформой, упрочением связи кооперации с государственной промышленностью были созданы объективные предпосылки к переходу кустарно-промысловой кооперации от торговых и посреднических функций к производственным. В докладе председателя Пензенского Кустарсоюза И. В. Пивоварова на собрании уполномоченных отмечалось: «... на данный момент основной работой союза является производственная сторона и борьба с торговым уклоном артелей»<sup>6</sup>. С этой целью в начале 1925 г. в структуре Кустарсоюза были ликвидированы Сурский и Чаадаевский магазины, торгующие в большинстве своем мануфактурой не кустарного происхождения<sup>7</sup>.

Но в ряде случаев кустарно-промысловая кооперация, наоборот, вынуждена была усиливать торговое начало в своей деятельности. В этом отношении характерным является пример деятельности Союза трудовых артелей и кустарно-промысловых кооперативов г. Саратова. Заведующий коммерческой частью Союза А. Афонин на одном из заседаний правления в начале 1925 г. предложил открыть универсальный магазин в г. Саратове из-за «безразличного отношения к Союзу со стороны потребительской кооперации, которая отказалась сбывать кустарно-промысловую продукцию»<sup>8</sup>.

Деятельность кустарно-промысловых кооперативов протекала в достаточно сложных условиях. На страницах кооперативной печати регулярно обсуждались проблемы, с которыми сталкивались отдельные кооперативы. Так, в одном из номеров журнала «Голос Нижне-Волжского кооператора» анализировалась ситуация, сложившаяся в Саратовской кустарно-

<sup>1</sup> См.: Вестник финансов. Официальный отдел. М., 1923. № 100. С. 8.

<sup>2</sup> Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 140.

<sup>3</sup> ВПК. 1924. № 9.

<sup>4</sup> СЗ СССР. 1924. № 26. Ст. 219; Известия ВЦИК. 1923. 9 декабря.

<sup>5</sup> Статистический ежегодник за 1924 г. Самарская губерния. Ч. 1. Самара, 1925. С. 205-206.

<sup>6</sup> Трудовая правда. 1924. 20 августа.

<sup>7</sup> ЦГАСО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.

<sup>8</sup> ГАСарО. Ф. Р. - 190. Д. 19. Л. 13.

промышленной артели «Картпак», занимавшейся пакетным производством. В частности, отмечалось, что артели не удалось получить ни одного пуда белого древесного картона от местного бумажного треста, так как последний реализовывал его только вагонами и лишь за наличный расчет, что не совпадало с возможностями артели. Как следствие, кооператив вынужден был перейти на использование менее качественного желтого картона<sup>1</sup>.

Вплоть до 1927 г. кустарно-промышленную кооперацию Поволжья периодически лихорадило. Доказательством служит созыв чрезвычайного собрания Саркустпромсоюза в августе 1927 г. На нем было отмечено, что у Союза по-прежнему заемные средства составляют более 9/10 от баланса. Работа правления была признана неудовлетворительной, и оно было переизбрано. О слабом контроле за финансовой отчетностью артелей со стороны Союза свидетельствует тот факт, что в Саратовской артели «Трудовик-шорник» председатель правления И. М. Бугаев нередко в расходных ордерах писал: «расход и сумма», при этом не указывая, на что произведен расход, не говоря уже об оправдательном документе<sup>2</sup>.

Настоящим бичем, поразившим многие артели, были систематические растраты. Так, в Саратовском промышленном товариществе «Терешанский текстильщик» была обнаружена в ходе проверки растрата кооперативных денег в сумме 237 руб.<sup>3</sup>

В 1926/27 хозяйственном году в регионе проводилась кампания по снижению цен на изготавливаемую артелями продукцию. Она была инициирована постановлением СТО, принятым в мае 1926 г. Постановление предписывало снизить на 10 % розничные цены на те товары, в которых ощущался недостаток на рынке. Так как кустарно-промышленная кооперация была тесно связана с государственной промышленностью, то это постановление затронуло и ее.

В ходе обследования кооперативов выяснилось, что правительственные указания не выполняются. Директива Саркустпромсоюза о снижении цен подшивалась с другими документами к делу без просмотра. В Саратове ни одна из обследованных артелей до марта 1927 г. снижением цен не занималась. Наоборот, в артели «Чулкооп» в течение февраля 1927 г. цена на дамские чулки выросла на 20 %. В артели «Жестянщик» правление заявило, что «твердых цен нет, а изделия продаются в зависимости от покупателя и умения продавца»<sup>4</sup>.

Кооперативная организационная форма использовалась советским государством в 1920-е гг. с тем, чтобы с ее помощью ограничить и взять под контроль частную инициативу в кустарно-ремесленной промышленности, осуществив затем с помощью кустарно-промышленной кооперации обобществление мелкотоварного уклада в целях построения единого социалистического хозяйства. Уже во второй программе РКП (б) подчеркивалось, что коммунисты должны стать членами кооперативов и обеспечить направление их деятельности «в коммунистическом духе»<sup>5</sup>.

Но в начале нэпа представители государственных трестов видели в промышленной кооперации лишь мелкого лавочника, «ставящего интересы своего прилавка вровень и даже выше интересов государства», а кооперативную организацию оценивали как частнопроводную<sup>6</sup>. Члены производственных кооперативов рассматривались как представители нетрудовой категории, такое отношение объяснялось тем, что «они пайщики, имеют собственное предприятие»<sup>7</sup>.

В. И. Ленин полагал тогда, что «кооперация мелких товаропроизводителей неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, им дает наибольшую выгоду»<sup>8</sup>.

Поэтому кустарно-промышленная кооперация, контролируемая государством через кооперативные союзы, воспринималась еще как предприятие не вполне «последовательно-

<sup>1</sup> Голос Нижне-Волжского кооператора (ГНВК). 1926. № 14. С. 50.

<sup>2</sup> ГНВК. 1927. № 9. С. 52.

<sup>3</sup> 1925-26 год работали без режима экономии // ГНВК. 1927. № 2. С. 36.

<sup>4</sup> Абрамсон. Снижение цен в кустпромартелях // ГНВК. 1927. № 4. С. 35.

<sup>5</sup> См.: Программа РКП (б) (1919 г.) / Торговля и финансы. Учебное пособие. Вып. III. М., 1927. С. 436-437.

<sup>6</sup> Экономическая жизнь. 1922. 14 января.

<sup>7</sup> Малаховский Е. Новая экономическая политика // Известия Симбирского Губкома РКП (б). 1921. № 1. С. 19.

<sup>8</sup> Ленин В.И. О продовольственном налоге // П.С.С. Т. 43. М., 1963. С. 225.

социалистического типа»<sup>1</sup>. Доказательством тому служит обращение правления Саратовского городского союза трудовых кооперативных артелей и кустарно-промысловых кооперативов в губернский финансовый отдел, в котором руководство Союза просило снять целевой налог с членов кооперативной артели портных г. Саратова, так как последние представляют собой трудовой элемент, не эксплуатирующий чужой труд и работающий в кооперативных мастерских<sup>2</sup>.

Серьезной проблемой на протяжении 1920-х гг. как для государственных, так и для кооперативных органов являлся так называемый лжекооперативный уклон целого ряда кооперативов. Истоки этого явления были заложены самим государством и в частности политикой, делавшей невозможным функционирование частного капитала в легальных экономических условиях.

Современный уральский историк Л. В. Звонарева отмечает, что уже в начале нэпа государственная налоговая политика носила классовый характер, направленный против частного капитала. Так, кооперативы платили 6-8 % с прибыли, а частный предприниматель – 28 %<sup>3</sup>. В конце 1920-х гг. частный капитал оказался в невыносимых условиях. В 1928 г. нэпманы платили налогов в 40 раз больше, чем рабочие и служащие<sup>4</sup>.

Поэтому вполне логично выглядел уход частного капитала из «легального бизнеса» в «теневой» через организацию лжеартелей и использование труда кустарей-надомников.

Санкт-Петербургский историк Ю. В. Братющенко отмечает, что «нэпманы нередко создавали лжеартели и применяли «домашнюю» систему капиталистической эксплуатации «квартирников», то есть рабочих, номинально числившихся самостоятельными производителями в качестве кустарей и ремесленников. В кооперативном движении активизировались лжекооператоры и происходило срастание с частником. Если для борьбы с первыми ужесточались разрешительный порядок их регистрации, налогообложение, контроль за производственной и финансовой деятельностью, то бороться с ложными кооперативами было сложнее, так как они не подлежали контролю со стороны государства»<sup>5</sup>.

Известный исследователь советской промысловой кооперации П. Г. Назаров писал: «В условиях нэпа капиталисты не только не покинули артели, но устремились в них. При большевиках работать в артелях было безопаснее, чем в частных компаниях»<sup>6</sup>. Поэтому в конце 1921 г. в Саратовской губернии около 220 частных предприятий, объединяющих 700 кустарей-одиночек, стали работать под видом кустарных артелей<sup>7</sup>.

Типичный случай описывал Астраханский губком партии, когда арендаторы, отказавшись от аренды, сколотили так называемую инвалидную артель и под ее вывеской арендовали то же предприятие<sup>8</sup>.

О лжекооперативности отдельных кустарно-промысловых объединений местная печать уже писала осенью 1921 г.: «Пройдешь по Пензе, и в глаза тебе бросается обилие кооперативных вывесок, кричащих плакатов «Заря», «Светлячок» и т. п. Начинаем наблюдать ту же печальную картину расцвета лжекооперации, какую мы наблюдали до издания декрета от 20 марта 1920 г. С лжекооперацией необходимо начать самую упорную борьбу и немедленно»<sup>9</sup>.

Проблема лжекооперативного уклона отдельных кооперативных объединений являлась важной для государственных и кооперативных органов на протяжении всего периода нэпа. Это явление, как уже отмечалось, носило закономерный характер, так как частный капитал, вытесненный уже к началу 1920-х гг. из крупной и средней промышленности, мог какое-то время из-за несовершенства законодательства существовать в кооперативной форме. Кроме

<sup>1</sup> Ленин В. И. О кооперации // П.С.С. Т. 45. М., 1982. С. 374.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. Р. - 190. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

<sup>3</sup> Звонарева Л. В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников Урала и Зауралья в условиях новой экономической политики (1921-1927 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. С. 18.

<sup>4</sup> Братющенко Ю.В. Нэп: государство, частник, кооперация // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 9.

<sup>5</sup> Там же. С. 12.

<sup>6</sup> См.: Назаров П. Г. История создания Советской промкооперации. 1920-1923. Ч. 2. Челябинск, 1993.

<sup>7</sup> ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 52. Л. 50.

<sup>8</sup> Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. М., 1978. С. 77.

<sup>9</sup> Трудовая правда. 1921. № 76. С. 3.

того, Главкустпром, призванный координировать деятельность кустарных артелей, не смог в силу своих финансовых затруднений справиться с задачами регулирования кустарного производства, что и позволило частному капиталу проникнуть в систему артелей<sup>1</sup>.

В течение 1923-1925 гг. в Поволжье производилась чистка кустарно-промысловой сферы от лжекооперативов. Проверялось соблюдение уставов при распределении прибыли; выявлялось число лиц, лишенных избирательных прав, в составе правлений. Были произведены ревизии, в ходе которых выяснилось, что около 40 % артелей только формально числились членами промысловых союзов. Ревизия Саратовской городской промысловой кооперативной артели «Чулснаб» показала, что счетоводство в артели запаздывало на пять месяцев. Ее председатель большинство вопросов решал единолично. Во главе производственной комиссии была поставлена жена председателя, которая вместе с мужем ежемесячно получала жалование, тогда как членам артели не выплачивалась зарплата месяцами. Итогом ревизии стала передача материала в прокуратуру<sup>2</sup>.

16 марта 1925 г. на заседании правления Саратовского Горпромсоюза из состава его членов была исключена кооперативная артель чулочников как не отвечающая требованиям Союза и прикрывающаяся кооперативной вывеской<sup>3</sup>.

В журнале «Голос Нижне-Волжского кооператора» была опубликована статья «Торгаши под крылом кооперации», в которой сообщалось, что в г. Петровске имеется кустарно-промысловая артель «Глория». В ее составе было всего шесть человек: торговец-бакалейщик, бывший заводчик, бывший кулак, торговец мылом и лишь один рабочий, который в конечном итоге был исключен из артели. Артель ничего не производила, а лишь использовала льготы, предоставляемые кооперативным организациям<sup>4</sup>.

Лишь с помощью ужесточения законодательства и других репрессивных методов к концу 1920-х гг. удалось выявить и ликвидировать большую часть «лжекооперативов».

В целом можно отметить, что на протяжении всего периода реализации новой экономической политики городские кустарно-промысловые кооперативы способствовали насыщению рынка дешевыми товарами широкого потребительского спроса, уменьшали безработицу в городах, помогали горожанам найти дополнительные источники заработка.

---

<sup>1</sup> Исаев И. А. Проблемы правового регулирования советской многоукладной экономики // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. Сб. статей. М., 1986. С. 171.

<sup>2</sup> ГНВК. 1927. № 5. С. 43-44.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. Р. - 190. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

<sup>4</sup> Торгаши под крылом кооперации // ГНВК. 1928. № 9. С. 48.